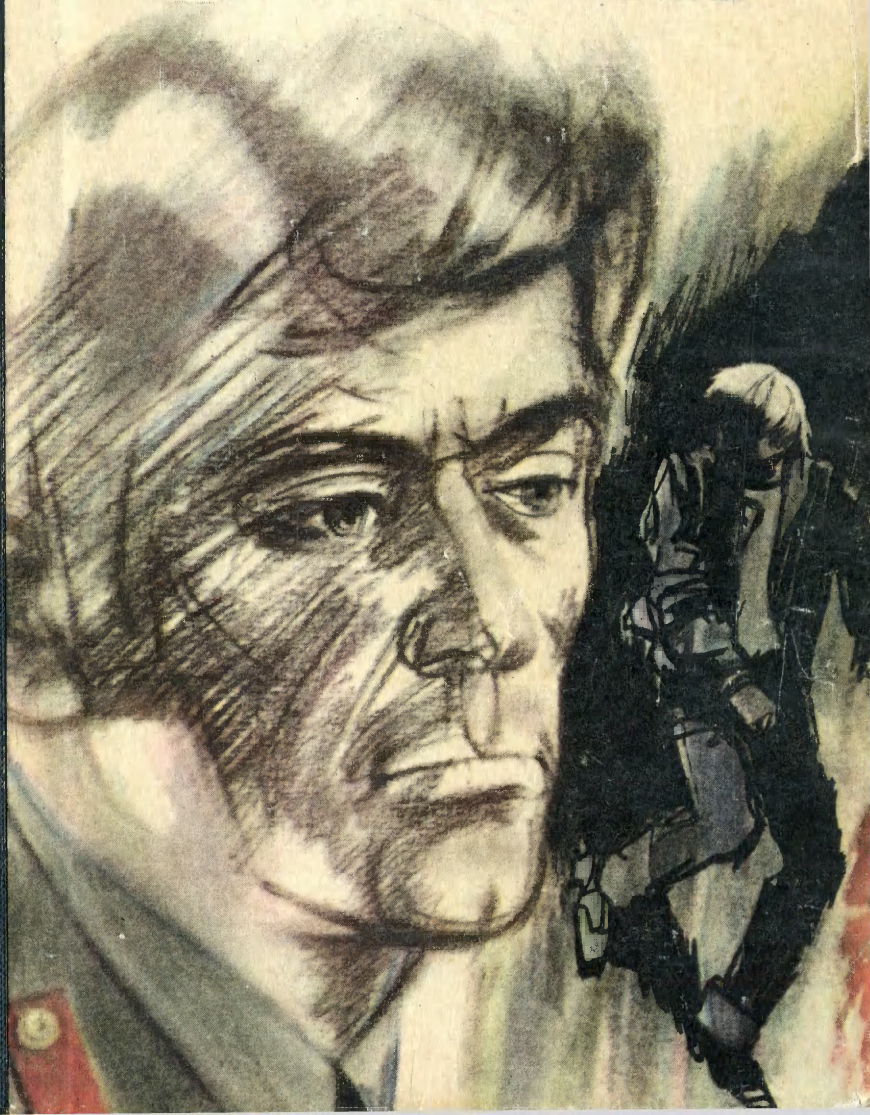

МИХАИЛ ЧЕРНЕНКО

СТАВКА НА ПРОИГРЫШ

Сканировал и создал книгу - vtaKhaHkov

МИХАИЛ ЧЕРНЕНOK

СТАВКА
НА
ПРОИГРЫШ

Москва
«Молодая гвардия»
1980

84Р7
Ч.49

Ч $\frac{70302-163}{078(02)-80}$ Без объявл. 4702010200

КУХТЕРИНСКИЕ БРИЛЛИАНТЫ

Первым посетителем старшего инспектора уголовного розыска Антона Бирюкова в этот день был Слава Голубев. Войдя в кабинет, он по привычке присел на подоконник и словно с обидой спросил:

— Значит, окончательно решил?

Бирюков чуть удивленно посмотрел на него.

— Что, Славочка?

— Большому кораблю — большое плавание.

Антон понял: о его переводе в областное управление уголовного розыска стало известно сотрудникам райотдела.

— Откуда такие сведения?

— Подполковник приказал принять у тебя дела. — Голубев помолчал, наблюдая, какое произвел впечатление на Антона. — Доволен?

— А ты?

— Мне-то какая радость?

— В старшие инспекторы переходишь. Как говорят, растешь на глазах.

— Лучше расти коллективно. — Слава ладонью пригладил непослушный ежик волос. — Только, пони-маешь, сработались, и... Бирюков, видите ли, до разреза понадобился областному угрозыску! Будто у спортсмен-ов — способных людей мигом в высшую лигу перетягивают. Скажи, не так?

— Не расстраивайся. Как только в начальники выйду, наведу в этом деле порядок, — пошутил Антон. — Что мне, до пенсии здесь сидеть? И так пять лет отслужил. Можно сказать, каждого пьяницу в рай-оне знаю.

Голубев, похоже, хотел что-то возразить, но вместо этого только вздохнул и вдруг ни с того ни с сего пере-менил тему разговора:

— Давно в Березовке был?

— С месяц назад. А что?..

— Сегодня пятница, следовательно, впереди два вы-ходных дня. Предлагаю на прощание вместе провести твоих родителей. Говорят, на Потеряевом озере рыбалка мировая.

Бирюков не успел ответить. Послышался короткий стук в дверь. В кабинет тихонько, бочком вошел кривоногий мужичок в измятом костюме и заметно не по размеру больших кирзовых сапогах. Поправив языком вставную челюсть, он неожиданно громко поздоровался:

— Здравия желаю, товарищи офицеры!

— Здравствуйте, Иван Васильевич, — ответил Антон, сразу узнав колхозного конюха Торчкова, прозванного в Березовке Кумбрыком за то, что слово «комбриг», сокращенное от «командир бригады», он произносил как «кумбрык». Торчков смотрел на Антона и безмятежно улыбался. Потом неторопливо снял с взлохмаченной головы старенькую клетчатую кепку, по-утиному переваливаясь с боку на бок, прошествовал от порога к стулу, осторожно сел и, густо дыхнув спиртным перегаром, заговорил:

— Иду мимо милиции, вспомнил, что ты тут работаешь. Думаю, дай зайду к земляку... — Торчков облизнул потрескавшиеся губы. — Беда со мной стряслась. Вчерашним вечером в райцентровский вытрезвитель попался. Только что выпустили оттуда. Пришел у тебя защиты просить...

— Чем же теперь вас защитить?

— Скажи вытрезвительному командованию, чтобы не сообщали в колхоз о моем приключении. Сам знаешь, председатель колхоза Игнат Матвеевич... Кхм... Стало быть, папаша твой за такую забаву по головке не погладит, потому как мужик он в этом отношении очень требовательный... Да и штраф за вытрезвление мне сейчас платить нечем. Пятьсот рублей, какие в кармане имелись, это самое... Уплыли вчера.

— Так много пропили? — спросил Антон.

— Куда там пропили! — Торчков, поморщась, махнул рукой. — Выудил кто-то деньжонки из кармана. Отыщешь — половину тебе за труды.

— За труды нам государство платит. — Антон посмотрел на Торчкова. Зная, что у конюха-выпивохи лишнего рубля за душой никогда не водилось, спросил: — Откуда, Иван Васильевич, у вас столько денег набралось?

— Мотоцикл по лотерее выиграл. А куда он мне?.. Чтоб кататься на нем, документ нужен. А кто мне его даст? Я ж, как известно, кубанцкий кавар... ка-ва-лери-ст. Вот если б добрую лошадь выиграть, тогда б я

на деньги не позарился. Лошадей больше собственной женки люблю. Мне еще на военной службе наш кумбрык говорил: «Ты, Ваня, с лошадьми далеко пойдешь, только...»

— Значит, деньгами получили, — перебил Антон. — И сколько?

— Ровно тысячу отвалили.

— А какой мотоцикл выиграла?

— «Урал» с люлькой.

— По-моему, такой «Урал» полторы тысячи стоит, — сказал молчавший до этого Голубев.

— Так с меня комиссионные содрали.

— Какие комиссионные?

— Сказали, пересылка шибко дорого стоит. Сотня три, не меньше. Да еще какие-то расходы, кто их знает...

Бирюков переглянулся с Голубевым.

— Вы где деньги получали, Иван Васильевич?

— У вас тут, в райцентровской сберкассе, возле базара.

— Номер и серию лотерейного билета не помните?

— Цифры? — Торчков растерянно моргнул. — Так, Антон Игнатьич, если бы моя голова цифры запоминала, разве ж я конюхом в колхозе работал? Я б тогда бухгалтером на производстве устроился.

— Может, помните, когда получали деньги? — сдерживая улыбку, спросил Антон.

— Аккурат в тот день, как бабку Гайдамачиху в больницу привозил по приказанию папаши твоего.

— Когда это было?

— Пожалуй, больше месяца назад... В начале августа.

— И за месяц половину тысячи истратили?

— Так деньги, они ж как вода...

— А не водочка?.. — зная равнодушие Торčkова к спиртному, улыбнулся Бирюков.

Торчков обиделся:

— Пошто, Игнатьич, непременно водочка? Зубы новые вставил. — Он широко ощерился: — Во... Хоть сегодня женись! — И хлопнул рукой по голенищу сапога. — Еще кирзухи новенькие в сельмаге отхватил да радиоприемник, который на ремне можно носить.

— Это и все покупки?

— А что, мало?.. Если б я сто тысяч, к примеру, получил, тогда б для потехи аэроплан мог купить.

А полтысячи по моему широкому размаху в жизни мигом уплыли. Остатки женка сговорила на сберкнижку пристроить. Первый раз в жизни послушался бабу, так оно, видишь, каким фокусом вышло...

Бирюков подумал, что если Торчков не врет, то, видимо, кто-то из работников сберкассы ловко обманул простоватого деревенского выпивоху. Поэтому опять спросил Торчкова:

— Кто выдавал вам деньги в сберкассе?

Торчков как будто растерялся, недоуменно пожав плечами, ответил:

— Деваха какая-то.

— Как она выглядит?

— Нормально. Деваха как деваха.

— Молодая?

— Не молодая и не шибко старая.

— Блондинка, брюнетка?

— Это каким образом по-простому понимать? Крашенная, что ли?

— Ну, светлая... темная?

На лице Торчкова появилась откровенная растерянность. Уставясь взглядом в пол, он виновато заговорил:

— Я, Игнатьич, по масти женщин не запоминаю.

Бирюков с Голубевым засмеялись.

— Ну а если мы сейчас сходим в сберкассу, узнать ту женщину, которая выдавала деньги, сможете? — спросил Антон.

— Не-е... — Торчков испуганно закрутил головой. — Чего ее узнавать? Выдала деньги, и точка. Я ведь сразу обмыл это дело. Так, поверишь, два дня не мог вспомнить с похмелья не то что деваху ту, а вообще откуда деньги взялись. Ты, Игнатьич, если хочешь мне помочь, лучше вчерашнюю мою пропажу найди.

Антон внимательно посмотрел на Торчкова.

— Трудно, Иван Васильевич, так вот сразу найти, не зная, где искать. С кем хоть пили-то вчера? Где пили?

Торчков, тяжело вздохнув, задумался. На его похмельном лице мелькнуло выражение неуверенности, как будто он решал: говорить или не говорить? В конце концов желание отыскать деньги, видимо, пересилило, и он стал рассказывать:

— Первую поллитровку, помню, с заготовителем

распили, какой меня попутно в райцентр подвез. А вечером, кажись, я в «Сосновом бору», в ресторане, ужинал. Оттуда и залетел в вытрезвитель.

— Как фамилия заготовителя?

— Так я ж, Игнатъич, его фамилию не спрашивал. Знаю, по деревням ездит на лошади. И в Березовку к нам частенько наведывается. Старье всякое, бумагу подержанную да шкуры скотские от населения принимает.

— Яков Степаныч? — вспомнив бойкого на язык старика заготовителя, спросил Бирюков.

— Нет. Степаныч в прошлом году на пенсию оформился. Теперь другой вместо него ездит, однорукий и молчаливый, будто глухонемой. И умом как недоразвитый. За придурковатость твой дед Матвей его Дундуком окрестил. Только, скажу откровенно, заготовитель совсем не придурок. Когда поллитровку распивали, соображает, по сколько наливать.

— Где вы с ним выпивали?

— У мужика одного на квартире. Тот к моей поллитровке еще чебурашку поставил.

— Чего?

— Это самое... чекушку водки, слышал, так теперь называют.

— Квартиру ту запомнили, адрес?

— Выпивши был, ничего не запомнил.

Зазвонил телефон. Бирюков, сняв трубку, тотчас услышал голос подполковника Гладышева. Начальник райотдела сообщил, что возле небольшого железнодорожного полустанка, в шести километрах от райцентра, обнаружен труп. Оперативная группа во главе с прокурором уже готова к выезду и ждет представителя уголовного розыска.

— Сами вы разве не едете? — спросил Бирюков.

— Мне через десять минут надо быть на бюро райкома. — Подполковник чуть помолчал. — Поэтому, Антон Игнатьевич, прошу тебя выехать, хотя ты и последние дни у нас дорабатываешь.

— Понятно, еду.

— Что случилось? — поинтересовался Голубев, когда Бирюков положил телефонную трубку.

— На шестом километре ЧП, — ответил Антон и, попросив Славу подробнее побеседовать с Торчковым, заторопился к оперативной машине.

II

Сентябрьское утро было на редкость тихим, прозрачным. И бесконечно голубое небо, и светящаяся янтарной желтизной березовая роща над железнодорожной выемкой, у проселочной дороги, походили прямо-таки на левитановскую «Золотую осень».

Труп обнаружили на опушке рощи путевые рабочие железнодорожного полустанка. Черный, неестественно скрюченный, с обгоревшим лицом, сильно пахнущим ацетоном, он лежал, уткнувшись головой в золу от потухшего костра. По морщинистой, высохшей коже кистей рук и шеи да по жестким, седым, коротко стриженным волосам на затылке можно было предположить, что это глубокий старик. Обращала на себя внимание смуглая до черноты кожа покойного.

— Прямо эфиоп какой-то, — помогая следователю переворачивать труп, сказал судебно-медицинский эксперт Борис Медников.

Третий час оперативная группа, возглавляемая районным прокурором, уже немолодым, степенным мужчиной в форменной одежде, дотошно обследовала каждый сантиметр местности в районе обнаружения, но результаты были малоутешительными. Пожухлая трава и опавшие с березок листья не сохранили никаких следов. Скупыми вещественными доказательствами являлись лишь осколки стакана из тонкого стекла и пустая бутылка с водочной этикеткой, найденные в траве около трупа. От бутылки и осколков ощутимо пахло ацетоном. Карманы брюк и поношенного бушлата, какие обычно выдают в исправительно-трудовых колониях, оказались пустыми. На сером лоскутке, пришитом у воротника бушлата, химическим карандашом были выведены буквы «Р. К.», по всей вероятности, инициалы умершего. Стоптаные кирзовые сапоги казались несколько маловатыми для его рослой фигуры.

Когда оперативная группа заканчивала осмотр места происшествия, на служебном мотоцикле подъехал Слава Голубев. Подойдя к Бирюкову, он показал взглядом на труп и тихо спросил:

— Кто такой? Документы есть?

— Ничего нет. Судя по одежде и стриженным волосам, недавно из колонии.

— Лицо почему обгоревшее до неузнаваемости? Головой в костре лежал, что ли?

— Да. Создается впечатление, будто умышленно это сделали, чтобы затянуть время с опознанием трупа.

— А где кинолог с собакой?

— В машине сидит. Не взял Барс след.

— Значит, не меньше шести часов с момента происшествия миновало?

— Выходит, так... — Бирюков помолчал. — С Торчковым разобрался?

Голубев пожал плечами.

— Чудной твой земляк. В ресторане пытался ложкой выловить рыбок из аквариума. Когда официантка на него расшумелась, он, оскорбившись, вылил в аквариум стакан пива. Больших денег при нем не было — в присутствии сотрудника медвытрезвителя еле-еле наскреб, чтобы с официанткой расплатиться. Сочинил, помоему, Торчков историю с утерянными деньгами, чтобы хоть как-то оправдать свое пребывание в вытрезвителе.

— Это Иван Васильевич может. В Березовке его никто всерьез не принимает.

Подшли следователь Петр Лимакин, врач Борис Медников и всегда мрачноватый эксперт-криминалист капитан милиции Семенов. Поздоровавшись с Голубевым, следователь достал пачку сигарет, молча стал закуривать. Капитан Семенов, бросив короткий взгляд на прокурора, разговаривающего неподалеку с железнодорожниками, привлеченными в качестве понятых, хмуро проговорил:

— Надо поднимать труп. Всю рощу прочесали. Кроме следа телеги на опушке, ничего нет. Правая передняя нога лошади не подкована.

Бирюков тоже взглянул на прокурора и понятых. Путьцы были в форменных фуражках и ярких оранжевых жилетах. Лицо одного из них, худощавого, вдруг показалось знакомым. Антон попытался сосредоточиться, чтобы вспомнить, где и когда видел этого железнодорожника, но опять заговоривший капитан Семенов отвлек его:

— На дороге есть несколько характерных отпечатков кирзовых сапог... — Эксперт-криминалист посмотрел на следователя. — Сделаю с них гипсовые слепки, и все.

Следователь утвердительно кивнул. Прокурор, закончив разговор с понятыми, подошел к оперативникам и обратился к Бирюкову:

— Антон Игнатьевич, кто из вас, ты или Голубев, будет работать в группе по раскрытию происшествия?

— Я уже получил приказ передать дела Голубеву, — ответил Антон.

— Слышал, в область уезжаешь?

— Да.

— Что ж, повышение — дело хорошее. — Прокурор повернулся к следователю Лимакину. — Значит, так, Петро... Сейчас направляйся с Голубевым на полустанок. Обстоятельно побеседуйте с местными жителями. Быть может, найдутся свидетели, которые видели потерпевшего. На полустанке есть магазинчик. Поинтересуйся, не продают ли в нем такие стаканы, осколки которого мы здесь нашли. Узнай, не держит ли кто из жителей полустанка ацетон. Словом, надо по горячим следам выходить на преступника.

Остаток дня для Антона Бирюкова, занявшегося подготовкой текущих дел для передачи, прошел незаметно. В шестом часу вечера его внезапно пригласил к себе начальник райотдела. Когда Антон вошел в кабинет подполковника Гладышева, там, кроме самого начальника, сидели прокурор, следователь Лимакин и Слава Голубев. По хмурым лицам всех четверых Бирюков догадался, что ничего утешительного на полустанке оперативная группа не установила.

— Садись, Антон Игнатьевич, — показывая на свободное кресло, сказал подполковник. — Ты в Березовке Глухова Ивана Серапионовича знаешь?

— Знаю, — усаживаясь, ответил Бирюков. — Лучший плотник колхоза был, сейчас, кажется, на пенсии.

— Так вот, этот пенсионер вчера был в гостях у своего племянника, живущего и работающего на железнодорожном полустанке.

— Что из этого вытекает? — спросил Антон и только теперь вспомнил, что именно в Березовке встречал молоденького железнодорожника, лицо которого показалось так знакомым на месте происшествия.

Вместо подполковника ответил следователь Лимакин:

— Кроме как у племянника Глухова, на полустанке ни у кого нет ацетона.

— И дядя у него брал ацетон?

— Говорит, нет, но, похоже, что скрывает дядю. Он ведь понятным у нас был, труп видел...

— Зачем Глухов на полустанок приезжал?

— На этот вопрос племянник ничего вразумительного не ответил. Дескать, проведать — и только.

— Ну а потерпевшего никто из жителей полустанка не опознал?

— Нет. Там ведь ежедневно останавливается больше десятка пригородных поездов, и на платформе постоянно полно народу. Отдыхающие приезжают даже из Новосибирска. Особенно сейчас, в грибной сезон.

— Бутылку и осколки стакана, найденные на месте происшествия, предъявляли для опознания?

— Конечно. Бутылка ничем не примечательна, а стаканов таких ни у кого из жителей полустанка нет.

Подполковник Гладышев, поправив настольный календарь, заговорил:

— Мы, Антон Игнатьевич, вот для чего тебя пригласили. Голубев интересную мысль предложил... Поезжайте-ка вы с ним денька на два в Березовку и обстоятельно разузнайте там все об этом Иване Серапионовиче Глухове. Согласен?

Антон пожал плечами.

— Если надо...

— Обязательно надо, — вмешался в разговор прокурор. — Только вот что, товарищи, в отношении Глухова у нас имеется всего лишь смутное предположение. Поэтому никаких следственных действий. Делайте вид, что приехали проведать родителей и порыбачить на озере в выходные дни. Собственно, работники вы с опытом — смотрите по обстановке.

— Когда ехать, Николай Сергеевич? — спросил подполковника Бирюков.

— Не откладывая. В понедельник утром вам надо быть уже здесь.

— Понятно. — Бирюков поднялся и посмотрел на Голубева, подбросившего начальству мысль о рыбалке. — Поехали, рыболов-спортсмен.

Придя от подполковника в кабинет к Бирюкову, Го-

лубев, словно оправдываясь, зачастил привычной скороговоркой:

— Думаешь, с умыслом, чтобы порыбачить, предложил начальству организовать нам поездку в Березовку? Честное слово, я случайно сказал, что утром соблазнял тебя родителей проведать, а прокурор мигом подхватил идею. Ну повезло сегодня на твоих земляков! Кстати, о Торчкове. Он тут мне на какую-то Гайдамачиху жаловался. Есть у него такая соседка?

— Проулок их усадьбы разделяет, — сказал Антон.

— Так вот, якобы козел Гайдамачихи повадился в торчковский огород капусту хрумкать. Торчков его как-то подкараулил — и вилами в бок, а Гайдамачиха в отместку торчковскую корову чем-то отравила. И сейчас между ними «убийственная» война идет. Кто эта Гайдамачиха?

— Старуха лет под восемьдесят.

— Правда, что она из помещиц?

— Какое... Муж ее отставной штабс-капитан был. Умер накануне революции, ну а после его смерти, говорят старики, трактир в Березовке и паром через Потеряево озеро она содержала. Колчаковцы все это пожгли, а хозяйку чуть было не расстреляли.

— За что?

— Разное говорят.

— Торчков утверждал, что у старухи от царского времени золото припрятано.

Бирюков усмехнулся:

— Вот дает Кумбрык! У Гайдамачихи в избе шаром покати. Все хозяйство — козел да полуслепой от старости пудель по кличке Ходя.

— Пудель?.. Откуда она взяла породистого пса?

— Кто ее знает.

— А как старуха по колдовской части?

— Чего? — Антон недоуменно уставился на Голубева.

— Что ты так смотришь?.. Торчков всерьез клялся, будто собственными глазами видел, как Гайдамачиха, крадучись, ночью на сельское кладбище ходила, а на следующий день утром у него корова подохла.

— Слушай ты этого сказочника, — усмехнулся Антон, — он тебе еще не такое наговорит.

III

До старого тракта, сворачивающего на Березовку, Бирюков с Голубевым доехали на попутной машине. Тракт буйно загустел травой и походил теперь на давнюю просеку, вильнувшую вправо от укатанного автомашинами большака райцентр — Ярское. Выйдя по нему к Потеряеву озеру, Антон провел Славу мимо черных столбов бывшего паромного причала и поднялся на высокий пригорок.

Отсюда Березовка была как на ладони. Рядом с новеньким сельмагом алел раскрашенный яркими лозунгами кирпичный клуб, за ним — контора колхоза с поникшим от безветрия кумачовым флагом. Даже вросшую в землю избушку Гайдамачихи в самом конце села и ту разглядеть можно. По старинному сибирскому обычаю деревня вытянулась одной длинной улицей. По ее обеим сторонам, сразу за домами — широкие прямоугольные огородов с картофельной ботвой и желтыми шапками подсолнухов. В Гайдамачихином огороде — низенькая старая баня, а за огородом — укрытое среди густых берез кладбище, с краю которого бронзовая звездочка на памятнике березовским партизанам, замученным колчаковцами. Тихое, как зеркало, Потеряево озеро с приметным на середине островом распахнулось, словно большое водохранилище.

— Вот красотища!.. — восторженно произнес Голубев и, показав рукою на торчащие у берега черные столбы, спросил: — Это зачем же на озере паром держали?

— Раньше здесь знаменитый Сибирский тракт проходил, — ответил Антон. — В объезд озера надо добрых сорок верст, как говорят старики, киселя хлебать, а напрямую от Березовки до Ярского всего три километра.

Чуть правее причальных столбов под склонившейся над водой березой чернела смолеными бортами лодка-плоскодонка. Показывая на нее, Голубев опять спросил:

— А это чья посудина?

— Бабки Гайдамачихи.

— Зачем она старухе?

— Никто из березовцев не знает.

— Как так?

— Ни разу не видели, как Гайдамачиха пользовалась ею.

— Любопытно бывшую трактирщицу и хозяйку парона посмотреть.

— Ничего особенного в ней нет. Тихая, как будто чуточку помешанная умом, старушонка. Отлично разбирается в лечебных травах.

— За счет этого и живет?

— Сын у нее на фронте погиб, а она пенсию получает.

Полюбовавшись с пригорка селом, Антон со Славой спустились к проулку и по нему вышли прямо к дому Бирюковых. На скамейке перед домом, прикрыв сивой бородою широченную грудь, дремал старик.

— А это что за Микула Селянинович?! — опять с восторгом спросил Голубев.

— Дед Матвей мой, — улыбнувшись, ответил Антон. — Полный георгиевский кавалер, а за гражданскую войну орден Красного Знамени имеет.

— Серьезно?!. Сколько ж ему годиков?

— Восьмой десяток, как он говорит, наполовину разменял.

Голубев шутливо хлопнул Антона по плечу.

— Вот Бирюковы! Прямо гвардейский род. Отец-то у тебя полный кавалер ордена Славы. И имена у всех старорусские: Матвей, Игнат, Антон...

— Хотели меня Виталием назвать. Приехали от матери из роддома, дед Матвей спрашивает: «Кто родился?» Отец и говорит: «Сын, Виталий». Дед уже тогда туговат на уши был: «Кого видали?» Отец кричит: «Виталий! Имя такое сыну дадим!» Дед обиделся, что сразу не разобрал, ладонью по столу: «Придумали чужеземное имя — с разбегу не поймешь. По-русски, Антоном, мальчика нарекем!» Сказал как отрубил. Перечить деду Матвею и сейчас в нашей семье не принято.

Голубев засмеялся. Антон подошел к дремлющему деду и, наклонившись к его уху, громко сказал:

— Здравствуй, дед Матвей!

Старик, медленно открыв глаза, неторопливо поднял склоненную в дреме голову, провел костистой рукой по сивому лоскуту бороды и только после этого ответил:

— Здоров, ядрено-корень. Никак в гости явился?

Антон показал на Голубева.

— С другом вот отдохнуть приехали.

Дед Матвей понимающе кивнул.

— Не иначе рыбалить надумали...

— Как догадался?

— Одолели ныне райцентровские рыболовы Березовку. Каждую субботу да воскресенье прутся к Потеряеву озеру и на легковушках, и на мотоциклах — отбою нет.

— Ну и ловят?..

— Бывает. — Дед Матвей поцарапал бороду. — Коли удачливей зорьку провести желаете, пораньше место у камышей занимайте — там окунь добрый берет. Прозеваете время — на берегу притулиться негде будет. Вот-вот приезжие рыболовы нагрянут, — махнул рукой в сторону дома Ивана Серапионовича Глухова, возле которого стоял голубенький автомобиль «Запорожец». — Вон первый казак уже прикатил.

— Кто это? — спросил Антон.

— Племяш Ивана Скорпионыча. Каждый выходной тут как тут. — Дед повернулся к сельмагу. — Да вон, кажись, он чего-то с Иваном на телегу грузит.

У магазина уже знакомый Антону и Славе Голубеву молодой железнодорожник с полустанка и рыжебородый старик устанавливали на подводе только что купленный холодильник. Около них крутился кривоногий Торчков и, похоже, невпопад давал советы. Когда старик Глухов, развернув лошадь, направился с покупкой к своему дому, Торчков растерянно огляделся. Видимо, заметив у дома Бирюковых гостей, решительно направился к ним. Улыбаясь, еще издали заговорил:

— Надо ж такому совпадению случиться! Утром в районном центре встречались, а к вечеру уже в Березовке видимся. Никак сродственников пожаловал проведать, Антон Игнатьич?

— Опять в сельмаге причащался? — не дав Антону ответить, строго спросил Торчкова дед Матвей.

— Что ты, Матвей Васильич! С сегодняшнего, кроме газировки, никакой бутылочной жидкости не пью. Хватит, покуражился...

— Все выигранные деньги успел просадить?

Сморщившись, Торчков щелкнул вставной челюстью, словно хотел проверить, на месте ли она, и небрежно отмахнулся:

— А куда мне деньги?.. Гроб ими обклеивать, когда загнусь? — Он примостился на краешек скамейки рядом с дедом Матвеем и, заглядывая Антону в глаза, с самым серьезным видом заговорил: — Деньги, Игнатьич, по моему убеждению, — натуральное зло. Когда они есть — и печенка ноет, и в голове гудит, и на работе неприятности. Другое дело, когда денег нет. Сейчас зашел в сельмаг к Броньке Паутовой, выпил бутылочку газировки за двадцать копеек: в голове — свежесть, и с председателем колхоза неопасно разговаривать. У меня, Игнатьич, натура не та, как у других. Возьми, к примеру, того же Ивана Скорпионыча Глухова. Кто он?.. Кулак! Почему?.. Ответу: деньги в кубышку складывает, рубля в жизнь не пропьет! В прошлом году племяншу своему, — Торчков показал заскорузлым пальцем на голубенький «Запорожец», — автомашину купил. Сейчас вот холодильник ему в подарок подбросил...

— Ты, Кумбрык, на Глухова бочку не кати! — уловив нить разговора, строго оборвал Торčkова дед Матвей.

— Да я разве качу? — вильнул в сторону Торчков. — Я к тому разговор веду, что если на полном серьезе спросить: откуда завелись у Скорпионыча такие деньги, чтобы сродственникам автомашину дарить? У меня, к примеру, тоже есть племянш. А могу я за здорово живешь ему хотя бы велосипед в подарок подбросить?.. Дудки!

Дед Матвей сердито обронил:

— Пропивать меньше надо. — И, не дав Торчкову открыть рта, продолжил: — Ты спяна на весь люд обозлился. Гайдамачихе и той проходу не даешь.

— А чего я старой ведьме проход должен давать, если она коровенку мне угробила?! — взвился Торчков.

— Кого?!

— Того... Такой глаз напустила ведьма на мою корову, что та хвост в сторону и копыта врозь!

— Ветеринар говорил, не надо было корову гнилой картошкой кормить.

— Шибко много он понимает, твой ветеринар... — Торчков обиженно замолчал и, взглянув на Антона, проговорил, будто извиняясь: — Засиделся, Игнатьич, я с вами. Пойду по хозяйству управлять. Хотя коровы те-

перь у меня и нет, так опять же двух добрых боровков держу, а они постоянно пищи просят.

Глядя Торчкову вслед, дед Матвей усмехнулся:

— Вот балабон. Хлебом не корми, только дай о людях посудачить.

— Правда, что он мотоцикл выиграл? — спросил Антон.

— У Кумбрыка узнать правду трудней, чем у змеи ноги найти.

— Ну а в деревне что об этом говорят?

— Говорят, видели у него билет, на который мотоцикл с люлькой выпал. — Дед Матвей, кряхтя, стал подниматься со скамейки. — Ну ладно, гости... Соловья баснями не кормят. Пошли в избу.

А на крыльце уже появилась Полина Владимировна, обрадованно всплеснула руками:

— Антоша, сынок! Давно появился?..

Г л а в а

IV

Дед Матвей был прав, когда говорил, что скоро в Березовку нагрянут приезжие рыболовы. Пока Антон с Голубевым сидели за столом, по деревне мелькнуло около десятка мотоциклистов и промчалось несколько легковых автомашин. Все они спустились к берегу Потеряева озера. Медленно развернувшись от дома Глухова, туда же укатил голубенький «Запорожец». Едва только он проехал мимо окон Бирюковых, с улицы прибежал младший брат Антона шестиклассник Сережка со своим дружкой Димкой Терехиным.

— Ты почему так долго не приезжал? — напустился было на брата Сергей, но, узнав, что гости собираются на рыбалку, мигом притащил из кладовки кучу рыболовных снастей.

— Где это так богато разжился? — перебирая всевозможные крючки и лески, спросил Антон.

— На макулатуру выменял. А вот эти, — Сергей показал две самые лучшие жерлицы, — и еще мировещкую книжку, «Судьба барабанщика» называется, однорукий заготовитель нам с Димкой дал за царский серебряный рубль, который мы в песке на берегу озера нашли.

— И часто этот заготовитель в Березовке бывает? — спросил Антон.

— Почти каждую неделю.

— А когда последний раз был?

— Позавчера вечером приехал, у Торчкова переночевал, а вчера утром, когда мы с Димкой в школу шли, вместе с Торчковым, кажется, в райцентр на своей подводе отправился.

Антон повернулся к Голубеву.

— Не соврал мой земляк насчет заготовителя.

— Какой земляк? — мгновенно заинтересовался Сергей.

— Это тебя не касается.

Улыбнувшись, Антон шутливо щелкнул брата по носу. Наскоро закончив ужин, он и Голубев быстро переоделись и в сопровождении мальчишек отправились к озеру. На песчаной косе, у причальных столбов, голубел «Запорожец». Возле него племянник Глухова перебирал рыболовные снасти, а сам Глухов, размеренно кивая рыжей кержацкой бородой, накачивал автомобильным насосом надувную лодку. Антон издал поздравления со стариком. Тот сдержанно, но учтиво наклонил в ответ голову и, что-то сказав племяннику, устало положил насос. Племянник, тыльной стороной ладони сдвинув на затылок железнодорожную фуражку, тут же склонился над лодкой.

— Опять племяш Скорпиончыка к острову собирается, — заговорщицки подмигнув Димке, проговорил Сергей.

Голубев засмеялся.

— Что смеешься! Попробуй с разбегу выговорить «Серапионович»... «Скорпиончык» — куда как проще и понятней, — сказал Антон и посмотрел на брата. — Почему «опять»? Он что, часто туда плавает?

— Ага. Знаешь, каких шук оттуда привозит?.. — Сережка широко развел руки. — Вот каких! По метру.

— Серега, — живо подхватил Димка, — а помнишь, летом тот кудрявый, что с аквалангом и подводным ружьем на зеленых «Жигулях» приезжал, какую штучину от острова привез?! Еще побольше метра.

Разговаривая, все четверо подошли к склонившейся над озером березе. Выбрав место поближе к камышу, Антон и Слава Голубев стали разматывать лески с удилищ, а Сергей с Димкой готовить жерлицы. Молча

забросили удочки. Озеро рябило от ветерка, и клев, по определению Голубева, был терпимым. Окунь шел средний, однако клевал хорошо. Когда наловили десятка полтора, Слава вдруг предложил сварить настоящую рыбацкую уху на костре. Антон тут же отправил мальчишек в село за котелком и приправой к ухе, а сам принялся разводить костер.

Над озером угасал тихий закат. Вода лениво плескалась у песчаного берега. Кивая переспевшими метелками, шелестел камыш. Попискивая, у самой воды гонялись друг за другом тонконогие кулики. То тут, то там взыгрывала жирующая рыба. Возле деревенской околицы безостановочно скрипел коростель. В сгустившихся сумерках вдоль берега ярко светились рыбацкие костры. Неожиданно у одного из них басовитые мужские голоса враз завели:

Ой, моро-о-оз, моро-о-з, не морозь меня,
Не морозь меня и моего коня-я-я-я...

— Видать, уже подогрелись мужички, — пристраивая у костра рогульки с перекладиной, сказал Слава Голубев.

— Приезжие, знаешь, как рыбачат? — ответил Антон. — Один бывалый рыболов уговаривает поехать с собой на рыбалку друга. Тот отказывается: «Не умею я рыбачить». — «А чего там уметь? Наливай да пей!»

Оба засмеялись.

Побрякивая котелком и ложками, прибежали запыхавшиеся мальчишки. Димка сам вызвался чистить картошку. Сергей зачерпнул из озера воды и, вешая котелок над костром, доложил:

— Скорпионч с племянником меньше нашего наловили. Говорят, клапан забарахлил, не могли лодку накачать.

Голубев подложил в костер хворосту. Огонь вцепился в сушняк, вытянулся длинным пламенем и жадно начал лизать черные от копоти стенки котелка. Темное небо подмигивало звездами. С озера легонько тянуло свежестью. Доносившаяся песня о морозе оборвалась так же внезапно, как возникла. Тишину теперь нарушал лишь коростелиный скрип.

Антон, поудобнее сев на траву возле костра, обратился к мальчишкам:

— Какие новости в Березовке, сорванцы?

— Урожай нынче хороший, — быстро ответил Димка.
— Значит, с хлебом будем. Еще что?
— Бабка Гайдамачиха из Березовки уезжать надумала.

— Куда?

— Никто не знает, — опередил замешкавшегося друга Сергей и, вытащив из кармана измятую половинку тетрадного листка, протянул Антону. — Смотри, какое объявление на магазине повесила:

«По случаю отъезда продаютца хата с баней лодка с цепью кусты смородины овощные грядки бочка сподкапусты и протчая мебель Гайдамакова».

Антон строго посмотрел на брата:

— Зачем сорвали?

— Без нас кто-то сорвал. Мы у магазина подобрали.

— А что Гайдамакова и Торчков между собой не поделили?

— Пьяный Кумбрык Гайдамачихино козла Кузю дразнить надумал. Тот изловчился да рогами под зад! Торчков — за вилы, а Гайдамачиха Ходю на него науськала. Как взялись козел да собака за Кумбрыка! До самой колхозной конторы гнали. Вот смехотура была!..

— Торчков в суд на бабушку грозился подать, а теперь, кроме как ведьмой, ее не называет, — добавил Димка.

— Не из-за этого ли она из Березовки собралась уезжать?

— Нет, она раньше надумала. Скорпионич месяц назад ей лодку починил, наверное, чтоб дороже продать.

— А может, он не для этого чинил, — возразил вдруг Димка.

Мальчишки, переглянувшись, наперебой стали рассказывать, как однажды утром, когда вся Березовка еще спала, они видели на берегу озера бабушку Гайдамакову, которая встретила приплывшего на ее лодке Скорпионича. Между стариком и старухой произошел какой-то странный разговор. Она как будто спросила: «Ну, что там?» — «От баранки дырка», — ответил он.

— И все? — спросил Антон.

— Больше ничего не разобрали, — ответил Сергей.

— Давно это было?

— Недели две назад. Как раз мы у однорукого за-

готовителя жерлицы на серебряный рубль выменяли. Вечером вот тут, у камыша, наживили их, а утром пораньше прибежали проверить. Туман сильный-пресильный был, как молоко.

— И вы не ошиблись, что это именно дед Иван Глухов приплыл на лодке?

— Похож на него. Плащ такой же, как у Скорпионича, а потом... следы сапог на песке разглядели — большущие, с елочкой на подошве.

— Куда ж он плавал?

— К острову. В лодке глина была, а на березовском берегу кругом один песок...

В котелке вовсю бурлила вскипевшая вода. Антон, взяв ложку, попробовал варево. Уха припахивала дымком, зеленым луком и укропом.

Переговариваясь, ели прямо из котелка. Небо постепенно затянулось плотными облаками, потемнело. Утих скрипучий коростель. Тихо, спокойно спала Березовка. Лишь в доме Бирюковых светилось кухонное окно. Полина Владимировна ждала запоздавших рыбаков.

— Ужинать будете? — спросила она, едва компания заявила домой.

— Мы уху варили, — похвастался Сергей.

— Тогда ложитесь спать. В горнице постелила, — мать, отвернувшись, зевнула. — Галя Терехина приходила, больше часа тебя, Антоша, ждала.

— Зачем я ей понадобился?

— Просила в понедельник в школу прийти. Она там кружок какой-то ведет...

— Кружок следопытов, — быстро вставил Сергей.

— Вот-вот. Хочет настоящего следователя школьников показать.

— По улице слона водили... — взглянув на Славу Голубева, засмеялся Антон. — Некогда мне, мам. В понедельник на работе должен быть с утра.

Глава

V

Утреннюю зорьку Антон и Слава проспали. Разбудил их Сергей перед тем, как идти в школу. Пока умывались, Полина Владимировна, уставив стол разными

сортами домашнего варенья, собрала завтрак и ушла заниматься огородными делами.

— Спите, ядрено-корень, по-гвардейски! — громко сказал дед Матвей, присаживаясь к столу. Посмотрев на Антона, усмехнулся в сивую бороду: — Так и отца не увидишь. Игнат-то вчера после вас появился, а сегодня ни свет ни заря опять в поле укатил. Уборочная — председателю спать некогда.

— Говорят, нынче урожай хороший? — спросил Антон.

— Добрые хлеба уродились. И не только у нас. Я каждоедневно радио слушаю да телевизор смотрю — по всей Сибири нынешний год в отношении зерновых культур удачливый.

— Жаль, зорьку проспали, — вздохнул Слава Голубев.

Дед приложил ладонь к уху:

— Чо гришь?

— Говорит, зорьку проспали! — почти крикнул Антон.

Дед Матвей неторопливо подул на дымящееся блюдечко.

— Здорово не шуми. Мало-мало я слышу, шепоток только не разбираю. — И посмотрел на Голубева. — Слух мой на войне попортился. Я, мил человек, всю империалистическую отгремел, затем Колчаку холку мылил, на Перекопе участвовал. Бомбардиром служил. Пороху столько сжег, что другой на моем месте до основания оглох бы.

Размешивая в чае ложечкой варенье, Голубев покачал головой и стал с интересом разглядывать на старой фарфоровой чашке ярких жар-птиц, нарисованных тонко, в китайской манере. Заметив его любопытство, Антон сказал:

— Между прочим, за этой чашкой — целое уголовное дело.

— Да ну?!

— Вот тебе и да ну, — Антон повернулся к деду Матвею. — Дед, расскажи историю с кухтеринскими бриллиантами.

— С брильянтами Кухтерина? — переспросил дед. — Что про них рассказывать... Канули с концом в Потеряевом озере. Сам томский полицмейстер разбираться в Березовку приезжал, в лепешку разбивался, чтоб куп-

цу угодить, только и он с носом уехал. А между тем вместе с драгоценностями и подводами пропало шестеро людей, считая ямщиков, двух урядников да приказчиков.

— Ты расскажи подробнее. Слава ведь ничего не знает.

— Подробности, Антоша, сам полицмейстер не смог узнать.

— Но ведь ты мне рассказывал...

— Это рассказ с пересказу других.

— Вот и расскажи его.

Дед Матвей, отхлебнув несколько глотков из блюдечка, посмотрел на Голубева.

— Томский купец Кухтерин неглупый был мужик. В начале семнадцатого года сообразил, что царскому режиму конец приходит, и надумал переправить свои драгоценности за границу, в Китай. Для такого дела загрузил в Томске фарфоровой посудой две подводы — вроде как торговать собрался — и туда же сундук с серебром, золотишком да брильянтами спрятал. Для охраны двух урядников нанял и наказал приказчикам держать путь напрямиком по тракту на Шанхай. Дело в феврале случилось. Люто той зимой бурило по Сибири. Добрались подводы до Березовки. Сопровождающие их люди перекусили в трактире Гайдамакова и, не глядя на буран, отправились в ночь через Потеряево озеро на Ярское, чтобы заночевать там. Больше их так и не увидели...

— Куда же они делись? — спросил Слава.

— Ты человек ученый, соображай. — Дед Матвей лукаво подмигнул. — Для облегчения могу подсказать, что на озере есть такие места, где из-за теплых родников даже в лютый мороз толстый лед не настывает...

— В ночном буране ямщики сбились с дороги и, угондив в такое место, провалились под лед?

Дед Матвей хитро прищурился:

— С лошадиными повадками ты, ядрено-корень, мало знаком. Лошадь сама с дороги не собьется. Она и в буран, и ночью дорогу чувствует, особенно тонкий лед. И опытные ямщики, попав в буран, никогда лошадей не дергают из стороны в сторону. Стало быть, если кухтеринские подводы свернули с пути, то кто-то лошадям такого страху нагнал, что они чутье, данное им от природы, потеряли.

— Говорят, Гайдамаков это сделал, — вставил Антон.

— Говорят, в Москве кур доят... — Дед Матвей задумчиво пошевелил губами. — Гайдамаков держал при трактире двух работников: Скорпиона, Ивана Глухова отца, и молодого парня по прозвищу Цыган. Вот этого Цыгана вскоре поймали в Новониколаевске — так в ту пору Новосибирск назывался. Фарфоровую вазу продавал из пропавшего обоза. Заварилось следствие. Цыган заявил, что вазу для продажи ему дал хозяин, а Гайдамаков в свое оправдание принялся доказывать, будто купил ее у приказчиков, когда они ужинали в трактире. Пока следователь докапывался до истины, Гайдамаков внезапно помер. Доктора будто заявляли — от холеры, но правду-то кто знает?.. Только Гайдамакова соборовали, в гроб уложили — нагрнулся купец с полицейскими. Весь особняк обыскали — ничего не нашли. В то время я по ранению находился в Березовке. Помню, особенно старался молоденький следователь, доведившийся купцу Кухтерину зятем. От брильянтов тех ему, видишь ли, солидный куш причитался. Вот он и искал потерянное богатство. Все лето с полицейскими на лодках по озеру плавал. Многие березовские мужики ему помогали. В награду за помощь купец и отвалил нам такие нарядные чашки с китайскими жар-птицами да еще деньгами чуть не по червонцу приплатил.

— Ну и нашли что в озере? — спросил Голубев.

— Возле острова обе подводы затонули. Людей и посуду достали...

— А бриллианты?

— Брильянты, золотишко да серебро как корова языком слизнула. К тому же люди, сопровождавшие обоз, все оказались застреленными.

— Неужели никто из березовцев выстрелов не слышал? До острова не так уж от Березовки далеко.

— В лютый сибирский буран выстрелы словно в воде гложут. — Дед Матвей налил в блюдце из чашки уже остывший чай, отхлебнул пару глотков и поставил блюдце на стол. — Так вот, следователь подозревал в ограблении обоза Гайдамакова и Цыгана. На Скорпиона Глухова опять же частично грешил, но выяснилось, что Скорпион не виноват.

— И чем дело кончилось?

— Можно сказать, ничем. Осенью, как известно, революция совершилась. Потом Колчак по Сибири свирепствовал. Цыган к нему пристроился, пакостным человеком оказался. Многих березовцев жизни лишил. На кладбище братская могила с памятником есть, захороненные в ней — дело рук Цыгана.

— Как его фамилия была?

— Цыган да и Цыган... Пришлым человеком он в Березовке был, никто его роду-племени не знал. — Дед Матвей, словно припоминая, помолчал. — Между прочим, когда Гайдамаков помер, Цыган быстренько подженился на молодой вдове Лизавете Казимировне.

— Это которую сейчас Гайдамачихой называют? — опять спросил Слава.

— На ней самой. Теперь Лизавета, конечно, окончательно состарилась. Но в ту пору краше ее в Березовке женщин не было. Гайдамаков совсем девчонкой Лизавету откуда-то привез. Ходил слух, что из нищенского подобрал и, чтобы не унижить свое штабс-капитанское звание, укатил с молодой женой в Сибирь, да у нас здесь и обосновался... Нажила, значит, Лизавета с Цыганом сынишку, души в нем не чаяла. В году двадцать пятом этот совсем еще неразумный мальчонка как в воду канул. С той поры Лизавета будто умом тронулась.

Голубев повернулся к Антону:

— Ты говорил, что сын Гайдамаковой погиб на фронте...

— Это старший, от Гайдамакова. Он вместе с моим отцом воевал, — ответил Антон и посмотрел на деда Матвея. — Дед, а как Иван Серапионович Глухов теперь живет?

— Чего ему не жить?.. Мужик трудолюбивый, пенсию добрую в колхозе заработал...

Неожиданно у дома Бирюковых, скрипнув тормозами, резко остановился запыленный «газик». Антон, посмотрев в окно, увидел вылезающего из машины отца. Кряжистый, с непокрытой седеющей головой, Игнат Матвеевич размашисто миновал двор, грузно протопал в сенях и, войдя в кухню, почти заполнил ее своей рослой фигурой. Поздоровавшись с Антоном и Славой Голубевым, заговорил:

— Чаевничаєте, рыболовы? О своих милицейских делах деду рапортуете или он вам о старине заливает?

— Про кухтеринские бриллианты разговорились, — ответил Антон.

Игнат Матвеевич торопливо присел к столу, словно заглянул домой всего на минутку. Посмотрел на Голубева и тут же перевел взгляд на сына:

— Вы, друзья-сыщики, чем купеческими бриллиантами интересоваться, лучше нашли бы деньги Торчкова. Только что Матрена, жена его, со слезами ко мне приходила. Говорит, что на ветер чужак пятьсот рублей выкинул. Шуточное ли дело! Побеседовал я с ним. Смотрит наивным взглядом, как дите малое, плечами жмет. Вот артист, не приведи господи! Главное — билет-то лотерейный Матренин был. Товарки с фермы ко дню рождения ей подарили.

— Значит, Торчковы действительно выиграли «Урал» с коляской? — спросил Антон.

— Конечно!

— Ты сам тот билет видел?

— Лично по таблице проверял.

— Номер и серию билета не запомнил?

Игнат Матвеевич нахмурился:

— У меня, сынок, есть поважнее дела, которые надо запоминать.

— Так ведь и мы, отец, если говорить откровенно, не рыбачить в Березовку приехали. Случилась неприятность, похлестче торчковской, — сказал Антон. — С лотерейным билетом мы, конечно, разберемся, но где последние пятьсот рублей Торчкова искать — ума не приложу. Он ведь даже толком не знает, с кем выпивал в тот день.

— Свидетелей надо поискать.

— Само собой разумеется. А ты знаешь, как туго разбираться с делами, совершенными по пьянке?..

— Ну, милый мой! Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. — Игнат Матвеевич поднялся. — Поработайте не за страх, а за совесть.

— Как дед Иван Глухов у вас тут живет?

Уже шагнувший к двери Игнат Матвеевич остановился.

— Нормально. Здоровьем бог его не обидел, пенсия приличная вышла, дом — полная чаша. В прошлом году при оформлении на пенсию по моей протекции «Запорожца» ему вне очереди продали.

— Говорят, он эту автомашину племяннику подарил?

— Дело хозяйское: хочет — сам ездит, хочет — дарит.

— Не дорогой ли подарок?

— Для Глухова — нет. У Ивана Серапионовича на сберкнижке больше десяти тысяч сбережений, а родственников, кроме племянника, — ни души. Умрет старик — все племяннику останется.

— У тебя нет никаких претензий к нему?

— Абсолютно. Какие могут быть претензии к пенсионеру? Живет тихо, мирно. Частенько прошу его помочь колхозу по плотницкой части — ни разу не отказался.

— Племянника он часто навещает?

— Пожалуй, чаще племянник сюда приезжает — рыбак заядлый. Тебе, наверное, Торчков на Глухова наговорил? Так ты особенно не верь этому пустобреху. У Торчкова после выигрыша мания величия приключилась, чуть не со всеми колхозниками перецапался.

— А что за однорукий заготовитель у вас тут объявился? — опять спросил Антон.

— Не видел его ни разу, — Игнат Матвеевич открыл дверь. — Ну, ладно. Время для меня — золото, к механизаторам срочно надо. Если не увидимся сегодня, прошу вас: разберитесь обстоятельно с торчковскими деньгами. — И, кивнув на прощание, вышел из дома. Едва он сел в машину, «газик» всхрапнул мотором, развернулся и запылil вдоль деревни.

Примолкший было дед Матвей оживился.

— Однорукий заготовитель, Антоша, последнее время часто в Березовку наведывается, люди-то уж все ему подавали, а он продолжает сюда ездить. А насчет Глухова скажу тебе так: чего-то неладное со Скорпионым в последние дни происходит. Будто о смерти мужик задумался. На днях подсел ко мне на скамейку возле дома, чую — выпивши. А раньше в рот спиртного не брал. Из кержаков он, которые выпивку категорически не переносят. Спрашиваю: «Не с Кумбрыком снюхался?» Вздыхнул Скорпионич тяжело: «Все одно помирать скоро». И невеселый разговор повел. Мол, не так свои годы прожил, как следовало прожить. Понятно, ядрено-корень, жизнь, случается, так прижмет, что небо овчинкой кажется. Только с чего это Глухов

на старости лет запаниковал? В его годы человек уже не сердцем — умом живет. По себе знаю.

— Что ж у него случилось?

— Не доложился он мне в подробностях. Повздыхал, повздыхал да и отправился домой.

Глава

VI

Как обычно, в страдную пору Березовка словно вымерла. Колхозники, пользуясь устойчивой погодой, старались не упустить ни одного погожего дня и почти все до единого были в поле. Теплую вязкую тишину, нависшую над деревней, нарушал монотонный гул комбайнов, работающих вдаль за околицей, да во время школьной перемены всплескивался звонкий разнбой ребячьих голосов.

Потеряево озеро сияло огромным зеркалом, над которым, будто любясь своим отражением, лениво кружили белогрудые чибисы. Клев был вялым. Глядя на неподвижные поплавки, Антон и Слава вполголоса разговаривали о Торчкове. Внезапно с пригорка от деревни послышалась веселая транзисторная музыка. Тотчас на тропе показался Торчков в большущих сапогах и, по-утиному спускаясь к озеру, еще издали бодро поздоровался:

— Здравия желаю, товарищи рыболовы!

— Легко на помине, — шепнул Славе Антон и, обернувшись к Торчкову, ответил: — Здравствуйте, Иван Васильевич. По-молодежному, с музыкой, ходите?

— Люблю, Игнатьич, это дело. — Торчков похлопал по висящему на ремне через плечо транзистору, подойдя к берегу, присел на борт Гайдамачихиной лодки. — С выигрыша такую музыкальную шкатулку приобрел. Теперь каждую новость прежде всех в Березовке узнаю. Даже иностранцев пробовал слушать, которые на русском языке бормочут.

— И что они говорят?

— Всякую ерунду несут! Злятся, что мы перед ними шапки не ломаем. А на хрена нам перед заморскими пузанами шапки ломать, правда? — Торчков, чуть помолчав, вздохнул: — Я, Игнатьич, по делу ведь тебя

здесь отыскал. Баба мне покою не дает. Выкладывай, понимаешь, ей книжку — и баста!..

— Какую книжку? — не понял Голубев.

— Не букварь, конечно. Сберегательную... — Торчков мельком взглянул на Славу и опять уставился на Антона умоляющими глазами. — А где это я сберкнижку возьму, если меня до единой копейки обчистили. По моей натуре, сгори они огнем, дармовые деньги, однако баба есть баба... Председателю нажаловалась. Тот с меня крупную стружку снял, а ей все мало, шумит: «Из дому выгоню! В суд подам!» Возможно, она так для испуга заявляет, но если подаст?.. Суд как припаяет уплатить женке полную стоимость мотоцикла!.. Я ж без штанов останусь. На одного тебя, Игнатьич, надежда...

Антон присел рядом с Торчковым.

— Хорошо, Иван Васильевич, постараюсь вам помочь, но давайте условимся, что на мои вопросы будете говорить только правду.

Торчков убавил громкость транзистора.

— Перед тобой, Игнатьич, как перед попом на исповеди.

— Прежде мне надо знать: сколько вы получили денег в сберкассе?

— Тысячу домой привез.

— Я спрашиваю: сколько получили?

— Ну это... Не пересчитывал. Сколько дали, все — в карман и вместе с Гайдамачихой по дому. — Торчков, заметив пристальный взгляд Антона, опять склонился к транзистору. — За сберкассу ты, Игнатьич, не переживай. К сберкассе у меня никаких требований нет. И женка по этому поводу ровным счетом ничего не имеет — деньги ведь даром достались. Ее другое принципиально задело: что последние пятьсот рублей я профуговал. Хочешь — верь, Игнатьич, хочешь — не верь, но категорически утверждаю: это в ресторане меня облапошили. Заготовитель может подтвердить, что до ресторана все денежки при моем кармане были.

— Давно с ним знакомы?

— Какой там давно! Всего пару раз за компанию выпили, да на одну ночь у себя его приютил.

— Имя-то заготовителя хоть знаете?

— Спрашивал при ночевке, он ухмыльнулся: «Хоть горшком называй, только в печь не станови».

— Не сказал, что ли, имени?

— Может, и говорил, так теперь уже не помню... — Торчков словно задумался и вдруг резво вскочил на ноги. — Игнатич!.. Чтoб раз и навсегда не сомневаться в моем лотерейном выигрыше, не посчитай за труд, дойдем до моей усадьбы. У женки газетная таблица должна сохраниться, по какой билет проверяли. Из нее можешь и цифры узнать моего «Урала» с люлькой. Там еще «Уралы» выигрались, а мой — аккурат в среднем столбце, чуток книзу.

— Пошли, Слава, посмотрим, — обратился к Голубеву Антон.

Небольшой пятистенки Торčkова рядом с приземистой, крытой проросшим дерном избушкой Гайдамаковой казался добротным домом, однако надворные постройки обветшали так, как будто у хозяина давным-давно не доходили до них руки. Просторный двор был густо перепахан свиньями. По этой «пахоте» от ворот к сеновалу тянулся свежий тележный след. Лениво вылезший из-под крыльца пушистый рыжий кот, едва заведя Торčkова, мигом вскарабкался по углу дома на крышу.

— Чего испужался, Пушок?.. — задрал к нему голову, спросил Торчков. — Слазь, сегодня гонять не буду. Тверезый я. — И как ни в чем не бывало повернулся к Антону. — Вот отдрессировался котина! Только хозяин на порог — он на крышу.

— Бoится? — поддерживая разговор, спросил Антон.

— Спиртного запаха не переносит. Как в морду дыхну, у него на загривке шерсть дыбом становится.

На двери висел почти игрушечный замочек. Торчков без ключа ловко открыл его и провел Антона и Славу Голубева в небольшую, но светлую кухню, где царил особый крестьянский уют, постоянно поддерживаемый заботливыми руками хозяйки. Пол был устлан пестрыми домоткаными половиками, на окнах — ситцевые занавески, под потолком — старинный розовый абажур, на столе — ярко-цветастая новенькая клеенка. В углу справа, напротив русской печи, стоял потемневший буфет с незатейливой посудой, а на стене слева висела большая самодельная рамка с семейными фотографиями. Среди снимков выделялся один — увеличенный, на котором около двадцати молодых в старинных пожарных касках и брезентовых пиджаках напряд-

женно застыли перед объективом фотоаппарата. По низу снимка белела четкая надпись: «Участники районного конкурса добровольных пожарных дружин. 1939 г.»

Заметив, что Антон заинтересовался снимком, Торчков поставил на буфет транзистор и с нескрываемой гордостью сказал:

— Раньше, Игнатьич, я в Березовке пожарной дружиной руководил. На том конкурсе, когда сфотографировали, чуть было чемпионом среди пожарников района не стал. Вперед всех к условному очагу пожара прикатил. Если бы заминка не вышла, как пить дать победителем оказался бы.

— Какая заминка? — спросил Антон.

— С пустой бочкой приехал. Второпях забыл, холера ее побери, воды налить.

Голубев, не сдержавшись, прыснул со смеху. Антон лишь улыбнулся и сказал:

— Торопиться, Иван Васильевич, надо медленно.

— Истинно так, Игнатьич. Поспешишь — людей насмешишь. — Торчков заглянул в один ящик буфета, в другой и вдруг протянул Антону медаль «За трудовую доблесть». — Во, полюбуйся, что моя Матрена Прокопьевна на ферме заслужила. Доблестная женщина!

Антон подержал медаль на ладони и, возвратив ее Торчкову, спросил:

— Где же газета с таблицей?

— Тут где-то была...

Торчков, подставив табуретку, заглянул на буфет. Затем ушел в комнату, долго шелестел там какими-то бумагами. Вернувшись, виновато развел руками:

— Нету газеты. Должно быть, женка запрятала. Если не возражаешь, Игнатьич, подожди Прокопьевну. Вот-вот она придет с фермы на обед.

В доме было душно. Все трое вышли на свежий воздух во двор. Сбросив со скамейки, стоящей в тени у крыльца, надломленную лошадиную подкову, Торчков предложил сесть и ни с того ни с сего ополчился на Гайдамачиху, «напустившую глаз на его коровенку». Антон, недолго послушав, перебил:

— Выдумки все это, Иван Васильевич.

Торчков кулаком стукнул себя по впалой груди:

— Игнатьич! На прошлой неделе, когда гнал ко-

ней в ночное, собственными глазами видел ведьму возле кладбищенской городьбы.

— Что она там делала?

— Вот ты, как офицер милиции, сам ее и спроси: чего старухе в полночь на кладбище делать?.. — Торчков прищурился. — Люди старые, Игнатъич, толкуют, что на могилках растет особая трава, в которой смертельный яд имеется. Малый пучок такой травки скормишь скотине — сразу копыта отбросит.

— Не слышал, что на Березовском кладбище ядовитая трава растет, — сказал Антон.

— Так ты, считай, уже десяток лет в Березовке не живешь. За такое длительное время всякое может вырасти. — Торчков достал из кармана кисет и, свернув из махорки самокрутку величиной в палец, повернулся к Антону. — Опять же, Игнатъич, спроси Гайдамачиху, куда это она на старости лет из Березовки лыжи направила?

— Что в этом особенного?

— Ну как что?.. Вот, к примеру, я всю сознательную жизнь провел тут и вдруг собрался бы уезжать... Интересно, куда бы я поехал, если у меня в других краях сродственников нет?

— Видимо, у Гайдамаковой есть.

— Нету. Сама моей женке слезу пускала, что осталась одна как перст на белом свете.

Антон, стараясь не тратить попусту время, завел разговор о заготовителе. С большим трудом кое-как удалось узнать, что возраст заготовителя около шестидесяти, а левая рука у него от локтя протезная. Лицом смуглый, «заросший, как поп». Одет в старенькую телогрейку, сапоги кирзовые, новые. Лошадь сытая, вороной масти. Ночевать в доме Торчкова заготовитель не захотел, сказал, что переспит в телеге, которую на ночь загнал во двор.

— Это от его подводы след? — показав на колесные вмятины по взрытому свиньями двору, спросил Антон.

Торчков утвердительно кивнул и протянул руку по направлению к сеновалу.

— Вот там подвода стояла. Я лошадке сенца подбросил.

— Почему заготовитель в доме спать не стал? Ночью ведь теперь сентябрит...

— Кто его знает почему. Может, он вовсе и не спал в телеге...

— А где?..

— С вечера, Игнатич, мы с ним столковались пораньше выехать до райцентра. У меня ж, как известно, под ответственностью колхозные лошади. Встал часиков в пять. Думаю, надо на базе порядок до отъезда навести. За ворота вышел, гляжу, будто от дома Глухова мой заготовитель топает. Дождался его, спрашиваю: «Любовь, что ли, в Березовке закрутил?» — «Рука раненая заныла, — говорит, — глаз не могу сомкнуть. Вот и хожу по деревне, чтоб скорее утра дожждаться».

— Выходит, он у Глухова был? — уточнил Антон.

— Утверждать не могу. Показалось, вроде от Скорпионыча вышел.

— Ну а дальше что было?

— Ничего особенного. Только приборку на базе закончил, является Скорпионыч с бумагой от председателя, стало быть, от папаши твоего. Дескать, Игнат Матвеевич приказал конягу на целый день выделить. «Чего тебе целый день с конем делать?» — спрашиваю. «Племяшу надо мешок сахара для варенья отвезти», — говорит. Приказ есть приказ. Выделил я ему Карьку, сбрую выдал, на том и подался домой.

Антон отчетливо, словно наяву, вспомнил труп обгоревшего старика, бутылку, пахнущую ацетоном, и на проселочной дороге, почти рядом с трупом, следы лошади с расковавшейся передней правой ногой. Появилась очень неуверенная, смутная догадка. Чтобы проверить ее, Антон спросил:

— Значит, в четверг Глухов весь день был у племянника?

— Должно быть, так.

— А вернулся он когда в Березовку?

Торчков пожал плечами.

— Не могу сказать. Сам я, как тебе известно, с четверга на пятницу заночевал в райцентровском вытрезвителе. Смейщик мой тоже на этот счет ничего определенного ответить не может, потому как Скорпионыч без него, ночью, Карьку на базу пригнал.

И еще одна внезапная мысль мелькнула у Антона.

— Иван Васильевич, помнится мне, что колхозным лошадям раньше на лето подковы срубали... — начал было он, но Торчков не дал ему договорить:

— Относительно подков, Игнатьич, могу прочитать лекцию. Деревенскую лошадь обязательно надо ковать в период гололедицы, а летом при мягком грунте ей подкова совсем ни к чему. Опять же такой секрет имеется: лошадиные копыта растут, к примеру сказать, как у человека ногти. Поэтому — хочешь не хочешь — требуется регулярная перековка, иначе может получиться так, что подковы вместо пользы причинят огромный вред, и лошадь совсем обезножает.

— Значит, Карька, на которой Глухов ездил к племяннику, не подкована? — внимательно выслушав «лекцию», спросил Антон.

— Вот как раз у нее-то и новенькие подковки!

Антон недоуменно поднял брови:

— Почему?

— Еще один секрет имеется. Карька попеременно с двумя меринами, Аплодисментом и Харланом, у меня занаряжена для работы на животноводческой ферме, где производится перевозка кормов и тому подобных тяжестей по мокрому настилу, на котором копыта без подков скользят, как смазанные солидолом. Меринов ковали последний раз по весне, а Карьку — на прошлой неделе.

— Она, случайно, не расковалась?

— Сегодняшним утром, перед разнарядкой, проверял. Все четыре подковки как припаянные. За лошада-ми, Игнатьич, слежу лучше, чем за собственным хозяйством. Натура у меня такая, когда вижу плохо кованую лошадь, аж сердце кровью обливается. К примеру сказать, тому же однорукому заготовителю такую взбучку дал, что вгорячах даже непечатными словами выразился. Представь себе, мотает человек кобыленку по асфальтным и гравийным райцентровским дорогам, а ковка такая хреновая, что того и гляди кобыла обезножает.

Антон, наклонившись, поднял надломленную подкову, которую Торчков перед тем, как садиться, сбросил со скамейки, и, рассматривая ее, спросил:

— Это не от заготовителевой лошади?

— Нет. Вчера на дороге подобрал.

— Иван Васильевич, а вы можете определить, с какой ноги эта подкова?

Торчков повертел подкову в руках. Показывая на сильно износившиеся шипы, авторитетно заключил:

— От правой передней недавно оторвалась, потому как еще заржаветь стертая сторона не успела.

Антон, мельком переглянувшись со Славой Голубевым, спросил:

— Можно ее забрать как деревенский сувенир?

— Бери, — великодушно разрешил Торчков и усмехнулся: — Мы, Игнатич, такие сувениры в металлолом сдаем.

Скрипнув калиткой, с улицы вошла в ограду пожилая женщина с обветренным лицом. Увидев ее, Торчков подскочил со скамейки.

— Матрена! Ты куда, шут побери, газету с лотерейной таблицей запрятала?

Женщина, похоже, хотела ответить что-то резкое, но, узнав Антона, приветливо поздоровалась и сразу спросила:

— Отдыхать приехали или с моим фокусником разбираться?

— Думали порыбачить, Матрена Прокопьевна, но вот у Ивана Васильевича неприятность случилась... — ответил Антон.

— Ох, наградил меня боженька Иваном Васильевичем, — сокрушенно вздохнула женщина. — Как отмочит номер, — хоть стой, хоть падай. Не напрасно говорится: один дурак такое натворит, что десять умных не разберутся.

Торчков задиристо вспылил:

— Ты давай без дураков! Куда газету дела?

— Под горячую руку на растопку печи пустила.

— Seriously?..

— Чего шутить-то? Это только ты шутики выкамариваешь.

— Игнатич сомневается в нашем выигрыше!

— От выигрыша рожки да ножки остались. — Матрена Прокопьевна, опять вздохнув, печально посмотрела на Антона. — Что мотоцикл на мой билет выпал, не сомневайтесь, Антон Игнатич, а газету я вправду сожгла.

Торчков растерянно заморгал, сердито сплюнул и, переваливаясь с боку на бок, рванулся за калитку.

Разговор с его женой еще больше озадачил Антона. Подтвердив, что муж привез из сберкасы «ровно тысячу», Матрена Прокопьевна высказала предположение, будто остальные пятьсот рублей, причитающиеся за вы-

игранный мотоцикл, он утаил от нее — «такой грех за ним водится». Ничего нового не добавила она и о заготовителе, кроме того, что у «однорукого уголовный взгляд и глаза красные, как будто не спал две ночи подряд». Проговорив минут двадцать, Антон, словно разминаясь, прошелся по перерытому свиньями двору вдоль тележного следа и попрощался. Когда вышли на пустую деревенскую улицу, Голубев спросил:

— Следы копыт смотрел? Что увидел?

Антон подбросил на ладони взятую у Торчкова подкову.

— Похоже, все ноги подкованы.

— Зря только полдня потеряли. Надо с другого конца к Глухову подбираться.

— Сегодня поедем домой.

— Да ты что, Антон? Чего спешку пороть? Давай еще с народом потолкуем, вечерок на озере посидим, выспимся капитально...

— Мне кажется, Слава, — перебил Антон, — что наступило такое время, когда нам с тобой спать можно, но не раздеваясь.

— Это почему же?

— Дорогой объясню.

Г л а в а

VII

Несмотря на раннее воскресное утро, в кабинете начальника райотдела собралась вся оперативная группа, выезжавшая в пятницу на происшествие к железнодорожному полустанку. Не хватало одного судебно-медицинского эксперта Бориса Медникова. Суровый не по возрасту следователь прокуратуры Петр Лимакин, нетерпеливо посмотрев на часы, сказал:

— Прохлаждается где-то наш доктор.

— Появится — мы его подогреем, — хмуро проговорил подполковник Гладышев, и Антон Бирюков догадался, что начальник райотдела сегодня не в духе.

Разговор не клеился. Собравшиеся обдумывали каждый свое. Лишь Слава Голубев как ни в чем не бывало с интересом рассматривал взятые у эксперта-кримина-

листа увеличенные фотоснимки дактилоскопических отпечатков.

Борис Медников влетел в кабинет запыхавшись. Одним кивком поздоровался со всеми, сел в кресло возле стола подполковника и спросил:

— Кого ждем?

— Тебя, — коротко ответил подполковник.

— Меня?.. А в чем, собственно, дело? Официальное заключение медэкспертизы я вручил следователю еще вчера утром. Не устраивает разве оно вас?

Гладышев сухо кашлянул.

— Мы, Боря, собрались посоветоваться. С момента происшествия миновало двое суток, но дело топчется на месте.

— Хотите, чтобы я его столкнул?

— Хотим посоветоваться. В первую очередь нас интересует причина смерти старика.

Медников посмотрел на подполковника, затем перевел взгляд на сидящего рядом со следователем прокурора.

— К сожалению, дорогие товарищи, больше того, что я написал в официальном заключении, ничего добавить не могу. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате асфиксии, вызванной приемом ацетона.

Прекративший рассматривание фотоснимков Слава Голубев с иронией заметил:

— Боря, ты, как кандидатскую защитил, стал очень умно высказываться.

— Считаю, что разговариваю с умными людьми, — мгновенно отпарировал судмедэксперт. — Для остальных могу разъяснить: старик задохнулся от ацетона, капли которого обнаружены не только в дыхательных путях, но и в легких.

— Косвенных причин смерти с медицинской точки зрения нет? — спросил прокурор.

— Нет. Если не считать воспаления слизистой оболочки носа, называемой в простонародье насморком... — Медников хитровато покосился на Славу Голубева: — Я понятно говорю, товарищ Голубев?

— Понятно, товарищ кандидат медицинских наук.

— Так вот, если не считать хронического насморка, которым страдал старик, он был практически здоров. Перед тем как выпить ацетон, старик пил водку, однако признаков алкогольного отравления не обнаружено.

— Кто же ему подсунул этот ацетон? — будто рассуждая сам с собою, спросил подполковник.

— Вопрос не по моей части.

— Имею в виду: не сам ли старик хлебнул ацетона, чтобы свести счеты с жизнью?

— Для таких целей самоубийцы предпочитают уксусную и соляную кислоты. Ацетон у них не котируется.

— Сколько старику было лет?

— Семьдесят четыре — семьдесят пять.

Подполковник повернулся к эксперту-криминалисту Семенову. Привыкший к уставному порядку, Семенов поднялся со стула и открыл папку, которую до этого держал на коленях.

— У меня такое предположение, — заговорил он, — что ацетон, выпитый стариком, был налит в стакан другим человеком. Во-первых, на поднятой у трупа бутылке отпечатков погибшего нет. Есть они только на осколках стакана. Во-вторых, из отпечатков, обнаруженных на бутылке, самые свежие и пригодные для идентификации — отпечатки пальцев и ладони правой мужской руки. Они дают основание предполагать, что этот мужчина наливал ацетон в стакан. Пальцы крупные, рука, судя по величине и оттиску ладони, сильная. Есть пальцевые отпечатки этой руки и на осколках стакана. В нашей дактилоскопической картотеке подобных отпечатков нет. Отпечатков старика тоже не имеется...

— Надо запросить Главный информационный центр МВД, — воспользовавшись паузой, вставил Голубев.

— Уже запросили, — взглянув на него, сказал подполковник.

Семенов достал из папки несколько фотографий, разложил их в определенной последовательности на столе и заговорил снова:

— Любопытные выводы напрашиваются при изучении следов на проселочной дороге в районе обнаружения трупа. Судя по тележному следу и отпечаткам копыт лошади, у которой правая передняя нога не подкована, подвода двигалась со стороны полустанка. Метров пять не доезжая до костра, она свернула с дороги и остановилась на опушке рощи. За нею ехали на другой подводе, которая двигалась в этом же направлении и останавливалась на дороге, свернув к обочине, напротив костра. Судя по тому, что лошадь ни разу не сменяла ногу, стоянка была короткой, но со стороны костра

кто-то подходил к телеге. Отпечатки сапожных подошв сорок шестого размера подсказывают, что это был рослый мужчина.

— Возница не слезал с телеги? — спросил подполковник.

— Следов нет.

— А лошадь подкована?

— Да. После костра подводы поменялись очередностью и, проехав проселочной дорогой около ста метров, выехали на шоссе со щебеночным покрытием. Здесь их след обрывается... — Семенов, задумчиво глядя на разложенные по столу снимки, помолчал. — Бирюков привез из Березовки надломленную подкову. Вместе с ним мы пробовали определить: не от той ли лошади, которая сворачивала к роще, эта подкова? К сожалению, положительного результата не добились, так как к расковавшемуся копыту налип грунт и гипсовый слепок со следа получился неудачный. У меня все.

— Ну а что Бирюков с Голубевым узнали в Березовке насчет Глухова? — спросил прокурор.

Антон спокойно, с необходимыми подробностями стал докладывать о своих наблюдениях, не умолчав при этом и о «художествах» Торчкова. Когда он закончил говорить, началось оживленное обсуждение, итог которому подвел подполковник Гладышев:

— Считаю, товарищи, версию с Глуховым надо отработать до конца. И вот почему. Во-первых, ацетон на полустанке обнаружен только у его племянника; во-вторых, в четверг Глухов приезжал к племяннику на лошади и вернулся в Березовку поздно ночью; в-третьих...

— Смерть старика наступила близко к полуночи с четверга на пятницу, — быстро добавил судмедэксперт Медников.

— Правильно, Боря, — посмотрев на него, сказал подполковник.

Следователь Лимакин повернулся к прокурору:

— Может, вызовем Глухова на допрос? Или мне в Березовку съездить с ним побеседовать?

Прокурор отрицательно покачал головой:

— Не торопись становиться на официальные рельсы. Если Глухов виновен, это прежде времени насторожит его. Надо обстоятельно допросить племянника. Признаться, первоначальные показания этого молодого че-

ловека мне совершенно не нравятся. Что-то крутил он тебе...

— А я сейчас же поеду в райпотребсоюз искать однорукого заготовителя, — решительно сказал Слава Голубев. — Не случайно, по-моему, состоялась ночная прогулка по Березовке до дома Глухова.

Прокурор утвердительно кивнул:

— Хватит совещаться, начнем работать.

Гладышев посмотрел на Антона:

— Останься на минутку.

Все почти одновременно поднялись. Когда дверь за ушедшими закрылась, подполковник, глядя на Антона, заговорил:

— Из управления торопят, чтобы ты ехал к новому месту работы. Я взял на себя смелость сказать, что в ближайшие дни выехать не сможешь, поскольку работаешь в группе по расследованию происшествия. Приказ о твоём назначении уже подписан, но, если согласишься недельку поработать у нас, управление возражать не будет.

— Откровенно говоря, Николай Сергеевич, перевод в областной розыск меня особо не радует, — сказал Антон.

— Вот это напрасно. Годы идут, расти по службе надо. Повременить с отъездом прошу лишь до той поры, когда прояснятся обстоятельства смерти обгоревшего старика. Интуиция мне подсказывает, что расследование пойдет трудно. Прокуратура, как сам слышал, уже два дня впустую работает. — Подполковник задумался. — И потом... Встревожил меня лотерейный билет Торчкова. Неужели в сберкассе нечистые на руку людишки завелись?.. Жаль, сегодня воскресенье — сберкасса закрыта... Когда Торчков получал там деньги?

— Говорит, в начале августа, число не помнит.

— Надо бы узнать точно, чтобы с конкретными сберкассовскими работниками говорить.

— В день получения денег Торчков привозил в поликлинику старушку Гайдамакову из Березовки. В регистратуре должна остаться отметка, какого числа она была на приеме у врача.

— Попробуй сегодня это выяснить.

— Поликлиника, по-моему, тоже сегодня не работает.

— Ну это не сберкасса. — Гладышев придвинул к

себе телефонный справочник. — Сейчас позвоню заведующей на квартиру, договорюсь с ней...

В поликлинике Бирюкова ждало разочарование — Гайдамаковой там даже и не числилось. Перебрав многолетнюю картотеку пациентов, фамилии которых начинались на букву Г, и внимательнейшим образом прочитав длинный список посетителей за последние два месяца, Антон извинился перед заведующей, что напрасно побеспокоил ее в выходной день, и вышел из регистратуры. Затем на всякий случай завернул к дежурному врачу районной больницы, но там, как и следовало ожидать, имелись сведения только о больных, лечившихся или лечащихся стационарно. На ходу прикидывая, куда и по каким делам могла приезжать в начале августа старуха Гайдамакова, Бирюков неожиданно словно натолкнулся взглядом на скромную вывеску районного отдела социального обеспечения. Судя по открытому рядом с вывеской окну, в райсобесе, несмотря на воскресенье, работали, и Антон решил навести справку здесь.

Заведующая собесом, похожая на добрую старую учительницу, быстро нашла пенсионное дело. Бирюков внимательно перелистал его и, что называется, своими глазами убедился: пенсия Елизавете Казимировне Гайдамаковой, 1900 года рождения, назначена в 1947 году, 13 июня, в связи с потерей единственного сына-кормильца. В документах имелась справка военкомата, что рядовой Гайдамаков Виталий Петрович, 1917 года рождения, являвшийся кормильцем нетрудоспособной по состоянию здоровья Гайдамаковой Е. К., погиб в марте 1942 года.

— Почему только через пять лет после гибели сына Гайдамаковой назначена пенсия? — спросил Антон заведующую собесом.

Та заглянула в документы, порылась в них и объяснила:

— Пенсия назначена с того времени, как Гайдамакова обратилась к нам с заявлением. Первоначально к заявлению было приложено извещение, что сын пропал без вести. Пришлось уточнять через военкомат.

Антон закрыл скоросшиватель с документами и, увидев на корочке сделанную карандашом надпись «5 августа 1974 г.», заинтересовался:

— Что это за дата?

Заведующая устало потеряла переносицу.

— В связи с недавним Указом правительства мы проводим увеличение пенсий потерявшим кормильцев в годы войны. Видите, приходится даже в воскресный день работать. Так вот, пятого августа Гайдамакова была у меня на приеме. Я объяснила ей, что теперь она будет получать ежемесячно на пятнадцать рублей больше.

«Вот когда Кумбрык привозил в райцентр Гайдамакову», — подумал Бирюков, ругнул в душе своего земляка, который умудрился спутать райсобес с лечебным учреждением, и, поблагодарив заведующую, заторопился к себе на работу. Слава Голубев уже был там. Его сообщение оказалось неожиданным. Директор заготконторы райпо авторитетно заявил Голубеву, что из-за неукомплектованности штата в этом году выездные заготовители Березовку не обслуживают.

— Как это так? — недоуменно спросил Славу Антон.

— Элементарно. Никто из заготовителей нынче в Березовку не ездил, — быстро ответил Слава. — И еще могу добавить: одноруких заготовителей в заготконторе вообще нет.

— Да?..

— Да... — Голубев сделал многозначительную паузу. — Когда шел в заготконтору, блондинку одну встретил, которая в сберкассе работает. Лидой зовут. Так, значит, эта Лида говорит, что в августе месяце мотоцикл «Урал» с коляской выиграл врач-стоматолог Станислав Яковлевич Крохин. Здоровый такой, кудрявый. Знаешь?..

— Знаю.

— Больше аналогичных выигрышей в этом году в нашем районе не было. Выдумал все Торчков, как я и предполагал.

Бирюков устало опустился на стул.

Глава

VIII

Бориса Медникова, как сказали его соседи Антону, вызвали на срочную операцию. Пришлось идти в больницу и ждать в ординаторской. Из операционной Борис пришел осунувшийся, утомленный. Равнодушно посмот-

рев на Антона, он тяжело опустился на покрытую белой простыней кушетку и устало закрыл глаза. Узнав, что Бирюкова интересуется стоматолог Крохин, сказал:

— Осторожный мужик Крохин.

— И это все, что можешь о нем сказать?

— Почти все.

— Знаешь о том, что он выиграл по денежно-вещевой лотерее мотоцикл «Урал» с коляской?

— Все в больнице и поликлинике об этом знают.

— Крохин показывал лотерейный билет?

— Почти неделю с ним как с писаной торбой носился.

— На радостях?

— Крохину сам бог велел радоваться — у него долгов словно семечек в подсолнухе...

— Откуда эти долги?

— Дом недавно построил, и тут сразу очередь на «Жигули» подошла... — Медников помолчал. — Понимаешь, чтобы скопить денег, мужик больше года почти на одном винегрете перебивался. Жене на обед по полтиннику выдавал.

— Где его жена работает?

— Контролер в сберкассе.

— Боря... — Антон на какую-то секунду задумался. — А не могла она обмануть моего земляка, чтобы присвоить лотерейный билет? Ты ведь слышал, как я сегодня утром у подполковника рассказывал о Торчкове?..

— Нет. У меня даже мысли не мелькнуло, когда тебя слушал, о какой-то связи между выигрышами Торчкова и Крохина. Я прекрасно знаю Машу: исключительно порядочная женщина. Да и сам Станислав не махинатор. Скопидом он изрядный, но уголовный кодекс читит.

— Ну и что Крохин?.. Получил мотоцикл или деньгами взял? — опять спросил Антон.

— Не интересовался.

— Боря, расскажи о нем подробнее как о человеке.

— Как человек Крохин неплохой. Институт закончил с отличием, дело свое знает великолепно. Не в каждом районе найдешь такого стоматолога. Короче, это очень неглупый человек, жизненное кредо которого: луч-

ше быть в провинции личностью, чем в столице замухрышкой.

Антон задумался. Медников устало повел плечами и, не дожидаясь дополнительных вопросов, продолжил:

— Понимаешь, появился у нас в последнее время этакий своеобразный тип интеллигента районного масштаба. В общем-то, как правило, это неглупые, но... ленивые умственно люди. Их не прельщают высокие посты, не влекут большие города. К чему рисковать, если жизнь дается один раз?.. Не лучше ли обосноваться в уютненькой гавани, года четыре поработать добросовестно на создание собственного авторитета, а потом... пусть авторитет с полной отдачей трудится. Иными словами, когда заслуженный честным трудом авторитет достигает апогея, интеллигент тихонечко уплывает в тень. В районе его все знают, уважают, а он между тем заводит собственную автомашину, добротный особнячок комнат на пять, приличный огорожок, пасеку и... живет-поживает.

— Боря, мы отвлекаемся, — Антон посмотрел на часы. — Давай о Крохине.

— А что о нем еще говорить?

— Значит, он обогащается?

— Изрядно.

— По-твоему, лучше в потолок плевать?

— По-моему, живи, как хочешь, но не увлекайся обогащением, не превращайся в заскоруждого мещанина.

— Крохин увлекается?

— Беспардонным образом.

— Чувствую, ты его ненавидишь.

— Почему только его? Я ненавижу всех стяжателей-мещан.

— Как супруги Крохины живут между собой?

— Плохо. Несколько лет назад даже развелись официально. У них был приличный свой дом. При разделе имущества он достался Маше. Stanislaw, пользуясь тем, что он ценный для района врач, сразу после развода получил благоустроенную квартиру. Маша за восемь тысяч продала дом и собралась уезжать в Новосибирск. Stanislaw словно подменили. Видно, приложил все свое обаяние и уговорил Машу начать все сначала. Понял, какой трюк сделал Стас с официальным разводом? И квартиру благоустроенную получил, и денежки за

собственный домик на сберкнижку пристроил, а после строительство добротного особняка затеял.

— И жена на это согласилась?

— А куда денешься, если Крохин так влез в сердце, что Маша ничего с собой поделывать не может. Любит она Станислава. Умом понимает, кто он есть, а вот сердцем... Как-то в одной компании вместе праздник отмечали. Выпила Маша и со слезами ко мне: «Боренька, есть такое лекарство, чтобы я разлюбила Стаса? Неужели мне всю жизнь маяться?..»

Антон прошелся по ординаторской.

— А чем Крохин в свободное время занимается? Хобби у него есть хоть какое?

— Хочешь, про хобби свежий анекдот расскажу?

— Анекдоты после, Боря. — Антон уже который раз поглядел на часы. — Дети у Крохиных есть?

— Нет и никогда не было. А увлечение Станислава — рыбалка. Каждую свободную минуту готов с удочкой на берегу сидеть.

— Сколько ему лет?

— Недавно сорок пять исполнилось.

— Как бы с ним встретиться?

— Сейчас Станислав в отпуске. Домой к нему можешь зайти. Улица Береговая, номер дома не помню. Да ты сразу его увидишь — добротный зеленый терем с мезонином.

Г л а в а

IX

Дом Крохина и впрямь походил на двухэтажный терем с красивыми резными наличниками и мезонином. Шиферную крышу мезонина венчала телевизионная антенна. Вокруг терема — плотный высокий забор, покрашенный так же, как и дом, ярко-зеленой масляной краской. От проезжей части улицы к воротам в заборе — бетонированная дорожка на ширину «Жигулей», рядом, к калитке, — такой же, из бетона, тротуарчик. Над калиткой — табличка: «Во дворе злая собака». Под табличкой — кнопка электрического звонка.

Бирюков мельком оглядел свой гражданский костюм и, протянув руку к звонку, осторожно нажал кнопку.

Вместо ожидаемого звонка за забором раздался басовитый лай, как будто собаку ударило током. Выждав чуть ли не целую минуту, Антон потянулся было к кнопке снoзa, чтобы нажать вторично, но в это время за калиткой послышались шаги, щелкнул замок и в распахнувшейся створке появилась скромно одетая стройная женщина не старше тридцати пяти.

— Мне бы Станислава Яковлевича, — поздоровавшись, сказал Антон, рассчитывая, что женщина предложит пройти в ограду. Но она не предложила. Обернувшись к дому, негромко крикнула:

— Крохин!.. К тебе пришли. — И продолжала стоять у калитки, словно загораживая ее своим худеньким телом от пришельца.

Антону показалось, что глаза у женщины заплаканы. В небольшой просвет калитки было видно, как с высокого крыльца спустился грузный мужчина в темно-синем спортивном трико с белыми лампасами на брюках и, шаркая по бетонированной дорожке шлепанцами, надетыми на босые ноги, направился к калитке. Едва он приблизился к женщине, та, словно передав ему вахту, незаметно исчезла за забором.

— Здравствуйте, Станислав Яковлевич, — вежливо поздоровался Бирюков, умышленно не назвав себя.

— Здравствуйте, — настороженно и хмуро ответил Крохин, не приглашая войти в ограду.

— Я к вам, так сказать, по личному вопросу, — стараясь казаться искренним, проговорил Антон. — Слышал, вы мотоцикл выиграли...

— Допустим...

— «Урал» с коляской — давняя моя мечта.

— Ничего против такой мечты не имею. — На упитанном загорелом лице Крохина появилось подобие улыбки и сразу исчезло. — Играйте в лотереях, быть может, и вам повезет.

— Не люблю играть в азартные игры, — пошутил Антон и сразу посерьезнел: — Лучше продайте выигранный «Урал», поскольку у вас есть «Жигули».

— У меня и жена есть, — старомодно сострил Крохин.

— Жену в наше время приобрести проще, чем «Урал» с коляской.

Крохин засмеялся, но тут же выражение его лица изменилось.

— Молодой человек, по вопросам купли-продажи надо обращаться в комиссионные магазины.

Исподволь присматриваясь к врачу-стоматологу, Бирюков заметил, как тот мучительно что-то вспоминает, и решил опередить его:

— Станислав Яковлевич, вы, может быть, меня знаете. Я в уголовном розыске работаю, но, поверьте... и сотрудники милиции не лишены земных слабостей. Сплю и во сне вижу «Урал» с коляской.

Лицо Крохина не изменилось ни на йоту. Какое-то время он молча разглядывал Антона, затем с усмешкой проговорил:

— Вот уж совсем юмор — работник уголовного розыска не может достать желанную вещь. На вашем месте я так прижал бы торгашей, что они сами бы нужную вещь предложили.

Антон поморщился:

— А после под монастырь бы подвели. С торгашами свяжись — рад не будешь.

— Не вижу криминала в том, чтобы купить необходимое за трудовые деньги. — Крохин промолчал, как будто все еще о чем-то раздумывал или вспоминал, и вдруг предложил: — Заходите в мою обитель, а то подумаете: «Хорош хозяин, у калитки целый час держит».

— Если вы не согласны продать «Урал», то... — осторожно начал Антон, опасаясь, как бы не переиграть, — ведь Крохин, ухватившись за его слова, мог сказать: «Извините, не согласен», разом обрывая дальнейший контакт.

Однако Станислав Яковлевич этого не сказал. Шире открывая калитку, он не дал договорить Антону:

— Проходите, проходите. Кажется... товарищ Бирюков?

— Так точно, — подтвердил Антон и про себя отметил: «А вы, похоже, давно меня узнали, товарищ Крохин».

Из расположенной возле кирпичного гаража конуры опять послышался сердитый лай и мигом утих, едва Крохин громко прицкнул. Снаружи дверь конуры была закрыта на щеколду. Антон невольно подумал: откуда сидящая взаперти собака услышала электрический звонок?

Оставив у крыльца шлепанцы, Крохин поднялся по

ступенькам. Заметив, что Бирюков тоже собирается разуться, воскликнул:

— Ради бога, входите в ботинках! С меня пример не надо брать. Я, как Лев Толстой, люблю босиком ходить.

Антон не стал возражать. Потерев подошвами о половичок возле крыльца, он, стараясь не забывать о своей роли покупателя, двинулся за Крохиным. Миновав светлую пустую веранду, вошли в дом.

Внутри «терем» пропах свежей краской. Почти весь нижний этаж занимала просторная, как называли в старину, зала, обставленная скромной мебелью, похоже, самодельного производства или местного деревообрабатывающего комбината. У одной из стен — такие же, полукустарные-полуфабричные, книжные стеллажи, совершенно пустые. На полу — большой, но основательно вытертый от времени палас. Всей роскошью залы была пирамидальная, сияющая стеклом горка с дорогой посудой. Пологая лестница с перилами вела на второй этаж. Когда Крохин и Антон поднимались по ней, не скрипнула ни одна половица.

В отличие от первого второй этаж дома был разделен на комнаты. Крохин гостеприимно протянул руку к одной из них:

— Прошу сюда. Это мой кабинет.

Бирюков, шагнув в открытую дверь, окинул помещение взглядом: двухтумбовый, пустой сверху стол, закрытый секретер, два стула, у окна — вращающееся, как из парикмахерской, старое кресло, рядом — больничного типа, на высокой подставке, плевательница. И больше — ничего.

— Живу скромно, — будто извиняясь, сказал Крохин. — Что делать? Дом из меня все соки вытянул, да тут еще очередь на машину подошла. Собственно... с машиной мне просто повезло. Десяток «Жигулей» район получил для премирования передовиков сельского хозяйства. Одна из машин оказалась лишней, предложили мне. Знаете, я ведь в районе — величина, стараются всячески задобрить, чтобы не надумал смотать удочки отсюда. — Крохин сообщил это с оттенком нескрываемой гордости, помолчал. — Словом, с машиной получилась непредвиденная накладка. Сейчас, не поверите, сижу в долгах как в шелках. — Он предложил Антону место напротив окна, сам устроился на стуле спиной к

свету, откинулся на спинку и без всякого перехода спросил: — Значит, мечтаете о мотоцикле?

— Во сне вижу... — улыбнулся Бирюков.

— Опоздали... Всего на несколько дней опоздали. Был бы у вас новенький «Урал» с коляской. Мне он действительно не нужен. Увез я его в комиссионный магазин, и в тот же день там его продали, — Крохин открыл секретер... Порывшись в бумагах, протянул Антону квитанцию. — Видите... удержали семь процентов комиссионных. Как говорится, плакали денежки...

«Квитанция подлинная», — отметил Бирюков и разочарованно сказал:

— В таком случае вам было проще получить деньги за выигрыш в сберкассе — там никакие комиссионные не удерживаются.

— Конечно! — подхватил Крохин, нахмурясь, вздохнул. — Брат жены с толку сбил. Тоже мечтает об «Урале». Уговорил взять мотоцикл, когда же дело дошло до расчета, оказывается, сбережений у родственничка, как и у меня, грешного, нет ни копейки! Что делать?.. На семейном совете решили: выхода нет, надо продавать. А в таком деле, знаете, комиссионный магазин не минует, так как без его справки автоинспекция никакую технику на учет не поставит. Вот так и пришлось потерять семь процентов.

— Везет же людям... Имею в виду того, кому достался мотоцикл в магазине. — Бирюков, вернув Крохину квитанцию, осторожно поинтересовался: — Кто он, этот счастливчик?

— Не знаю, — равнодушно ответил Крохин. — Краем уха слышал от продавца, когда деньги получал, колхозник какой-то.

— И кто его в комиссионный надоумил? Для колхозников мотоциклы по особой статье идут. Им подбрасывают больше, чем горожанам.

Крохин пожал плечами, положил квитанцию на место. Секретер Станислав Яковлевич открывал осторожно, как будто хотел, чтобы Бирюков не заметил его содержимое. Антону неловко было заглядывать под руки Крохина, но он все-таки заметил в секретере водочные бутылки. Только не мог понять, пустые они или полные.

Ничего не оставалось, как извиниться перед Крохиным и откланяться. Однако Станислав Яковлевич не спешил расставаться. Почти не умолкая, он провел Би-

рюкова по комнатам. Обойдя их, поднялись в мезонин, затем спустились в полуподвал, оглядели кухню, ванную комнату, умывальник, туалет. За исключением мезонина, в котором стоял старенький диван-кровать и лежал какой-то длинный, завернутый в простыню сверток, все комнаты пустовали. И Крохин словно гордился этой пустотой.

— В больнице, товарищ Бирюков, сотрудники обо мне анекдоты рассказывают, — с усмешечкой говорил он. — Особенно Боря Медников. Веселый парень, наблюдательный. Часто завидую ему — увлечен хирургией, куча общественных нагрузок. И вот, несмотря на такую занятость, защитил кандидатскую диссертацию. Ни машины, ни мотоциклы его не интересуют. Если учесть, что Боря на целых десять лет младше меня, то к моим годам он, бесспорно, станет в медицине человеком с большой буквы. — Крохин вздохнул. — Мне бы его годы... Тоже, признаться, люблю свою профессию, не бахвалясь, скажу: толк в ней знаю, но... опоздал на десяток лет. Я ведь поздно институт закончил. До института в леспромхозе шоферил. Денег зарабатывал уйму! Можно было жить припеваючи, однако понимал, что без диплома в наше время — дело гиблое. Учился в Томске на дневном отделении. Ни отца, ни матери. Надеяться на чью-то помощь не приходилось... — Станислав Яковлевич подошел к окну. Поцарапав ногтем на стекле крапинки извести, продолжил: — Вот в то время и привык относиться к копейке уважительно. Упрекают меня, что я чрезмерно экономен. Но не хотят взглянуть на другую сторону медали: какой смысл жить в сибирской глуши, изображая бессребреника?.. Люди годами живут на Крайнем Севере. Что их там удерживает? Романтика?.. Не думаю. Высокий патриотизм?.. Отнюдь! Держат их там деньги. Пять-шесть лет лишений — и можно вернуться на Большую землю обеспеченным. Дом и машина, во всяком случае, гарантированы. В нашем районе, конечно, не Крайний Север, но от большой цивилизации мы все-таки оторваны. Приезд второсортных столичных артистов — с халтурной программой — для нас событие! Симфонический концерт, балет, опера — мечта. А попробуйте купить здесь нужную книгу...

Бирюков хотел возразить, что как раз в райцентре книгу купить легче, чем в крупном городе, и что Новосибирск под боком, если ты истосковался по симфони-

ческому концерту, но решил не перебивать Крохина и выслушать его рассуждения до конца. А тот продолжал, как будто давным-давно ждал собеседника, которому можно излить душу:

— Так почему же районный специалист, имеющий высшее образование, должен быть бесребреником? Почему он не должен быть вознагражден за лишения, вызванные районной спецификой?.. — Станислав Яковлевич многозначительно посмотрел на Антона. — Ученый делает крупное открытие — к нему приходит мировая известность, почетные звания, колоссальные премии. Я открытий не делаю, но для района мой труд полезней труда ученого. Так дайте мне вознаграждение районного масштаба!.. К чести руководителей, надо сказать, что они ценят специалистов. Понадобилась мне квартира — пожалуйста. Захотел купить машину — покупай. А машина в районе не роскошь, а средство передвижения. Опять же, грибы, ягода, рыбалка... Как жить без машины? И не зря районные власти проявляют заботу о закреплении специалистов...

«Жаль, что отдельные специалисты злоупотребляют этой заботой», — хотелось сказать Бирюкову, но он промолчал, так как перевоспитание Крохина в его сегодняшние планы не входило. Собственно, в чем-то Станислав Яковлевич был прав. Далеко не каждого выпускника вуза заманишь работать в район. На какие только ухищрения порою не идут студенты перед распределением, чтобы избежать провинции! Крохин приехал сюда по собственному желанию, стал нужным для района специалистом, и с этим приходилось считаться, иной раз даже смотреть сквозь пальцы на его человеческие слабости, поскольку, как известно, идеальных людей не бывает.

На веранде Антон увидел свернутую трубочкой районную газету. Проходя мимо, Крохин пнул газетный сверток в угол.

Из дома с мезонином Бирюков уходил с чувством неудовлетворенности. Дело с лотерейным билетом запутывалось окончательно. Решив добить его до конца, Антон направился в комиссионный магазин и подоспел к самому закрытию. Молодая игривая продавщица, поблескивая золотым зубом, подтвердила, что не так давно Крохин действительно сдал на комиссию новенький мотоцикл, который в тот же день был продан.

— Кому продали? — спросил Бирюков.

— Какому-то чубатому парню.

— Райцентровскому или из деревни?

Продавщица кокетливо улыбнулась:

— Я у него паспорта не спрашивала и пропиской не интересовалась.

— А с Крохиным вы знакомы?

— Знаю, что зубным врачом работает. Так его все в райцентре знают.

— Вы говорили ему, кто купил мотоцикл?

— Что я могла говорить, если сама не знаю?..

«А Крохин между тем краем уха слышал от продавца, когда деньги получал, что колхозник какой-то купил», — подумал Бирюков и попрощался с продавщицей, нетерпеливо вертящей в руках замок, чтобы закрыть магазин.

Нежаркое сентябрьское солнце катилось к закату. Воскресный день мирно угасал. На базарной площади певнятно бубнил уличный радиодинамик, а из распахнутых окон районного Дома культуры вырывались разнотонные звуки духового оркестра — видимо, оркестранты готовились к танцам.

В коридоре райотдела было тихо. Слава Голубев играл с дежурным в шахматы. Увидев вошедшего Антона, он безоговорочно сдал партию и, резко поднявшись, спросил:

— Новости какие узнал?

Бирюков стал рассказывать. Внимательно выслушав его, Голубев загорячился:

— Знаю я продавщицу из комиссионного! У нее золотой зуб. Наверняка пациентка Крохина, поэтому и скрывает покупателя. Только никуда этот покупатель от нас не денется — придет в ГАИ мотоцикл на учет ставить... — Слава чуть передохнул. — В общем, по-моему, дело так было... Жена Крохина заплатила Торчкову в сберкассе за лотерейный билет тысячу рублей. Крохин получил выигранный мотоцикл и, не нарушая закона, продал его по преysкурантной стоимости. Барыш — пятьсот рублей с вычетом семи процентов комиссионных! Скажи, не так?..

— Нет, Славочка, что-то тут другое... — Антон помолчал. — Что-то значительно серьезней.

В это время у закрытого шлагбаума железнодорож-

ного переезда, дожидаясь прохода грузового поезда, как застоявшаяся лошадь, нервно дрожала новенькая темно-зеленая автомашинка «Жигули». На ее крыше к укрепленному каркасу багажника были привязаны бамбуковые удилища. Едва только шлагбаум поднялся, автомашинка сорвалась с места и, мигом проскочив переезд, устремилась из райцентра на межрайонное шоссе.

За рулем, сосредоточенно наморщив лоб, сидел Станислав Яковлевич Крохин.

Глава

Х

В воскресенье, когда Антон и Слава Голубев ни свет ни заря уехали из Березовки, Сергей с Димкой первую половину дня провели на озере. Сентябрьский ветер рябил воду. Видимо, от этого клевало плохо, и мальчишки, оставив удочки на берегу, забрались в густой смородинник, усыпанный переспевшей черной ягодой. Там, лазая между кустов, Димка совершенно случайно нашел заряженный ружейный патрон, латунная гильза которого от долгого лежания на земле даже почернела. Это было событие для мальчишек. Почти полчаса они строили предположения, кто из березовских охотников мог потерять патрон, потом хотели его разрядить, но побоялись, как бы старый порох не взорвался. В конце концов возбуждение от находки угасло. Димка сунул патрон в карман, и, забрав с берега удочки, мальчишки уныло потянулись в село. У дома Бирюковых остановились, не зная, чем заняться.

Деревня, несмотря на воскресный день, словно вымерла. За лесом, на пшеничных полях, глухо рокотали тракторы и самоходные комбайны, а в Березовке галдели кружащиеся над огородами галки да звонкоголосо переключались перед отлетом стаи скворцов. Неожиданно в птичий концерт вплелось отдаленное курлыкание. Мальчишки задрали головы — в высоком безоблачном небе медленно проплывал клин журавлей.

— Дим, совсем осень наступает, — грустно проговорил Сергей. — Сплываем на Гайдамачихиной лодке к острову, а?.. Жерлицы возьмем...

Димка покосился на Сергея.

— Гайдамачиха пожалуется, нам дома всыпят за лодку,

— Бабка и не узнает, когда мы сплавляем, — усмехнулся Сергей. — Поплыли, Дим?.. Котелок с собой возьмем, уху сварим. Зима наступит, где ты настоящей ухи поешь?..

— А если узнает?.. — спросил Димка.

— Вот завел! Узнает, узнает... Ну и что, если узнает? Ну, выплут дома еще разок — зато на острове побываем... Поплыли!

Собраться мальчишкам оказалось делом нескольких минут. Сергей изо всех сил греб самодельным веслом, а Димка консервной банкой вычерпывал из лодки воду. Лодка двигалась медленно, и, чтобы добраться до острова, потребовалось чуть не полчаса. Заросший густым тальником берег был высоким.

Развернув лодку, Сергей медленно направил ее вдоль острова, выбирая место, где лучше причалить. За широкой, полого вытянутой песчаной косой показалась большая заводь, поросшая кувшинками с широкими листьями.

— Хорошее для щук место. Останавливаемся?

— Мне все равно, — ответил Димка.

От необычной тишины его знобило, и он то и дело поглядывал на тальники — казалось, что из кустов кто-то наблюдает за лодкой.

Сергей был спокоен. Бросив весло, он схватился за удочки и объявил:

— Здесь будем рыбачить. Место что надо!

Димка осторожно повернулся к кустам — тальники будто замерли. Только вспорхнула одинокая серенькая птичка и тут же скрылась из виду.

Едва Сергей закинул удочку, поплавок резко нырнул. Чернополосатый окунь тут же затрепыхался в лодке. Сергей снова наживил крючок. Розовое пятнышко поплавок покачалось на воде и осторожно дернулось несколько раз. Теперь попался крупный чебак.

— Добрый живец, — удовлетворенно проговорил Сергей, зажав рыбину в руке, стал готовить жерлицу.

Пока он разматывал толстую жерличную лесу, пока привязывал свободный ее конец к лодочной скамейке и наживлял трехрогий якорек, Димка тоже настроил удочку. Клевало словно по заказу. Увлечшись рыбалкой, мальчишки спохватились только после того, когда солнце покатилося к закату.

— Шабаш!.. — скомандовал Сергей. — Плыдем к берегу, уху варить будем.

Мальчишки подплыли к острову. Выбрав ровную поляну над обрывом недалеко от песчаной косы, насобирали сушняка и стали разводить костер. С острова озеро казалось еще больше. На низкой полосе берега отчетливо виднелись березовские дома, казавшиеся издали маленькими, почти игрушечными. Над правлением колхоза краснел ровный квадратик флага.

— И что мы раньше не додумались здесь рыбачить?.. — бодро рассуждал Сергей, подсаливая закипевшую в котелке воду.

— Расхрабился, охотник за акулами... — начал было Димка, но тут же, словно поперхнувшись, закричал: — Смотри!.. Смотри-и-и!

Сергей, подпрыгнув как ужаленный, первым делом посмотрел на лодку — лодка медленно уплывала от берега. Запнувшись за подготовленную для костра кривую сушину, Сергей кубарем скатился с обрыва к воде, длинным прыжком вскочил в лодку, чуть не опрокинув ее, и, потянул за привязанную к лодочной скамейке жерличную лесу. Разрезая воду, леса натянулась тугой тетивой.

— К берегу!.. К берегу давай! — закричал Димка.

Сергей, отпустив лесу, схватил весло. Стараясь изо всех сил, стал подгребать к берегу. Едва лодка ткнулась в береговой обрыв, Димка тоже вскочил в нее, и мальчишки сообща стали вываживать поймавшуюся рыбину. Подняв фонтан брызг, Сергей вывалился за борт. Через какую-то минуту он, барахтаясь в воде, уже подтаскивал за жабры добычу к лодке. Отфыркиваясь, то и дело выкрикивал:

— Акула!.. Попалась, акула!..

Шука и в самом деле походила на взаправдашнего акулёнка. Оглушенная веслом, она едва вместилась поперек лодки. Сергей, отряхиваясь от воды, ткнул в щучье брюхо ногой.

— На сколько кэгэ вытянет, а?

— Дома взвесим, — сказал Димка. — Пошли к костру, уха выкипит.

Видимо, встревоженные непривычным шумом в тальниках, перекликаясь, запорхали пташки. Над озером, часто махая крыльями, кружился одинокий чи-

бис-разведчик. И Димке уже не стало казаться, что из тальников кто-то следит за ними...

Котелок ухи опустел. Мальчишки побросали в него ложки и, разморенные сытостью, устало повалились в траву. Мечтательно глядя в небо, Сергей проговорил:

— А вода, Димка, в заводи теплая, как будто сейчас не сентябрь, а июль. Там, наверное, горячие родники. Маленько отдышусь, потом пойду поплаваю.

— Домой надо собираться.

— Чего ты дома забыл?

— А чего тут лежать трутнями?

— Пошли по песку побродим. Разве такой песок в Березовке найдешь? Там городские рыболовы все затоптали.

Сергей решительно поднялся и, не дожидаясь согласия друга, подпрыгивая, побежал к песчаной косе. Димка, вздохнув, с неохотой поплелся следом. Песок на косе был чистым-пречистым. В нескольких местах у самой воды темнели вмятины, оставленные босыми ногами. Следы были какие-то необычные — продолговатые, расширяющиеся от пяток к пальцам.

— В ластах кто-то ходил, — присев на корточки возле одного из следов, нахмурясь, сказал Сергей и поднял глаза на Димку: — Интересно, куда дед Иван Глухов ночью плавал, когда его бабка Гайдамачиха в тумане встретила на берегу?

Димке вновь стало тревожно.

— Поплыли домой.

— Тащи котелок и мою одежду в лодку, — Сергей поднялся с корточек. — Я все-таки искупаюсь, замерз на воздухе — в воде теплее.

Димка без слов заторопился к костру. Собрав остатки сушняка, бросил на затухающие угли. Схватил котелок, одежду и, забравшись в лодку, нетерпеливо замер. Сергей плескался в заводи среди кувшинок словно рыба. Отфыркиваясь, издали кричал:

— Глубина тут, Дим!.. С ручками, с ножками!.. Смотри!..

Вытянув над головой руки, Сергей столбиком скрылся в воде. Секунд через двадцать он пробкой выскочил оттуда и, подминая под себя кувшинки, саженками рванулся к лодке. Подплыв к ней, с трудом перевалился через борт, схватил весло и оттолкнулся от берега.

— Чего ты?.. — недоуменно спросил Димка.

Сергей выплюнул за борт воду. Изо всей силы налегая на весло, помотал головой, словно его ударили по макушке.

— Ты чего?.. — повторил вопрос Димка.

— Там, на дне... гробы какие-то...

— Не сочиняй...

— Пионерское!

Димка словно прирос к сиденью. Из оцепенения его вывел неожиданно вспыхнувший на острове костер. Втянув голову в плечи, мальчишка сосредоточенно уставился взглядом в тальниковый берег, но возле костра никого видно не было. Лодка рывками приближалась к Березовке — Сергей не успевал смахивать со лба выступающий пот. Огонь костра постепенно удалялся и затухал. Когда до березовского берега осталось какой-нибудь десяток метров, Димке показалось, что на том месте, где исчез костер, мелькнуло пламя. Тревожно схватив Сергея за руку, он прошептал:

— Серега, смотри...

Оба растерянно замерли.

Через несколько секунд с острова донесся хлопок выстрела. Почти в тот же момент плывшая по инерции лодка ткнулась носом в берег. Димка первым выскочил из нее и оторопел...

По тропинке к озеру сгорбившись шла Гайдамачиха. Перед нею, высунув язык и угрожающе скаля желтые зубы, лохматым клубком катился пудель Ходя.

Г л а в а

ХІ

Районная сберкасса открывалась в десять часов утра. Поэтому в понедельник Антон Бирюков начал свой рабочий день с посещения загса. Там удалось отыскать копию решения о разводе супругов Крохиных. В описательной части сообщалось, что мотивом развода служит отсутствие детей. Была в загсе и запись о повторном вступлении в брак, но, как известно, никаких мотивов в этой записи не указывается. Почему Крохины, совсем недолго пожив врозь, решили снова сойтись и опять юридически узаконить брак, знали только они.

Ровно в десять Бирюков появился в сберкассе. Посетителей почти не было. Сразу у входа за открытым

стандартным барьером крашенная полная дама выбивала на кассовом аппарате чек какому-то плательщику. Рядом яркая блондинка с высоко закрученным шиньоном скрипела ручкой арифмометра. Седенькая старушка, склонив голову, повязанную цветным ситцевым платочком, любопытно заглядывала в окошечко кассира, где пожилая женщина, беззвучно шевеля губами, пересчитывала деньги. Соседнее окно с табличкой «Контролер» пустовало.

Бирюков, предварительно постучав, вошел в кабинет заведующего сберкассой. Представительный мужчина с несколькими рядами новеньких, словно только что из магазина, орденских колодок, внимательно выслушав его, посмотрел на часы — было две минуты одиннадцатого.

— Мария Степановна Крохина последнее время плохо себя чувствует. В субботу она мне говорила, что, возможно, в понедельник с девяти утра пойдет к врачу и, может быть, чуточку задержится с выходом на работу. Должна вот-вот появиться, — заведующий еще раз взглянул на часы. — Подождите пяток минут. Мария Степановна — женщина аккуратная. Если врач выпишет ей больничный лист, она обязательно позвонит мне.

Бирюков присел на предложенный стул. Разговорились. Сначала о погоде, о том о сем... Затем Антон поинтересовался порядком предъявления в сберкассу выигрышных билетов денежно-вещевой лотереи и как выплачиваются деньги по этим выигрышам. Заведующий оживленно стал рассказывать. Он оказался из тех людей, которые фанатично увлечены своим делом. Уже через несколько минут Антон с усмешкой в душе посчитал себя круглым дураком, что не покупает лотерейные билеты, а следовательно, и не хочет шутя разбогатеть. По словам заведующего, после каждого проведенного тиража выигрыши так и сыплются счастливымчикам. Лишь с одними «Уралами» выходила заминка, и заведующий, к его сожалению, вынужден был подтвердить, что мотоцикл «Урал» с коляской за последнее время в районе выиграл один-единственный человек.

— Муж Марии Степановны, которую вы ожидаете, — уточнил заведующий, огорченно вздохнул и вытащил из стола небольшую газетную вырезку. Передавая ее Антону, проговорил:

— Правда, вчера наша районка некоторую дезинформацию, так сказать, дала... Вот полюбуйтеесь...

На мутноватом по-газетному снимке молодой парень при галстукe, в костюме, на котором довольно ясно можно было рассмотреть две медали, держал, словно быка за рога, мотоцикл с коляской. Из подписи под снимком явствовало, что читателям районной газеты предлагается посмотреть на передового механизатора Ярского колхоза Алексея Птицына, который недавно выиграл по денежно-вещевой лотерее мотоцикл «Урал», с коим и запечатлел его фотокорреспондент.

Возвращая вырезку, Бирюков вопросительно посмотрел на заведующего сберкассой.

— Своего рода медвежья услуга!.. — ткнув пальцем в снимок, возмущенно заговорил заведующий. — В целях популяризации лотереи я попросил газетного фотографа заснять с выигранным мотоциклом Станислава Яковлевича Крохина, а фотограф, понимаете ли, какого-то колхозника сфотографировал. Пришлось сегодня пожаловаться редактору. Сказал, разберется, даст опровержение.

— Может, Крохин продал лотерейный билет этому колхознику? — осторожно намекнул Антон.

Заведующий покачал головой:

— Станислав Яковлевич сам получил выигрыш.

— А он не перекупил выигравший билет? Допустим, Марии Степановне предъявили...

— Ну что вы! — не дал договорить заведующий. — Прежде всего, Мария Степановна работает у нас не первый год, и я вполне уверенно ручаюсь за нее головой. Это добросовестная, бескомпромиссная работница. Ну а потом... Станислав Яковлевич порядочный человек. Да и зачем ему покупать билет, выигравший мотоцикл, если у него собственная новенькая машина есть. К слову пришлось, с покупкой «Жигулей» они в такие долги влезли, что вряд ли наскребли б денег на покупку билета.

Бирюков посмотрел на часы — за разговором время незаметно приближалось к половине одиннадцатого. За дверью послышались возмущенные голоса — видимо, из-за отсутствия контролера скопилась изрядная очередь клиентов.

— Не иначе, что-то серьезное случилось с Крохиной. Не в больницу ли слегла... — тревожно проговорил за-

ведущий и, открыв дверь кабинета, распорядился: — Женя, пересядь на контроль, а ты, Лидочка, сходи, пожалуйста, к Марии Степановне, узнай, почему она сегодня задерживается.

Полная женщина, недовольно поморщась, пересела к окну с табличкой «Контролер», возле которого возмущенно переговаривались человек десять клиентов. Блондинка с шиньоном еще несколько раз скрипнула арифмометром, затем неторопливо достала из стола зеркальце и, ни слова не говоря, стала прихорашиваться.

Бирюков побарабанил пальцами по столу. Ждать Крохину особого смысла не было — вряд ли она могла добавить что-либо к тому, что уже сообщил заведующий. Гораздо полезнее было встретиться с фотокорреспондентом.

Придя в райотдел, Антон сразу же набрал номер редактора районной газеты. Тот без лишних объяснений догадался, о каком снимке идет речь.

— Мы уже разбирались с этим ляпом, — досадливо проговорил он. — Фотокорреспондент наш напутал. Понимаете, у нас обычно в воскресенье газета не выходит, а на сей раз решили выпустить номер, посвященный передовикам уборки урожая. Так сказать, спецвыпуск. Верстали его в спешке, вот и опубликовали непроверенный материал по неопытности фотокорреспондента. Во вторник дадим поправку, извинимся перед читателями.

— Скажите, можно ли денек-другой воздержаться от публикации поправки? — спросил Антон.

— Не желательно, конечно, затягивать с таким делом, но если надо...

— Надо, — сказал Антон. — И, пожалуйста, пусть фотокорреспондент срочно зайдет в уголовный розыск.

Минут через десять после того, как Бирюков положил телефонную трубку, в кабинет смущенно вошел молоденький стройный парень в очках. Придерживая свисающий на ремне с плеча фотоаппарат с длинным, как подозрительная труба, объективом, он робко присел на предложенный стул и настороженно, словно ожидая подвоха, уставился на Антона. Антон попросил рассказать, как произошла путаница с фотографией.

— Ну, глупо, конечно, с моей стороны вышло... — густо краснея, фотокорреспондент помялся. — Пришел сразу к Крохину, как меня направил заведующий сберкассой. Говорю: «Надо для газеты сфотографировать с

выигранным мотоциклом». Так... Крохин удивился: «Еще чего?.. Этот мотоцикл уже у одного парня в Ярском». Иду мимо автоинспекции, вижу, новенький «Урал» стоит, еще без номера. Думаю: «Поговорю с хозяином, если передовик труда, сфотографирую». Совсем недолго подождал — из ГАИ выходит парень. Одет прилично, медали на пиджаке. Короче, как раз то, что мне надо. Спрашиваю: «Купил мотоцикл?» — «По трехпроцентному займу выиграл», — смеется. Вижу, парень с юмором. Медали у него: одна — «За доблестный труд», вторая — «За трудовое отличие». Говорю, мол, прямо как специально для фото оделся. Он в ответ, дескать, на районную доску Почета только что снялся. Не знаю, что мне в голову стукнуло, будто этот мотоцикл выигранный. Вчера напечатали снимок, а сегодня с утра заведующий сберкассой тарарам устроил — не того, мол, сфотографировал.

— А что Крохин насчет парня из Ярского говорил? Фотокорреспондент поправил очки.

— Ну я теперь не помню, на прошлой неделе это было.

Антон немедленно позвонил в автоинспекцию. Дежурный инспектор, пошуршав у трубки бумагами, сообщил, что при постановке мотоцикла на учет Птицыным были предъявлены документы комиссионного магазина. Отпустив фотокорреспондента, Бирюков тут же стал звонить своему старому знакомому — председателю Ярского колхоза Маркелу Маркеловичу Чернышеву. Тот, выслушав, засмеялся:

— Вошел мой Птицын в моду! То на доску Почета вызывают фотографироваться, то в газете портрет печатают. Теперь вот и до уголовного розыска очередь дошла. Что у тебя к нему, если не секрет?

— Как он «Урал» с коляской приобрел?

— Говорит, выиграл по лотерее. Завидуешь?

— Нет. Хочу увидеть счастливого, — пошутил Антон. — А солгать Птицын не может?

— Парень за словом в карман не лезет, может и сказку про белого бычка рассказать.

— Пусть на новом мотоцикле приедет ко мне. Желательно сегодня же.

— Уборочная в разгаре... — устало проговорил в трубку Чернышев. — Но для тебя постараюсь, оторву Птицына от работы.

Дверь кабинета без стука распахнулась. В нее заглянул дежурный по райотделу:

— Антон Игнатьевич, оперативная группа вас ждет!

Положив телефонную трубку, Антон посмотрел на дежурного:

— Что опять случилось?

— На Береговой, кажется, убийство.

Глава

ХП

Служебная машина, проскочив железобетонный мост, свернула на Береговую улицу и резко затормозила возле дома с мезонином. У калитки переговаривались женщины, по всей вероятности, соседки. Среди них Бирюков сразу узнал блондинку с шиньоном, которую заведующий сберкассой посылал за Крохиной. Едва оперативники показались из машины, женщины замолчали.

Прокурор подошел к ним. Внимание всех сразу сосредоточилось на блондинке из сберкасс. Она заметно растерялась, ни с того ни с сего стала вдруг сбивчиво рассказывать, как долго искала телефон, чтобы позвонить в милицию. Прокурор отозвал ее к машине, предложил спокойно вспомнить все по порядку.

— Конечно, конечно... — по-прежнему волнуясь, заговорила девушка и, увидев Бирюкова, словно обрадовалась. — Сейчас я по порядку. В общем... вот при этом товарище, — она показала на Антона, — заведующий попросил меня сходить к Марии Степановне. Подхожу к калитке, звоню. Собака молчит... Обычно только до звонка дотронешься — собака аж из себя выходит. А тут молчит... Толкнула калитку — открыта. Позвала — молчание. Тогда прошла в дом. Двери все открыты, а никого нет. Спустилась в кухню — кухня у Крохиных в полуподвале. Свет горит, хотя день уже вовсю. Заглянула в ванную, а там... Мария Степановна...

Девушка потеряла горло, как будто ей стало тяжело дышать.

Пригласив понятых, оперативная группа приступила к работе.

Крохина повесилась на бельевом шнуре. Один конец шнура был привязан к трубе отопления, проходящей под самым потолком ванной комнаты. Помогая Борису Мед-

никову и эксперту-криминалисту Семенову вынимать тело Крохиной из петли, Бирюков ощутил его необычную легкость, хотя нельзя было сказать, что Крохина была чрезмерно худа. А еще Антону бросилось в глаза, что лицо мертвой Марии Степановны было таким же, как у живой, — отчужденно-замкнутым, усталым. На ее щеке резко выделялась сизо-черная полоса.

Следователь Петр Лимакин и Борис Медников начали наружный осмотр трупа. Понятые, словно набрав воды в рот, настороженно смотрели на них. Эксперт-криминалист разглядывал бельевой шнур. Прокурор вполголоса разговаривал с блондинкой из сберкассы, оказавшейся в роли свидетельницы. Стараясь ни к чему не притрагиваться, Антон прошел на кухню. Вчера он заходил сюда вместе с Крохиным и обратил внимание на безупречный порядок. Сейчас на кухне был полный разгром: посудный шкаф отодвинут от стены, дверца плиты распахнута, возле поддувала — куча золы, кафельные облицовочные плитки на стенах во многих местах расколоты, точно стены пытались долбить.

Возле шкафа, в углу, лежали пустые поллитровка и четвертинка. На темном кухонном столе белел тетрадный листок, придавленный синенькой шариковой ручкой. Подошел прокурор и рядом с Антоном склонился над листком. Это была предсмертная записка: «В моей смерти прошу никого не винить. Запуталась я и устала. Чем так жить, лучше — в петлю! М. Крохина».

Прокурор, подозвав следователя, кивнул на записку. Лимакин, как показалось Антону, дрогнувшей рукой взял листок и положил его в свою папку. Бирюков продолжал осматривать следы разрушения в кухне и не мог понять, ради чего это сделано. Можно было предположить, что здесь искали тайник. «Кто искал?.. Чего?..» — задавал себе вопросы Антон и не мог на них ответить.

В кухне и коридорчике горели электрические лампочки. Эксперт-криминалист Семенов приступил к снятию с выключателей отпечатков пальцев.

Бирюков осторожно за горлышко поднял с пола бутылки. Поставил их на кухонный стол. Разглядывая четвертинку, вдруг почему-то стал вспоминать, как ее называл Торчков. «Чиполлино?.. Нет... А как же?.. Как?.. Чебурашка!» И тотчас в памяти отчетливо прозвучал ответ Торчкова на вопрос, где он начинал выпивать с

одноруким заготовителем: «У мужика одного на квартире. Тот к моей поллитровке еще чебурашку поставил».

— На выключателе чисто, — хмуро сказал Семенов.

— По моим предположениям содержимое этой тары выпито на прошлой неделе, в четверг. — Антон показал на бутылки. — Снимите отпечатки.

Эксперт-криминалист недоверчиво покосился на него и принялся за работу. В кухню опять заглянул прокурор.

— Похоже на ограбление, — оглядывая стены, проговорил он. — Непонятно, что здесь искали?..

К кухонной двери подошли понятые. Одна из женщин, нервно стискивая в руках носовой платочек, тихо проговорила:

— Бог ты мой... Какой разгром учинили... Подъедет Станислав Яковлевич — удар-то для него будет...

— Куда он уехал? — спросил прокурор.

— Наверное, на рыбалку. Вечером вчера видела, как машина мелькнула с удочками.

— С женой он вчера не ссорился?

— Да кто их знает... — уклонилась от искреннего ответа женщина.

— А вообще как они друг с другом жили?

— Как все живут. Иной раз и ссорились. Так ведь... милые бранятся — только тешатся. Сам-то Станислав Яковлевич непьющий, некурящий. Словом, хозяин. Стремится все в дом, все в дом...

— Будь она проклята, такая жизнь! — эмоционально заговорила вторая из понятых, смугленькая нервная особа. — Уж так экономить, как Крохин!.. Лучше мило-стыню собирать... Бывало, Маша лишнюю секунду не даст электричеству погореть без нужды, чтобы счетчик не наматывал. Если б Крохин увидел сейчас горящие лампочки — с ним бы припадок случился...

На улице просигналила вызванная прокурором машина. Во дворе послышались голоса. Встретив приехавших, Борис Медников показал, где находится труп, и вышел на веранду. Бирюков, подойдя к нему, спросил:

— Ну что, Боря?

— Трудно сказать. Вскрытие покажет.

Увидев в углу веранды измятую, свернутую трубочкой газету, которую вчера пнул Крохин, Антон поднял ее. Это был спецвыпуск районки. Показав на фотоснимок Птицына с мотоциклом, Антон спросил Медникова:

— Читал?

Медников утвердительно наклонил голову:

— Сегодня утром в больнице был разговор по этому поводу. Кажется, зарвался Стас.

Бирюков неторопливо спустился по ступенькам крыльца. Внимательно осмотрев заасфальтированный небольшой дворик, заглянул в конуру, где скорчилась мертвая собака, и, подойдя к кирпичному гаражу, потянул не запертую на замок дверь. Она легко и неслышно открылась.

В гараже был образцовый порядок. На широкой, прикрепленной к стене полке лежали свернутые брезентовая палатка и резиновая надувная лодка, сделанная из автомобильной камеры. Рядом с ними — акваланг. Здесь же — подводное ружье со сломанным наконечником стрелы. В углу приютился верстачок с тисками и слесарным инструментом. На полу заметно отпечатались следы автомобильных покрышек. Тщательно оглядев все это хозяйство, Антон еще раз прошелся по двору, надеясь заметить что-либо характерное, но ничего особенного там не было.

На крыльцо вышел Медников. Обращаясь к задумавшемуся Антону, сказал:

— В подполье тайник нашли.

Бирюков, словно очнувшись, заторопился в кухню. Следователь Лимакин и понятые любопытно заглядывали в открытый лаз подвала, где шелкал яркой фотовспышкой эксперт-криминалист. Антон тоже склонился над лазом. Подпол, как и все в доме Крохина, был отделан добротнo. Стены, пол, потолок зацементированы, вверху электрическая лампочка. В одной из стен виднелся просторный естественный холодильник с открытой дверцей, заполненный подтаявшими кусками льда. Во льду — полное ведро рыбы.

— Где тайник? — спросил Бирюков.

— Семенов, видишь, фотографирует, — ответил Лимакин.

Антон посмотрел на эксперта-криминалиста. Тот наводил фотоаппарат на совершенно ровную стену. Сильно резанула по глазам фотовспышка. Бирюков зажмурился, а когда открыл глаза, Семенов уже сидел на корточках у стены, которую только что фотографировал. Нажав какую-то кнопку, он распахнул дверцу, за которой оказалась глубокая пустая ниша. Эксперт прице-

лился в нее фотоаппаратом. Опять голубой молнией блеснула электронная вспышка.

— Было что в тайнике? — спросил следователя Антон.

— Пусто, — ответил Лимакин. — До нас успели... Присутствующий здесь же прокурор поторопил:

— Давайте поживее, товарищи, шевелиться. Придется осмотреть весь дом.

Семенов вылез из подпола. Следователь, пригласив с собою понятых, вышел из кухни в коридорчик и направился к лестнице, ведущей в залу. Бирюков пошел за ними. В зале все выглядело так, как и вчера.

Антон остановился у посудной горки. Внимание привлекли фарфоровые чашки с яркими китайскими жарптицами. При первом взгляде на них обожгла мысль, что точно такие чашки подарил давным-давно деду Матвею кухтеринский следователь.

И сразу вспомнилось, как мальчишки говорили, что в Березовку приезжает на темно-зеленых «Жигулях» какой-то кудрявый рыболов-любитель с аквалангом и подводным ружьем. Невольно подумалось: «Неужели Крохин, охотясь в Потеряевом озере с подводным ружьем, отыскал там эти чашки?»

Для следователя Лимакина осмотр залы ничего не дал. По лестнице все поднялись на второй этаж, обошли пустые комнаты. Бирюков осторожно открыл дверь кабинета, где вчера сидел с Крохиным. Здесь тоже, как и в зале, все было по-прежнему. В замке секретера торчал ключ. Семенов внимательно обследовал его и решил открыть секретер.

Повернув ключ, Лимакин откинул крышку. В секретере стояло около десятка четвертинок с водкой.

Показывая на них, прокурор повернулся к понятным:

— А вы говорили, хозяин этого дома непьющий.

Женщины, удивленно переглянувшись, пожали плечами. Та, которая нервно мяла в руках платочек, проговорила:

— Наверное, на новоселье Станислав Яковлевич запаса. Намеревался на днях в новом доме друзей собрать, теперь вот соберет...

А Бирюкову при виде «чебурашек» опять вспомнился Торчков. Посмотрев на понятых, Антон неожиданно спросил:

— На прошлой неделе, в четверг, к Крохиным никто не приезжал на лошади?

Женщины помялись. И опять заговорила та, с платочком:

— День не помню, но, кажется, в четверг стояла возле дома подвода. Двое мужчин, по виду колхозники, гостили у Станислава Яковлевича. Один высокий, другой в больших сапогах, низенький. Приехали вроде трезвые, а из дома низенький вышел заметно выпивши. На крыльце пляску устроил с частушками.

Антон словно наяву увидел пляшущего Торчкова и еще больше утвердился в мысли, что неунывающий земляк начал выпивать с «заготовителем» в доме Крохина. Значит, Крохин знает этого «заготовителя».

— Когда приехали, — продолжала рассказывать женщина, — высокий, помнится, какой-то большой тюк занес в дом.

— Рука, левая, не протезная у высокого? — спросил Антон.

— На вид обе руки нормальные.

Тогда Антон попросил женщину пройти в мезонин и посмотреть лежащий на диване-кровати завернутый в простыню сверток, который там видел вчера, — не его ли заносил в дом высокий мужчина? Женщина охотно согласилась. Однако никакого свертка в мезонине уже не было.

Вернувшись с Антоном в рабочий кабинет, женщина высказала предположение, что Крохины вчера крупно поругались. Произошло это утром, когда почтальонка только что разнесла газеты. В соседней усадьбе было слышно, как Мария Степановна, плача, кричала на мужа, а после вроде как кто-то из них хлестал другого свернутой газетой. Кажется, это делала Мария Степановна, потому что Станислав Яковлевич успокаивал ее: «Опомнись, Маша, опомнись...»

Мысленно представив сцену, происходившую в доме Крохиных, Антон попытался построить логическую связь между только что принесенной почтальонкой райгазетой со снимком Птицына и конфликтом. Задумчиво глядя в окно, он увидел, как возле дома остановилась новенькая темно-зеленая автомашинка «Жигули» с привязанными на крыше бамбуковыми удилами. Из нее, резко ногой пнув дверцу, выскочил Крохин, одетый, как и вчера, в спортивное трико с белыми лампасами на брюках,

но вместо шлепанцев на его ногах теперь были большие болотные сапоги с широкими раструбами завернутых голенищ.

— Вот и хозяин приехал, — повернувшись к прокурору, сказал Антон.

Во дворе, словно выстрел, хлопнула калитка. Крохин буквально ворвался в дом. Запыхавшийся, красный от возбуждения, он, не поздоровавшись, набросился на присутствующих:

— Что здесь происходит?! Кто позволил?!

— Сегодня ночью погибла ваша жена, — ответил прокурор. — Мы вынули ее из петли и сейчас стараемся выяснить причину смерти.

Крохин бессмысленным, диким взглядом обвел присутствующих.

— Этого не может быть, — шепотом проговорил он.

— На кухне полный разгром...

Лицо Крохина побледнело. Он, словно задыхаясь, протянул руку к вороту трикотажной рубашки, медленно качнулся и вдруг со всех ног ринулся в залу. Антон со следователем бросились за ним. В мгновение ока проскочив две лестницы, Крохин влетел в кухню, рванул крышку подпола и почти провалился в люк. Антон и следователь услышали короткий сдавленный крик. Когда они заглянули в подпол — Крохин лежал у раскрытого тайника.

Прибежавший следом Борис Медников быстро опустился в подпол. По его просьбе женщины-понятые торопливо кинулись за водой. Поначалу Антону показалось, что Stanisław Яковлевич симулирует обморок, но чем дольше с ним возился Медников, тем лицо Бориса становилось серьезней. И Антон понял: обморок настоящий.

Приведя Крохина в сознание, Медников попросил связаться по радию из оперативной машины с дежурным по райотделу и срочно вызвать «Скорую помощь». Через узкий люк Крохина с трудом подняли из подпола. Придерживаемый с двух сторон Медниковым и следователем, Stanisław Яковлевич, тяжело переставляя ноги, медленно стал подниматься из кухонного коридора в залу. Антон, идя позади, машинально разглядывал его большие болотные сапоги, перепачканные засохшими лишаями зеленоватой озерной тины и слюдянистыми крапинками рыбьей чешуи.

XIII

От Крохина Бирюков решил идти пешком. Прокурор со следователем заканчивали формальности, связанные с происшествием, и ждать их не было смысла. Возле районного Дома культуры белобрысый подросток и уса-тый седой старик, похожий на художника-профессиона-ла, заменяли на районной доске Почета старые фотогра-фии новыми.

— Веня, милоч, ну смотри, что ты учудил... — миро-любиво выговаривал седой усач подростку. — Обяза-тельно за направлением взгляда на портретах следи. Те, что в объектив глядят, они всегда на зрителя гля-деть будут, а вот другие... С другими, милоч, думать надо, чтобы в центр смотрели. Возьми, например, Пти-цына... Видишь, какой героический парень с медалями! А куда он у тебя смотрит?.. Отвернулся от всего обще-ства. Ну-ка помести его между Тищенко и Га-лушкой...

Бирюков остановился возле доски Почета и стал рассматривать крупный портрет передового механизато-ра из Ярославского. Показалось, что задиристый чубатый Птицын с усмешкой шурит с портрета глаза и собирает-ся подмигнуть: ловко, мол, надул я фотокорреспондента насчет мотоцикла!

Совершенно неожиданно на Антона навалилось ост-рое чувство досады за то, что отложил поездку к новому месту работы, в Новосибирск. Совсем недавно казалось: придет председатель ярского колхоза Чернышев в уг-розыск Птицына с новеньким мотоциклом, и все станет ясным, а теперь вот, думал Антон, как нарочно, свалилось новое — смерть Крохиной. И, судя по все-му, причина этой смерти далеко не простая. Чтобы уста-новить и доказать ее, придется потратить много сил. Сразу же один за другим закрутились вопросы: из-за чего произошла вчера между Крохиными ссора? Почему и куда Станислав Яковлевич так поспешно уезжал? Что хранилось у него в тайнике?.. Действительно ли Торчков и «заготовитель» выпивали в четверг на той неделе у Крохина? Куда исчез этот загадочный «заготовитель»?.. Куда делся завернутый в простыню сверток, похожий на ковер, который вчера лежал на диване-кровати в мезо-нине?.. Что находилось в этом свертке?..

Вопросов было бесконечное множество, и ни на один из них ответить убедительно Бирюков не мог. Сейчас он как будто оказался в роли того студента, который вытянул на экзамене совершенно незнакомый билет.

Подполковник Гладышев сидел в кабинете один, сосредоточенно изучая какие-то документы. Он кивнул Бирюкову и, показывая на кресло, спросил:

— Что на Береговой?

Антон подробно рассказал о результатах выезда на происшествие. Слушая, подполковник задумчиво крутил в руках карандаш. Когда Антон замолчал, Гладышев, нахмурясь, спросил:

— Как Крохина на работе характеризуется?

— Очень хорошо.

— Хорошая производственная характеристика, к сожалению, еще не избавляет человека от психического заболевания. А может быть, предстоящий стыд разоблачения истории с лотерейным билетом толкнул Крохину в петлю...

— Кстати, Николай Сергеевич, — вспомнил Антон. — Позвоните в Ярское Чернышеву. Я утром просил его направить ко мне механизатора Птицына.

Гладышев снял телефонную трубку. Чернышев ответил быстро. Разговор состоялся недолгий. Подполковник сослался на сильную занятость. Узнав необходимое, он попрощался с председателем и, положив трубку, сказал Антону:

— Птицын через полчаса после твоего разговора с Чернышевым на собственном мотоцикле выехал к нам.

— Куда он делся? От Ярского не больше часу езды до райцентра, а уж полдня прошло.

Подполковник пожал плечами и стал уточнять детали, связанные с лотерейным билетом. Когда разговор подходил к концу и Антон совсем уже было хотел подняться, чтобы уйти от подполковника, зазвонил телефон. Гладышев снял трубку, ответил и посмотрел на Антона.

— Бирюков около часу у меня сидит, — сказал он. — Птицын появился? Направь ко мне.

Через минуту обитая дерматином дверь бесшумно распахнулась. В кабинет вошел крепко сложенный, пле-

чистый парень с лихим чубом, густо закрывающим правую половину лба. Антон сразу узнал его по фотографии на районной доске Почета, хотя вместо черного костюма с медалями в этот раз на Птицыне была синтетическая коричневая куртка с замком-«молнией». Покручивая в правой руке за ремешок защитный шлем и водительские очки, парень сказал:

— Птицын я, из Ярского. Вызывали?

Подполковник кивнул на стул:

— Проходите.

Парень посмотрел на свои запыленные сапоги. Стараясь не наступить на ковровую дорожку, прошел к стулу, положил возле него очки со шлемом и сел.

— Что так долго ехали, товарищ Птицын? — спросил подполковник.

— Колесо проколол. Хорошо, запаска с собою была, а то вообще бы сегодня не доехал до райцентра. — Птицын расстегнул на куртке «молнию», опять улыбнулся. — Надо же, на шоссейной дороге гвоздь в покрышку поймать.

— На своем новом мотоцикле ехали?

Парень утвердительно тряхнул чубом. Подполковник, переложив на столе бумаги, опять спросил:

— Догадываетесь, по какому поводу вас приглашали?

Птицын пожал плечами:

— Утром председатель колхоза встретил в конторе, говорит: «Срочно поезжай в районную милицию к товарищу Бирюкову». А я этого товарища в глаза ни разу не видел.

— Можете познакомиться, — подполковник показал на Антона. — Старший инспектор уголовного розыска Бирюков.

Птицын ничуть не смутился:

— Очень приятно. Зачем это я вам понадобился?

— Из автоинспекции сигнал поступил, — начал Антон. — При регистрации нового мотоцикла вы предъявили на него документы комиссионного магазина.

— Ну и что?.. В комиссионках нельзя покупать?

— Можно. Но у вас совершенно новый мотоцикл...

— Старый я бесплатно брать бы не стал.

— Каким образом новенький «Урал» оказался в комиссионном магазине?

— Я почему знаю. Продавщица говорила, чудик один

по лотерее выиграл и сдал в магазин. С приветом, наверное, мужик.

— Сколько вы заплатили за мотоцикл?

— Полторы тысячи. Точнее — тысячу пятьсот сорок. Рубль в рубль по прејскурантной стоимости.

— Кто вам подсказал, что в коммиссионном магазине новый «Урал» продается?

— Подскажут! Дождидайся... Просто повезло мне. Случайно зашел в магазин и глазам не поверил. Моментом сбежал в сберкассу, полторы тысячи снял и ука-тил из коммиссионки «Урал» с колясочкой. — Птицын из внутреннего кармана куртки достал почти новенькую сберегательную книжку и протянул ее подполковни-ку. — Не верите, вот посмотрите...

Гладышев, хмуро заглянув в сберкнижку, тут же вернул ее Птицыну. Настала пора перевести разговор к лотерейному билету, и Антон спросил:

— Для чего вы распространили слух, будто выигра-ли «Урал»?

— В районной газете прочитали?

— Не только. В Ярском об этом говорят.

Птицын искренне засмеялся:

— Случайно так получилось.

— Как это случайно? — строго спросил подпол-ковник.

— Очень просто, — как ни в чем не бывало улыб-нулся Птицын. — Когда, значит, привез мотоцикл, стою с ним у своего дома. Подходит Виктор Столбов — тракторист из нашего колхоза. В прошлом году он рань-ше меня записался на «Урал», и до сих пор его очередь еще не подошла. Ну, значит, стоим разговариваем. Я доказываю, что случайно в коммиссионке купил. Он не верит. Не заливай, мол... Подворачивает дед Слышь-ка — старик у нас в Ярском один есть — фантазер, каких днем с огнем редко найдешь. И тоже, словно ему до зарезу такая техника требуется, с вопросом ко мне: «Лешка! Где, слышь-ка, такую машину добыл?» Надос-ло мне Столбова убеждать, а тут еще этот липнет. «Выиграл, — говорю, — Кузьмич, по трехпроцентному займу». — «Как так?.. — удивился. — Трехпроцент-ный заем — это не лотерея, там деньгами отдают вы-игрыш». Разыгрываю дальше старика: «Денег, Кузь-мич, у государства не хватает, вместо них начали ма-шины выдавать, кому надо». — «А-ить это и лучше!» —

подхватил старик и подался по деревне разносить новость. Утром уже проходу не было: «Правда, выиграл? Правда, выиграл?..» — Птицын усмехнулся. — Честно говоря, если бы кто другой мне историю с комиссионкой рассказал, тоже бы не поверил. Случайность всегда на правду непохожа.

— И в газету вас случайно сфотографировали? — спросил Антон.

На лице Птицына появилось смущение. Он потупился, но ответил уверенно:

— С газетой фотограф виноват. Я ему, как деду Слышке, тоже про трехпроцентный заем говорил. Он вроде понял шутку, а вчера напечатал все-таки карточку. — Птицын виновато посмотрел Антону в глаза. — Наверное, из-за этого и решили, что жулик я, да?..

— Жуликом вас никто не считает, — сказал Антон. — Напротив, только хорошее о вас знаю, да и портрет ваш сегодня на районной доске Почета видел, у Дома культуры.

— Хорошо получился? — не то в шутку, не то серьезно спросил Птицын.

— Геройски.

— Надо будет заехать поглядеть.

— Заезжайте, поглядите. — Бирюков чуть подумал и вернулся к прерванному разговору: — Так вот, корреспондент газеты несколько по-иному о мотоцикле рассказывает.

— У него что, память девичья?! — возмутился Птицын.

— Сейчас пригласим, чтобы окончательно разобраться, — сказал подполковник и снял телефонную трубку.

Фотокорреспондент, как и в прошлый раз, появился быстро. С неизменным фотоаппаратом через плечо, он робко вошел в кабинет и коротко обронил:

— Здравствуйте.

— Здорово, товарищ фотограф! — с ходу наплыл на него Птицын. — Ты чего, дорогой, меня подводишь, а?..

Корреспондент поправил очки, придерживая фотоаппарат, сел на краешек стула.

— Ничего я не подвожу.

— Я говорил, чтобы карточку в газете не печатал?

— Ну говорили.

— Почему не послушал меня?

— Думал, вы пошутили.

— Нашел клоуна!.. — вспылil Птицын. — Прочитают знакомые в газете и скажут: «Вот трепач!»

— Ну, мы поправку дадим, — робко защитился корреспондент.

— Нужна мне твоя поправка! Люди будут мне пальцем в глаза тыкать, а я что в свое оправдание скажу?.. Читайте продолжение. Так, по-твоему?!

— Спокойнее, Птицын! — одернул Антон. — В уголовный розыск вас пригласили не из-за того, что газета напечатала снимок.

Птицын насторожился:

— Из-за чего же?

Бирюков с разрешения подполковника отпустил фотокорреспондента и стал выяснять, знаком ли Птицын со Станиславом Яковлевичем Крохиным. Передовой механизатор лукаво улыбался и ни под каким соусом знакомства не признавал. Так, ничего не добившись, Антон закончил беседу и пожелал Птицыну счастливого пути домой. Как только закрылась дверь, спросил подполковника:

— Как, Николай Сергеевич, понравился вам этот человек?

— Откровенно говоря, мне такие люди симпатичны. А тебе, смотрю, он не по душе пришелся...

Антон усмехнулся, словно его уличили в предвзятом мнении. Подумав, сказал:

— Выложил бы сейчас Птицын всю правду о мотоцикле, я тоже стал бы ему симпатизировать.

— Не веришь, что было так, как он рассказал?

— Не верю.

— Птицын, кстати, подметил, что случайность всегда на правду непохожа.

— Все равно не верю. Чтобы Крохин понес убыток на комиссионных... Нет, Николай Сергеевич, этого не может быть хотя бы потому...

— Что этого не может быть никогда, — шутливо вставил подполковник и тут же добавил: — Жизнь и в самом деле часто подбрасывает случайности, непохожие на правду.

— Вы не знаете Крохина.

— В прошлом году у него зубы лечил, — прежним тоном, чуть иронично, сказал Гладышев и задумался. — Случайность... случайность... Слишком белыми нитка-

ми, конечно, шита вся эта история с комиссионным магазином. Крохин не настолько наивен... По-моему, он затеял с мотоциклом какую-то игру, но кто-то перепутал его карты. Кто?..

— Будем искать.

Подполковник задумался и вдруг спросил:

— Где у нас сегодня Голубев?

— С утра ушел в заготконтору. Пытается на след однорукого заготовителя выйти, — ответил Антон. — Николай Сергеевич, что у Птицына в сберкнижке записано? Сколько он денег снял на покупку мотоцикла?

— Ровно полторы тысячи. Говоря его словами, рубль в рубль.

Г л а в а

XIV

К директору заготконторы Слава Голубев пришел как нельзя кстати. Коллектив райповских заготовителей проваливал выполнение квартального плана, и по такому, далеко не приятному случаю перед началом рабочего дня было созвано общее собрание. Его участники, не успев разойтись и разъехаться, еще бурно обсуждали принятое решение, когда Голубев появился в заготконторе и попросил директора собрать тех из заготовителей, которые ездят по селам на лошадях. Через несколько минут в директорском кабинете собралось пятеро мужчин почти пенсионного возраста.

— Это все? — удивился Голубев.

— Уже около года не можем полностью штат укомплектовать, — сказал директор. — Не идут нынче в заготовители.

— Дураков не стало, — заговорил мужчина с татуировкой на правой руке. — Месяц мотаешься по деревням как не знаю кто, а получка придет — больше ста пятидесяти не выжмешь.

Директор с укором посмотрел на него:

— Тебе-то, Кларов, грех на заработок жаловаться. Ты и за двести пятьдесят выжимал.

— А как эти двести пятьдесят доставались? — Кларов прищурился. — Когда Яков Степаных ушел на пенсию, так я, кроме своих сел, еще Ярское да Березовку прихватывал. Ближний круг — почти полсотни километров!..

От неожиданного успеха Голубев даже чуточку растерялся. Он исподволь пригляделся к говорившему, но Кларов вовсе не походил на того заготовителя, о котором рассказывал Торчков. Тем более что обе руки Кларова были крепкие и загорелые.

А Кларов между тем продолжал:

— Сколько уж говорим: давайте нам дефицитные товары, чтобы привлечь сдатчиков. Дали хоть раз?.. Ни разу! Возьмите пример с соседнего района. Вот где руководство с умом к нашему брату относится! Там заготовители своим активным сдатчикам и сервисы могут продать, и матерьялы, за которыми по магазинам надо побегать, а в обмен на макулатуру книжки хорошие имеются. Школьникам — пионерские, взрослым — про шпионов...

— Дефицитные сервисы да книжки про шпионов без нас продадут, — оборвал Кларова директор. — Наше дело собирать сырье, заготавливать от населения излишки сельхозпродуктов. Понятно?

Безапелляционность тона задела заготовителей. Перебивая друг друга, они враз ополчились против директора. Упоминание о книгах заинтересовало Голубева. Вспомнилось, как брат Антона Бирюкова Сергей хвалился, что за серебряный старый рубль выменял у заготовителя жерлицы и мировецкую «Судьбу барабанщика». Не давая разгореться полемике, Голубев быстро спросил Кларова:

— Откуда вам известны заготовительные порядки соседнего района?

— Я к ним недавно по обмену опытом работы ездил.

— А в Березовке когда последний раз были?

— В прошлом году по осени.

— А нынче?

— Нынче мне участок совсем в другой стороне отвели.

Голубев оглядел остальных заготовителей:

— Из вас тоже в этом году никто в Березовке не был?

Заготовители почти хором ответили отрицательно.

— А из соседнего района не наезжают туда? — опять спросил Голубев.

— Из соседних лишь Романыч может завернуть в чужой район, — ответил Кларов. — Ох, жук-пройдоха!

Ему ради плана сто километров — не круг, а Березовка почти на самой границе районов.

— Как его фамилия?

— Фамилии не знаю. Первый год у них работает.

— Это с протезом который? — показав на кисть левой руки, спросил Слава.

— Лично я ни разу его не видел. — Кларов пожал плечами. — Рассказывали о нем, когда обменивались опытом. Отчество мне запомнилось, а на фамилии у меня памяти совсем нет.

Оставив заготовителей решать их наболевшие вопросы, Слава Голубев заторопился к экспедиторам. Те о заготовителе из соседнего района совершенно ничего не знали и посоветовали обратиться к шоферам автолавок, которые часто бывают в селах и вполне могли там видеть активиста-соседа. К сожалению, все шоферы, с какими удалось переговорить Славе, только разводили руками. Однорукий заготовитель оказался прямо-таки человеком-невидимкой.

В райотдел Слава Голубев заявился во второй половине дня. Дверь Бирюкова была на замке. Слава открыл свой кабинет и сразу же заказал телефонный разговор с директором заготконторы соседнего района, на всякий случай решив при знакомстве с ним отрекомендоваться сотрудником райпо. Междугородная не вызывала долго. Голубев хотел уже было поторопить телефонистку, но в это время телефон очень робко звякнул. Слава схватил трубку и около минуты ничего толком не мог понять.

Звонила из Березовки Галина Васильевна Терехина. Слышимость на сельской АТС всегда была слабее городской, а на этот раз Слава вообще с трудом разобрал, что Терехина разыскивает Бирюкова. Она торопливо говорила что-то о мальчишках. До Голубева только-только начал доходить смысл, как разговор прервала междугородная.

Директор соседней заготконторы оказался общительным человеком. Он рассказал, что у них действительно есть заготовитель Виктор Романович Калаганов. Инвалид Отечественной войны, участник партизанского движения на Украине. Да, действительно, у него нет локтя левой руки, высокий. Устроился к ним на работу в начале этого года. Работает как дай бог всем работать! План постоянно в два раза перевыполняет.

— Конечно, перевыполнит! — сказал Голубев. — У наших заготовителей кусок отрывает.

— Почему у ваших?.. — удивился директор.

— Повадился по нашим селам ездить. Вы его надумили соседям подножку ставить?

— Первый раз слышу о нарушении конвенции, — попробовал отшутиться директор. — Вот Романыч!.. Инициативу проявляет.

— За такую инициативу наказывать надо, — недовольно говорил Слава. — Наши по его следам впустую ездят.

— Не знаю, что потянуло Романыча в ваш район. У нас своего сырья хватает. Обещаю прикрыть эту самодетельность, как только Романыч за товаром появится.

— Когда он должен появиться?

— На прошлой неделе ожидали, но где-то застрял до сих пор.

Голубев почему-то вспомнил обгоревшего старика и спросил:

— Сколько лет Романычу?

— Года три до пенсии осталось, а работает лучше молодых.

— Говорят, вы ему дефицитные товары даете для привлечения сдатчиков?

— Выделяем кое-что.

— Книжки интересные?

— Не только. Даже ковры, например, не жалеем, посуду хорошую, современные хозтовары. Между прочим, если Романыч по вашему району ездит, то и дефициты вашему населению достаются. А вы изволите недовольство выражать, — директор засмеялся.

— Да нет... Мы вовсе не против, чтобы он по нашим селам ездил. — Голубев решил повернуть разговор по-другому. — Пусть ездит на здоровье. Позвонил не из-за этого. Думал, проходимец объявился. Но, поскольку это ваш передовик, ничего против не имеем.

В кабинет без стука вошел Антон Бирюков. Голубев еще минуту поговорил с директором о трудностях в работе и положил трубку. Антон, кивнув на телефон, спросил:

— Кажется, председателя райпо изображал?

— Для пользы дела, — усмехнулся Слава Голубев. — Понимаешь, утро вечера мудренее. Отыскал загадоч-

ного однорукого заготовителя. Из соседнего района он... — Лицо Голубева неожиданно нахмурилось. — Знаешь, звонила из Березовки Галина Васильевна Терехина, учительница... Толком я не успел понять — междугородная прервала. Но, кажется, мальчишки что-то там натворили...

— Что они могут натворить? — насторожился Антон.

— Что-то с бабкой Гайдамаковой у них произошло.

Бирюков резко снял телефонную трубку и нетерпеливо стал вызывать Березовку.

Г л а в а

XV

Сидящий на корме лодки Сергей увидел Гайдамачиху одновременно с выскочившим на берег Димкой. Поначалу он хотел было оттолкнуть лодку от берега и уплыть в камыши, но Димка замер перед приближающейся старухой, словно загипнотизированный кролик перед удавом. Видя, что друг с перепугу лишился дара речи, Сергей выскочил из лодки и как ни в чем не бывало, пожалуй, только чуть радостнее, чем следовало бы, поздоровался:

— Здравсьте, бабушка!

Старуха остановилась, и сразу, как по команде, замер пудель Ходя с оскаленными зубами и высунутым языком. Гайдамачиха, близоруко шурясь, посмотрела выцветшими васильковыми глазами на мальчишек и совершенно неожиданно заговорила приветливым старческим голосом:

— Здравствуйте, ребятки, здравствуйте. Рыбалить плавали?.. Бог вам в помощь. Хорош ли улов?

— Ничего, нормальный... — солидно ответил Сергей. Опасливо покосясь на Ходю, добавил: — Щуку, бабушка, поймали громадную, как акула.

Старуха поняливо кивнула головой и подошла к лодке:

— У острова словили?

— У острова, у острова, бабушка, — зачастил наконец обретший дар речи Димка.

— Ох, раньше там крупные щуки водились. Супруг мой, Петр Григорьевич, царство ему небесное, не к но-

чи будь помянут, — Гайдамачиха торопливо перекрестилась, — постоянно там рыбалил. Да и сама я, когда помоложе годами была, к острову за рыбешкой плавала... Теперь здоровье кончилось, и лодочка моя в ветхость приходит... — Посмотрела на мальчишек. — Вы, миленькие, на ней больше не плавайте. Утонете по своей вине, а грех на мою душу ляжет.

— Мы не утонем. Мы как рыбы... — начал Сергей, но Гайдамачиха перебила его:

— На таком решете и рыба утонет...

Разговаривая, она продолжала разглядывать в лодке щуку. Даже наклонилась, сухоньким пальцем потрогала щучье брюхо и вдруг спросила:

— На ущицу рыбки не продадите?

— Чего ее продавать... — Сергей забрался в лодку, поднял щуку и великодушно предложил: — Берите бесплатно.

— Куда мне такую-то!.. — Гайдамачиха, словно испугавшись, замахала руками. — В лодке чебачки имеются. Вот мне десяток их с избытком будет.

Сергей мигом собрал со дна лодки рыбешек и положил их в подставленный Гайдамачихой фартук. Старуха благодарно закивала повязанной черным платочком головой, сунула под фартук руку, порылась там, как будто собиралась показать мальчишкам фокус, и протянула Сергею несколько монет.

— Вот вам за рыбу денежки.

Сергей спрятал руки за спину.

— Не надо, зачем...

— Бери, милый, бери! — настаивала Гайдамачиха. — Это трудовые ваши денежки, взять их — греха нет.

— Да ну вас...

— Не обижай старого человека отказом, — продолжала петь старуха. — Конфеток в сельмаге у Брониславы Паутовой купишь, сладеньким с дружкой побалуешься. Может, когда и вспомнишь добрым словом Елизавету Казимировну Гайдамакову. Уезжаю ведь я отсюда...

Она все-таки вручила Сергею деньги, и тот, не зная, что с ними делать, смущенно спросил:

— Куда, бабушка, уезжаете?

— К своему сыну старшенькому...

— А где он живет?

— Его давно в живых нет. В немецкую войну погиб я, как сообщили в похоронке, погребен возле города Брянска. Хочу перед смертью хоть на могилку поглядеть.

— Потом в Березовку вернетесь?

— Нет, там помру. Здоровья моего уже не хватит, чтобы назад вернуться.

— Бабушка, я слышал, у вас еще сын был...— неожиданно ляпнул Димка.

Лицо Гайдамачихи сделалось тревожным, выцветшие глаза расширились, словно от ужаса. Она, несколько раз перекрестив Димку, совсем по-ненормальному зашептала:

— Бог с тобой, внучек, бог с тобой... Младшенького моего волки на кусочки разорвали, а головенку его колчаковцы в озере утопили, в самом глубоком месте...

Набежавшее с севера облако широкой тенью накрыло Потеряево озеро. Вода заметно потемнела, совсем угрюмыми стали торчащие из нее черные столбы бывшего паромного причала. Гайдамачиха, пугливо оглянувшись, посмотрела на небо, беззвучно пошевелила губами и отошла от воды подальше, как будто опасалась, что озеро вот-вот выйдет из берегов и начнется великий потоп. Отыскав глазами лежащую на берегу березовую чурку, старуха устало опустилась на нее, бережно придерживая в фартуке на коленях взятую у Сергея рыбу. Ходя, не отставая от хозяйки ни на шаг, улегся у ее ног.

Присев, Гайдамачиха с тревогой уставилась туда, где спряталось за облаком солнце и чернел приметный у горизонта остров. Она задумалась, как будто вспоминала те давние годы, когда на берегу озера шумел бойкий купеческий перевоз: ржали кони, скрипели телеги, щелкали бичи, бородатые крепкие ямщики, переругиваясь друг с другом, загоняли на паром свои подводы, и она, молодая и красивая, командовала всей этой шумной, разномастной публикой.

В худеньком сморщенном лице Гайдамачихи столько было усталости и безысходной тоски, что Димке вдруг стало жалко старушку. Он подтолкнул Сергея в бок и скосил глаза в сторону деревни — пошли, дескать, домой. Однако Сергей как будто не понял намека.

Гайдамачиха по-старчески тяжело поднялась, тихонько подошла к озеру, зачерпнула пригоршню воды

и поднесла ее к губам, словно поцеловала. После этого долго стояла, не отрывая взгляда от острова, беззвучно шевеля губами, вроде бы про себя шептала молитву. Подбежавший к ней Ходя склонился над водой, несколько раз лакнул длинным слюнявым языком и так же, как хозяйка, уставил морду вдаль.

Постояв молча несколько секунд, Гайдамачиха провела мокрой от воды ладонью по лицу и, сгорбясь сильнее обычного, придерживая в фартуке рыбу, медленно пошла по тропинке среди тальников к Березовке. Понуро опустив морду, за нею мохнатым клубком покатился Ходя.

Мальчишки завороженно смотрели старухе вслед. Первый раз они видели бабу Гайдамакову такой, будто помешанной. Молчание нарушил Димка:

— Забираем щуку и бежим домой.

Сергей подбросил на ладони полученную от Гайдамачихи мелочь:

— После в сельмаг сходим, конфет купим на «трудо-вые денежки».

Г л а в а

XVI

В Березовском сельмаге продавалось все: и продукты питания, и промышленные товары, и книжки, и запасные части для мотоциклов и велосипедов. Командовала магазинным хозяйством очень подвижная и смешливая Бронислава Паутова, которую местные школьники обычно называли тетей Броней. Заведующая сельмагом умела не только поддерживать порядок в своем заведении, но и по-справедливому распределять товары между покупателями.

Когда Сергей с Димкой забежали в магазин, у прилавка, напротив Паутовой, сутулился дед Иван Глухов. Угрожающе выставив рыжую кержацкую бороду, он сердито спрашивал:

— Ну и что мне теперь делать, Бронислава, что?!

— Что хочешь, Иван Серапионыч, то и делай! — твердо отвечала заведующая магазином. — На прошлой неделе ты у меня полный мешок сахару купил?.. Купил!.. А теперь еще мешок тебе подавай?.. Что ж я другим буду продавать, по-твоему?..

— Русским языком сказал: тот мешок у меня забрал племяш.

— Чего он к тебе повадился? Последний холодильник из магазина для него забрал. Знала б, что не себе берешь, ни в жизнь бы ты у меня холодильника не увидел!

— Я что, бесплатно холодильник или сахар взял?

— Не бесплатно. Только понять ты можешь, что товары сельмаг получает для своих жителей, а не для разных там сродственников. Вот твой племянник теперь наварит к зиме варенья, а из березовцев кто-то может на бобах остаться, без сахара.

— Будто ты его тютелька в тютельку получаешь. Из березовцев каждый уже по мешку к варенью запас. Ну хоть десяток килограммов отпусти...

— Не могу, Иван Серапионыч! Сколько раз можно тебе повторять! — отрубила заведующая и повернулась к мальчишкам. — Вам чего, мои хорошие?

— Книжки бы посмотреть, тетя Бронь... — показывая деньги, вдруг сказал Сергей.

— Так у меня, кроме как про тракторы да автомашины, никаких книжек в наличии не имеется.

— Может, мы и такие купим.

— Что ж, книги — дело хорошее. Изучайте их — механизаторами станете. Сейчас, детки, достану... — Паутова попыталась отодвинуть от прилавка мешок с крупой, но, не осилив его, позвала деда Глухова: — Иван Серапионыч, помощи.

Глухов, скрипнув кирзовыми сапогами, зашел за прилавок и без помощи заведующей поднял мешок так легко, словно в нем была не крупа, а вата.

— Вот пенсионер... — шепнул Сергею Димка.

— Берите, детки, глядите, — Паутова положила перед мальчишками несколько книжек и повернулась к Глухову. — А ты не уговаривай меня, сахару больше не получишь. Иди домой, иди...

Однако дед Глухов уходить не собирался. Он тяжело вздохнул, вышел из-за прилавка и прислонился к стене. Заведующая принципиально отвернулась от старика и демонстративно стала нащелкивать костяшками счетов. Молчание затянулось ненадолго. Дверь громко хлопнула — чуть не запнувшись за порог, в магазин ввалился Торчков.

— Здравия желаю, товарищи продавец и покупате-

ли! — бодро выкрикнул он и, переваливаясь с боку на бок, подошел к прилавку.

— Здорово, Кумбрык, — лениво ответил Глухов. — Похмеляться явился?

Торчков, облокотившись на прилавок, повернулся к старику:

— Теперь, Скорпионыч, я в гробу похмелку и другое пьянство вижу. Только что председатель колхоза такой перцовки влил — без похмелки проветрило. — Торчков порывлся в кармане и звякнул мелочью. — Откупорь-ка мне, Бронислава, бутылочку газировки. Переключаюсь с крепкоградусных напитков на безградусные.

Паутова, подавая бутылку лимонада, усмехнулась:

— Ты чего так сурово настроился?

— В райцентровскую вытрезвильню на той неделе попался, а сегодня председателю уже бумагу прислали с описанием моих походов. В ресторане «Сосновый бор» бушевал хлеще, чем Потеряево озеро в непогоду.

— Что ж это так раскуражился?

— Шут ее, редьку с квасом, знает. Помню, из стеклянного ящика с водой золотую рыбку хотел выловить...

Паутова расхохоталась.

— Чтоб желания Матрены своей выполнять?

— Нет, стукнуло в хмельную голову, что в Потеряевом озере таких рыбешек можно расплодить. Вот ведь до чего водка доводит человека: дурак дураком делаешься. — Торчков вытащил из кармана мутный стакан и, поставив его на прилавок рядом с купленной бутылкой лимонада, вздохнул: — Эх, родимый... пропили мы с тобой мотоцикл и люльку.

— Теперь зарплату придется пропивать, — с усмешкой сказала Паутова.

— Ни-ни, Бронислава!.. Теперь у меня другой план наметился. Перво-наперво надо заработать в колхозе пенсию. Мне до нее уже осталось кот наплакал...

— Молодые годы в пожарниках проспал, а к старости хватился, — вставил дед Глухов.

— Не борозди, Скорпионыч, что попало! — огрызнулся Торчков. — Это надо еще разобраться, кто из нас больше спал. Я, к примеру, всю Отечественную войну с племенном совхозе лошадей для фронта растил. Сам генерал Доватор, когда в совхоз за лошадьми приезжал, со мной здоровался!.. И после победного конца войны я в первый же год вернулся в Березовку для продолже-

ния мирной жизни. — Торчков сузил глаза. — А ты в каких местах ошивался в военные годы? И когда ты после войны сюда прибыл, а... Если забыл, напомним: после войны ты еще пять лет в тюрьме отсиживал. За какие хорошие дела, интересно знать, ты попал туда?..

— Кумбрык!.. — грозно сверкнул глазами Глухов. — Довякаешься!..

— Ну-ну-ну... Не больно-то хвост поднимай. За хулиганские выходы и пенсионерам гайки прикручивают.

— Ты меня тюрьмой не попрекай! Я после тюрьмы двадцать пять лет с лишком трудового стажа наработал.

— И правда, Кумбрык, чего это ты Ивана Серапионича тюрьмой попрекаешь? — заступилась за Глухова завмаг. — Об этом уже давно в Березовке никто не помнит. Да и, как говорится, от суммы да тюрьмы не за-рекайся...

— А ты чего в адвокаты лезешь? — повернулся к ней Торчков. — Это у вас, продавцов, сума да тюрьма в один узелок связаны, а мне чего тюрьмы пугаться, когда суммы нет!

— А в вытрезвилку залетел! — съязвила Паутова.

— Хы... Туда знаешь какие порядочные люди залетают?.. Не чета мне! А вот когда ты в тюрьму залетишь...

— Типун тебе на язык! Двадцать лет без растраты в торговле работаю!

— Не кипятись, Бронислава, не кипятись. Это к примеру говорю. Ты слушай меня, слушай... — Торчков спокойно налил полный стакан лимонада, но пить не стал. — Я мужик открытый. Правду-матку в глаза режу...

— Бронь, ну и что мне делать? — обращаясь к Паутовой, перебил Торčkова дед Иван Глухов.

Торчков живо схватил с прилавка стакан с лимонадом и участливо протянул старику:

— Выпей вот газировочки, авось полегшает на душе.

— Подь ты со своей газировкой! — как от надоедливой мухи, отмахнулся Глухов. — По-твоему, я похмелку выпрашиваю?..

— А чего еще?.. — растерялся Торчков. — На своем опыте знаю, когда утром перехватишь сверх нормы, аккуратно в это время пора опохмеляться.

Паутова опять расхохоталась:

— Поэтому по привычке и пришел в магазин?

— Смех смехом, а почему зашел, и сам не...

Торчков внезапно словно поперхнулся и с непостижимой ловкостью, не расплескав ни капли лимонада, спрятал полный стакан за спину. Все удивленно посмотрели на хлопнувшую дверь — в магазин вошел Игнат Матвеевич Бирюков. Торчков уставился на председателя колхоза откровенно-растерянным взглядом, затем сокрушенно покрутил головой, будто избавляясь от неприятного сна, поставил стакан с лимонадом на прилавок:

— Ну, шут побери... Совсем забыл, что газировкой забавляюсь.

Паутова расхохоталась.

— Не вижу ничего смешного, Бронислава, — для порядка захорохорился Торчков. Залпом осушив лимонад, он сунул стакан в карман пиджака и, оставив на прилавке недопитую бутылку, заторопился из магазина. — Хватит лясы точить. Заговорился тут с вами, а дома поросята голодные сидят, надо покормить животных...

Игнат Матвеевич, с улыбкой посмотрев вслед Торчкову, подошел к мальчишкам.

— Вы чего уши развесили?

— Книжки смотрим, — ответил Сергей.

— Нашли библиотеку, — Бирюков, подав Паутовой деньги, попросил: — Сложи в мешок десяток булок хлеба. Комбайнеры сегодня всю ночь в поле будут, надо ужин им увезти. — И повернулся к Сергею: — Передай матери, что поздно домой вернусь.

Сергей кивнул головой и, позабыв о конфетах, ради которых забежали в сельмаг, потянул Димку за рукав. Уже у дверей оба спохватились, что в магазине нет деда Ивана Глухова. Старик исчез незаметно.

Г л а в а

XVII

Разговаривая, мальчишки дошли до дома Бирюковых. В осенних сумерках темнело затянутое облаками небо. По деревне только что пропылило пригнанное с выпаса стадо. Покрикивая, хозяйки загоняли коров во дворы, брякали подойниками. Монотонно поскрипывал колодезный ворот. Из дома с ведрами в руках вышла Полина Владимировна, направляясь к колодцу, попросила Сергея:

— Сходил бы, сынок, Красулю поискал. Опять корова от стада отбилась.

Сергей просяще посмотрел на Димку:

— Пошли вместе, а?..

— Пошли, — согласился Димка.

Корову мальчишки нашли сравнительно быстро. Красуля паслась неподалеку от кладбища за Гайдамачихиным огородом. Увидев в руке Сергея длинный прут, она нехотя направилась к дому.

Избушка Гайдамачихи сиротливо кособочилась на отшибе села, словно на смех отделенная от Березовки проезжим к кладбищу проулком, по которому проходили все березовские похоронные процессии. Покрытая земляным дерном крыша заросла лебедой, отчего издали избушка казалась небольшим бугорком с зеленой полянкой на вершине. За избушкой — поросший лопухами двор. С широкими листьями и фиолетовыми шариками репьев, лопухи нахально лезли из ограды и с каждым годом все больше заполняли проулок. За лопухами — вросшая в землю баня с такой же нашлепкой лебеды на крыше, а за баней — овощные грядки и клочок огорода, обнесенный старым, покосившимся плетнем.

Неожиданно со стороны райцентра мальчишек обогнал голубенький «Запорожец». Вильнув в проулок, машина пропылила по деревне и остановилась у дома Глухова.

— Опять племянник Скорпионыча приехал, — сказал Димка. — Повадился он что-то нынче в Березовку.

— Наверное, за сахаром прикатил, а тетя Броня так и не продала Скорпионычу ни килограмма, — ответил Сергей и сразу же спросил: — Димка, чего это Глухов так незаметно улизнул из магазина? Отца моего испугался, что ли?..

— Кто его знает...

Мальчишки остановились. Не успели они толком обсудить поведение деда Глухова, как из проулка — не то от усадьбы Торчкова, не то из-за избушки Гайдамаковой, — неслышно работая мотором, выскочили «Жигули» и, коротко осветив мальчишек фарами, повернули на дорогу к Ярскому.

— Не заметил, кто за рулем был? — спросил Димку Сергей.

— Где тут заметишь, если он ослепил.

— Машина вроде кудрявого аквалангиста.

— Таких машин сейчас в районе много.

— Не бабку ли Гайдамакову он увез? Давай проверим, а?..

Мальчишки сделали изрядный круг и между лопухов пробрались к усадьбе Гайдамаковой. Окно избушки тускло светилось. Димка, дернув Сергея за рукав, прошептал:

— Пошли, а то всыпят дома...

— Подожди, сейчас в ограду пролезу.

Сергей, не дожидаясь согласия друга, пробрался сквозь дыру в плетне и, укрываясь под листьями лопухов, пополз к избушке. Димка скрепя сердце попластунски двинулся за ним. Внезапно Сергей развернулся и шепотком проговорил:

— Там собака и козел вроде как дохлые лежат. Прямо на них наткнулся — даже не шелохнулись.

Сергей прополз вперед и замер почти у самых дверей избушки. Из приоткрытого светящегося окна тянуло табачным дымом. От напряжения зазвенело в ушах — в избе разговаривали, но разобрать ничего было нельзя.

Неожиданно свет в избушке погас. Чуть спустя тренькнуло стекло. Сергей до боли в глазах уставился на окно — створка оказалась закрытой. Тягуче проскрипела дверь, послышались глухие голоса. Говорили тихо, но голос Гайдмачихи Сергей узнал сразу. И тут же увидел сгорбленную старушечью фигуру. Рядом с ней появился высокий мужчина в плаще, с наброшенным на голову капюшоном.

Первых слов Сергей от волнения не разобрал. Понял только, что мужчина упоминал какую-то могилу. Гайдмачиха в ответ сказала что-то невнятное. Мужчина заговорил снова. Сергей напряг слух, стараясь не пропустить ни одного слова.

Мужчина: Нездоровится мне что-то. Которые сутки знобит.

Гайдмачиха: От непогоды, должно быть, — зима на носу. Да и куришь не переставая.

Мужчина: Забыл спросить. Зачем к Бирюковым милицейский сын приезжал? Не вынюхивает ли?..

Гайдмачиха: Рыбалил с другом на озере, потом с Торчковым беседовал.

Мужчина: Торчков, наверно, пропитые деньги ищет?

Г а й д а м а ч и х а : Кто его знает...

М у ж ч и н а : Пусть ищет... Ну а с объявлением ты отмочила номер: кто в Березовке твою «бочку сподкапусты и протчую мебель» покупать станет?.. Уезжать тихо надо было, без объявлений.

Г а й д а м а ч и х а : Клянусь последними словами, что поддалась уговору. Куда мне ехать?.. Ходю да Кузю своими руками жизнью лишила, ничегошеньки теперь у меня из живого на белом свете не осталось... Вам, сынок, я не верю, придушите вы меня при первом случае или на полустанке как дуру бросите...

М у ж ч и н а : Не справляй панихиду прежде времени. Вот если обманула — тогда плохо будет.

Г а й д а м а ч и х а : Теперь жалею, что не обманула.

Старуха, кажется, заплакала. Мужчина зло сплюнул.

Г а й д а м а ч и х а : Не плюйся, сынок, иди. Ох, чует мое сердце: доиграетесь...

М у ж ч и н а : Не страшай. Хватит. Выходи по старому тракту на шоссе, там племянник Ивана тебя подберет.

Г а й д а м а ч и х а : Ты-то когда управишься?

М у ж ч и н а : Ковыряюсь как жук в навозе.

Г а й д а м а ч и х а : Сам тоже к племяншу прибудет?

М у ж ч и н а : Чего ему там делать? Сам — в надежном месте.

Г а й д а м а ч и х а : Почему он не захотел тебе помогать?

М у ж ч и н а : Помощник... царя небесного... Ну, собирайся, а то племянник без тебя уедет.

Г а й д а м а ч и х а : Нищему собраться — только подпоясаться.

М у ж ч и н а : Ну все...

Г а й д а м а ч и х а : Ступай уж, не рви мое сердце... Бог не простит вам этого...

М у ж ч и н а : Перед богом все равными представим...

Чуть не наступив на Сергея, мужчина направился к огороду. Проскрипела дверь избушки, все затихло. Сергей поднял голову, прислушался. Опять скрипнула дверь, лязгнул замок. Сергей замер и даже чуть-чуть высунулся из лопухов. Ссутулившаяся Гайдамачиха задумчиво стояла у двери. Закинув за спину небольшой узе-

лок, она перекрестилась и неслышно вышла из ограды на деревенскую улицу.

Сергей торопливо заработал коленками и локтями. Выбравшись из лопухов, мальчишки со всех ног бросились вдоль деревни к дому Бирюковых. Присев на скамейку, где обычно в солнечные дни подремывал дед Матвей, Димка устало перевел дух и спросил:

— Кто там был?

— Кажется, тот, в плаще, которого Гайдамачиха встречала на берегу озера...

— Дед Иван Глухов?

— Похож, но вроде не он... Кажется, кудрявый ак-
алангист... — Сергей вдруг заторопился. — Дима, по-
шли сестре твоей Галине Васильевне расскажем, а?..

— Она что, следовательно?

— Пусть позвонит нашему Антону. Ей он лучше, чем
нам, поверит... Не заметил, куда мужик от Гайдамачи-
хи подался?

— Через огород куда-то. Наверно, на райцентров-
скую дорогу.

— Побежали догоним его, последим хоть ма-
ленько...

— Нет, — категорически отказался Димка. — Ты с
ума сошел, ночь уже наступила.

Г л а в а

XVIII

Обычно Антон Бирюков не жаловался на отсутствие сна, но почти каждый раз, когда при раскрытии преступления концы не вязались с концами, мозг продолжал работать и во сне. Вот и на следующий день после смерти Крохиной Антон проснулся ни свет ни заря.

Вчера в конце дня ему удалось дозвониться до Березовки, отыскать Сережку и узнать подробности мальчишеских приключений, которыми так было перепугал его Слава Голубев. Зная непоседливый характер и фантазию младшего братца, Антон был далек от мысли принимать рассказанное мальчишкой за чистую монету. Но обстоятельства складывались так, что над ними следовало задуматься. Если бы не смерть Крохиной, Антон договорился бы с подполковником Гладышевым и немедленно выехал в Березовку. Сейчас же уезжать

из райцентра было нельзя — слишком стремительно начала раскручиваться спираль, закрученная историей с лотерейным билетом.

На работу Антон Бирюков отправился пораньше. Дежурный по райотделу, ответив на приветствие, предупредил:

— Там, у кабинета, посетитель ждет.

Антон посмотрел на часы — до официального начала рабочего дня оставалось еще больше часа.

— Из Ярского какой-то парень приехал, — пояснил дежурный.

Бирюков поднялся на второй этаж. По коридору нетерпеливо расхаживал Птицын. Завидев Антона, он обрадовался, словно повстречал старого друга. Размахивая шлемом и защитными водительскими очками, торопливо двинулся навстречу:

— Вот повалился я к вам. Сегодня приехал по собственному желанию, прошу учесть. — И словно спохватился. — Здравствуйте, товарищ Бирюков.

— Здравствуйте, — без восторга, в тон ему ответил Антон, вставляя ключ в замочную скважину и прикидывая в уме, какая спешка привела спозаранку этого бойкого механизатора в милицию.

Поздоровавшись, Птицын замолчал, как будто не знал, что сказать дальше. В кабинете он сунул руку во внутренний карман куртки и, ни слова не говоря, положил на стол золотое кольцо со вставленным красивым камешком.

— Это все или еще есть? — без всяких эмоций спросил Антон.

— Нету больше. Только одно дал.

— Рассказывайте по порядку, спешить некуда.

Птицын потупился, ладонью откинул свалившийся на глаза чуб.

— Соврал я вчера насчет платы за мотоцикл.

— Врать — это плохо. Детей за такие штучки наказывают, — сказал Антон, разглядывая перстень. — Но поскольку вы не дите, то рассказывайте все откровенно.

Птицын поспешно кивнул головой.

— Короче говоря, насчет мотоцикла я с Крохиным договорился заранее. Заплатил ему две тысячи рублей, а документы оформили через комиссионку на прейскурантную стоимость «Урала» с коляской. Со сберкниж-

ки снял только полторы тысячи. Крохин так предложил, чтобы, значит, в случае чего подозрений не было.

«Предусмотрительно», — отметил про себя Антон.

— Я, понятно, сразу догадался, что Крохин мужик ушлый, — продолжал рассказывать Птицын. — Только, думаю: а мне-то какое дело?.. Ударили по рукам — и мотоцикл в Ярском оказался. Все нормально шло, а тут корреспондент кашу заварил. Сразу вроде смешно получалось. Увидел я фотографию в газете, посмеялся с женой, как «игранул» в лотерею две тысячи собственных денег, и вот тебе вечером в воскресенье Крохин тут как тут заявляется. Стал упрекать, что я сфотографировался для газеты. Мол, в сберкассе знают, что мотоцикл-то он выиграл, а газета совсем другое пишет. Начнут разбираться — грехов не оберешься... Я возьми да ляпни: трухнул, мол, доктор? Спекуляцией запахло? Он побледнел, дескать, первый раз с ним такое, дескать, хотел мне доброе дело сделать, а оно вон как оборачивается. Каяться стал, что были бы деньги, немедленно мне вернул бы пятьсот рублей, которые взял с меня сверх стоимости. Потом достает колечко, — Птицын показал на поблескивающий перед Антоном перстень, — и начинает умолять, чтобы я его взял вместо денег. Стоит якобы это колечко больше пятисот. Смешно мне стало. Говорю: «Ну зачем мне такая побрякушка?» В этот момент, как на грех, Люська домой пришла. Жена. Она вообще-то неглупая женщина, но до безумия любит разные колечки да браслетики. Увидела: «Ой, Лешка! Это ж с настоящим рубином перстень!» Ну и, конечно, вместе с Люской Крохин уговорил меня взять этот перстенок, чтобы с моей стороны никаких претензий не было. — Птицын невесело усмехнулся. — Почти не спал сегодняшнюю ночь. Утром отпросился у председателя — и к вам.

— Значит, Крохин отдал вам перстень вечером в воскресенье? — уточнил Антон.

— Ага. Вручил перстенечек и сразу уехал на своих «Жигулях».

— Не сказал куда?

— Нет. Удочки у него с собой были. Может, с чистой совестью рыбачить поехал — рыбак он вообще-то заядлый.

Антон, глядя на перстень, сказал:

— Придется его забрать у вас для выяснения.

— Ради того и привез... Вы уж, честное слово, простите меня.

Обстоятельно записав показания и проделав необходимые формальности, связанные с изъятием вещественных доказательств, Антон Бирюков отпустил Птицына. Оставшись в кабинете один, Антон сосредоточенно разглядывал на перстне замысловатый старинный вензель и ярко-красный граненый камень. Затем направился к эксперту-криминалисту.

Семенов сразу заинтересовался перстнем. Повертев его в руках, достал из стола лупу и стал рассматривать грани рубина.

— Не меньше семисот рублей стоит, — заключил он. — Работа старинная. По всей вероятности, штучка из семейных драгоценностей. Гравировочной вязью буквы А. К. выведены. Видимо, фамильный вензель — раньше вензеля в моде были.

— Почему-то не предполагал, что Крохин из родителевого семейства, — сказал Антон.

Совершенно неожиданно лицо Семенова сделалось сосредоточенным, словно он увидел на перстне что-то необычное. Подойдя к окну, эксперт пристально начал разглядывать вензель и вдруг, повернувшись к Бирюкову, заговорил:

— Мне доводилось встречаться с драгоценностями богатого сибирского купца Кухтерина. Этот перстенок, похоже, из его коллекции. Уж очень характерно начертание буквы К...

В первый момент Антону показалось, что эксперт-криминалист шутит, но лицо Семенова, как всегда, было серьезным. Чуть поколебавшись, Антон сказал:

— Говорят, бриллианты Кухтерина исчезли в Потеряевом озере.

— Мне другую версию приходилось слышать. Рассказывали, что купеческий обоз ограбили где-то под Иркутском какие-то старатели вроде Фильки Шквореня из шишковской «Угрюм-реки».

— А о зяте Кухтерина, который работал следователем в сыском отделении полиции, ничего не знаете?

— Нет, ничего... — Семенов опять принялся рассматривать вензель на перстне.

— Могу держать пари, что перстенок принадлежал Кухтеринам. Буквы А. К., по всей вероятности, обозначают «Алексей Кухтерин». Был такой у них в роду...

Расставшись с экспертом-криминалистом, Бирюков полдня провел в райбольнице, беседуя с коллегами Крохина. В отличие от Бориса Медникова почти все, знавшие Крохина, отзывались о нем уважительно, а стремление экономить в большом и малом, которое порицал Медников, некоторые относили к положительным чертам характера. «Человек умеет жить», — с ноткой зависти говорили они и виновато пожимали плечами, как будто сожалели, что сами не могут ужать свой бюджет так, как Крохин.

Почти ничего не добавило и изучение личного дела. В стандартных анкетах были стандартные ответы. В автобиографии Станислав Яковлевич писал: «...родился 1 февраля 1931 года в г. Томске. Мать, А. А. Крохина, — домохозяйка. Умерла, когда мне было пять лет. Отец, Я. И. Крохин, накануне революции получив высшее образование в Томском университете, с первых дней принял Советскую власть и добросовестно служил ей до конца своей жизни, работая старшим архивариусом в архиве Сибири и Дальнего Востока. Умер в 1958 году. Трудиться я начал рано, в 16 лет. После, работая шофером в различных леспромпхозах Томской области, учился в вечерней школе. Получив аттестат зрелости, прошел вступительный конкурс в Томский медицинский институт, полный курс которого окончил с отличием. Имел предложение остаться работать на кафедре с гарантией последующего поступления в аспирантуру, однако, зная о нехватке квалифицированных врачей в районных больницах, отказался от заманчивого предложения, изъявив желание работать только в районе. Просьба моя была удовлетворена».

Антон повстречался с главврачом районной больницы. Тот тоже отозвался о Крохине как об очень ценном для района специалисте и не сказал о нем ни единого плохого слова. Побеседовать с самим Крохиным главный врач не разрешил — состояние здоровья Станислава Яковлевича было крайне тяжелым, и его готовили к отправке в областную психиатрическую лечебницу.

Разговор прервал Борис Медников. Заглянув в кабинет, он сказал Антону:

— Гладышев тебя разыскивает, срочно приглашает к себе.

В коридоре Медников показал Антону свернутый в трубочку бланк.

— Вот, несु подполковнику заключение медэкспертизы о смерти Крохиной. Смерть наступила от удушения. Ну а причину, по которой Маша накунула на себя петлю, придется устанавливать вам со следователем.

Когда Медников и Антон вошли в кабинет подполковника, другие участники оперативной группы уже находились там. Семенов внимательно сличал какие-то отпечатки, крупно увеличенные на снимках. Слава Голубев любопытствующе заглядывал ему через плечо. Следователь Лимакин, устало откинувшись на спинку стула, задумчиво молчал. Прокурора не было.

Едва взглянув на подполковника, Антон понял, что Гладышев получил важные сведения, однако выкладывать их не торопился. Прочитав вслух заключение медицинской экспертизы, подполковник, обращаясь сразу ко всем, спросил:

— Не инсценировано ли это самоубийство?..

Ответил следователь Лимакин:

— Нет, Николай Сергеевич. Факты говорят о том, что Крохина повесилась сама. Причина, побудившая ее пойти на такой крайний шаг, выясняется.

— Ну а как же разгром в кухне?..

— Это сделано после смерти Крохиной. Установлено, что собака Крохиных отравлена крысиным ядом, а наружная дверь дома открыта отмычкой. По тому, как преступник замел свои следы, напрашивается вывод, что в уголовных делах он не новичок.

Подполковник посмотрел на Семенова:

— Что криминалист скажет?

Семенов поднялся, протянул подполковнику материалы дактилоскопической экспертизы.

— Любопытная деталь обнаружена. На пустой поллитровке и четвертинке из кухни Крохиных имеются отпечатки пальцев, идентичные отпечаткам на бутылке, пахнувшей ацетоном, которая обнаружена у трупа старика на полустанке.

— Один и тот же человек действовал...

— Выходит, так, — подтвердил Семенов.

— Кстати, у нас есть сведения, что Крохин спекулировал водкой, — сказал следователь. — Запасался ею

и продавал по завышенной цене, когда магазины прекращали торговлю спиртным.

Подполковник опять посмотрел на эксперта-криминалиста:

— Не его отпечатки?

— Эти — нет.

— А другие?

— Среди других отпечатков, оставленных на поллитровке и четвертинке, есть и отпечатки Крохина. Он хозяин дома, мог переставлять бутылки или угощать гостей...— Эксперт помолчал. — Могу сообщить еще одну интересную деталь. На цементной пыли возле тайника Крохина удалось сфотографировать отпечаток подошвы сапога, очень похожий на следы того человека, который подходил от костра к остановившейся на проселочной дороге подводе. Уточняя: отпечатки сапог Крохина ничего общего с обнаруженными не имеют, хотя Крохин носит тот же размер обуви.

— Вот если бы вы, товарищ капитан, сказали, что украдено из тайника Крохина...— сделав ударение на слове «что», проговорил Антон.

— Могу лишь сказать, что в тайнике находились очень старые бумаги, — ответил Семенов. — Это показывает анализ пыли, взятой из тайника.

— Не деньги? — спросил Слава Голубев.

— Нет. Деньги печатаются на особой бумаге.

Подполковник повернулся к следователю Лимакину:

— На полустанке какие новости?

Лимакин оживился:

— Очень интересные. Вчера мне удалось вызвать на откровенность племянника Глухова. Оказывается, в четверг дядя, уезжая от него, попросил полбутылки ацетона...

— Зачем?! — спросил Голубев.

— Сказал, для хозяйственных нужд.

— А однорукого заготовителя этот племянник не видел у полустанка? — включился в разговор Бирюков.

— У полустанка — нет, а в Березовке — дважды.

— Давно?

— В прошлом месяце... — Лимакин сделал паузу. — Больше того, в понедельник утром, то есть вчера, племянник Глухова приезжал по работе на наш железнодорожный вокзал и, говорит, видел там, как однорукий заготовитель с трудом затолкал в ячейку автоматиче-

ской камеры хранения, похоже, тяжелый мешок... Я оставил сотрудникам транспортной милиции словесный портрет заготовителя и просил проверить у него документы, как только он появится на вокзале.

— Он вместо себя другого за тем мешком пришлет, — вставил Медников.

— Не беспокойся, Боря, ячейка на контроле.

— Все-таки вышли на заготовителя? — спросил подполковник. — Откуда он?

— Из соседнего района, — быстро ответил Голубев.

— Где находится сейчас, не установили?

— Всем участковым инспекторам передали словесный портрет, но от них пока сведений нет.

— И еще мне интересное рассказал племянник Глухова, — опять заговорил следователь. — По просьбе дяди в воскресенье вечером он привез из Березовки на полустанок старушку Гайдамакову, которая сейчас находится у него.

Подполковник недоуменно нахмурил брови.

— Зачем?

— Гайдамакова говорит, что должен подъехать человек, который увезет ее в Брянск, где похоронен старший сын, погибший в Отечественную войну.

— Кто этот человек?

— Гайдамакова умалчивает. Я долго с ней беседовал — безрезультатно. Старушка производит хорошее впечатление, но она кем-то очень запугана и, похоже, психически не совсем здорова.

Подполковник хотел что-то сказать, однако словно передумал и, взяв со стола несколько машинописных страниц, заговорил о другом:

— Из главного информцентра МВД пришел ответ на наш запрос. По дактилоскопической формуле установлено, что на полустанке погиб Калаганов Роман Романович, родившийся в 1900 году в городе Томске.

Все сразу повернулись к подполковнику и сосредоточенно замерли. Говорил Гладышев неторопливо, сухо-казенно, как обычно ведутся деловые разговоры. Коротко его сообщение выглядело так:

Первый раз Калаганов был осужден в 1946 году Тираспольским городским судом за крупную контрабанду, связанную с убийством сотрудника таможни, и приговорен к десяти годам лишения свободы. После зачитания приговора заявил судьям, что знает тайну исчезновения

драгоценностей богатого сибирского купца Кухтерина. Выговаривая себе двадцать пять процентов, полагающиеся при открытии клада, и полную амнистию, он утверждал, что может найти эти драгоценности и тем самым передать государству более двадцати миллионов рублей. В качестве подтверждения того, что исчезновение кухтеринских драгоценностей не выдумка, Калаганов назвал номер уголовного дела (4247-17), которое якобы было заведено сыскным отделением томской губернской полиции.

Заявлению был дан ход, однако уголовного дела № 4247-17 в архиве не обнаружили, хотя в реестре этот номер числился с пояснением «Кухтеринские бриллианты». Калаганова вызвали для беседы, во время которой он заявил, что в молодости слышал историю ограбления купца.

В 1953 году в связи с амнистией Калаганов был освобожден. Вторично попал на скамью подсудимых в 1960 году в городе Томске за покушение на убийство пенсионера Попадейкина. Во время судебного разбирательства, стараясь смягчить свою вину, Калаганов заявил, что спутал Попадейкина с бывшим полицейским сыщиком, который еще до революции пытался его обвинить в ограблении купца Кухтерина. Фамилию «сыщика» Калаганов вспомнить не смог, назвал лишь его прозвище — Якуня-Ваня. Такое объяснение Калаганова посчитали вымыслом и приговорили его к пяти годам лишения свободы. Это наказание он отбыл полностью, а через пять лет, вновь оказавшись в Тирасполе, был приговорен к четырем годам за участие в ограблении ювелирного магазина, где являлся своего рода наводчиком. Из исправительно-трудовой колонии освободился только в июле этого года и, не получив паспорта, исчез в неизвестном направлении...

Подполковника слушали внимательно. Едва он замолчал, Бирюков спросил Голубева:

— Слава, как фамилия заготовителя?

— Калаганов Виктор Романович.

— А старик — Калаганов Роман Романович.

— Или братья, или отец с сыном, — сказал Борис Медников.

Бирюков повернулся к эксперту-криминалисту:

— Легка на помине кухтеринская легенда, а?..

— Что за легенда? — заинтересовался подполковник.

Антон рассказал о золотом перстне, привезенном сегодня утром Птицыным, и о своем разговоре с криминалистом Семеновым. Подполковник посмотрел на Семенова:

— Действительно был такой купец?

— Не только купец, но и Якуня-Ваня действительно был, — ответил Семенов. — Во всяком случае, когда в пятидесятые годы я работал в Томске, мне доводилось встречаться со старичком, носившим такое прозвище. Сравнительно невысокий, седенький. Вместо трости ходил всегда с тоненькой деревянной рейкой. Большей частью прогуливался в районе пассажирской пристани, хотя жил где-то в противоположной стороне города. Был он вроде немного помешанным. При встрече с сотрудниками милиции отдавал честь и старался рассказать, как в октябре тысяча девятьсот девятнадцатого года близ сибирской станции Тайга колчаковцы заставили его ночью зарыть двадцать шесть ящиков с золотом. Всех, принимавших участие в захоронении клада, расстреляли, а он каким-то чудом остался жив, но место того захоронения не помнит. Любопытно, что рассказ свой старичок повторял слово в слово и с одинаковой интонацией голоса.

— Слушайте! Дорогие товарищи... — вмешался в разговор Борис Медников. — О колчаковском золоте я совсем недавно читал в каком-то журнале. Подробности не помню, но смысл... Словом, один гражданин из Эстонии утверждает, что его родственник видел, как были зарыты в землю где-то неподалеку от сибирской железнодорожной станции Тайга двадцать шесть ящиков с золотом. Однако найти их пока не удалось. Интересно то...

— Ты лучше вспомни о золоте Наполеона, якобы затопленном на дне Симлевского озера, или о сокровищах гробницы Тутанхамона. О них тоже писали в журналах, — съязвил следователь Лимакин.

— Не перебивай, — отмахнулся Медников. — Я говорю, интересно то, что совпадают и количество ящиков, и место захоронения, и время...

— А я слышал, будто колчаковское золото зарыто в нашем районе, где-то у поселка Горный, — сказал Слава Голубев.

— Услышать — одно, прочитать — другое. Журналы, как правило, непроверенных материалов не печатают...

Все оживленно включились в разговор. Лишь Антон Бирюков сидел, сосредоточенно наморщив лоб, словно обсуждаемое его совершенно не интересовало. Что явилось импульсом к неожиданно возникшей догадке, после он и сам объяснить не мог. Может быть, совпадение отчества и фамилии Калагановых, может, фарфоровые чашки с китайскими жар-птицами, может, кухтеринский золотой перстень с вензелем А. К., оказавшийся у врача-стоматолога Крохина, может, что-то другое... Но что бы там ни было, а вот именно сейчас, в кабинете подполковника, когда все увлеклись разговором о кладоискательстве, Антону показалось, что он уловил взаимосвязь между давним ограблением купца и происшествиями, всколыхнувшими неспешную жизнь райцентра в самые последние дни.

Из задумчивости Бирюкова вывел вопрос подполковника Гладышева:

— Что ты, Антон Игнатьевич, скажешь по этому поводу?

— Я, Николай Сергеевич, скажу, что виновника смерти старика Калаганова надо искать в Березовке. И чем раньше, тем лучше. Опасаюсь, что завтра будет уже поздно — уйдет он от нас, — быстро проговорил Антон.

Подполковник, видимо, ожидал другого ответа. Густые брови его чуть дрогнули.

— Объяснить можешь?

— Объяснение может показаться не очень убедительным — в моей версии пока не хватает некоторых звеньев. Например, я не могу сейчас четко сформулировать мотивы смерти Крохиной, затрудняюсь определенно сказать, каким путем лотерейный билет Торчкова попал к Крохину, но у меня нет ни малейшего сомнения, что кухтеринский перстень оказался у Крохина далеко не случайно...

Подполковник на какое-то время задумался:

— Скажи откровенно, считаешь, что смерть старика Калаганова связана с кухтеринскими бриллиантами?

— Да.

— А тебе не кажется, что это всего-навсего увлекательная местная легенда?

— До недавнего времени казалось так, теперь же, когда своими глазами увидел перстень с вензелем Кухтерина... — Антон, формулируя мысль, помолчал. — Сло-

вом, Николай Сергеевич, в нашем деле нельзя быть Фомой неверным.

— Хорошо, — подполковник обвел взглядом присутствующих. — Давайте обсудим, товарищи...

Обсуждение длилось около часа. В этот же день Бирюков выехал в Березовку.

Глава

XX

Антон проверил прочность весла, принесенного откуда-то из кустов Димкой, внимательно оглядел лодку, покачал ее с борта на борт, пробуя, не опрокинется ли ветхая посудина, и заставил мальчишек вычерпать из лодки скопившуюся воду, усыпанную блестками рыбьей чешуи. Затем сел на корму, усадил мальчишек и оттолкнулся веслом от берега.

Над озером медленно плыли серенькие дождевые облака. Просвистев крыльями, низко пронесся отбившийся от стаи чирок и, заложив стремительный вираж, плюхнулся на воду у камышей. На вершине склонившейся к воде березы лениво каркала одинокая ворона. Лодка податливо приближалась к острову и вскоре уткнулась в него носом. Вслед за Антоном мальчишки, озираясь по сторонам, подошли к тому месту, где прошлый раз варили на костре уху.

— Вы разбросали? — спросил Антон, показывая на валяющиеся вокруг пепелища черные головешки.

Мальчишки покачали головами. Антон, наклонясь, внимательно стал осматривать землю рядом с пепелищем. Сергей и Димка, словно ищейки, тоже склонились к земле, но, кроме своих собственных следов, оставленных прошлый раз, ничего не увидели. Ветерок едва слышно шелестел тальниковыми кустами, жалобно попискивала синица. Оглядев кострище, Антон неторопливо пошел вдоль берега к песчаной косе. Мальчишки потянулись за ним, Димка, локтем толкнув Сергея, шепотом спросил:

— Пистолет у Антона с собой?

— Конечно. Видишь, карман распух, — тоже шепотом ответил Сергей. — По-твоему, он голыми руками преступника должен брать?

— Какого преступника?

— Который стрелял здесь.

Дойдя до косы, Антон повернулся к брату:

— Где купался?

Сергей показал на поросшую кувшинками заводь, и все сразу свернули туда. Шагая по отлогому спуску, Антон наступил на что-то твердое. Нагнувшись, поднял ржавую подкову. Разглядывая ее, подумал, что в старину, когда ямщицкие обозы ездили между Березовкой и Ярским через озеро по льду, дорога наверняка проходила здесь.

Осмотрев следы ластов, показанные мальчишками, Антон перевел взгляд на заводь, усыпанную крупными кувшинками с широкими листьями, и недолго думая стал раздеваться.

У берега вода резанула холодом, но на глубине стало теплее. Зайдя в воду по грудь, Антон оттолкнулся ногами от дна и нырнул. Хотя с непривычки смотреть под водою было трудно, однако усыпанное ракушечником дно просматривалось хорошо. Песчаный ракушечник закончился обрывистым уступом, дно стало травянисто-илистым. Из него тянулись кверху длинные стебли кувшинок. Чуть подальше расплывчато белело какое-то пятно. Антон близко у дна подплыл к нему и почти вплотную увидел оскаленные зубы лошадиного черепа, наполовину затянутого илом.

В висках застучало. Вынырнув на поверхность, Антон отдышался, набрал полные легкие свежего воздуха и нырнул снова. На этот раз удалось разглядеть торчащие из ила крупные лошадиные ребра и почерневшие от долгого пребывания в воде сани-кошевы. Возле саней дно было усыпано прелыми листьями тальника и кувшинок. Кое-где белели осколки фарфоровой посуды. Осторожно, чтобы не взмутить ил, Антон поднял один из осколков, поднес его поближе к глазам и отчетливо увидел яркую китайскую жар-птицу...

Он нырял еще много раз. Почти в середине заводни отыскал еще одни затопленные сани и скелет лошади. Возле саней валялись взломанные черные ящики, но больше ничего не было. Во многих местах в иле виднелись широкие расплывшиеся вмятины, похожие на следы человека в ластах.

Одевался Антон торопливо, лязгая от холода зубами. Подававший ему одежду Сергей тревожно спросил:

— Гробы видел?

— Это санные кошевы и пустые ящики.

— Да?.. — разочаровался Сергей.

— Да.

Одевшись, Антон заставил мальчишек снова отчерпать из лодки накопившуюся воду, а сам поднялся на обрыв, к пепелищу костра. Занявшись делом, мальчишки вполголоса стали обсуждать, кто, кроме них, побывал на острове.

— Эй, орлы!.. — неожиданно крикнул с берега Антон. — Вы заряженный патрон в костер бросали?

— Нет! — разом ответили Сергей с Димкой.

— И патрона у вас не было?

Мальчишки переглянулись.

— Где патрон, который нашел в смородиннике? — сразу спросил Сергей.

Димка растерянно похлопал себя по карманам.

— Нету... Я тогда с перепугу и позабыл про него.

— Был патрон, и нет его! — крикнул Антону Сергей.

Антон спустился с обрыва к лодке. Бросив Сергею раздутую ружейную гильзу, с усмешкой спросил:

— Ваш?

— Наш... Как он в костер попал?

— Обронили рядом с костром, порох нагрелся и вспыхнул...

— Это все ты панику наводишь! — набросился Сергей на Димку.

Обратную дорогу мальчишки молчали. Лишь изредка они поглядывали смущенно на Антона, который, сильно загребая веслом, сидел, насупившись, то ли думал о чем-то серьезном, то ли злился на Сергея с Димкой, заставивших его впустую сплавать на остров.

В эту ночь Антон дома не ночевал. Заявился он лишь на рассвете. Повесив у порога плащ, долго стаскивал с ног сапоги. Разувшись, прошел на кухню, где уже суетилась мать, и, ни слова не говоря, сел за стол, уперся в него локтями и опустил на сжатые кулаки голову.

— Где был, сынок? — тревожно спросила Полина Владимировна.

— Дела, мам, дела... — отчужденно ответил он, сильно потер ладонями лицо и тут же, словно извиняясь, попросил: — Ты разбуди меня через пару часиков. Обещал Гале Терехиной зайти в школу встретиться с ее следопытами.

Появление Антона Бирюкова в Березовской школе вызвало настоящий переполох. Преподаватели буквально засыпали вопросами своего выпускника, а мальчишки и девчонки из кружка следопытов смотрели на него такими глазами, словно перед ними был настоящий Шерлок Холмс из прославленных конан-дойлевских книжек.

Поначалу Антон чуточку смутился. Свой рассказ он начал с того, насколько богата событиями история Березовки, как мужественно сражались березовцы за установление Советской власти, как погибали порою неизвестные герои и насколько полезна и ответственна задача юных следопытов, воскрешающих в людской памяти незаслуженно забытые имена. Разговорившись, Антон почти не заметил, как пролетели сорок пять минут школьного урока. Увлеченные его рассказом, следопыты оживились лишь тогда, когда Терехина объявила:

— А сейчас вместе с Антоном Игнатьевичем мы сходим на кладбище, чтобы у братской могилы почтить память наших земляков, погибших в борьбе с колчаковцами.

Сергей и Димка подлетели к Антону, будто преданные ординарцы:

— Цветов надо?

— Конечно, — ответил Антон.

Мягко светило сентябрьское солнце. Среди поредевших молодых березок, окружающих деревню, темнела старая роща, в тенистом полумраке которой располагалось Березовское кладбище.

Завидев раскинутые деревянные руки крестов и разноцветные могильные оградки, разговорчивая детвора притихла. Лишь Сергей и Димка вышагивали рядом с Антоном как ни в чем не бывало.

— Сейчас покажем тебе гранитную плиту на могиле Гайдамакова, — шепнул Антону Сергей. — Она рядом с братской могилой.

— Без вас знаю, — сухо сказал Антон и строго предупредил: — От меня не отходите ни на шаг.

— А что?.. Мы с Димкой можем даже ночью... — начал Сергей, но Антон еще раз строго посмотрел на него.

Тихо и по-осеннему грустно было в кладбищенской роще. Выстроив школьников в два ряда, Терехина повела их между могильными холмиками и оградками к

возвышающейся пирамиде памятника с поблескивающей бронзовой звездочкой на вершине. Путь этот Антон предложил Терехиной умышленно, чтобы пройти через все кладбище.

Мельтешил в глазах частокол оградок, на крестах и металлических пирамидках то и дело попадались знакомые фамилии.

Школьники, соблюдая очередность, молча проходили через узенькую калитку в просторный четырехугольник металлической ограды и полукольцом окружали памятник погибшим березовцам. Дожидаясь, пока в ограду войдут все, Антон присматривался к гранитной плите на заросшей травой могиле Гайдамакова. Изголовье ее почти упиралось в толстую, склоненную над могилой березу, а у другого конца лежала небольшая кучка свежего хвороста. Сергей потянул Антона за рукав и нетерпеливо зашептал:

— Пойдем ближе к могилке Гайдамака, что-то покажу...

Но Антону незачем было подходить ближе. Он и так уже заметил под хворостом свежеразрытую землю. Молча взяв брата за плечи, Антон провел его следом за Димкой через калитку к памятнику.

Церемония возложения цветов заняла немного времени. Букеты гвоздики, словно пятна загустевшей крови, легли среди увядающих к осени живых цветов на братской могиле. Несколько минут постояли в траурном молчании. В просвете между берез прямо над памятником, высоко в небе, как будто символизируя вечное безмолвие, неслышно проплывало одинокое облако.

Г л а в а

XXI

К вечеру все небо над Березовкой затянули серо-свинцовые облака. Медленно выплыв из-за Потеряева озера, они словно зацепились над деревней и никак не могли сдвинуться дальше. Однотонно забарабанил по оконным стеклам дождь, холодный и по-осеннему нудный. Сумерки сгустились так быстро, что уже к восьми часам вечера, казалось, наступила ночь.

Сергей и Димка на кухне у Бирюковых сообща решали неподатливую задачу.

Из своей комнаты вышел дед Матвей. Выпил стакан квасу, кряхтя, потер поясницу и опять удалился к себе.

Прошло несколько минут, скучных, тягучих. В сенях протопали шаги. Мальчишки затихли, прислушиваясь, кто пришел. По голосам поняли, что появился Антон, а с ним Слава Голубев. Сняли шуршащие плащи, похоже, разулись и прошли из коридора в горницу. Включили свет.

— Ты вроде как встречал меня, — проговорил Слава.

— В конторе со стариками разговаривал. Прикинул по времени, когда ты должен приехать, и вышел на улицу, — ответил Антон.

— Ну, что вчерашняя ночь?

— Впустую, не появился...

— Кстати, Крохин из больницы сбежал.

— Как сбежал? Когда? — В голосе Антона чувствовалась тревога. — Его ведь хотели в областную лечебницу направить.

— Хотели, да передумали. Оказывается, ничего серьезного у него нет. Заурядное нервное потрясение. Предложили успокоиться, подлечиться, а он сегодня после обеда прямо в больничной пижаме ушел домой, переоделся, сел в «Жигули» и укатил бог знает куда. Здесь не появлялся?

— Не видно было. Ищут наши?

— Конечно, но задерживать, сам понимаешь, пока никаких оснований нет.

— На полустанке что?

— Без изменений, ждет старушка у моря погоды. Мешок тоже лежит по-прежнему в камере хранения.

— А что о лошади заготовителя удалось узнать?

— Обнаружили лошадей! Знаешь где?.. Недалеко от вокзала живет старик выпивоха Лапиков. Домик его на отшибе, у озерца... Вот там, под навесом с воскресного вечера лошадка спокойно отдыхает. Кстати! Подкова, которую мы с тобой из Березовки привезли, от ее передней правой ноги. И гипсовые слепки подкованных копыт с места происхождения подходят. Понял теперь, чья подвода стояла у костра на полустанке?..

— Где же сам заготовитель?

— Лапиков не знает. Говорит, поздно вечером в воскресенье гость заявился, поставил лошадь, ушел в ночь — и с концом...

Разговор стал невнятным, так что мальчишки не смогли ничего разобрать, потом Голубев спросил:

— У тебя как?

— Сегодня со школьниками сходил на кладбище, убедился: руют. Однако в прошлую ночь никто не появился.

— Неужели Крохин?..

— Посмотрим... Не нравится мне его побег из больницы... — Антон еще что-то добавил тихо и тут же спросил: — Ужинать будем?

— Не хочу. Перед серьезным делом, как сказал бы Боря Медников, лучше поспать.

— Сегодня спать не придется.

— Будем собираться?

— Пожалуй...

А в это время из низенькой бани Гайдамаковой вышел сутулый мужчина в плаще с накинутым на голову капюшоном. Настороженно оглядевшись, он постоял немного, прислушиваясь к деревенским звукам. Затем перелез через плетень в проулок, опять постоял и, словно крадучись, направился к кладбищу. Подойдя к кладбищенской ограде, мужчина еще раз огляделся, осторожно раздвинул плечом две оторванных снизу доски и исчез в темноте.

Глава

XXII

Зарядивший с вечера дождь не переставал. Звонко отдаваясь в ушах, он забарабанил по капюшонам плащей. Стараясь, чтобы глаза привыкли к темноте, Антон и Слава, выйдя из дому, постояли возле крыльца.

— Вот выдалась погода, как по заказу, — глухо проговорил Антон. — Не передумал бы этот... гробокопатель в такую слякоть...

— Наоборот... скажет, добрый хозяин в такую погоду собаку из дому не выгоняет... — ответил Слава и, помолчав, спросил: — Значит, с обратной захожу?

— С обратной... В мою сторону деваться некуда. Там оградки вплитирку друг к другу. Сильно не разбежится, если надумает бежать.

Огородом, возле самого плетня, они прошагали за околицу и направились к кладбищу. Не дойдя до него, Слава положил ладонь Антону на плечо, словно хотел успокоить, и, ни слова не говоря, свернул влево, обходя кладбищенскую ограду с противоположной от деревни стороны. Антон по мелкому березняку вышел прямо к кладбищенским воротам. Они были чуть приоткрыты, хотя Антон сам их плотно прикрывал, когда днем уходил отсюда со школьниками. Склонившись, с трудом различил примятую траву. Судя по ней, на кладбище совсем недавно кто-то прошел.

Жалея, что нельзя посветить фонариком, который лежал в кармане плаща, Антон боком протиснулся в приоткрытую створку ворот и, пригнувшись, неслышно двинулся между могильными оградками к березе, укрывающей густыми ветвями могилу Гайдамакова. Шел как по краю обрыва, опасаясь взглянуть под ноги. Чтобы дождь не бубнил в ушах, осторожно снял с головы капюшон плаща. Вода противными струйками потекла за ворот, но от напряжения почти не чувствовалось ее холода.

Добравшись до березы, осторожно огляделся и затаил дыхание — у противоположного конца надгробной плиты чернела дыра подкопа. Прикрывавшая ее днем кучка хвороста горбилась рядом с бугром нарытой земли. А бугор этот постепенно рос, кто-то размеренно, лопату за лопатой, выбрасывал из могилы землю.

Дождь постепенно стал утихать. Тревожно шумела листьями старая береза. Прижавшись к ее корявому стволу, Антон напряженно посмотрел на возвышающийся справа памятник — ему показалось, что за оградой памятника кто-то шевельнулся. «Неужели Слава изменил намеченный план... Почему?..» — тревожно закрутилось в мыслях. Антон впился взглядом в промозглую темень, но разглядеть ничего не смог.

Дождь прекратился разом. Облака заметно поределели, и на какое-то время среди их рваных клочьев высветилась луна. Первоначальное напряжение у Антона прошло, однако чувство, что за памятником кто-то прячется, не исчезало. Антон сосредоточенно прислушался. Миновало не меньше минуты, прежде чем слух уловил глухую возню, доносящуюся из могилы Гайдамакова. Ошметки земли перестали оттуда вылетать. В могиле что-то хрустнуло. От возникшего опять напряжения за-

стучало в висках. Затекали ноги. Стараясь быть незамеченным со стороны памятника, Антон чуть-чуть сменил положение. Время тянулось медленно, словно вечность...

Неожиданно из могилы послышался такой громкий хруст, что Антону показалось, будто там ломают кости. Возня утихла. Не отрывая взгляда от подкопа, Антон про себя стал отсчитывать секунды. Где-то на третьей сотне в разрытой дыре кто-то шевельнулся. Оттуда вытолкнули что-то похожее на большой глиняный кувшин, и на поверхность стал выбираться бородатый мужчина. Раскисшая от дождя земля скользила у него под руками, но он, словно напуганный медведь, подминал ее под себя, поднимаясь из могилы все выше и выше. От подкопа до березы, за которой находился Антон, было не больше трех метров, и Антону послышалось натужное, усталое сопение. По спине неприятно пробежали мурашки. Антон нащупал в кармане плаща пистолет и передвинул головку предохранителя на боевой взвод.

Вылезший из подкопа устало присел на корточки. Затравленно оглядевшись, принялся отряхивать одежду. Его облик показался Антону очень знакомым, но темные облака опять спрятали луну, и разглядеть что-либо толком стало невозможно. На какое-то мгновение Антон подумал, что это старик, однако, судя по широким плечам и цепкой настороженности рослой фигуры, понял, что задержать такого «старика» будет не так-то просто.

Кое-как отряхнувшись, бородатый торопливо спрятал отрытый из могилы кувшин в мешок, еще раз огляделся, явно намереваясь уходить. Ждать больше было нечего. Антон шагнул влево и, держа перед собою пистолет, требовательно спросил:

— Что вы здесь делаете?..

Дальнейшее произошло молниеносно. Бородатый ошарашенно присел, будто над его головой внезапно ударил трескучий разряд грома, бросил мешок и прыжком кинулся на Антона. Завязалась борьба. Бородатый изо всех сил тянулся к пистолету. Стараясь не уступить ему, Антон сделал сильный рывок вправо, запнулся за надгробную плиту и, падая, почувствовал на себе тяжесть грузного тела.

От перенапряжения палец нажал на спусковой крючок. Резко ударил выстрел. Пуля цокнула о гранитную плиту и, певуче заныв, рикошетом унеслась над памят-

ником в сторону Березовки. В тот же момент возле памятника что-то затрещало, словно с разбегу кто-то натолкнулся на подгнивший крест. Послышался топот. Антон, изловчившись, заломил левой рукой правую руку бородатого и ударом колена из-под низа перевернул противника на спину.

На помощь подбежал запыхавшийся Слава Голубев.

— Управляйся!..— крикнул ему Антон.— За памятником... кажется, еще один...

Голубев, ни слова не говоря, ринулся в темноту, и Антон почувствовал, как сразу обмякло тело противника.

— Пусти... Игнатьич...— слышался усталый голос Ивана Серапионовича Глухова.— За другого тебя принял... Невиноватый я...

Г л а в а

XXIII

Укрытая промозглой ночью, мирно спала Березовка. Лишь в окнах колхозной конторы горел электрический свет. Второй час Антон Бирюков допрашивал старика Глухова. Был тот случай, когда задержанный с поличным, понимая бесполезность запирательства, дает самые откровенные показания, стараясь хотя бы этим уменьшить свою вину.

...Трудолюбивым, но очень уж невезучим человеком был коренной березовский мужик Серапион Глухов. Много раз пытался он поставить свое хозяйство на ноги, но всегда терпел неудачу. В 1916 году, пострадав от пожара, вынужден был наняться в работники к пятидесятилетнему отставному штабс-капитану Петру Григорьевичу Гайдамакову, державшему в Березовке трактир и паром на Потерьевом озере.

Жил Гайдамаков бобылем и, кроме прислуги да Серапиона, нанял вскоре еще одного работника — молодого, красивого парня, прозванного за ухарский вид Цыганом. В повседневной работе Цыган старанием не выделялся, но, когда брал в руки гитару или, прихлопывая в ладоши, начинал отстукивать «Цыганочку с выходом», тут уж равных ему не было!.. В том же, шестнадцатом году по осенней распутице укатил трактирщик

проведать свою родню, оставленную на Украине, а вскоре вернулся в Березовку с молоденькой красавицей Елизаветой Казимировной.

Сумеречным февральским вечером 1917 года Серапион Глухов растапливал в хозяйском кабинете изразцовый камин. Сам Гайдамаков подошел к одному из окон, чтобы задернуть бархатную штору, перед тем как засветить лампу-«молнию». Начавшаяся с утра безобидная поземка теперь вихрила разгулявшимся бураном. В мутно-сером месиве снега нельзя было разглядеть даже паромный причал, обычно видимый из окна как на ладони.

Настроение Гайдамакова было сумрачным, под стать погоде. Невеселые, тревожные вести привозили в Березовку ямщики. Слухи распространялись один страшнее другого, и если верить им, то в России приближалось что-то страшное, похожее на библейский конец света. В долгие зимние вечера отставной штабс-капитан любил посумерничать с ночлежными постояльцами, стараясь разобраться в правдивости «расейских» новостей. Однако в последнее время и почтовые и купеческие подводы почти переставали останавливаться в Березовке. Наскоро перекусив в трактире, ямщики, не считаясь с усталостью лошадей, гнали к китайской границе и с такой же торопливостью возвращались обратно.

Задумчиво постояв у окна, Гайдамаков потянул было за штору, но внимание его привлекли две добротные кошевы, въехавшие на постоялый двор. По тому, как ямщики не стали распрягать взмыленных лошадей, а лишь, ослабив подпруги, надели им торбы с овсом, трактирщик догадался, что и на этот раз постоялые комнаты в его доме останутся пустыми. Заглядевшись на породистых лошадей, он вдруг окликнул работника:

— Серапион!.. Подойди на минуту.

Глухов подошел к хозяину и посмотрел в окно.

— Узнаешь?.. — не отрывая взгляда от лошадей, спросил Гайдамаков.

— Будто кухтеринские, из Томска, — ответил Серапион. — Куда спешат в такую непогоду?..

— Похоже, на восток, к Китаю... Бегут как крысы с тонущего корабля...

В кабинет неслышно вошла юная Елизавета Казимировна. Зябко пожав плечами, она тоже с любопыт-

ством стала смотреть, как из саней, неловко путаясь в длиннополых овчинных тулупах, выбираются седоки. Четкие брови ее вдруг изогнулись.

— Смотри, Петя, в каждой подводе по уряднику с ружьем. Золото везут, что ли?..

Гайдамаков, легонько чмокнув молодую супругу в висок, заторопился встречать неожиданных гостей. Глухов пошел следом за хозяином. Когда они спустились со второго этажа в трактирный зал, проворный Цыган уже помогал вошедшим снимать тулупы. Завидев трактирщика, один из приехавших низко поклонился и, потирая озябшие руки, поздоровался:

— Петру свет Григорьевичу наше купеческое...

— Здравствуй, Егорушка, здравствуйте, гости, — приветливо склонил голову Гайдамаков. — Что лошадей не выпрягаете? Что на ночлег не остаетесь? Так спешите, что и пурга-буран на ночь глядя не пугает?..

Егорушка подышал в посиневшие ладони, быстро-быстро потер их друг о дружку и ответил уклончиво:

— Времена, Петр Григорьевич, теперь страшнее ночи.

— Барыши спешите хозяину заработать?

— Нынешние барыши — одни шиши. Того и гляди нагишом останешься, — опять слукавил Егорушка.

Урядники, впустив облако студеного пара, внесли в трактир небольшой сундучок и поставили его возле широкого обеденного стола, за которым обычно трапезничали ночлежники. Гайдамаков чуть скосил глаза на Цыгана. Тот, понимая хозяина без слов, живо поставил из буфета на стол зеленоватые бутылки и закуску. Однако гости наотрез отказались от водки, чего раньше никогда не случалось в зимнюю пору. Наскоро перекусив, они, дожидаясь, пока лошади дождут засыпанный в торбы овес, выкурили по папиросе и стали собираться в дальнейший путь. Урядники, забрав сундучок, вышли из трактира. Егорушка, плотнее запахивая тулуп, поинтересовался:

— Хороша ли нынче дорога, Петр Григорьевич, через Потеряево озеро?

Сидевший тут же Серапион только было хотел сказать, что у острова уже открылась майна, но хозяин опередил его:

— Бог миловал, лед надежный.

Егорушка поблагодарил за хлеб-соль и, откланявшись, вышел из трактира. Следом за ним накинули на себя полушубки Гайдамаков и Цыган.

Развернувшись на трактирном дворе, подводы спустились по переметенной дороге к озеру и исчезли в снежном месиве. Серапион Глухов, мучимый совестью, что не успел сказать приказчику о подстерегающей у острова опасности, вышел на улицу. Короткий февральский день уже основательно за вечерел. Поеживаясь в стареньком полушубке, Серапион подошел к воротам и удивленно замер — наперерез только что уехавшим подводам в метельную мглу нырнули двое сгорбленных лыжников. Серапион огляделся — ни хозяина, ни Цыгана во дворе не было. Недоуменно пожав плечами, Глухов вернулся в дом и обратил внимание, что со стены в прихожей исчез хозяйский винчестер...

Дальнейшее уже было известно Антону Бирюкову из разных источников, однако он не прерывал деда Ивана Глухова, стараясь уловить в его «исповеди» еще неизвестные штрихи и уточнения, касающиеся давней истории с кухтеринскими бриллиантами. И Глухов, видя, что его слушают внимательно, говорил, почти не умолкая.

Оказывается, перестреляв сопровождающих обоз, Гайдамаков и Цыган забрали сундучок с драгоценностями, попутно прихватили и наиболее дорогую посуду, а лошадей с подводами загнали в полынью. Вторая половина семнадцатого года стала еще тревожней — революция неумолимо заявляла о себе, и грабителям не терпелось поскорее обратить товар в деньги. Из-за такой спешки и попался Цыган на новониколаевском базаре с кухтеринской вазой. Следствие вел единственный зять купца Кухтерина, только-только начавший работать в томской сыскной полиции. Внезапная смерть Гайдамакова спасла Цыгана от суда, но следствие прекращено не было.

Следственные нити оборвала революция. Не успели березовцы понять новую власть, как заколобродила по Сибири колчаковщина. И в эту пору вновь появился в Березовке следователь — зять ограбленного купца. Попробовал прижать Цыгана, но не тут-то было — Цыган теперь верховодил колчаковским отрядом. Серапион Глухов тоже оказался в армии Колчака. В двадцать втором году заявился он в Березовку еле живой. Перед

смертью успел рассказать восьмилетнему сыну кухтеринскую историю. По его словам, совсем не случайно так скоропостижно умер Гайдамаков — отравил своего соучастника мышьяком Цыган, а мышьяк этот от уездного фельдшера привез он, Серапион Глухов. И совсем не случайно, оказывается, так поспешно соблазнил Цыган на замужество молодую вдову Елизавету Казимировну — только она могла знать, куда успел запрятать Гайдамаков кухтеринские драгоценности. Последними словами умирающего Серапиона были: «Бойся, сынок, Цыгана... Не перечь ему, злой это человек». Словно страшную сказку слушал восьмилетний Ванюшка Глухов рассказ умирающего отца, не предполагая, что впоследствии судьба сведет его самого с Цыганом.

Появился Цыган в Березовке тайком в начале тридцать восьмого года. Назвавшись старым другом отца, долго выпытывал у Ивана Глухова, не рассказывал ли чего ему перед смертью Серапион о кухтеринских драгоценностях. Иван дал себе зарок молчать. Тогда Цыган стал запугивать, мол, Советская власть вот-вот начнет сурово расправляться с родственниками тех, кто был заодно с Колчаком, и предложил Ивану, чтобы избежать предстоящего ареста за отца-колчаковца, укрыться в кержацком ските, запрятанном в таежной глуши за Потеряевым озером. Будто затмение нашло на Ивана Глухова — вспомнив предсмертные слова отца, не стал он перечить Цыгану и ушел с ним.

«Скит» оказался самым что ни на есть разбойничьим пристанищем, укрывшим полтора десятка уже состарившихся головорезов, преступления которых перед Советским государством были настолько велики, что ни о каком помиловании и говорить не приходилось. В первый же вечер сообщили Ивану, что среди этих людей, которых и людьми-то противно было называть, когда-то обретался его отец и что выхода отсюда нет.

Цыган боялся рассекретить свое логово. Даже в тайгу на охоту разрешалось здесь уходить не меньше как втроем, в расчете, что если двое, сговорившись, надумают покинуть «скит», то третий их пристрелит. Только Цыган и его семнадцатилетний сын от Елизаветы Казимировны Гайдамаковой, Виктор, могли уходить и возвращаться, когда заблагорассудится. В одну из таких отлучек принесли они весть — Гитлер напал на Советский Союз и подбирается к Москве. По случаю скорого

конца Советской власти одичавшие «кержаки» в одну ночь прикончили весь запас самогона.

Миновал год, другой, а долгожданный «кержаками» конец не приближался. А весной сорок пятого, когда стало ясно, что Гитлеру пришел конец и надеяться больше не на кого, Цыган со своим сыном тайком исчез из «скита». Спустя месяц разбрелись и остальные.

Иван Глухов, сторонясь родных мест, подался на запад, где, как узнал, требовались рабочие руки для восстановления разрушенного войной. Добрался до Киева, устроился в строительную организацию, но и тут не повезло — сбили дружки украсть со стройки пиломатериал. Суд по тому суровому времени был коротким — пять лет лишения свободы.

Отбыв наказание, решил Глухов не пытаться больше счастья на чужой стороне и вернулся в Березовку. С остервенением, словно злясь на свое запутанное прошлое, взялся за колхозную работу. Много лет минуло с той поры. Забываться стало прошлое, и вдруг нынешней весной появился в Березовке новый райповский заготовитель. Не сразу дед Иван Глухов узнал в неразговорчивом, с протезной рукой Романыче сына Цыгана. Зато Виктор быстро признал Глухова и требовательно попросил «кое-когда помогать» ему. Глухов стал категорически отказываться, но Виктор пригрозил, что напишет прокурору о «кержацком ските»...

Антон Бирюков еле успевал записывать показания. Отложив ручку, он пошевелил затекшими пальцами и прислушался. За стенкой бубнил Слава Голубев, допрашивающий однорукого заготовителя Калаганова. Глухов сидел сгорбившись, понуро опустив крупную рыжебородую голову. В мокрой, перемазанной грязью одежде старик выглядел подавленным и жалким.

— Какую помощь требовал от вас Калаганов? — спросил Глухова Антон.

— Сначала Гайдамачихину лодку приказал починить. К острову плавал, чтобы проверить, не осталось ли там чего из драгоценностей.

— Еще что?

— Потом ацетону приказал достать.

— Зачем?

— Чтобы собственного отца отравить. Цыган-то, не пнухавши, вместо водки одним махом полстакана проглотил и... задохнулся.

— Сын отравил отца? — почти машинально вырвалось у Антона.

— Отравил и не охнул, — сказал Глухов. — Драгоценностями не захотел с ним делиться. Цыган на большую долю рассчитывал. Кухтеринские бриллианты, можно сказать, целью всей его жизни были. Он и сына своего, Виктора, несмышленным ребенком ради того у Гайдамачихи украл, вроде как залог за драгоценности. С малых лет его воспитывал. Вот и воспитал, получил свою долю... ацетона.

Бирюков посмотрел на перемазанный мешочный сверток, лежащий возле стола. Наклонившись, развернул его и достал глиняный горшок, похожий на античную амфору. Горшок до самого верха был заполнен тяжелыми, переливающимися при электрическом свете разноцветными камешками в золотой и серебряной оправе в виде подвесок, браслетов, перстней и других неизвестных Антону украшений. Зрелище было красивым и в то же время жутковатым — яркие, почти алые рубины казались свежей кровью, густо окропившей всю эту коллекцию драгоценностей.

Отведя взгляд от украшений, Антон спросил Глухова:

— Как драгоценности оказались в могиле Гайдамакова?

— Елизавета Казимировна тайно от всех спрятала их под ноги покойника в гроб. Так и зарыли.

— Она что, хотела сама ими воспользоваться?

— Нет. Намеревалась таким образом уберечь Гайдамакова от позора. Дескать, не найдут бриллианты — преступление пустым слухом останется. Так оно все и кончилось бы. Стоило умереть Елизавете — тайна с ней в могилу б ушла. Только, видать, господь бог не терпит укрытия преступников... — Глухов, сцепив в пальцах перемазанные землей руки, помолчал. — Какой уж год подряд повадился к Гайдамачихе человек из райцентра. Пугать стал старуху, что имеются у него серьезные бумаги уголовного следствия и, дескать, если она их не выкупит, то сидеть ей остаток своей жизни в тюрьме. А тут как раз и Виктор под видом заготовителя по наущению Цыгана в Березовке объявился, разжалобил престарелую мамашу свою...

— Почему драгоценности отрывали вы? Тоже, как Цыган, получить долю рассчитывали?

Глухов испуганно перекрестился.

— Бог мне не даст соврать, Антон Игнатьич... По несчастью оказался я за тем занятием. Рука протезная у Виктора почти напрочь отломилась, самому ему рыть стало невозможно. Вот и заставил он меня пойти на кладбище, закончить начатое им дело. Сказал: «Отроешь бриллианты, оставлю с миром. Доживай жизнь, как хочешь. Цыгана теперь в живых нет, а мне в Березовке делать будет нечего».

— Почему в прошлую ночь не копали?

— Говорю, протез у Виктора отломился. Всю ночь он меня уговаривал, страхов столько наговорил...

— Каких?

— Рассказывал, как ночью с воскресенья на понедельник на квартире того человека, какой запугивал Гайдамачиху, искал следственные документы и наткнулся на повешенную хозяйку.

— Калаганов был знаком с тем человеком?

— Познакомился ради корысти. Много хороших вещей ему продал, чтобы в доверие войти. Я у Виктора как-то ковер для племянника просил — не продал мне. Сказал, что пообещал человеку в райцентре.

— Раньше Калагановы в Березовке появлялись?

— Нет. Остерегались здесь появляться, признать Цыгана местные жители могли. Из «скита» они в Молдавию сбежали. Если судить по рассказу Виктора, там с бандеровцами снюхались, хотели за границу перебраться, но не получилось. Виктор руки лишился, а сам Цыган в тюрьму попал. Появились здесь только теперь, рассчитывали, что по давности времени за старое ограбление купца к суду уже не привлекут...

— А вы разве не знали, что существует срок давности? Почему пошли на поводу у преступников? — строго спросил Антон.

— Знать-то знал, да боялся. Думал, пока следствие будет выяснять мои прошлые дела, скончаюсь в позоре... — Глухов умоляюще поднял глаза. — Не суди, Антон Игнатьич, меня строго. Основательно я заблудился в жизни...

Бирюков посмотрел на часы — время приближалось к рассвету, но за окнами цепко держалась осенняя темень. Через стенку по-прежнему слышался приглушенный голос Славы Голубева. Вот-вот должна была подъехать из райцентра вызванная по телефону оператив-

ная группа. Антон начал было прикидывать, почему задерживаются оперативники, но в это время послышался приближающийся шум автомобильного мотора. По окнам резанул яркий свет фар. Следом за первой сразу подъехали еще две машины и остановились у колхозной конторы.

На крыльце затопали сапогами, слышались голоса. В председательский кабинет, где Бирюков допрашивал Глухова, вошли подполковник Гладышев, начальник следственного отделения, эксперты, прокурор района со следователем Лимакиным и несколько милиционеров.

— Где второй кладоискатель? — увидев одного старика Глухова, быстро спросил подполковник.

— В соседней комнате с Голубевым, — ответил Антон. — Привести?..

Гладышев посмотрел на прокурора, словно спрашивал у него совета. Прокурор утвердительно кивнул.

В сопровождении Голубева и милиционеров Калаганов вошел в кабинет сгорбленным, усталым стариком, выглядевшим значительно старше своих пятидесяти трех лет. Ему предложили сесть подальше от Глухова, напротив. Уложив на коленях поврежденный кистевой протез левой руки, он уставился тусклым взглядом в темное окно, как будто не видя никого из присутствующих. Бледное, осунувшееся лицо с густыми черными, без единой сединки, бровями словно окаменело.

— Что, кладоискатели, доискались? — строго спросил подполковник.

Глухов угодливо повернулся к нему:

— Сколько вор ни ворует, тюрьмы не минует.

— Заткнись... — хрипло обронил Калаганов.

Глухов поднялся со стула во весь свой могучий рост, нервно дернул рыжей бородой и заговорил отрывисто, со злостью:

— Нет, Романыч!.. Теперь мне рот не заткнешь, не запугаешь! Теперь мне терять нечего, все уже рассказал...

Подполковник усадил Глухова на место, тихо посоветовался с прокурором и приказал увести Калаганова. Конвойные шагнули к задержанному. Он нехотя поднялся и, сутулясь, пошел между ними, придерживая перед грудью поврежденный протез, как больную руку.

Почти весь день провела оперативная группа в Березовке. Надо было обстоятельно допросить свидетелей,

которых в общей сложности набралось больше десятка человек. В числе их оказался и Торчков, возивший старуху Гайдамакову 5 августа в райцентр. Он явился в колхозную контору, где работали оперативники, все в тех же больших кирзовых сапогах и в неизменном своем пиджачке, к помятому лацкану которого на этот раз была приколата старенькая медаль «За отвагу на пожаре». Какими путями выдавшая виды медаль попала к Торчкову, никто из березовцев не знал, так как даже самые памятливые не могли припомнить того факта, когда их земляк блеснул отвагой при ликвидации огненной стихии. Тем не менее в особо серьезных случаях Торчков прикалывал медаль к пиджаку, показывая несведущим, что и он, мол, не обойден наградами.

Встретясь в коридоре с Антоном Бирюковым, Торчков отозвал его в сторону и торопливо, сбиваясь на шепот, заговорил:

— Игнатьич, научи, ради бога, как правильно говорить следователям, а то я сгоряча могу чего попало намолоть.

— Говорите правду, Иван Васильевич, — посоветовал Антон.

— Так она, правда, правде — рознь... — Торчков поморщился и царапнул за ухом. — Про лотерейный билет будут спрашивать?

— Могут спросить.

— Тогда погорел я, как швед под Полтавой.

— Почему?

— Как тебе, Игнатьич, разъяснить... — Торчков вроде бы засовестился. — Не в сберкассе ведь я деньги за билет получал. Купил у меня лотерейку врач, который вставил мне новые зубы. Такое дело, понимаешь, вышло... Привез я Гайдамачиху в собес, потом старуха попросила заехать в... как ее это культурно называют, вроде больницы... В полуклинику!..

— В поликлинике не числится, что Гайдамакова была там.

— Она по документам не записывалась, а сразу прошла к зубному врачу. Тот с ней в коридор вышел. Пошушукались чего-то между собой, врач куда-то сходил и вроде как лекарство старухе передал, в газетке завернутое. Мне б, дураку, когда Гайдамачиха со своими делами управилась, подстегнуть бичком кобыленку и айда — пошел до Березовки иноходью. Ласточка, ска-

жу тебе, такая приткая на бег лошадка, ну что настоящий жеребец-иноходец! Только бич покажешь, так и застрижет ногами: то враз выносит обе правые, то обе левые. В этих делах, Игнатьич, я разбираюсь, как ты в своих милицейских... — Торчков вдруг растерянно замолчал. — Так на чем это я сбился?..

— Из поликлиники домой надо было вам ехать, — подсказал Антон.

— Правильно!.. Только не совсем сразу домой, а в сберкассу попутно завернуть — деньги по лотерейке получить. Билет у меня в кармане был. Так нет же, другая мысль в башку стукнула! Думаю: почему мне не заменить зубы? Старые, какие этот же врач вставлял, совсем износились. Захожу в зубной кабинет — врач по старому знакомству сразу меня узнал. Говорит: «Плати, Иван Василич, деньги, такие зубы сделаю — износу не будет». Тут, конечно, я не сдержался. Говорю, за деньгами, мол, дело не станет, их теперь у меня что копопли в урожайный год. И лотерейку показываю, дескать, «Урал» с люлькой на выигрыш выпал. Врач мигом заинтересовался, предлагает: «Чем тебе в сберкассе в очереди толкаться да комиссионные там платить, лучше отдай билет за тысячу. Деньги через час тебе вручу, а зубы в ускоренном порядке изготавлю». Думаю, куда как ловко получается! Прошлый-то раз, когда законным путем вставлял зубы, чуть не полгода пришлось ждать, а по знакомству, выходит, мигом можно сделать. На том и сошлись с врачом.

— Вот так откровенно и расскажите все следовательно.

— Могу еще больше наговорить, — воодушевился Торчков. — Когда у меня последние пятьсот рублей уплыли, мы ведь с одноруким заготовителем на квартире этого врача выпивать начали. Заготовитель в тот раз ему на полную стену ковер привез...

— Почему раньше об этом умалчивали?

— Так врач же мне строго-настрого наказал, чтоб про знакомство с ним не трепаться. Он в воскресенье вечером даже в Березовку ко мне на «Жигулях» приезжал. Просил, мол, если про билет будут спрашивать, говори: я не я, и кобыла не моя. Не поверишь, Игнатьич, тот самый заготовитель ковер мне привез — дескать, сразу не знал, сколько «Урал» по лотерее стоит. Возможно, конечным делом, оно и так, только показа-

лось мне, что перепуган чем-то был врач... — Торчков почесал затылок. — За такие показания не укут меня в кутузку?..

— За правду, Иван Васильевич, не наказывают.

— Заготовителя-то, говорят, поймали... Не проверил, деньги мои при нем?

— При нем, но вам надо будет их опознать.

— Это я всегда готов. Могу хоть сейчас тебе разъяснить, сколько было десятков, сколько пятерок, сколько...

— Следовательно, Иван Васильевич, разъясните, — улыбнувшись, сказал Антон и заторопился перед отъездом из Березовки забежать домой.

Когда через полчаса Бирюков вышел из дому, к кладбищу проехала одна из оперативных машин. Прокурор приказал привести в порядок разрытую могилу Гайдамакова.

Глава

XXIV

Почти трое суток после задержания Глухова и Калаганова для Антона пролетели одним днем. Хотя расследованием вплотную занималась прокуратура, работы хватало и Антону, и Славе Голубеву. Слишком необычно переплелись нити запутанного клубка.

Особенно удивило Бирюкова содержимое крохинского тайника, выкраденное Калагановым в ту ночь, когда повесилась Мария Степановна. Изъятый из камеры хранения на железнодорожном вокзале мешок был втугую забит облигациями государственных займов СССР послевоенной поры. Этих облигаций насчитали ровно на миллион рублей. В мешке обнаружили и два толстых тома старого уголовного дела «Об исчезновении бриллиантов купца Кухтерина в феврале месяце 1917 года».

— Вот они, старые бумаги из тайника... — перебирая толстые пачки облигаций, проговорил Антон.

Слава Голубев, листая один из томов уголовного дела, неожиданно воскликнул:

— Ты смотри, что здесь пишут!.. Исчезло полторы тысячи рублей золотом, столько же серебром да бриллиантовых драгоценностей на одну тысячу двести пятьдесят каратов. — Голубев повернулся к Антону. — Да-

вай прикинем... Стоимость одного карата на современные деньги, грубо будем считать, по тысяче рублей... Итого получается в глиняной кринке, которую отрыли из могилы Гайдамакова, побрякушек на миллион две-сти пятьдесят тысяч. Ничего себе, криночка...

Антон подошел к Славе, заглянул в пожелтевшие страницы уголовного дела и сказал:

— Крохин, оказывается, убежав из больницы, ездил на своих «Жигулях» вокруг райцентра. Видимо, переживал случившуюся трагедию...

— Да, представляю, каково человеку сейчас, — подхватил Голубев. — Смерть жены и... Кстати, ты его вызвал?

— Скоро должен появиться. Лимакин попросил обратиться с облигациями и архивным делом.

— Интересно, где он на такую сумму набрал этих облигаций? Прежде времени, пожалуй, не надо Крохи-ну их показывать. Наверняка станет отрекаться.

— Не думаю, ведь это его, как говорят, золотой за-пас. Между делом я прикинул, что только в этом году на погашении Крохин должен получить около десяти тысяч рублей...

— Вот бизнесмен!

Разговаривая, Антон и Слава с трудом уложили пач-ки облигаций в ящики стола, закрыли в сейф старое уголовное дело.

— О смерти Марии Степановны новости какие есть? — спросил Голубев.

— Свидетели показывают, что она заговорила о смерти сразу, как вторично сошлась с Крохиным. Ока-зывается, развод ему был нужен, чтобы получить бла-гоустроенную квартиру, продать свой дом и выручен-ные за него деньги пустить в оборот. Совсем непонятное случилось с Машей, когда Крохин «выиграл» по лоте-рее «Урал». Видимо, этот трюк переполнил чашу ее тер-пения.

— Явное доведение до самоубийства! — воскликнул Слава.

— Это еще надо доказать, — возразил Антон. — Машу ведь никто не принуждал...

Договорить Бирюков не успел. Послышался остро-жный стук в дверь, и в кабинет вошел Крохин. Не-внятно поздоровался, сел на указанное место и, опустив голову, стал нервно накручивать на палец цепочку от

автомобильного ключа зажигания. Вид его был таким, словно он еще не избавился от долгой, изнурительной болезни. Записав в протоколе, как положено, анкетные данные Крохина, Бирюков решил начать разговор неопределенным вопросом.

— Видимо, Станислав Яковлевич, догадываетесь, по какому поводу приглашены в уголовный розыск? — спросил он, надеясь получить в ответ, как водится большей частью в подобных случаях, неопределенное пожимание плечами.

Однако Крохин плечами не пожал. Рассматривая перетянутый цепочкой до посинения палец, он вдруг проговорил:

— Сам хотел к вам прийти, но здоровье подвело. Такого удара жизнь мне еще не преподносила...

Антон молчал, предполагая, что Крохин заговорит о смерти жены, и опять не угадал. Руки Крохина дрогнули, цепочка еще больше перетянула палец. Он поднял на Антона полные слез глаза и чуть слышно вымолвил:

— Меня обворовали...

— Давно? — стараясь не порвать появившуюся ниточку, очень спокойно спросил Бирюков.

— В ту ночь, когда не стало Маруси... у меня исчезли... облигации государственных займов.

— На какую сумму?

Крохин замялся:

— На... на миллион...

Бирюков сделал удивленное лицо, словно ни о чем не знал.

— Да! Ровно на миллион рублей в деньгах того времени! — закричал Крохин. — Это было наследство, оставленное мне отцом! Наследство, на которое я рассчитывал выпутаться из долгов и хотя бы к старости зажить по-человечески. Я устал считать копейки, устал отказывать себе в элементарных жизненных удовольствиях, устал от беспросветной нужды...

— Послушайте, Станислав Яковлевич, — перебил Антон, — о какой нужде вы говорите? У вас отличный дом, автомашина...

— Что вы упрекаете меня автомашиной?! — выкрикнул Крохин. — Завистники!.. Вы знаете, сколько соков эта машина из меня вытянула?.. Не знаете, а упрекаете...

Подчеркнуто спокойным голосом Бирюков сказал:

— Я не упрекаю вас, Станислав Яковлевич, и не завижусь вам. Упомянул о доме и машине только для того, чтобы напомнить: вы не нищий...

Крохин, видимо, и сам пожалел о внезапной вспышке, заговорил виноватым тоном:

— Простите, сорвался... Нервы никуда не годные стали... Я понимаю, почему жена наложила на себя руки. Ей было труднее, чем мне... — помолчал и снова вспомнил облигации. — Вам, товарищ Бирюков, вероятно, не понять величину моей потери. Облигации были светлой надеждой — сейчас они начинают погашаться... И вот все рухнуло! Все!! Не знаю, чем теперь расплачиваться с долгами... Остается один выход: последовать примеру жены...

— Величину вашей потери можно подсчитать математически, — сказал Антон. — Но мне непонятно: откуда у вашего отца набралось облигаций на такую крупную сумму?

Крохин тяжело задышал и, захлебываясь отчаянием, торопливо заговорил:

— Отец их покупал. Отказывал себе в куске хлеба, в одежде и каждую копейку тратил на облигации. Другие думали, что это пустые бумажки, что государство берет в долг без отдачи. Отец был неглупым человеком. Он верил Советской власти и знал, что рано или поздно его затраты окупятся. Он не рассчитывал на крупные выигрыши, а, если хотите, помогал людям. По молодости вы не знаете первых послевоенных лет, а я их прекрасно помню! Люди так изголодались за годы войны, что в первую пору после нее не могли хлеба досыта наесться...

— Разве это помощь?.. — не сдержался Антон. — За кусок хлеба взять с голодного, скажем, пятьдесят или сто рублей.

— Не забывайте, что тогда этих рублей не было. Были всего лишь бумажки с картинками. Отдавая за них деньги, отец оставался голодным. К тому же не он, так другие купили бы облигации. Разве хотя бы это его не оправдывает?.. Отец никого не убивал, не заставлял силой продавать облигации, он совершал торговые сделки на взаимодоговорных отношениях. Будет вам известно, я консультировался с юристами — в действиях от-

ца не усматривается состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом.

— А преступление перед совестью? — спросил Антон.

— Совесть отца чиста. Кто-то продавал, он покупал по выгодной цене... Или имеете в виду мою совесть? Тем более! Мне вы не припишете никакой статьи. Облигации достались по наследству. Никто гражданского иска в отношении их не предъявляет. Сейчас и людей-то тех, которые продавали облигации, наверное, в живых нет, так же как нет моего отца. Что прикажете мне делать? Выбросить облигации, сжечь?! Или подарить государству?.. Кто оценит такой гусарский поступок? Кто?!

Бирюков чуть поморщился:

— Давайте, Stanisław Яковлевич, прекратим бессмысленную дискуссию и займемся делом. Что еще пропало из вашего тайника вместе с облигациями?

— Больше ничего.

Антон пристально посмотрел ему в глаза:

— Хотите, чтобы мы отыскиали облигации?

— Разумеется.

— Тогда отвечайте на вопросы откровенно.

— Что имеете в виду? — вроде бы не понял Крохин.

— Только ли облигации исчезли из тайника?.. — спросил Антон.

Лицо Крохина болезненно передернулось. Он, похоже, сделал над собой усилие и, потупившись, проговорил:

— Кроме облигаций, в подполе лежали старые отцовские бумаги. Я точно не могу сказать, что это за бумаги, кажется, какое-то уголовное дело еще царского времени...

— Нельзя так, Stanisław Яковлевич, — укоризненно проговорил Антон. — Хотя бы из простого любопытства вы должны были заглянуть в отцовские бумаги.

Крохин пожал плечами:

— Представьте, я не любопытный.

— В таком случае нам будет трудно разговаривать.

— Разве я виноват, что вам по душе любопытные?..

— Мне по душе люди откровенные. — Антон встре-

тился с Крохиным взглядом. — Станислав Яковлевич, если вы хотите от нас помощи, то будьте откровенны до конца. Ну чего вы лукавите?..

На этот раз Крохин молчал очень долго. Антон изрисовал завитушками и вензелями подвернувшийся под руку листок календаря, несколько раз переглянул со Славой Голубевым, а Станислав Яковлевич все молчал. На его осунувшемся лице можно было без труда заметить мучительную внутреннюю борьбу. В конце концов Крохин все-таки решился:

— Кроме облигаций, у меня украдены материалы уголовного дела, которое вела в семнадцатом году томская сыскная полиция по поводу исчезновения драгоценностей моего деда.

— Купца Кухтерина?!.. — удивился Антон.

Крохин высокомерно усмехнулся и спросил:

— Что вас так удивило?.. Моя мама, Анна Алексеевна, урожденная Кухтерина. Вы находите в этом криминал? По-вашему, быть потомком купца — преступление?..

— По-моему, будьте вы хоть наследным принцем, но уважайте мораль и законы того общества, в котором живете...

— Разве я не уважаю? — резко прервал Антона Крохин.

— Как раз в этом мы сейчас и разбираемся с вами, — ответил Антон и сразу спросил: — Каким образом материалы сыского отделения попали к вам и для чего вы их хранили?

— Это семейная реликвия.

— Реликвия?.. Вы этим бумагам поклонялись?

— Я поклоняюсь и преклоняюсь перед своим дедом, который из простолюдинов сумел стать купцом-миллионером.

— Каким образом материалы сыского отделения попали к вам? — повторил вопрос Антон.

На впалых щеках Крохина заходили желваки. Видимо, решив, что терять больше нечего, он хмуро заговорил:

— Следствие по ограблению деда вел мой отец Яков Иванович Крохин. Он работал в сыске, только что окончив юридический факультет. Революция не дала возможности разобраться ему до конца, и дело было передано в архив. Уже в советское время, когда отец ра-

ботал архивариусом, он забрал из архива все материалы, как печальную память о семейной катастрофе. После смерти отца документы, естественно, перешли ко мне. Прошу учесть, что после революции отец признал Советскую власть и со стороны ее не подвергался никаким репрессиям. Он честно трудился на скромном посту архивариуса до конца своих дней.

— Станислав Яковлевич, вы долгое время жили в Томске. В пятидесятые годы там, говорят, можно было встретить такого, знаете, чуточку помешанного старичка по прозвищу Якуня-Ваня... — внезапно вспомнив рассказ эксперта-криминалиста Семенова, заговорил было Антон, но Крохин быстро его прервал:

— При чем здесь прозвище? «Якуня-Ваня» — это была любимая присказка моего отца. Дальше что?..

— Да нет, ничего, — уклонился от прямого ответа Антон. — Умер ваш отец, умерла и присказка.

— Разумеется.

— Кстати, когда и где он умер?

— В Томской психиатрической больнице. В пятьдесят шестом году у него случилось тяжелое психическое заболевание, а через два года наступила смерть.

— О захоронении колчаковского золота отец вам не рассказывал?

Крохин чуть помолчал:

— Видите ли, у психопатических личностей довольно часто возникает так называемый синдром навязчивости. Отец действительно принимал участие в захоронении колчаковцами золота, чудом после этого остался жив, но психическая травма, полученная при расстреле, осталась у него на всю жизнь.

— А как он относился к ограблению своего тестя, то есть вашего деда, купца Кухтерина?

— Как здравомыслящий человек. Отец был из тех людей, которые предпочитают иметь синицу в руках, нежели журавля в небе. Когда уголовное дело было передано в архив, он даже не пытался его возобновлять или возбуждать, как там это у вас называется...

— Сами вы не пробовали отыскать драгоценности деда?

— Столько лет спустя?.. Кто ж их теперь найдет?.. — Крохин задумчиво склонил голову. — Правда, однажды, охотясь в Потеряевом озере с подводным ружьем, я натолкнулся у острова на затопленные под-

воды, похоже, принадлежавшие моему деду, но, кроме нескольких чашек от чайного сервиза, там уже ничего не было.

— К старушке Гайдамаковой, которая в Березовке живет, не обращались?

— Никакой Гайдамаковой я не знаю! — испугался Крохин.

Бирюков укоризненно посмотрел на него:

— Опять вы не откровенны, Станислав Яковлевич. Нам достоверно известно, что Елизавета Казимировна Гайдамакова — давняя ваша знакомая. Если забыли, напомню, что она заходила к вам в поликлинику пятого августа...

— Вы знаете, сколько у меня бывает пациентов? — перебил Крохин.

— Гайдамакова встречалась с вами не как пациентка, — спокойно продолжил Антон. — Постарайтесь вспомнить, Станислав Яковлевич, зачем старушка к вам наведывалась? Это было как раз в тот день, когда у вас был на приеме березовский конюх Торчков, которому вы впоследствии без очереди изготовили зубной мост...

— Так вот вы к чему клоните!.. — Крохин истерично расхохотался. На его глазах даже выступили слезы. Кое-как взяв себя в руки, он с высокомерной усмешкой заговорил: — Правильно, был у меня на приеме смешной мужичок из Березовки, который чуть не силой навязал мне лотерейный билет, выигравший мотоцикл «Урал». Ну и что из этого: за билет я отдал тысячу деньгами и ковер. В сто пятьдесят рублей обошлось изготовление зубного моста. Устраивает вас такая бухгалтерия?..

— Ковер-то вы отдали Торчкову только после того, когда почувствовали, что паленым запахло.

Крохин чуть было не вскочил со стула:

— Знаете, товарищ Бирюков!..

— Знаю, Станислав Яковлевич, — строго сказал Антон. — И не только это знаю.

— Что именно? Что вы меня путаете? Что вы от меня хотите?!

Антон достал из сейфа золотой перстень.

— Узнаете вещицу с семейным вензелем Кухтериных?

Крохин изменился в лице. Показалось, что он скре-

жетнул зубами и, видимо, поняв, что карта бита, почти прошептал:

— Перстень стоит чуть не семьсот рублей, так что с Птицыным я расплатился сполна, и статью за спекуляцию мне не пришлете.

— Откуда у вас этот перстень?

— По наследству, от матери. Вензель А. К. означает: «Анна Кухтерина». Еще вопросы будут?

Бирюков наклонил голову:

— Будут, Станислав Яковлевич. Зачем все-таки приезжала к вам Елизавета Казимировна Гайдамакова в последний раз? Что вы ей передали?

Крохин виновато усмехнулся.

— Кажется, припоминаю теперь старушку из Березовки, — помолчав, заговорил он. — Гайдамакова несколько раз лечила у меня зубы, а пятого августа вдруг попросила мышьяка. Сказала: одолевают в доме крысы. Сами понимаете, мышьяк не забава. Вместо него я дал старушке два пакета крысида, который можно купить в любой аптеке и...

— Которым, кстати сказать, отравлена ваша собака, — быстро добавил Антон.

— Кто это сделал?! — спросил Крохин.

— Сами не догадываетесь?

— У меня нет откровенных врагов.

— А друзья есть?

— Разумеется.

— Какая дружба связывает вас с райповским заготовителем, который на прошлой неделе в четверг заезжал к вам домой вместе с Торчковым?

— Ничего меня с ним не связывает, — вяло, теряя интерес к разговору, ответил Крохин. — Просто иногда сдаю ему скопившуюся макулатуру. Кроме заезжих заготовителей, как известно, в райцентре сбором макулатуры никто не занимается. А ведь это ценность, зачем ей пропадать...

— Значит, ковры заготовитель поставлял вам просто так, за красивые глаза?

— Какие ковры?! Что вы опять мне спекуляцию приписываете?!

Антон перехватил убегающий взгляд Крохина:

— Станислав Яковлевич, о спекуляции я, кажется, ни словом не обмолвился. Хотите, расскажу, с кем свела вас судьба в лице этого заготовителя?..

Крохин словно онемел. Диковатым взглядом он заметался между Антоном и Славой Голубевым, как будто искал у них поддержки, и вдруг, захлебываясь, почти закричал:

— Это он!.. Он меня обворовал!.. Его немедленно надо арестовать. Я давно догадывался, что не случайно он напоминает мне страшного человека... Это грабитель!.. Отец со всеми подробностями рассказывал, на чьей совести бриллианты моего деда, но я не предполагал, что тот страшный человек так хорошо сохранится... Я представлял его теперь глубоким стариком...

— Правильно представляли, — перебил Антон. — Заготовитель не грабил вашего деда. Его в ту пору и на свете еще не было, так же как не было и вас. Он сын того грабителя. Вот и сошлись ваши дороги, двух потомков... двух наследников...

Станислав Яковлевич почти потерял дар речи. Бирюков с большим трудом добился от него нескольких уточнений, закончил протокол и, попросив расписаться, отпустил. Крохин вышел из кабинета, покачиваясь как пьяный.

Голубев взволнованно заходил из угла в угол.

— Смотри, какой человек, а?! Хорошо ты ему сказал насчет наследников. Очень хорошо! Пусть подумает на досуге... — Слава остановился перед Антоном. — Слушай, неужели отец Крохина действительно принимал участие в захоронении колчаковцами золота? Вот бы раскрыть это дело! Двадцать шесть ящиков с золотыми слитками — это тебе не глиняная кринка с кухтеринскими бриллиантами!

Антон устало повел плечами.

— Берись, Славочка, раскрывай.

— А что? Если взяться коллективом...

Голубев опять заходил по кабинету. Бирюков принялся сосредоточенно перечитывать протокол допроса. Неожиданно он положил исписанные листы на стол и повернулся к Голубеву:

— Слава, знаешь, почему отец Крохина попал в психиатрическую больницу именно в пятьдесят шестом году?..

Голубев остановился:

— Почему?

— В тот год вышло постановление правительства о прекращении выпуска государственных займов. Дожить

до погашения облигаций Крохин, конечно, не рассчитывал и... помешался. Опасаюсь, как бы с Крохиным-сыном этого не случилось. Не понравился мне сегодня его вид.

— Да, видок у Крохина ужасный, — согласился Голубев. — Обратил внимание, какая страсть в нем заложена к обогащению? О смерти жены лишь обмолвился. Потерянный миллион для него важнее, а?.. Такой тип запросто может свихнуться. Да, забыл сказать, вчера в прокуратуре читал показания Гайдамаковой. Оказывается, ее сынок под угрозой смерти пытал место захоронения бриллиантов.

— Калаганов действительно ее сын?

— Говорит, да. По каким-то особым родинкам его признала. Кстати, старуха ничего не скрывает: и как Цыган мышьяком отравил Гайдамакова, и как она тайком от всех спрятала бриллианты в гроб, чтобы похоронить все концы преступления, и как Крохин допытывался у нее о бриллиантах.

— Зачем Гайдамакова у него мышьяк просила?

— Чтобы отравить своих козла и собаку. Говорит, поскольку собралась уезжать, не могла их на произвол судьбы бросить. Горючими слезами теперь плачет... Что с ней будем делать, а?..

— Придется устраивать в дом-интернат для престарелых.

Внезапно зазвонил телефон. Антон снял трубку. Голубев не понял содержания разговора, но по тому, как Бирюков быстро поднялся из-за стола, сообразил: произошло что-то чрезвычайное. На молчаливый, недоумевающий вопрос Славы Антон торопливо бросил:

— Едем! Кажется, Крохин погиб.

— Ты что?!. — опешил Слава. — Полчаса не прошло, как он здесь сидел. Кто звонил?

— Дежурный автоинспектор.

Через несколько минут, отпугивая сиреной зазевавшихся прохожих, оперативная машина милиции уже подъезжала к высокому и длинному мосту через реку, пересекающую райцентр, где случилось происшествие. На обочине насыпи мостового подъезда Антон издали увидел желтый автоинспекторский мотоцикл. На мосту быстро росла толпа любопытствующих. Молоденький смуглый инспектор ГАИ, увидев оперативную машину,

подбежал к ней и, едва Антон открыл дверцу, торопливо стал докладывать:

— Буквально на моих глазах все произошло, товарищ Бирюков...

— Как вы здесь оказались? — перебил Антон.

— Понимаете, я его приметил, когда он вышел из вашего кабинета. Пьяный, думаю, что ли? На ногах еле-еле держится. Вижу, ключ зажигания в руке, на цепочке. Догадался: автолюбитель. Неужели, думаю, в таком состоянии за руль сядет?.. Гляжу, выходит из райотдела и чуть не падает в «Жигули». Машина в зеленый цвет выкрашена. Ну, соображаю, неминуемо сейчас дровишки будут! Хватаю мотоцикл — и на полном газу за ним!.. У моста нагоняю, даю сигнал остановки. Он увидел меня, глаза стали как у ненормального, и газанул на всю железку. «Жигули» — машина динамичная, с ходу рвет. Я — за ним! Оглядывается — лицо страшное, вроде как смеется и язык показывает. Я ему — кулак. Доиграешься, мол! Гляжу, прибавляет газу. Ну, думаю, пора кончать гонки. Равняюсь с машиной и по всем правилам начинаю прижимать к обочине — никакой реакции с его стороны на мои действия. Совсем, думаю, рехнулся человек. Влетаем на мост, на спидометрах сотню зашкалило. Он мигом — руль вправо и... Вместе с машиной под мостом...

В сопровождении автоинспектора участники оперативной группы сквозь расступившуюся толпу любопытных подошли к пролomu в мостовых перилах. Антон Бирюков посмотрел вниз. У самого берега из воды торчала деформированная задняя часть темно-зеленого кузова «Жигулей», сорвавшихся на большой скорости почти с пятнадцатиметровой высоты. По воде длинной лентой расплылось масляное пятно. На кузове медленно затухали красные огни стоп-сигналов. Видимо, в самый последний момент Станислав Крохин нажал на все тормоза...

СТАВКА НА ПРОИГРЫШ

Душным августовским вечером, пугая прохожих надсадным визгом сирены и тревожными вспышками фиолетового огня, по Вокзальной магистрали Новосибирска мчалась оперативная машина милиции. Почти у самого железнодорожного вокзала она резко свернула на одну из тихих улиц, подкатила к многоэтажному дому, перед фасадом которого столпились люди, и, скрипнув тормозами, остановилась. Как по команде, распахнув с обеих сторон дверцы, из машины выскочили участники оперативной группы. Было их четверо: широкоплечий, в погонах капитана милиции, старший инспектор уголовного розыска Антон Бирюков; следователь прокуратуры Маковкина; рыжебородый судебно-медицинский эксперт Виталий Карпенко и пожилой эксперт-криминалист Аркадий Иванович Дымокуров. Тотчас около оперативников появился подтянутый младший лейтенант милиции. Молодцевато козырнув, он доложил:

— Участковый инспектор Игонькин. Место происшествия сохранено в неприкосновенности.

— Понятых пригласите, — коротко сказал Бирюков.

— Есть!

Толпа настороженно расступилась. Возле дома, на цветочной клумбе, лежала ничком молодая женщина в темно-вишневом купальнике. Она как будто легла загорать и, разбросав руки, уснула.

Присев на корточки, следователь и судмедэксперт оглядели женщину. Затем Карпенко с помощью Бирюкова повернул ее лицом кверху. В обрамлении пышных каштановых волос лицо потерпевшей казалось восковым. На рассеченном правом виске темнела полоска загустевшей крови. Бронзовая от загара фигура женщины и лицо были красивы.

— Пульс есть, — обхватив пальцами запястье, тихо сказал эксперт склонившемуся рядом Антону Бирюкову. — Надо срочно в клинику...

Из толпы раздался осторожный голос:

— Я в «Скорую» сразу позвонила...

Обернувшись, Бирюков увидел худенькую старушку в пестром старомодном платье, держащую перед собой

авоську с бутылкой молока. Заметив внимание сотрудника милиции, старушка смущенно поправила такой же древний, как платье, беретик и торопливо проговорила.

— Вот тут, за углом дома, с автомата сначала по ноль три позвонила, потом участкового сотрудника звала.

— Что здесь произошло? — спросил Антон.

Взгляд старушки испуганно стрельнул вверх.

— Вон оттуда, — она показала пальцем на балкон третьего этажа, — то ли столкнул голубушку, то ли сама прыгнула...

Бирюков посмотрел на балкон — дверь была закрыта. Старушка, видимо, тоже заметила это:

— Как женщина упала, в квартире мужчина промелькнул и прикрыл дверь. Его я не разглядела, а вот голову запомнила, волосы, будто взбитая шапка пены.

Взвыв сиреной, подкатила «Скорая помощь». Санитары стали расправлять вытащенные из машины носилки. Бирюков, переговорив с медиками, вернулся к старушке. Та зачастила, не дожидаясь вопроса:

— Из молочного магазина, милок, в самый раз шла. Вижу, у Юрия Палыча балконная дверь настежь. Только подумала: «Наконец-то сосед появился дома», тут одним мигом и приключилось несчастье...

— Извините, — перебил словоохотливую старушку Антон. — Как вас зовут?

— Меня?.. Ксенией Макаровной.

— Скажите, Ксения Макаровна, кто такой Юрий Павлович и почему он наконец-то появился дома? — сделав ударение на слове «наконец-то», спросил Антон.

— Деменский его фамилия, квартиры наши на одной площадке. Человек очень обходительный, холостяк. Работает инженером. В Свердловске долго находился на учебе. Вчера утром прилетел на самолете, а в свою квартиру не смог попасть.

— Почему?

— Перед отъездом ключ приятелю оставил, — старушка, потупясь, переложила из руки в руку авоську с молоком. — Поставил, значит, чемодан у меня и уехал за ключом. С той поры вторые сутки уж пошли...

Санитары, осторожно подняв носилки, направились к «Скорой помощи». Посмотрев на них, Бирюков снова спросил старушку:

- Потерпевшую знаете?
- Кажется, Саней ее зовут.
- Кто она?

Старушка пожала плечами:

— Затрудняюсь сказать. Позавчера, ровно, значит, за сутки до Юрия Палыча, слышу утром звонок. Отворяю дверь — эта миловидная голубушка улыбается. В таком, знаете, розовом платье и с черной сумочкой дамской. «Здравствуйте, — говорит, — бабуся». — «Здравствуй, милая», — отвечаю. «Юра Деменский из Свердловска еще не вернулся?» — «Нет. А ты кто ему будешь, знакомая, что ли?» — «Меня зовут Саня. Я жена Юрина». Признаться, Юрий Палыч никогда ни о какой жене не говорил, хотя много лет в соседстве живем. Конечно, любопытным мне это показалось. Говорю: «Не знала, что сосед женат». — «Вернется Юра — узнаете...» — Старушка передохнула. — Вот такой у нас дословный разговор произошел.

— Юрию Павловичу вы об этом сказали?

— Дословно, как сейчас, передала.

— И что он?..

— Ни слова не произнес. Сразу за ключом уехал.

— Проводите нас к его квартире.

— Провожу, милоч, провожу.

На третьем этаже Ксения Макаровна, переводя дыхание, кивнула на дверь. Бирюков громко постучал. В ответ — молчание.

— Вон же звонок имеется, — услужливо подсказала старушка.

Однако Антон ни к кнопке электрического звонка, ни к дверной ручке не притронулся. В первую очередь их обследовал эксперт-криминалист. Дверь оказалась запертой. Чтобы ее открыть, пришлось взломать английский замок.

Малогабаритная однокомнатная квартира Деменского была обставлена недорогой, современной мебелью и сияла такой чистотой, словно ее только что приготовили для праздничного приема. На полированном столе, в центре комнаты, стояла ваза с гладиолусами. На полу толстый серый палас. По стенам висели небольшие гравюры, две медяшки, выдавленные под чеканку, и потемневшая доска с распятием Иисуса Христа. Несколько стульев, телевизор с большим экраном, на нем — дорогой транзисторный радиоприемник.

Одну из стен полностью занимал забитый книгами стеллаж; у другой, напротив балконной двери, отсвечивал зеркальной полировкой шифоньер; рядом — покрытый ворсистым пледом диван, на котором лежало женское розовое платье, а на полу валялись новенькие дамские туфли.

Бирюков остановился перед потемневшим распятием. Обращаясь к Ксении Макаровне, спросил:

— В бога сосед верует?

Старушка махнула рукой:

— Какая теперь вера! Мода такая пошла на иконы да крестики.

— Сколько лет Юрию Павловичу?

— Около сорока, но внешностью моложавый, как вы, и так же привлекательно выглядит.

Подождав, пока Дымокуров обследовал балконную дверь, Антон Бирюков осторожно приоткрыл ее и вместе с Маковкиной оглядел балкон. Там стояла табуретка, на ней — тазик с мутной водой и влажная тряпка, которой, судя по всему, мыли снаружи оконные стекла. На серой от пыли деревянной облицовке балконного ограждения темнели следы босых ног — видимо, при мытье становились на ограждение.

— Антон Игнатьевич, подойдите, пожалуйста, сюда... — заглядывая в ванную комнату, попросил эксперт-криминалист.

Бирюков быстро прошел к нему и через плечо заглянул в ванную — там лежали три пустые водочные бутылки с этикетками «Экстра». Подозвав Ксению Макаровну, Антон молча показал на них. Старушка растерянно пожала плечами:

— Не замечала за Юрием Палычем такой слабости. — Взгляд ее при этом вильнул мимо Антона, словно она сказала неправду и устыдилась лжи.

Оперативная группа прошла на кухню. Здесь, несмотря на открытую форточку, стойко держался запах табачного дыма. На столе стояла недопитая бутылка коньяка, две хрустальные рюмки, чайное блюдце с тонко нарезанным лимоном, полная пепельница окурков с пятнышками губной помады на фильтрах и полураскрытый коробок, на черном фоне которого алело пламя нарисованной горящей спички.

Антон Бирюков осторожно взял коробок. Это были спички Балабановской экспериментальной фабрики.

От обычных они отличались лишь сделанным из картона коробком да зеленым цветом головок.

— А коньячок из ресторана... — рассматривая на этикетке недопитой бутылки фиолетовый жирный штамп, сказал эксперт-криминалист. — Хороший коньячок, армянский.

Бирюков обвел взглядом кухню. Увидев возле мусорного ведра переломленную пополам шариковую авторучку и комочек измятой бумаги, поднял их. Распрямив бумагу, прочитал: «Прокурору г. Новосибирска от Холодовой А. Ф. Заявление». Написанное было нервно перечеркнуто.

— Что-то хотели заявить вашему шефу, — передавая листок следователю Маковкиной, сказал Антон. Маковкина, не проронив ни слова, положила листок в папку.

Осмотр квартиры продолжался долго. В кармане розового платья была обнаружена телеграмма, отправленная четверо суток назад из Адлера на имя Деменского: «Заказанное достал встречай Реваз» — и письмо без конверта, написанное красивым женским почерком и адресованное, как подсказывало содержание, тоже Деменскому:

«Лапушка моя золотая, здравствуй!

Сегодня поговорила с тобой по телефону и сразу пишу, прямо на работе. Ну как твои дела? Переживаешь? Спрашиваю, хотя заведомо знаю, что — да. В тот день, когда ты так сурово уехал, не могла найти места, сердце разрывалось на части. Состояние было ужасное, и продолжалось оно до твоего звонка. Я отлично понимаю свою вину и не знаю, что теперь делать. Скучаю и постоянно думаю о тебе. Дома все нормально. Сережа усердно растет, часто вспоминает папу Юру — тоже страдает. Реваз меня теперь не беспокоит, все пока тихо.

Приезжай, родной, очень жду. Целую крепко, крепко!

Твоя Саня».

С обратной стороны письма ровным мужским почерком было написано четверостишие:

И стало мне жаль отчего-то,
Что сам я люблю и любим...
Ты — птица иного полета,
Куда ж мы с тобой полетим?!

Под стихами, похоже, тем же почерком, что и письмо, нервно кричала приписка: «Будь проклято прошлое! Все!!! Все!!!»

Давно «Скорая помощь» увезла потерпевшую, разошлась от дома толпа любопытных разносить по городу «сенсацию», а оперативная группа скрупулезно продолжала свое дело. Бирюков долго беседовал с жильцами дома, однако те на все его вопросы лишь пожимали плечами да руками разводили.

Когда он ни с чем вернулся в квартиру Деменского, Маковкина, сидя за столом, на котором красовался букет гладиолусов, сосредоточенно писала протокол осмотра. По-детски прикусывая нижнюю губу, она, похоже, нервничала. Возле дивана Дымокуров сосредоточенно рассматривал ситцевый дамский халатик.

— На кухне, за холодильником, был спрятан, — ответил эксперт-криминалист на молчаливый вопрос Антона. — Пуговицы с материей вырваны, словно халат силой сорвали.

— Нашли их?

— Все три на полу обнаружили.

У ног Дымокурова стояли пухлый красный чемодан из кожзаменителя и лоснящийся черный саквояж с золотистым замком-«молнией».

Покосившись на них, Бирюков спросил:

— Что там?

— В чемодане — постельное белье, приготовленное в стирку, в саквояже — женская одежда.

— Документов нет?

— Нет.

Бирюков подошел к книжному стеллажу, задумчиво стал разглядывать шеренги книг. На глаза попался полный ряд старинных изданий. Внимание привлек выделяющийся среди них толстый том с витиеватым тиснением по корешку. Антон вытащил книгу из ряда и раскрыл. Это оказалась хорошо сохранившаяся Библия дореволюционного издания с иллюстрациями Доре. Страницы ее не имели ни единой пометки. Лишь на титульном листе коричневыми чернилами было аккуратно выведено: «Собственность Дарьи Сипенятиной». Антон сунул Библию на место и перевел взгляд на нижнюю полку стеллажа. Слева, в самом начале полки, стояла

вместительная коробка. В ней — наполовину опорожненный флакон разбавителя, больше десятка почти нетронутых тюбиков с масляными красками и набор рисовальных кистей. Рядом лежал новенький этюдник и высилась солидная стопка этюдного картона. Наклонившись, Антон достал верхний картон. На нем оказался незаконченный масляный портрет красивой улыбающейся женщины с обнаженными плечами. Что-то мимолетное показалось в портрете знакомым. Бирюков отнес картон на вытянутую руку и вдруг повернулся к Маковкиной:

— Узнаете, Наталья Михайловна?

— Потерпевшая?..

— Она.

— Юрия Палыча работа, — быстро вставила Ксения Макаровна, — раньше он много рисовал, а последнее время забросил художество, наукой занялся.

Бирюков перебрал остальные картоны. На них были этюды новосибирских улиц и несколько пейзажей, выполненных с настроением. Чувствовалось, что писавший их довольно уверенно владеет кистью.

Бирюков покосился на Ксению Макаровну. Старушка сидела рядом с напряженно застывшими понятиями и, часто поправляя на коленях авоську с бутылкой молока, чувствовала себя как на иголках. Каждый раз, когда на нее взглядывал кто-либо из оперативников, она отводила глаза в сторону. Антон все-таки перехватил ее ускользающий взгляд и неожиданно спросил:

— Ксения Макаровна, почему не говорите правду до конца?

Старушка вздрогнула. Чуть не уронив с колен авоську, одной рукой поправила беретик и сосредоточенно уставилась в пол. Какое-то время она будто напоминала рисунок на сером паласе, затем, подняв на Антона тревожные глаза, заговорила:

— Сегодня видела, как Саня на железнодорожном вокзале с каким-то мужчиной разговаривала. Я дочку провожала в отпуск. Подошел адлерский поезд, и, по моему, тот мужчина приехал. Знаете, такой... кавказской наружности. Лицо смуглое, нос большой, а волосы седые. Ему уже за шестьдесят, наверное. Одет в железнодорожный костюм. А возле Сани стояло вот это... — Ксения Макаровна показала на красный чемодан из

кожзаменителя, в котором, по словам Дымокурова, находилось белье, приготовленное в стирку.

— Вы не ошибаетесь? — уточнил Антон.

— Может, и ошибаюсь, но очень уж похож чемодан.

— О чем они говорили, не слышали?

— Издали я наблюдала. Мужчина как будто уговаривал Саню, а она хмурилась и глазенками туда-сюда, туда-сюда, словно опасалась чего-то.

— В какое время это было?

— В половине шестого вечера.

Бирюков взглянул на часы — происшествие случилось почти три часа спустя.

— С вокзала во сколько вы ушли?

— Как дочка уехала, вокзальное время шесть показывало.

— И сразу домой пошли?

— Нет. Сначала к приятельнице заглянула, на Иркутскую улицу. Чаю с ней попили, посудачили. После в магазин по пути зашла, бутылку молока купила.

— Не с тем ли мужчиной, с вокзала, Саня сюда пришла? Может, он и прикрыл балконную дверь?..

— Затрудняюсь сказать, не разглядела. Приметила лишь белую голову... — Ксения Макаровна задумалась.

Маковкина, прекратив писать протокол, достала из папки заявление, найденное на кухне, и повернулась к Бирюкову:

— Антон Игнатьевич, вам не кажется, что Холодова, начавшая писать это заявление, и Саня — одно и то же лицо? Обратите внимание на инициалы: «А. Ф.», вероятно, Александра...

— Возможно, — сделав вид, будто он сам об этом раньше не догадался, сказал Бирюков и опять спросил старушку: — Фамилию Сани вы не знаете?

— Да откуда, милоч, мне это знать-то? Звать, говорила, Саней...

— Раньше вы ее у Деменского не видели?

— Ни разу.

Дальнейший разговор оказался бесплодным. Близко к полуночи, оставив Ксении Макаровне повестку для Деменского, приглашающую в уголовный розыск, оперативная группа покинула место происшествия. Несмотря на позднее время, оперативники навели подробные справки о Юрии Павловиче Деменском и Холодовой А. Ф.

Деменский родился в 1937 году. Закончил электромеханический факультет Томского политехнического института. В Новосибирск приехал из Челябинска в январе 1975 года и с той поры работает старшим инженером по новой технике на «Сибэлектротрансмаше». В графе «Семейное положение» указывалось: «Не женат. Детей нет».

По сведениям адресного бюро Холодова А. Ф. в прописке и выписке по городу Новосибирску не значилась.

Глава

II

Утреннее солнце беззаботно играло шаловливыми зайчиками. Антон Бирюков передвинул стопку бумаги так, чтобы солнечные блики от настольного стекла не слепили глаза, перевернул на календаре листок с числом 21 августа и, едва стрелки часов показали начало рабочего дня, взялся за телефонную трубку.

Из отдела кадров «Сибэлектротрансмаша» Деменскому дали самую положительную характеристику. Оказывается, имея высшее образование, Юрий Павлович поступил на факультет заочного обучения Уральского политехнического института, досрочно выполнил учебную программу по специальности «Автоматика и телемеханика» и месяц назад уехал в Свердловск защищать дипломный проект. На работу должен выйти через неделю, если не оформит полагающийся по закону последипломный отпуск.

Получив такие сведения, Бирюков заказал уголовный розыск Свердловска и попросил побывать в политехническом институте, чтобы выяснить все возможное о преуспевающем студенте-заочнике из Новосибирска.

Только закончился этот междугородный разговор — дверь кабинета широко распахнулась. Щупленький улыбающийся старший лейтенант, лихо отдав честь, поуставному щелкнул каблуками:

— Прошу разрешения, товарищ капитан!

— Слава?.. Голубев! — удивился Бирюков и, вскочив из-за стола, крепко стиснул вошедшего в объятиях.

— Отпусти, ребра ломаешь! — засмеялся старший лейтенант.

— Соскучился по тебе, деревенский детектив! Больше года, наверное, не виделись.

— Почти два.

— Даже так?

— Конечно. Тебя в сентябре из нашего райотдела в областной розыск перевели, а сейчас, как известно, август к концу катится.

Антон, усадив Голубева, заинтересованно спросил:

— По каким делам в Новосибирск пожаловал?

— Прикатил на месячную стажировку, повышать квалификацию. Возьмешь, как прежде, подручным?

— Спрашиваешь? — Антон потянулся к телефону. — Сейчас договорюсь с начальником отдела, работа есть...

— Имеешь в виду вчерашнее происшествие?

— Откуда знаешь?

— Только что от начальства. Можешь не звонить, без твоего согласия договорился. Предварительные итоги какие?

— Неутешительные. Похоже, любовная драма. Собственно, через несколько минут соберется оперативная группа...

Бирюков не успел договорить. В кабинет вошла следователь Маковкина. Мельком взглянув на Голубева, она поздоровалась и спросила Бирюкова:

— Вы заняты?

— Экспертов жду. Выбирайте, Наташа, место поудобней, сейчас они нагрянут, — ответил Антон и представил вошедшей Голубева. — Это бывший мой сослуживец по райотделу, приехал к нам на стажировку.

Маковкина села ближе к столу. Положив на колени принесенную с собою папку, озабоченно заговорила:

— Я только что беседовала с хирургом Широковым. Потерпевшая жива, но состояние ее крайне тяжелое. Опасаюсь, что в случае смертельного исхода расследование осложнится. — Маковкина смущенно зарозовела. — Надеюсь на ваш опыт и помощь. У меня, как знаете, пока лишь теоретические знания...

«Девочка не лишена самокритики, но мне от этого не легче», — подумал Антон и вздохнул:

— Поживем — увидим...

Карпенко и Дымокуров вошли в кабинет разом. Пока вежливый Аркадий Иванович галантно здоровался с Маковкиной и знакомился с Голубевым, энергичный судмедэксперт широким жестом передал Бирюкову

свое заключение. Медицинская экспертиза установила, что потерпевшая находилась в легкой степени алкогольного опьянения. При падении она повредила коленные суставы, позвоночник и получила ушиб головного мозга. Когда Бирюков прочитал заключение, Карпенко добавил:

— Цветочная клумба спасла. Если бы упала на асфальт — мгновенная смерть.

— Считаешь, она выживет? — спросил Антон.

— Вся надежда на нейрохирурга Алексея Алексеевича Широкова.

— Хороший специалист?

— Прекрасный, но травма головного мозга, сам понимаешь, — дело не шуточное.

— Скажите, Виталий, — заговорила Маковкина, — нет ли у потерпевшей каких-либо признаков покушения на изнасилование?

— Нет, — ответил Карпенко. — Похоже, женщина сама спрыгнула с балкона. Вот вам факт: сначала она приземлилась на обе ступни, как при прыжке, и уж после того упала ничком...

Бирюков посмотрел на Дымокурова:

— Что, Аркадий Иванович, по этому поводу скажет?

— Траектория ее падения и вмятины на цветочной клумбе подтверждают предположение доктора.

— Кто ж за женщиной балконную дверь закрыл? Халат кто с нее сорвал?.. — Антон сделал паузу. — К тому же начатое заявление прокурору. О чем Холодова А. Ф. хотела заявить и почему не написала свое заявление? Передумала или кто-то помешал ей?..

Дымокуров развел руками. Бирюков помолчал и снова спросил:

— Аркадий Иванович, что нам дает дактилоскопическая экспертиза?

Криминалист раскрыл папку и положил на стол несколько увеличенных фотоснимков.

— Вот отпечатки, изъятые с коньячной бутылки и с одной из рюмок. Такие же отпечатки пальцев обнаружены на шпингалете и на стекле балконной двери.

Рассматривая снимки, Антон хмуро проговорил:

— Что-то очень уж рубцеватые пальцы...

— Вероятно, человек привлекался к уголовной ответственности и, стараясь, чтобы по отпечаткам его не

уличили в повторном преступлении, попытался изменить рисунок папиллярных линий, — высказал предположение Дымокуров и показал еще несколько снимков. — А вот другие, пригодные для идентификации, отпечатки. Они обнаружены на кнопке электровонка и на наружной дверной ручке.

— Не самого ли это Деменского? — спросил Антон.

— У нас сравнить их не с чем.

— Какой результат у эксперта-почерковеда?

— Почерковед установил, что письмо, обнаруженное в кармане розового платья, и начатое заявление прокурору написаны одним и тем же женским почерком. Эта же женщина сделала приписку, проклинающую все прошлое, под стихами. Четверостишие принадлежит поэту Николаю Рубцову. Судя по почерку, переписано оно рукой мужчины.

Антон задумался:

— Меня, Аркадий Иванович, очень заинтересовал спичечный коробок Балабановской экспериментальной фабрики, который обнаружили на кухонном столе. В нашей области, насколько знаю, распространены барнаульские и томские спички. Откуда балабановские появились?

Дымокуров понятиливо наклонил голову:

— Такой вопрос и у меня возник. По справке управления торговли небольшая партия спичек Балабановской фабрики поступала в Новосибирск две недели назад. Продавали их в магазине у остановки «Сухой Лог».

— Значит, можно предположить, что в гостях у Деменского был кто-то из противоположного конца города?

— Можно такое допустить.

Хрипло заурчал аппарат внутреннего коммутатора. Постовой сотрудник УВД сообщил, что гражданка, назвавшаяся Ксенией Макаровой, ищет «молодого офицера из уголовного розыска, который вчерашним вечером разбирался с разбившейся женщиной».

— Направьте ко мне, — сказал Бирюков и, положив трубку, оглядел присутствующих. — Соседка Деменского пожаловала...

Спустя несколько минут Ксения Макаровна робко вошла в кабинет. Как и вчера, она была в длинном старомодном платье, на седенькой голове — тот же бере-

тик, в руке — та же авоська. Только на этот раз вместо бутылки молока в авоське лежала пачка печенья «Привет». Антон пригласил старушку сесть. Та благодарно поклонилась и, присаживаясь на краешек стула, сразу заговорила:

— Так ведь Юрий Палыч и не появился до сей поры дома. Всю прошлую ночь не спала, переживала...

Бирюков, слушая старушку, не проронил ни слова. Ксения Макаровна глубоко вздохнула:

— Каяться пришла — главное ведь вчера утаила. Ключ-то от квартиры Юрий Палыч оставлял мне, а я отдала Анатолию Николаевичу Овчинникову, инженеру из нашего домоуправления. Он в квартире Юрия Палыча водопровод чинил и, знаете, это... женщин приводил туда...

— Выходит, Саню Овчинников привел?

— Нет, нет. Саня — особая статья. Я расскажу...

— Зачем же утаили такое? — досадливо спросил Антон.

Старушка опустила глаза:

— Овчинников запугал. Упрекнула его, а он показывает длинную отвертку и говорит: «Будешь вякать — пырну и весь воздух из тебя выпущу». — Сказав это, Ксения Макаровна словно спохватилась: — Конечно, Анатолий Николаич, возможно, пошутил. Он любит шутить...

— Деменский что, знаком с ним?

— С Овчинниковым все жильцы нашего дома знакомы. Безотказный он на случай срочного ремонта. Только бутылку «Экстры» покажи — мигом тут как тут будет. — Ксения Макаровна опять словно спохватилась: — Нет, нет! Денег с жильцов Анатолий Николаич не берет, а вот «Экстру»... крепко уважает.

— Говорите, инженером в домоуправлении работает?

— Точно сказать затрудняюсь, милоч. Это наши жильцы его так зовут, а вообще-то Анатолий Николаич большей частью водопроводы чинит. Вот и Юрий Палыч, уезжая в Свердловск, вместе с ключом пятерку мне оставил, сказал, что договорился с Овчинниковым насчет починки водопровода. Так получилось...

— Слава, наведи справку об Овчинникове, — повернувшись к Голубеву, шепнул Антон и, когда тот вышел из кабинета, опять спросил старушку:

— Ну а как же получилось с Саней?

— Ключ от квартиры Юрия Палыча Саня у меня спрашивала, — обреченным голосом ответила Ксения Макаровна.

— И вы отдали?

— Нет. Указала адрес Овчинникова, ключ-то уж у него был.

— Она к нему поехала?

— Не знаю, милоч.

— Вы ничего не сочиняете?

— Как перед господом богом!..

Когда Ксения Макаровна, на прощание низко поклонившись, вышла из кабинета, вернулся Голубев. Бирюков взял принесенную им справку и с интересом стал читать:

«Анатолий Николаевич Овчинников родился в Новосибирске в 1935 году. Образование среднетехническое: окончил Новосибирское речное училище по специальности штурмана-судомеханика. Прописан по улице Челюскинцев. В домоуправлении числится слесарем-водопроводчиком. К работе относится добросовестно. С 19 августа — в очередном отпуске».

— Вот штурман-водопроводчик объявился, — дочитав до конца, вздохнул Антон и посмотрел на Маковкину: — Что, Наталья Михайловна, займемся делом вплотную? И начнем его, пожалуй, со знакомства с Овчинниковым, а?..

— Да, конечно, — чуть подумав, согласилась та.

Бирюков повернулся к Голубеву:

— Тебе, Вячеслав Дмитриевич, тоже надо включиться. Познакомься сейчас у Натальи Михайловны с материалами дела. В них есть телеграмма Деменскому из Адлера от какого-то Реваза, а в показаниях Ксении Макаровны упоминается железнодорожник «кавказской наружности» в возрасте около шестидесяти. Повстречайся с руководством вокзала Новосибирск-Главный и выясни, есть ли среди вокзальных сотрудников такие мужчины. — Бирюков поднялся из-за стола. — А я сейчас наведу к Овчинникову на квартиру.

Садясь в служебную машину, Антон не предполагал, что через несколько минут возникнет новая загадка: Анатолий Николаевич Овчинников третьи сутки не появлялся дома. Получив на работе отпускные, он будто в воду канул.

III

Бирюков не заметил, как промелькнул первый день напряженной работы «вслепую», когда каждое новое сообщение вместо ожидаемой ясности еще больше усложняет расследование. Так, например, получилось с ответом Свердловского уголовного розыска. Деменский на самом деле закончил учебную программу досрочно и на «отлично» защитил диплом. Превосходная характеристика, выданная Юрию Павловичу деканатом заочного отделения, не вызывала сомнений, но Антона насторожили два факта. Во-первых, находясь целый месяц в Свердловске, Юрий Павлович ни в общежитии института, ни в городских гостиницах прописан не был. О том, где он жил все это время, в деканате сведений не имелось. Во-вторых, в Новосибирске Деменский появился вчера, и, по словам Ксении Макаровны, прилетел он самолетом. В Свердловском же аэропорту за вчерашние сутки пассажира с такой фамилией не значилось.

Безрезультатно проработал целый день и Слава Голубев. Среди сотрудников вокзала Новосибирск-Главный мужчин «кавказской наружности» в возрасте, близком к шестидесяти, вообще не оказалось. Однако в отделе кадров Голубев выбрал несколько фотографий поседевших брюнетов и предъявил Ксении Макаровне для опознания. Ни в одном из них старушка не признала того мужчину, с которым Саня была на железнодорожном вокзале.

Первую «ласточку» принес Антону эксперт-криминалист Дымокуров. Когда Бирюков с Голубевым уже собирались закончить бесплодный рабочий день, Аркадий Иванович вошел в кабинет, держа в одной руке маленькую ученическую папку, в другой — несколько дактилоскопических фотоснимков.

— Докопался я все-таки до сути, — весело сказал он, передавая Бирюкову фотоснимки... — Отпечатки на кнопке электрического звонка и на дверной ручке квартиры Деменского принадлежат рецидивисту Сипенятину.

— Впервые о таком слышу, — рассматривая увеличенные контуры папиллярных линий, проговорил Антон.

— Последние три года Сипенятин отбывал наказа-

ние за мошенничество. Подделывал иконы и дурачил любителей старины.

— Теперь освободился?

— Вероятно, если появились его пальцевые отпечатки.

— Чем, кроме мошенничества, известен?

— Многими печальными делами. Уголовная кличка Вася Сивый. Привлекался за хулиганство, карманные и квартирные кражи, за угон частных автомашин, мотоциклов. Словом, на Васиной совести много всякой всячины, — Дымокуров положил перед Антоном папку. — Я в порядке частной инициативы коллекционирую различные уголовные уникальности. Есть кое-что в этой коллекции и Васиного. Вот посмотрите, быть может, найдете здесь что-то полезное.

Раскрыв папку, Бирюков прежде всего увидел стандартные судебно-оперативные фотографии: правый профиль, фас, полный рост. На каждом снимке значилось: «Василий Степанович Сипенятин», и год рождения — 1940. Губасто-курносое лицо смотрело в объектив подетски любопытно и настороженно.

Кроме портретных фотографий, в папке имелись снимки сипенятинских татуировок. Антону доводилось видеть самые различные коллекции подобных художеств, но такую он увидел впервые. Сипенятин был расписан уникально. На его груди высился могильный холм с крупным крестом и малограмотной надписью: «Спи радной пахан. Тибя танка задавила». Полукружьем над крестом выгибалась другая, не уступающая по грамотности фраза: «Каждый день всходит солнце, и каждый день оно садитца». На предплечье правой руки чернела матросская бескозырка с развевающимися лентами и с клятвой под ней: «Не забуду боцмана!»

— Кстати, боцманская фотография тоже здесь есть, — сказал Дымокуров и, порывшись в папке, подал Бирюкову пожелтевший от времени фотоснимок.

На фоне приближающегося трамвая безногий большоголовый мужчина, сидя на низенькой роликовой тележке и протягивая перед собой забинтованную руку, как будто просил подаяние. Макушку его прикрывал блин бескозырки с лентой Черноморского флота, а из-под увешанного значками и медалями бушлата виднелся мутный треугольник тельняшки.

— Спившийся инвалид войны? — подняв на Аркадия Ивановича глаза, спросил Антон.

— Мошенник-попрошайка. Учитель Васи Сипенятина, с позволения сказать. Об этой компании много может поведать Степан Степанович Стуков, до пенсии около двадцати лет проработавший в нашем управлении.

— Степан Степанович?! — обрадовался Антон.

— Да. Знаете?

— Преддипломную практику у него проходил. И после, когда работал в райотделе, приходилось встречаться. — Бирюков повернулся к Голубеву. — Слава, ты ведь тоже должен помнить Стукова.

— Конечно, помню.

— Сейчас мы сходим к нему, он здесь недалеко живет. — Антон снял телефонную трубку. — Прежде только справочку о Сипенятине наведем...

Через несколько минут стало известно, что Сипенятин В. С. освобожден из исправительно-трудовой колонии полтора месяца назад без права проживания в Новосибирске. Местом жительства ему определен Тогучинский район Новосибирской области, куда он прибыл в установленный срок, получил паспорт и устроился шофером в межколхозную передвижную механизированную колонну.

— Наш район?! — взглянув на Антона, удивился Голубев. — Закажи по междугородной Тогучин, я переговорю с председателем Межколхозстроя.

Междугородная сработала четко. Разговаривал Голубев недолго и, положив телефонную трубку, невесело сказал:

— Сипенятин вторую неделю не появляется на работе.

Бирюков быстро перебрал портретные фотографии Сипенятина. Протянув Дымокову снимок анфас, попросил:

— Аркадий Иванович, передайте, пожалуйста, размножить. Надо нам срочно этого гражданина отыскать.

Степан Степанович Стуков жил в пятиэтажном сером доме еще довоенной постройки. Дверь открыл невысокий, с седеньким чубчиком старичок. Увидев Бирюкова, он обрадованно вскинул руки:

— Антоша? Каким ветром?..

— Дела привели, Степан Степанович, — ответил Антон. — Здравствуйте.

— Здравствуй, Антоша, здравствуй! — Стуков близоруко прищурился. — Кажется, Слава Голубев с тобою?..

— Он самый. У вас хорошая память.

— Не жалуюсь, не жалуюсь. Что ж мы в дверях стоим?.. Проходите, проходите. Домочадцы мои на даче. По-холостячки буду угощать, чай вскипячу...

Усадив гостей в кресла возле журнального столика, Стуков захлопотал на кухне. Вскоре он сел против Антона и, прищурясь, спросил:

— Какие ж дела привели ко мне?

Бирюков стал рассказывать. Степан Степанович слушал внимательно, иногда задавал уточняющие вопросы. Когда разговор коснулся Сипенятина, старый розыскник задумался, будто припоминая что-то очень давнее, серьезное. Бирюков замолчал, и Стуков с улыбкой спросил:

— Значит, Аркадий тебе свою коллекцию показывал?

— Показывал.

— Это он от меня таким делом увлекся. Попробую кое-что добавить... — Степан Степанович подошел к книжному шкафу. Отыскал там пухлую папку и, перебрав в ней газетные вырезки, протянул одну из них Антону. — Знакомство с Васей Сипенятиным надо начинать с его родословной. Это из «Вечернего Новосибирска». Прочти, Антоша, затем я дополнение сделаю.

Небольшая заметка, опубликованная под рубрикой «Из истории нашего города», называлась «Конец Нахаловки». Антон внимательно стал читать:

«На исходе прошлого века, в ту пору, когда соорудилась станция Обь, которую мы теперь называем Новосибирск-Главный, возник и этот своеобразный район нашего города. Вдоль берега Оби, против станции, лепясь друг к другу, начали расти землянки, мазанки, реже — бревенчатые домишки. Селились в них деповские рабочие, железнодорожники и просто пришлые люди.

Едва на берегу Оби появились первые самовольные застройщики, кабинетные чиновники засыпали их ворохом бумажек с требованием внести арендную плату. Застройщики отмалчивались. Каких только усилий не принимали городские власти, чтобы заставить обитателей

самозванного поселка вносить в казну пошлины и налоги! Но ничего сделать не могли с местным отчаянным народом. В сердцах «отцы города» называли поселок Нахаловкой. Так и на картах его обозначили. Даже на городской карте издания 1935 года еще встречается название «Малая Нахаловка». По старой памяти, разумеется.

Среди обитателей Нахаловки было немало передовых, революционно настроенных рабочих, но, чего греха таить, достаточно было и преступного элемента, от мелких воришек до настоящих бандитов-убийц. Такие большей частью группировались вокруг известного в ту пору «Дарьиного шинка», принадлежавшего некой Дарье Сипенятиной. Самой хозяйки в высшей степени было безразлично, кто и на какие деньги у нее гуляет.

При всем том была Дарья женщиной богомольной. Быть может, молитвами надеялась искупить свои грехи. Но именно религиозность ее и сгубила. Построили на привокзальной площади, которая теперь носит имя Н. Г. Гарина-Михайловского, церковь. Уж тут-то Дарья отвела душеньку! Что ни воскресенье, а то и в будни отбивала поклоны в новой церкви. Находилась эта церковь по другую сторону железнодорожных путей, а переходной мост построен еще не был. Люди перебирались через пути на свой страх и риск под вагонами. Так и Дарья однажды перебиралась. Да зазевалась и отдала богу душу без покаяния, под колесами поезда...»

Дальше в заметке рассказывалось, как изменился теперь район бывшей Нахаловки. Антон дочитал заметку и с интересом спросил Степана Степановича:

— Кем шинкарка Дарья доводилась Васе Сипенятину?

— Бабушкой.

— А родители его кто?

— Отец в Отечественную погиб. Мать, Мария Анисимовна, кстати очень хорошая женщина, сейчас живет у Бугринской рощи, по улице Кожевникова.

— Какую связь имеют уголовные дела Сипенятина с его родословной?

Степан Степанович пригладил свой чубчик.

— С родословной связана последняя судимость Васи. Дело такое было. Один бесящийся с жиру почитатель старины купил на вещевом рынке за две тысячи старую икону с золоченым окладом и драгоценными ка-

мешками. Показал ее знающим людям — те определили подделку. Разумеется, «почитатель» обратился в уголовный розыск. Когда наши эксперты стали исследовать икону, обнаружили сведенную обесцвечивающим растворителем надпись: «Собственность Дарьи Сипенятиной...»

Антон вдруг вспомнил книжный стеллаж на квартире Деменского, на нем — ряд старинных книг. Среди них — выделяющийся корешок Библии с иллюстрациями Доре и коричневые чернила на титульном листе...

— Степан Степанович, а книги Дарьи Сипенятиной уголовному розыску не попадались? — быстро спросил Антон.

— Нет, Антоша, не попадались. — Стуков чуть помолчал и продолжил: — Обнаружив на иконе такую надпись, мы, разумеется, вышли на своего старого знакомого. Вася, как всегда, стал запираяться самым нахальным образом: мало ли, мол, в чьих руках побывали старые бабкины иконы; бабка, дескать, еще до революции померла. Провели опознание. Потерпевший не колеблясь узнал Васю. И тут вдруг произошло невероятное: Вася, изменив своей традиционной привычке, всю вину взял на себя, хотя, по заключению экспертов, подделка не обошлась без опытного художника.

— А что за традиционная привычка у Сипенятина?

— Путать следствие до конца и валить вину на кого угодно.

— Может быть, на этот раз соучастник его запугал?

— Вася сам кого хочешь запугает, — сказал Стуков. — Тут что-то другое...

— Что, Степан Степанович?

— Вероятно, у Сипенятина дальние планы были. В статьях Уголовного кодекса он разбирается досконально. Прикинул — за одну икону большой срок не дадут, а компаньон в будущем пригодится. Поэтому Вася и не стал его выдавать.

Бирюков передал Стукову пожелтевшую фотографию:

— Говорят, вот этот боцман обучал Сипенятина. Хотелось бы направление его «школы» узнать.

Степан Степанович, надев массивные роговые очки, с интересом посмотрел на снимок и, возвращая его Антону, задумчиво заговорил:

— Боцманская «школа» давно отжила. Старые новосибирцы, быть может, еще помнят этого калеку. В пер-

вые годы после Отечественной войны он обычно сидел на трамвайной остановке у фабрики «ЦК швейников» и сипло кричал: «Дорогие братья и сестры! Десять-пятнадцать копеек вас не устроят, а для инвалида, пострадавшего за Родину, это целое состояние. Не забудьте, граждане, черноморского боцмана!» И начинал петь:

Я шел впереди с автоматом в руках,
Когда в бой пошла наша рота...

— Говорят, он на войне не был.

— Да. В тридцать девятом году пьяный попал под трамвай, но об этом знали немногие. К вечеру «боцман» в ближайшей забегаловке напивался так, что сидеть на своей тележке не мог.

— Что ж милиция смотрела сквозь пальцы на его попрошайничество?

— Милиции, Антоша, работы хватало. В ту пору много всякой нечисти под видом инвалидов войны выплозло на городские улицы. — Стуков снял очки. — Порядок, конечно, навели, и «боцман» исчез с горизонта. Жил он за Каменкой, рядом с Сипенятыми. Вот под его влияние и попал с малых лет Вася. Подобрал к нему ключик «боцман»: расписывая свои «подвиги» на войне, сочинил легенду, будто видел своими глазами, как Васин отец бросился с гранатой под фашистский танк...

— Выходит, татуировка на груди Сипенятина имеет основу?

— Татуировка — полбеда. Страшнее другое: «боцман», чтобы добыть себе на выпивку, стал приучать закаменских мальчишек к воровству. Многих удалось остановить, но Вася Сипенятин не выправился. Первую судимость получил в пятнадцать лет, попал в воспитательно-трудовую колонию, так все и пошло. — Степан Степанович постучал дужкой очков по папке с газетными вырезками. — Я вот фактики по крупницам собираю. Общественным лектором на наших опорных пунктах числюсь и Васиному историю часто упоминаю. «Боцманов», конечно, давным-давно в помине нет, но дельцы и пьяницы, калечащие души подростков, к сожалению, еще не перевелись. — Стуков задумался, повертел очки. Внимательно посмотрев на Антона, спросил: — Говоришь, отпечатки Васиных пальцев имеются на месте происшествия?

— Да, Степан Степанович.

— Не характерно такое преступление для Сипеняти-на. Вася может украсть, смошенничать, пойти на любую авантюру, но что касается женщин... Не было у него преступлений, связанных с женщинами.

На кухне громко застучал крышкой вскипевший чайник.

Глава

IV

На следующий день рано утром следом за Антоном и Голубевым в кабинет вошел высокий мужчина в полосатой рубашке, заправленной в брюки под широкий ремень с латунной пряжкой «Одра». Кудрявые волосы его были взлохмачены, а моложавое лицо казалось усталым.

— Вот... соседка вручила... — передав Бирюкову повестку, глухим голосом сказал он и, не дожидаясь приглашения, обессиленно сел на стул.

— Деменский Юрий Павлович? — уточнил Антон.

— Да.

— Где вы находились двое суток?

— Ключ от квартиры искал. Соседка отдала слесарю из домоуправления. Поехал к нему, его дома нет. Один знакомый подсказал, что Анатолий собирался на Обское море, на рыбалку. Я — туда. В районе Бердска все рыбные места обшарил...

— Юрий Павлович, — перебил Антон, — называйте не только имена, но и фамилии своих знакомых.

— Пожалуйста. Фамилия слесаря — Овчинников, зовут Анатолий, как я уже упоминал. Насчет его рыбалки подсказал Алик Зарванцев. Художник. У оперного театра живет. — Деменский назвал адрес.

— Знаете, из-за чего вас пригласили сюда?

— Что-то туманное соседка сегодня рассказывала, но толком я ничего не понял. Какая женщина, каким путем в мою квартиру попала?.. Наверное, Овчинников кого-то приводил.

— Кого он мог привести?

— Это невозможно угадать. По женской части Анатолий такой специалист, что... — Деменский брезгливо усмехнулся.

Бирюков достал из стола фотоснимки пострадавшей, сделанные экспертом-криминалистом на месте происшествия, и передал их Деменскому.

На лбу Юрия Павловича мигом выступила мелкая испарина.

— Узнаете? — спросил Антон.

— Бывшая моя жена.

— Фамилия, имя, отчество ее?

— Холодова Александра Федоровна.

— Где живет, работает?

— Я ничего не знаю! — почти закричал Деменский, но тут же взял себя в руки. — Могу рассказать лишь о прошлом. С Холодовой мы поженились в Омске. Я там работал на заводе, Саня заведовала книжным магазином. У нее был годовалый сын, Сережка, хотя до нашего брака она официально замуж не выходила. Из Омска меня перевели в Челябинск. Саня со мной туда приехала, опять завмагом в книжный устроилась... Можно, я закурю?

— Курите, — разрешил Антон, придвигая к Деменскому пепельницу.

Юрий Павлович нервно достал пачку сигарет и газовую зажигалку. Сделав несколько жадных затяжек, продолжил:

— В конце семьдесят четвертого меня на два месяца командировали в Новосибирск. Накануне новогоднего праздника я решил внезапно нагрянуть домой, так сказать, сюрприз жене преподнести... Самолетом от Новосибирска до Челябинска, как знаете, всего два часа. Тридцать первого декабря в восемь вечера я уже был дома. В квартире — ни души. На столе — две бутылки из-под шампанского, стаканы, ополовиненная коробка дорогих конфет. Постель не заправлена, измята... — Деменский глубоко затянулся. — Короче, новогоднюю ночь я метался по своей квартире, как тигр по клетке. Жена заявила через сутки. Пришла с молодым летчиком, навеселе. Увидев меня, опешила. Наивно стала оправдываться, что встречала Новый год у друзей, а летчик — якобы муж подруги — всего-навсего проводил ее домой ввиду позднего времени... Не стану скрывать, я залепил жене пощечину и ушел из дому. После добился перевода в Новосибирск. Холодова осталась в Челябинске.

— На этом отношения кончились?

— Полностью. Я обратился в суд, и через полгода нас развели.

— Больше с Холодовой вы не встречались?

— Нет.

— Каким же образом она все-таки оказалась в вашей квартире?

— Не знаю.

— Юрий Павлович... — Бирюков, будто собираясь с мыслями, помолчал. — Случилось серьезное происшествие: неизвестно, выживет Холодова или нет. Нам надо по горячим следам разобраться: есть ли в этом происшествии состав преступления?.. Вы знаете Холодову и круг ее знакомых лучше, чем кто-либо другой. Помогите нам...

На скулах Деменского ходуном заходили желваки. Раздавив в пепельнице быстро искуренную сигарету, он тут же закурил другую. Сильно затянувшись, уставился взглядом в пол и словно с неохотой сказал:

— За сутки до случившегося Овчинников и Зарванцев были с Холодовой в ресторане «Орбита». Крепко там выпили.

— Они что, друзья? — спросил Антон.

Юрий Павлович усмехнулся:

— В их компании дружба — понятие относительное. Нужен человек — с ним общаются, нет — контакт рвется.

— Что вас с ними связывает?

— Абсолютно ничего. Овчинников для меня просто... слесарь нашего домоуправления.

— А Зарванцев?

— Года три назад Алик у нас на заводе дизайнером работал и в заводском Доме культуры вел кружок живописи. Там мы и познакомились. Я в то время увлекался красками.

— Когда вы портрет Холодовой писали? — внезапно спросил Антон.

Деменский смутился.

— Перед отъездом в Свердловск как-то навалилось минорное настроение, решил проверить свою зрительную память.

— По-моему, вы хорошо владеете кистью.

— Какое там хорошо... По сравнению, скажем, с тем же Зарванцевым я — дилетант.

— Зарванцев хороший художник?

— Оформитель Алик прекрасный, ну и... профессионал, словом.

— А как человек что он собою представляет?

— Очень скромный, однако любит водить знакомства со знаменитостями и влиятельными людьми. Из простых смертных, пожалуй, с одним Овчинниковым общается. Анатолий, в общем-то, неплохой парень. У него что на уме, то и на языке. Вдобавок — неудержимая энергия и потрясающий оптимизм. Алику как раз этого не хватает.

— Понятно, — сказал Антон. — Вы их познакомили?

— Напротив. Впервые я встретился с Овчинниковым у Зарванцева. Они вместе в школе учились.

— Как Холодова оказалась в их компании?

— Зарванцев говорит, что Овчинников привел Саню в «Орбиту». Больше он ничего не знает.

— Они о чем-то говорили в ресторане?..

— Я не интересовался ресторанным разговором.

— Куда исчез Овчинников?

— Не знаю, — Деменский рассеянно посмотрел на кончик сигареты. — Может быть, подался в Раздумье — на Обском море есть такой рыбацкий уголок.

— На чем туда можно добраться?

— У Анатолия собственный катер с подвесным мотором.

Бирюков посмотрел на Голубева и написал ему записку: «Позвони в ОСВОД. Пусть поищут А. Н. Овчинникова в Раздумье. Если найдут, сразу — в Новосибирск. Мы здесь встретим». Прочитав написанное, Голубев вышел из кабинета.

Глядя, как Деменский нервно прикуривает следующую сигарету, Антон вспомнил полную пепельницу окурков на кухонном столе в квартире Юрия Павловича.

— Холодова курит? — неожиданно спросил он Деменского.

— Нет, — коротко ответил Юрий Павлович и тут же поправился: — Впрочем, когда сильно нервничает, хватает за сигарету... Странный вопрос...

— Ничего странного, — спокойно сказал Антон. — Экспертизой установлено, что Холодова перед происшествием выкурила почти полную пачку сигарет.

Деменский растерянно посмотрел на пачку, которую вместе с зажигалкой держал в руке:

— Непохоже на нее.

— Вы спички Балабановской экспериментальной фабрики покупали?

— Какие?

— С зелеными головками, в картонном коробке.

Юрий Павлович показал изящную газовую зажигалку:

— Много лет вот этим пользуюсь.

Антон раскрыл папку со следственными материалами, накануне взятыми у Маковкиной для изучения, отыскал измятый листок с начатым заявлением прокурору и, подавая его Деменскому, спросил:

— Не знаете, чей это почерк?

Деменский нахмурил лоб:

— Кажется, Холодова писала...

— О чем она хотела заявить?

— Честное слово, не знаю.

Бирюков показал письмо со стихами.

— А это послание вам знакомо?

Деменского словно в жар бросило.

— Это Саня после новогоднего конфликта мне прислала. Стихи я переписал из сборника Рубцова. Хотел отправить Сане, но передумал.

— Между тем письмо обнаружено в кармане платья Холодовой...

— Видимо, Саня рылась в моих книгах и нашла... — Юрий Павлович сосредоточенно рассматривал листок. — Истерику какую-то под стихами написала, раньше не было этого.

Бирюков пробежал взглядом по письму.

— Послушайте, Юрий Павлович, две фразы... Первая: «Состояние было ужасное, и продолжалось оно до твоего звонка». Фраза вторая: «Реваз меня теперь не беспокоит, все пока тихо». — Взгляды Бирюкова и Деменского встретились. — О каком звонке идет речь, если вы полностью порвали отношения с Холодовой, и кто такой Реваз?

Деменский смутился, как уличенный во лжи ребенок, и невнятно забормотал:

— Видите ли, в чем дело... так получилось, что... Короче, я действительно звонил Холодовой после конфликта. Извинился за пощечину. Понимаете, ударить женщину... Что касается Реваза, то это Санин знакомый еще с омской поры.

— Кто он такой?

— Реваз Давидович Степнадзе. Пенсионер. Живет в Новосибирске в Затулинском жилмассиве, по улице Зорге. Летом подрабатывает проводником в пассажирских поездах. Измучил Саню своими заказами на дефицитные книги.

— А вы что заказывали Ревазу Давидовичу в Адлере? — сделав ударение на слове «вы», спросил Антон. Деменский откровенно растерялся:

— Фруктов... просил привезти.

«Кажется, нашелся мужчина кавказской наружности», — с облегчением подумал Бирюков, отыскивая в следственных материалах телеграмму из Адлера. Найдя ее, протянул Деменскому и спокойно попросил:

— Прочтите, пожалуйста, вслух.

— «Заказанное достал встречай Реваз», — без пауз, монотонно пробубнил Юрий Павлович.

— Встретили?

— Я ж в Свердловске находился. Впервые вижу эту телеграмму.

Антон помолчал:

— Неужели, Юрий Павлович, фрукты в Адлере стали такой редкостью, что их непременно надо доставать? Деменский ошеломленно уставился в телеграмму:

— Не знаю, почему Реваз Давидович так написал. Конечно, правильное было бы: «Заказанное купил»... — И вдруг, словно догадался: — Степнадзе, вероятно, слабо разбирается в тонкостях русского языка. Видимо, в его понимании «купил» и «достал» — одно и то же.

Исподволь наблюдая за Деменским, Бирюков подметил характерную деталь: как только разговор зашел о Степнадзе, Юрия Павловича словно подменили. Он стал походить на человека, не привыкшего лгать, но волею сложившихся обстоятельств вынужденного это делать. Чтобы проверить свое предположение, Антон решил перевести разговор на другое:

— Где вы в Свердловске жили?

— У двоюродной сестры, на улице Минометчиков, тридцать восемь... — быстро ответил Деменский и, назвав номер квартиры, с явным облегчением добавил: — Можете проверить.

— Проверим, — убирая телеграмму, сказал Антон. — Как фамилия вашей сестры?

— По мужу Донаева, Анна Сергеевна.

Записав адрес, Бирюков встретился с Деменским взглядом:

— Когда вы появились в Новосибирске?

— Двадцать первого августа утром прилетел.

— Не ошибаетесь?

Первый раз за время разговора Юрий Павлович как будто улыбнулся:

— Я в здравом уме и трезвой памяти.

Бирюков чуть помолчал:

— По имеющимся у нас сведениям, двадцать первого августа вы из Свердловска никуда не улетали.

На лице Деменского появилась откровенная растерянность, однако он быстро с ней справился и с натянутым пафосом воскликнул:

— Правильно! Двадцать первого из Свердловска я не улетал, я из Челябинска в Новосибирск прилетел. Понимаете, как получилось... Когда защитил диплом, время еще оставалось... Решил навестить старых челябинских друзей и почти двое суток у них провел.

— С Холодовой там встречались?

— Нет. Зачем мне с ней встречаться? — торопливей, чем следовало, ответил Деменский и сразу посмотрел на графин с водой. — Разрешите попить?

— Пейте на здоровье.

Юрий Павлович, чуть не расплескав воду, наполнил стакан, поднес его ко рту и опорожнил такими крупными глотками, словно несколько суток кряду страдал от жажды. Когда он сел на прежнее место, Бирюков в присутствии приглашенных понятых положил на стол несколько протоколов с наклеенными и скрепленными печатью фотографиями, среди которых был один снимок Сипенятина. Объяснив суть дела, попросил Юрия Павловича внимательно посмотреть фотоснимки и сказать, не знает ли он кого-либо из сфотографированных.

На лице Деменского появилось такое выражение, как будто он решал неимоверно трудную задачу. Но на снимке так никого и не признал. Отпустив понятых, Антон посмотрел Деменскому в глаза:

— И еще один вопрос... У кого вы купили старую Библию, принадлежавшую когда-то некой Дарье Сипенятиной?

Брови Деменского удивленно дернулись, однако ответил он на этот раз не задумываясь и, как показалось **Антону**, довольно искренне:

— Несколько лет назад по моей просьбе Алик Зарванцев где-то раздобыл.

— Где конкретно?

— Не интересовался этим.

Задав еще несколько уточняющих вопросов, Бирюков дал прочитать Деменскому протокол и, когда тот расписался в правильности своих показаний, пожелал всего доброго. Юрий Павлович молча направился к двери. Взявшись за ручку, неожиданно обернулся:

— Скажите, товарищ капитан, врачи спасут Холодову?

— Не волнуйтесь, — уклонился от ответа Антон.

Деменский чуть постоял и вышел из кабинета.

Вскоре появился оживленный Голубев. Осводовцы подтвердили, что Анатолий Николаевич Овчинников имеет собственный катер «Прогресс» с подвесным мотором «Вихрь-30», но недавно лишен водительских прав за управление в нетрезвом состоянии. Узнав, что он вышел на своем «Прогрессе» в Обское море, начальник навигационно-технической инспекции ОСВОДа пообещал немедленно отыскать нарушителя и доставить его в Новосибирск.

Скороговоркой пересказав все это, Голубев спросил Антона:

— Ну и как Деменский?

Бирюков нахмуренно придвинул к себе протокол допроса.

— Недоговаривает чего-то Юрий Павлович, словно боится.

— Хоть что-то ценное сказал?

— Конечно. Выяснился, Слава, мужчина кавказской наружности — Реваз Давидович Степнадзе, работает проводником.

— Что будем делать?

— Дел хватит. Прежде всего надо снять отпечатки пальцев вот с этого стакана. — Антон посмотрел на стакан, из которого пил Деменский, и перевел взгляд на пепельницу. — Окурки тоже на экспертизу.

— Ясно.

— Затем, Слава, свяжись с уголовным розыском Свердловска и попроси выяснить: когда, до какого города вылетел от них Деменский и действительно ли жил он у своей сестры на улице Минометчиков вот по этому адресу... — Оторвав от настольного календаря старый

листок, Бирюков написал номер дома и квартиры. — После того позвони в угрозыск Челябинска. Пусть раз-узнают что можно о Холодовой и проверят в аэропорту вылет Деменского в Новосибирск. Когда это сделаешь, займись Ревазом Степнадзе. Узнай о нем что возможно и постарайся встретиться.

— А если Степнадзе, допустим, сейчас нет в городе?

— Тогда, чтобы не терять времени, попробуй раздобыть его фотографию и по всем правилам предъяви Ксении Макаровне на опознание. Кстати, среди прочих снимков покажи и фото Сипенятина. Может, в день происшествия старушка видела Васю у квартиры Деменского... — Антон чуть задумался. — Хотя знаешь что, Слава... Перед тем как все это делать, позвони-ка начальнику шестого отделения милиции капитану Ильиных Юрию Васильевичу. Пусть он через своих оперативников узнает, не появлялся ли Вася Сипенятин у своей мамы, живущей по улице Кожевникова. Понял задание?

— Так точно.

— Действуй. А я сейчас отправлюсь искать Алика Зарванцева.

Однако подняться из-за стола Бирюкову не дал телефонный звонок. Звонил хирург Широков — лечащий врач Холодовой.

— Уголовный розыск? — тревожно спросил Алексей Алексеевич. — Прошу кого-либо из ваших сотрудников срочно приехать в клинику. У нас что-то непонятное произошло.

Г л а в а

V

Бритоголовый худенький Широков торопливо провел Бирюкова в пустующую ординаторскую и усадил возле стола, на котором в банке стоял букет гладиолусов. Словно не зная, как начать разговор, он потер ладонью рубец старого шрама на подбородке, затем сунул руку в карман халата и достал листочки желтоватой бумаги с короткой строчкой текста, отпечатанного заглавными буквами. «Поправляйся и молчи. С приветом друзья», — прочитал Антон.

— Вчера утром неизвестный мужчина пытался пере-

дать больной, поступившей в клинику по вашему ведомству, — сказал Широков и положил на стол двадцатипятирублевую купюру. — Вот «чаевые» нянечке оставил и цветы. — Показал на букет гладиолусов.

— Почему об этом так долго молчали, Алексей Алексеевич? — недовольно спросил Бирюков.

— Нянечка молчала. — Широков, выглянув в коридор, громко позвал: — Рената Петровна!.. Извольте в ординаторскую пожаловать.

Через минуту Бирюков увидел очень высокую и похожую на грузинку молодую женщину с черными как смоль волосами, заплетенными в толстую длинную косу.

— Расскажите, Рената Петровна, как деньги к вам попали, — строго сказал хирург.

— Я уже объясняла, Алексей Алексеевич, — обидчиво проговорила женщина.

— Вы не мне, сотруднику уголовного розыска объясните.

Нянечка, демонстративно уставясь в окно, капризно повела плечами и заговорила. Задавая уточняющие вопросы, Бирюков выяснил, что мужчина, приносивший записку, был среднего возраста, не так чтобы старый, но уже и не молодой. Лицо загорелое. Одет в голубую рубашку с завернутыми до локтей рукавами и светлые брюки. На голове — соломенная широкополая шляпа, как сомбреро. Цвет волос из-за шляпы нянечка не разглядела. Записку просил передать женщине сразу, как та придет в сознание. Ни имени, ни фамилии ее не называл, сказал лишь: «Той, которая упала с третьего этажа и вчера вечером на «Скорой» в клинику поступила».

— Как он вам деньги предложил?

— Сказал, если больная поправится, выпейте с друзьями за ее здоровье. Я спросила: «Разве сами не можете этого сделать?» Он улыбнулся: «Понимаете, в длительную командировку уезжаю и не смогу узнать, когда дело на улучшение пойдет».

— Почему сразу об этом не рассказали Алексею Алексеевичу?

— Думала, больная скоро поправится.

Антон показал несколько фотографий:

— Из этих никто не появлялся в клинике?

— Нет, — внимательно перебрав снимки, ответила нянечка.

— Разрешите?.. — протягивая к фотографиям руку, вдруг попросил Широков. На снимке Сипенятина взгляд его задержался. Антон отпустил нянечку из ординаторской и настороженно спросил:

— Что, Алексей Алексеевич, знакомая личность?

— Нет, — возвращая фотографии, ответил хирург. — Наивное какое-то лицо у парня.

— Зато дела этот парень творит не наивные, — пряча снимки в карман, сказал Антон. — Если кто-то будет интересоваться больной, сообщите, пожалуйста, нам.

— Непременно сообщу.

До многоэтажного дома, в котором жил Алик Зарванцев, от клиники было рукой подать. Отыскав нужную квартиру, Бирюков несколько раз надавил на кнопку электрического звонка. В квартире вроде бы твякнула собачонка, но открывать дверь не торопились. Пришлось позвонить еще. Наконец в прихожей послышались глухие шаги, дважды щелкнул замок. В распахнувшейся двери показался мужчина в новеньком, словно с иголки, белом костюме. Густая, чуть не до плеч, грива волос и выбритое до синевы крупноносое лицо плохо сочетались с юношески подтянутой фигурой, поэтому определить возраст мужчины с первого взгляда было нелегко.

— Мне нужен Алик Зарванцев, — сказал Антон.

Мужчина помедлил, но тут же нараспев проговорил:

— Пра-а-ашу...

Судя по глухой тишине, кроме мужчины и лопухой таксы, в квартире никого не было.

— Простите, с кем имею честь?.. — белозубо улыбнулся мужчина.

— Бирюков. Из уголовного розыска.

— Документик можно посмотреть?

«Бдительный гражданин», — доставая удостоверение, подумал Антон.

Мужчина несколько раз взглянул на Антона, сличая его внешность с фотографией, и широким жестом показал на распахнутую дверь в комнату.

— Пра-а-ашу... — снова пропел он, пропуская Бирюкова впереди себя. — Альберт Евгеньевич Зарванцев к вашим услугам. Можете называть Аликом.

Комната, куда Зарванцев повел Антона, привлекала внимание росписью стен. От пола до потолка на сте-

нах резвились вызывающе грудастые русалки, в разных позах улыбались и плакали обнаженные красавицы, а мускулистые гладиаторы с фиговыми листками кололи кинжалами заморских чудищ. Пробелы между рисунками заполняли размашистые цветные автографы.

В отличие от крикливой стенной «живописи» мебельный гарнитур комнаты был более чем скромным. Широкий старинный диван, потертое кресло, стол с рахитичными кривыми ножками, щелястый платяной шкаф да пара расшатанных стульев, судя по всему, достались Зарванцеву в наследство или были куплены за бесценок в комиссионном магазине. Между шкафом и окном стоял небольшой телевизор, на полу фотоувеличитель, на подставке которого коробились несколько брошенных друг на друга фотографий, а половину окна загораживал заляпанный масляными красками пустующий мольберт.

Предложив Бирюкову кресло, Зарванцев уселся на диван и, пошевеливая ногами замшевых туфель, напряженно замер. Прикорнувшая было возле него собачонка вдруг, вскинув морду, отрывисто затыкала. Антону показалось, что хлопнула входная дверь, и в ту же секунду по лестнице глухо застучали удаляющиеся частые шаги.

— Минуточку... — Зарванцев почти выбежал из комнаты. Щелкнув в коридоре замком, быстро вернулся, сел на прежнее место и, словно извиняясь, сказал: — Дверь открытой оставили. Мальчишки в подъезде шалят.

Антон встретился с его настороженным взглядом:

— Альберт Евгеньевич, расскажите, как вы с Овчинниковым и Саней Холодовой провели время в ресторане «Орбита».

— Нормально провели, без эксцессов. Разве что-то случилось?

— Да.

— Что именно?

Бирюков стал рассказывать о происшествии. Альберт Евгеньевич не сводил с него тревожно-настороженного взгляда. Выслушав до конца, дрогнувшим голосом спросил:

— Почему вы решили, что я в курсе дела? После ресторана я не видел Саню.

— Как с ней познакомились?

Зарванцев медленно, словно обдумывая каждую

фразу, заговорил. По его словам, знакомство состоялось так.

В полдень 20 августа ему позвонил Овчинников и предложил «обмыть» свой отпуск. Когда Зарванцев пришел в «Орбиту», Анатолий Николаевич уже сидел там с красивой молодой женщиной, которая при знакомстве назвалась Саней. Овчинников при этом добавил: «Жена Юрика Деменского, из Челябинска к нему прилетела». В подробности Зарванцев вникать не стал. За весь вечер Саня выпила одну-единственную рюмку. Овчинников же пил основательно. Захмелев, пытался поцеловать Саню и настойчиво уговаривал отправиться утром на Обское море. Безудержно хвалился своим катером. В конце концов это бахвальство Сане, видимо, надоело, и она предложила разойтись по домам. Зарванцев, чувствуя тяжесть во всем теле, пошел к себе, а Овчинников, выпив «посошок» — чуть не полный фужер водки, отправился проводить Саню. На следующий день рано утром к Зарванцеву на квартиру неожиданно появился Деменский. Узнав о проведенном вечере в «Орбите», стал «сам не свой»...

Альберт Евгеньевич поднял на Антона печальные глаза:

— Представьте себе, товарищ Бирюков, я даже испугался. Спрашиваю: «Что с тобой, Юра?» Деменский в ответ: «Алик! Саня Холодова на самом деле моя бывшая жена. Хотел к ней вернуться, а она — опять за старое. Ну, устрою я ей! На всю жизнь запомнит». И умчался... — Зарванцев поправил ворот рубашки. — Теперь ругаю себя: зачем правду рассказал? Знал ведь, что Юра ревнив... Признаться, Овчинников с панталыку сбил. Подумалось, сочиняет он насчет жены Деменского.

— Раньше Деменский сам о ней не рассказывал?

— Юра замкнутый. К слову сказать, человек он очень порядочный. Зарабатывает хорошо, но живет скромно.

— Жалеет деньги?

— Отнюдь. Просто тратит мало. Такси, например, для него — роскошь; драгоценности — пережиток прошлого; мебель, ковры и автомашины — мещанство; курортные вояжи и выпивка — бессмысленное занятие. Словом, все то, на что можно истратить деньги, для Юры не представляет интереса. Чем он увлекается, так это

книгами. Спекулянты, знающие Юрину слабость, втридорога с него берут...

— Не знаете случайно, сколько заплатил Деменский за старую Библию с «автографом» Дарьи Сипенятиной? — будто между прочим спросил Бирюков.

Зарванцев, резко подавшись вперед, словно не понял:

— С чьим автографом?.. А-а-а!.. Библию по Юриной просьбе я случайно перехватил на книжном рынке за сто пятьдесят рублей.

— Не дороговато ли? — удивился Антон.

— Что поделать? На уникальные издания цены бешеные. Да что там уникальные! За книжки современных популярных писателей и то спекулянты берут по десять-пятнадцать номиналов.

— Не запомнили того человека, у которого Библию купили?

— Давно это было, товарищ Бирюков... — Зарванцев чуть-чуть улыбнулся. — Представьте себе, теперь уже не могу даже припомнить: у мужчины или у женщины купил.

— Так что же все-таки, Альберт Евгеньевич, могло случиться в квартире Деменского? — возвращая разговор к происшествию, спросил Антон.

— Ума не приложу...

— Вы сказали, будто Деменский грозил Сане...

Зарванцев, словно защищаясь, испуганно вытянул перед собой руки:

— Что вы, товарищ Бирюков, что вы! Угрозу Юра в горячке выпалил. Остынет, даю слово, пальцем не тронет женщину. Деменский сентиментален, любит копаться в душевных переживаниях, бичевать себя за пустяковые ошибки. Ему словно не хватает эшафота общест-венности, и он, казня себя, изобретает свой собственный эшафот. Нет, товарищ Бирюков, подозревать Юру в чем-то плохом — откровенная нелепость!

— А что об Овчинникове можете сказать?

Зарванцев пожал плечами:

— Когда-то в футбольных «звездах» ходил. После пытался стать тренером, но водочка помешала. Поступил по своей специальности в речпароходство, почти в капитаны там вышел, но опять же спиртное... Сейчас работает в домоуправлении: не то слесарит, не то снабженческой деятельностью занимается. Мужик про-бивной...

В прихожей нетерпеливыми очередями затарабанил звонок. Мирно дремавшая собачонка прыгнула с дивана и, захлебываясь лаем, бросилась к двери. Зарванцев вздрогнул, но открывать дверь не спешил. Звонок гремел все настойчивее. Наконец Альберт Евгеньевич, извинившись перед Антоном, с неохотой вышел в прихожую и дважды щелкнул замком. Тотчас женский голос сердито выпалил: «Почему долго не открывал?!» Зарванцев что-то зашептал, но женщина, громко засмеявшись, оборвала его: «Не пудри мозги! Бабу, наверно, привел? Я сейчас ей перманент устрою!» В прихожей послышалась возня, дверь распахнулась, и в комнату словно вихрь ворвалась похожая на долговязого подростка молоденькая женщина в белой кофточке и джинсах, на которых сзади, пониже пояса, экстравагантно красовалось крупно написанное желтой гуашью: «Толя». Плюхнувшись на диван, она уставилась на Антона нетрезвыми глазами.

— Здравствуйте, — не сдержал улыбки Антон.

— П-привет... Ты кто?

— Люсьена, перестань дурака валять, — смущенно сказал вошедший следом за ней Зарванцев. — Это товарищ из уголовного розыска.

— О-о-о... — сделав губы трубочкой, протянула женщина и наигранно выпучила крупные глаза. — Стра-а-ашно, аж ж-жуть...

Зарванцев, сев рядом с нею, заискивающе улыбнулся:

— Мы, кажется, пьяны?

— Что-о?.. Ты п-поил?!

— Перестань. Товарищ может плохое подумать.

— Плевать!.. — Люсьена, зажмурясь, икнула. — Плевать я хотела, Алик, что обо мне подумают... Дай телефон... Толяну буду звонить. Баба его ответит, а я молчу, вздыхаю... Страшно, аж ж-ж-жуть! Вот хохму придумала я?..

Зарванцев пригрозил:

— За такую «хохму» тебя на два года могут посадить. Это хулиганством называется.

Люся повернулась к Антону:

— П-правда, можешь посадить?.. Алик! Тащи выпить...

— Ты зачем пришла? — теряя самообладание, побледнел Зарванцев. — Тебе еще мало выпивки?..

Люсьена уставилась на него:

— Мало... Юра Деменский всего одну бутылку коньяка покупал... Понял?.. Завтра увольняюсь из парикмахерской, Юра на свой завод дизай... дизайнером устроит. Больше двухсот рэ буду получать! Плевать на твои трешки! Понял?..

Лицо Зарванцева болезненно перекосилось, однако Люсьена, оставляя на его белых брюках следы потных рук, продолжала свое:

— Ну-ка, расскажи, как с Юриной женой в «Орбите» пьянствовал, а?.. Угробили с Толяном Юрину бабу. Угробили, да?! Эх, сволочи! Гады ползучие!.. Ма-ма... — Люсьена, уткнувшись лицом в диван, забилась в истерике. Вконец растерянный Альберт Евгеньевич сидел будто изваяние.

— Подайте ей воды, — подсказал Антон.

— Перебьется, не первый раз. — Лицо Зарванцева начало оживать. — Через минуту утихнет.

Люсьена на самом деле успокоилась очень быстро. Поджав колени к животу, она сунула сложенные вместе ладони под голову и глубоко засопела. Зарванцев безгласно отодвинулся.

— Кто это? — спросил Антон.

— Люся Пряжкина. В вокзальной парикмахерской стрижет-бреет. Иногда позирует мне. За два сеанса плачу из своего кармана по три рубля... Не пойму, чего Деменский к ней с коньяком потащился?.. Неужели заподозрил меня... Вот уж ревность, не знающая границ, — Зарванцев покосился на посапывающую Пряжкину. — А эта чудачка с пьяных глаз нагородила...

— Часто выпивает?

— Частенько. С комплексом девочка. Влюбилась в Овчинникова. Видите, на джинсах «Толя» — крик души...

— Они знакомы?

— Говорят, жили рядом.

— Где?

— У Бугринской роши где-то. Анатолий недавно на улицу Челюскинцев переехал. Он мне и посоветовал Люсю в натурщицы.

— Не договорили мы, Альберт Евгеньевич, об Овчинникове. Перебила Люся нашу беседу, — сказал Антон.

Зарванцев, словно собираясь с мыслями, помолчал:

— Что о нем говорить?.. У Анатолия много напускного, внешнего, а характер у него добрый, покладистый.

— О чем они с Холодовой говорили?

— Подвыпив, Овчинников, как всегда, начал какие-то фривольности, но Саня быстро оборвала. Тогда Анатолий переключился на анекдоты. В этом жанре он мастер-виртуоз. Словом, банальный ресторанный разговор, и только.

— А вы Реваза Давидовича Степнадзе знаете?

— Это мой дядя, — спокойно ответил Зарванцев.

«Вот как!» — подумал Антон и, сдерживая удивление, равнодушно спросил:

— О его отношениях с Холодовой вам что-нибудь известно?

— Совершенно ничего! Я с дядей уже около пяти лет не общаюсь.

— Почему?

— Слишком гордый старик.

Извинившись перед Зарванцевым за отнятое время, Бирюков попрощался.

Глава

VI

Слава Голубев действовал по намеченному Бирюковым плану. Передав экспертам окурки и стакан, из которого пил Деменский, он созвонился с капитаном Ильиных насчет проверки Сипенятина. Затем вызвал угрозыск Свердловска, после — Челябинска и, поочередно переговорив с иногородними коллегами, направился в резерв проводников.

Из беседы с начальником отдела кадров, пожилым, подкашливающим железнодорожником, выяснилось, что Реваз Давидович Степнадзе, несмотря на пенсионный возраст, уже который год подряд в летние месяцы, когда на железной дороге самый большой наплыв пассажиров, устраивается проводником дальнего следования на южном и среднеазиатском направлениях. В прошлые годы обслуживал поезда, работающие на Ташкент, Алма-Ату, Симферополь и Одессу. Нынче с июня обслуживает поезд Новосибирск — Адлер. Последний раз прибыл из поездки 21 августа («В день происшествия с Холодовой», — отметил Слава), а в следующие сутки снова

отправился в поездку, хотя была вовсе не его смена. Почему так получилось, никто из резервного начальства толком объяснить не мог. Высказали лишь предположение, что Степнадзе вместо кого-то из проводников отправился в поездку. Служебная характеристика Реваза Давидовича была превосходной.

Попросив фотографию Степнадзе, Голубев, не теряя времени, поехал к соседке Деменского. Ксении Макаровны дома не оказалось. Выйдя из подъезда, Слава сел на пустую скамейку и нетерпеливо стал ждать. Время шло, а старушка не появлялась. Голубев начал было подумывать, не подыскать ли ему более укромное для ожидания место, чтобы не маячить в милицмейской форме у самого входа в подъезд, когда вдруг увидел медленно идущего Деменского. Пошатываясь, Юрий Павлович поравнялся со скамейкой, на которой сидел Слава, остановился и неуверенным голосом спросил:

— Можно... с вами посижу?

— Пожалуйста, — отодвигаясь к краю, ответил Голубев.

Деменский, качнувшись, сел. Доставая сигареты, тяжело вздохнул, будто хотел избавиться от запаха перегара. Закурив, повернулся к Голубеву:

— Я узнал вас. Сегодня утром вы были в кабинете уголовного розыска, где меня допрашивал капитан. Не так ли?..

— Так, — подтвердил Голубев.

— Почему милиция скрывает от меня, в какой клинике лежит Холодова?

— Чем разыскивать Холодову, лучше, Юрий Павлович, правду о ней рассказали бы.

— По-вашему, в уголовном розыске я лгал? — откинувшись на спинку скамейки, с вызовом спросил Деменский.

— Не лгали, но и до конца не говорили.

Юрий Павлович пьяно расхохотался:

— Вот чего захотели! Правду до конца... на блюдецке, с голубой каемочкой. Да я и сам до конца не знаю.

— Хотя бы одного-двух знакомых Холодовой в Новосибирске знаете?

— Не было раньше у Сани здесь знакомых, кроме меня да Реваза Степнадзе. При допросе я в одном только слухавил: когда капитан показывал мне фотографии каких-то уголовников, побоялся назвать одного парня.

— Какого?

— У которого перед отъездом в Свердловск на книжном рынке купил «Распятие Христа». Десятку уплатил, а пяти рублей не хватило. Адрес ему свой оставил, но он до отъезда не зашел за долгом.

— Фамилию парня не знаете?

— Нет. Минут десять всего торговались.

— А как он внешне выглядит?

Деменский, прищурясь, заговорил, и по его словам Голубев без труда представил портрет Васи Сипенятина.

— Почему в уголовном розыске об этом умолчали? — с упреком спросил Слава.

— Потому что был напуган, как школьник. Боялся обознаться.

— Теперь не боитесь?

— Теперь смелый, не боюсь...

Окурок прижег Деменскому пальцы. Поморщась, Юрий Павлович раздавил каблуком желтый фильтр и, как будто вспомнив что-то неотложное, качнувшись, поднялся со скамейки. Не сказав больше ни слова, он размашисто зашагал к подъезду дома.

Ксению Макаровну пришлось дожидаться еще почти полчаса. Голубев увидел ее издалека. С неизменной своей авоськой старушка неторопливо приближалась к дому. Слава пригласил понятых для проведения опознания по фото и вместе с ними вошел к старушке в квартиру.

— Тот соколик! — без всякого сомнения опознала Степнадзе Ксения Макаровна.

— Какой? — уточнил Слава.

— С которым Саня встречалась на вокзале. Видите, волосы как пена...

— Пену, бабушка, можно покрасить.

— Зато лицо кавказское никуда не скроешь. Точно тот, ни капельки не сомневаюсь.

Голубев попросил старушку внимательно посмотреть остальные наклеенные на протоколы фотографии. Близоруко щурясь, Ксения Макаровна задержала взгляд на лице Васи Сипенятина и неуверенно заговорила:

— Кажется, вот этот гражданин в отсутствие Юрия Павловича дважды к нему наведывался. Спрашивал у меня, когда сосед появится дома. Только он теперь не стриженный, как на карточке, а тоже с белыми волосами, будто тот кавказец.

Голубев словно ухватился за ниточку:

— Давно это было?

— На прошлой неделе.

— А в день, когда случилось происшествие, не видели этого гражданина?

— Нет, милоч, в тот день не видела.

В уголовный розыск Голубев возвратился поздно вечером. Бирюков сидел за своим столом и сосредоточенно читал какие-то телеграммы, поочередно заглядывая то в одну, то в другую. Привычной скороговоркой Слава доложил о результатах. Когда он замолчал, Бирюков взял одну из телеграмм:

— Послушай, что на наш запрос сообщают из Челябинска... Александра Федоровна Холодова, 1942 года рождения, проживает в Челябинске с 1974 года. В быту, по работе в книжном магазине характеризуется отлично. 18 августа оформила очередной отпуск. Собиралась выехать в город Алексин Тульской области к родителям, где живет ее семилетний сын. Проведенной в аэропорту проверки установлено, что вместо этого ночью с 19 на 20 августа рейсом 3324 Холодова вылетела до Новосибирска. Утром 20 августа к соседям обратился Деменский Юрий Павлович, которого они знают как бывшего мужа Холодовой. Интересовался ее поведением, настойчиво спрашивал, где находится Холодова в настоящее время. Соседи, положительно охарактеризовав Холодову, высказали предположение, что она уехала в Алексин. В аэропорту установлено: пассажир Деменский Ю. П. вылетел из Челябинска до Новосибирска рейсом 3324 ночью на 21 августа.

— А Свердловск что сообщает? — спросил Слава. Бирюков взял другую телеграмму:

— «Проживание Деменского указанному вами адресу в квартире Донаевой подтверждается показаниями соседей. Проверено: пассажир Деменский Ю. П. утром 20 августа вылетел из свердловского аэропорта Кольцово до Челябинска. Других пассажиров с такой фамилией ближайшие трое суток в аэропорту не зарегистрировано».

— Да-а-а, шарада... — расстроено протянул Голубев. — По пятам Юрий Павлович летел за Холодовой. Догнал ли он ее?.. Ну а что с его отпечатками и окурками?

— Окурков Деменского, как показывает экспертиза, среди тех, что обнаружены в пепельнице на кухне,

нет. — Антон отложил телеграмму: — Очень меня тревожит Реваз Давидович. Помнишь, в письме Холодовой есть фраза: «Реваз меня теперь не беспокоит, все пока тихо». Написано это, по словам Деменского, в январе семьдесят пятого года. С той поры много воды утекло. Не кончилась ли «тишина»?..

Голубев решительно заходил по кабинету:

— Надо показать Деменскому телеграмму из Челябинска. Он ведь тебе заявил, что к друзьям летал...

— Стоит ли прежде времени раскрывать перед Юрием Павловичем наши карты? Деменский или потрясен случившимся, или хранит тайну... Дадим ему день-два на успокоение, посмотрим, как он дальше себя поведет.

— Какую версию будем отрабатывать?

Бирюков промолчал.

— Что молчишь? — нетерпеливо спросил Слава.

Антон поднял глаза на Славу:

— Не махнуть ли тебе к самому Черному морю?.. Поезд, с которым укатил Степнадзе, прибудет в Адлер завтра. Если ты вылетишь из Новосибирска утром, то как раз успеешь встретить Реваса Давидовича. Встретишь — и глаз с него не спускай.

Глава

VII

Начальник навигационно-технической инспекции ОСВОДа позвонил в уголовный розыск рано утром. Чтобы встретить Овчинникова, он предложил свой скоростной катер, на котором Бирюков домчался от пристани «Октябрьская» до Бугринского пляжа. Яркое солнце, играя, мельтешило на обской ряби. Над пляжным песком едва заметно дрожало легкое марево. Жидаясь, когда появится Овчинников, Антон успел искупаться и, расчесав мокрые волосы, пристроился в тени под грибком. Народу на пляже было совсем мало.

Овчинниковский «Прогресс» оказался стандартной металлической мотолодкой. Появился он со стороны шлюза Обской ГЭС в сопровождении полуглиссера с флагом ОСВОДа. Резко сбавив ход, обе посудины разом уткнулись в песчаный берег. Бронзовый от загара Овчинников, в ярко-оранжевых плавках, выпрямился во весь свой почти двухметровый рост. Широко разведя

руки, он потянулся, затем грузно перешагнул через борт и рывком подтянул мотолодку чуть не до половины корпуса на песок.

Бирюков, подойдя к полуглиссеру, за рулем которого сидел осводец в капитанской фуражке, отрекомендовался. Покосившись на Овчинникова, тот шепнул:

— Сейчас акт составляю — и все.

Пока осводец составлял акт, Антон приглядывался к могучей фигуре бывшего футболиста. Основательно полысевшая голова и заметно отвисший живот Овчинникова подсказывали, что его футбольная карьера закончилась по крайней мере десяток лет назад. Когда полуглиссер, шумно взбурлив вокруг себя воду, отчалил от берега, Антон подошел к Овчинникову и сказал:

— Я из уголовного розыска, старший инспектор Бирюков. Здравствуйте.

— Здорово, шеф. — В больших серых глазах Овчинникова мелькнуло недоумение, но он тут же хохотнул: — Вот навалились контролеры на судовладельца-одиночку. Ну, ОСВОД, понятно, заботится, чтобы я не опустился на дно морское. А угрозыску чего надо? Чтоб не взлетел под облака?..

— Угрозыску желательно знать, как ваше здоровье, — принял шутливый тон Бирюков.

— С похмелья каждый раз головной болью маюсь.

— Пить меньше надо.

— За свои пью. Кому какое дело?

— Есть дело, и довольно серьезное. — Бирюков, сев на борт «Прогресса», посмотрел Овчинникову в глаза: — Анатолий Николаевич, где вы провели ночь после ресторана «Орбита», а также следующий день, двадцать первого августа?

Шутливо-насмешливое лицо Овчинникова встревожилось. Он молча уселся напротив Антона. Перегнувшись через борт, достал из багажника возле штурвала пачку «Беломора» и коробок спичек с алым язычком пламени на черной этикетке. Закурив, будто принялся рассуждать вслух:

— Двадцать первого рано утром я на своем корвете отчалил от берегов Новосибирска и взял курс на Раздумье. Так?.. Так. Где ночевал?.. Дома, наверное, где больше...

— Дома вы давно не ночуете, — приглядываясь к спичечному коробку в руках Овчинникова, сказал Антон.

— Шеф, расстреляй — не помню. В «Орбите» так накушался, что... на палубу вышел, а палубы нет.

— Где вы эти спички покупали?

Овчинников уставился на коробок так, словно увидел его впервые, но ответил спокойно:

— В Новосибирске.

— Где конкретно?

— Конкретно, шеф, я запоминаю, только где «Экстру» продают. Собственно, что случилось?

— Точно такие спички кто-то оставил у Деменского на кухонном столе.

— У Юрика?.. Мог я оставить, — большие глаза Овчинникова вдруг тревожно забегали, как будто он запоздало сообразил, что сболтнул лишнее. Стараясь его успокоить, Антон сменил тему:

— Вы раньше спортом занимались?

— Был грех. До тридцати пяти годков футбол гонял, пока не выдохся. Пришлось подаваться в домоуправление.

— У вас же диплом штурмана-судомеханика есть.

— В гробу такая специальность нужна. Все лето — вода, вода, кругом вода. — Овчинников сплюнул за борт. — Со спортом, конечно, дурака сваял. Тренером в детскую команду брали...

— Что помешало?

— Да так все... — Овчинников вдруг показал на багажник. — Там у меня бутылка лимонада от рыбалки осталась, «Экстра» называется. Для поднятия тонуса по стаканчику пропустим?..

Антон, прищурясь, посмотрел на солнце:

— Жарковато для «Экстры».

— Зря, шеф, в какой-то гадости меня подозреваешь, — с разочарованием проговорил Овчинников. — С двадцатого на двадцать первое августа я в вытрезвителе ночевал. После «Орбиты» на дружинников нарвался. Откуда угрозыску стало известно, что я в «Орбите» гулял? Следили за мной, что ли?

— Зарванцев рассказал.

— Алик?.. Чего я ему плохого сделал?

— Как вы встретились с Холодовой? — вместо ответа опять спросил Антон.

— Как люди, шеф. — Овчинников отвел глаза в сторону. — Юрик Деменский перед отъездом попросил душ и краны в ванной отладить. Ну я взял у соседки ключ

от его квартиры, сделал что надо, а назад ключ позабыл отдать. Двадцатого августа отпускные получил — обмыть такое дело надо. Договорились с Зарванцевым состыковаться в шесть вечера в «Орбите». Только положил телефонную трубку — нате вам: заходит симпатичная дамочка и спрашивает товарища Овчинникова. У меня от удивления — глаза на лоб. «Я товарищ Овчинников, — говорю. — Что, золотце, собственно, случилось?» Улыбается, протягивает руку: «Ничего не случилось. Я Саня Холодова, жена Юры Деменского. Ключ от его квартиры у вас?» Разговорились. Проводил я ее до Юриной квартиры. Паспорт она мне свой показала с челябинской пропиской — все в норме. Сказала, Юра звонил ей из Свердловска, просил приехать и предупредить, что если, мол, его не будет в Новосибирске, то ключ — у соседки Ксении Макаровны. Проще говоря, шеф, все конкретно, как на самом деле. Вижу, общительная бабеночка. Предложил за компанию отпускные обмыть. Отказывается, ни в какую! Чуть не полдня уламывал поужинать в ресторане. Кое-как согласилась. Мы с Аликом, конечно, хорошо там поддали, а Саня — ни-ни...

— Плохое настроение у нее было? — спросил Антон.

— Не сказал бы... Наверное, осторожничала — знакомство-то наше было, как говорится, шапочное.

— И Холодова весь вечер с вами просидела?

— Думаешь, скучно было? Со мной, шеф, женщины не скучают.

— Что после ресторана было?

— После ресторана факир был пьян, и фокус не удался. С Саней я по-джентльменски распрощался у подъезда Юриного дома. Только на Вокзальную магистраль вышел, дружинники, чтоб им не опохмелиться, подвернулись...

— Где предыдущие две ночи провели?

Щелчком отбросив в реку окурков, Овчинников с прищуром посмотрел Антону в глаза:

— Есть у меня подружка — пальчики оближешь! Юрик Деменский даже прозвал ее Афродитой. Богиня красоты. Овчинников захохотал, но быстро посерьезнел. — Чую, шеф, не устраивает тебя мой юмор. Буду конкретным. С вырезвительем я расплатился по тарифу, в Раздумье катался отдыхать. Ничего там не натворил и поджигать Обское море теми спичками, что оста-

лись у Деменского, не собирался. Что уголовному розыску от меня надо?

— С Холодовой случилась неприятность.

— Какая?

— Серьезная.

Левая щека Овчинникова нервно дернулась:

— Ну а я при чем?

— Обстоятельства складываются так, что вы последний из тех, кто видел Холодову до происшествия.

— Шеф, двадцать первого я не был в Новосибирске! Говорю, утром отчалил в Раздумье.

— Кто может это подтвердить?

На какую-то секунду Овчинников замялся:

— Подружка подтвердит, которая на Афродиту похожа.

— Кто она и где работает?

— Фрося Звонкова, работает в продуктовом магазине у остановки «Сухой Лог».

«Вот откуда балабановские спички!» — подумал Антон и, глядя Овчинникову в глаза, спросил:

— Вы в квартире Деменского выпивали?

— Так это до Холодовой, был грех. Не отрицаю, принимал «Экстру» со знакомыми девушками.

— А кто коньяк с Холодовой на кухне пил?

— Какой коньяк? — удивился Овчинников.

— Армянский, пять звездочек.

— Да я что, дурак, такие деньги на ветер выбрасывать? Это ж три «Экстры»! Нет, шеф, это не моя система.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что в ресторане Холодова была с черной лакированной сумкой, где лежали паспорт и «куча» денег. Саня даже хотела расплатиться за всю компанию, но Овчинников «по джентльменским соображениям» заплатил сам.

«При осмотре квартиры Деменского этой сумки не обнаружено», — отметил про себя Бирюков и поинтересовался у Овчинникова, куда сумка могла деться. Тот ничего вразумительного не сказал. На вопрос о Степнадзе ответил, что знает Реваза Давидовича давно, еще когда учился в школе, но особых отношений со стариком не поддерживает.

Разговаривая, Овчинников то и дело мучительно морщил лоб, словно вспоминал что-то очень важное. Вдруг, хлопнув себя по голой коленке, он воскликнул:

— Шеф! Я оставил у Юрика спички.

— Когда? — стараясь не пропустить фальшь, спросил Антон.

— Перед тем как с Саней идти в «Орбиту». Помню, в ресторане прикурить нечем было, пришлось стрелять.

«Один — ноль не в мою пользу», — мысленно сказал Антон и опять спросил:

— Холодова не упоминала о Степнадзе?

— Нет, кажется... Вот телеграмма Деменскому от Реваза приходила. За два дня до появления Холодовой. Я как раз кранами занимался, когда ее принесли. Помню, на стол в комнате положил.

— На тот, где гладиолусы стояли?

— Какие гладиолусы?.. Не было у Юрика в квартире гладиолусов. — Овчинников оттопырил нижнюю губу, нахмурился. — Слушай, шеф... Гладиолусы обожает Реваз. Не он ли был двадцать первого с Холодовой, а?.. Степнадзе — шустрый старикан по женской части...

— Зачем Холодова прилетела в Новосибирск, не знаете?

Овчинников посмотрел на Бирюкова как на несмышленного ребенка:

— Ясное дело, зачем жены к мужьям прилетают.

— Деменский с Холодовой ведь разведен.

— Саня говорила, что снова свестись надумали.

— Вы с Деменским давно знакомы?

— Как Юрик поселился в квартире нашего домоуправления. Башковитый мужик! Изобретатель! Не пойму, зачем ему понадобилась затея со вторым институтом?..

— Анатолий Николаевич, — перебил Антон, — что это Люся Пряжкина ваше имя на джинсах рекламирует?

— Ума у Люси нет... Хочешь подробности о ней узнать, зайди в инспекцию по делам несовершеннолетних при шестом отделении милиции. Ее там до сих пор помнят.

— Понятно. У меня к вам просьба: постарайтесь в ближайшие дни далеко не отлучаться из Новосибирска. Можете понадобиться нам в качестве свидетеля.

— Да ты что, шеф... Какой я свидетель?!

— Очень нужный.

Бирюков попрощался. Овчинников долго смотрел ему вслед, словно осмысливал только что состоявшуюся бе-

седу. Затем нервно закурил, посмотрел на опустевший спичечный коробок Балабановской экспериментальной фабрики и со злостью выбросил его далеко в реку.

Глава

VIII

Каждый раз, когда при раскрытии преступления приходилось сталкиваться с вопросами интимных человеческих отношений, Антон Бирюков испытывал неприятное чувство. То это была брезгливость от нечистоплотности откровенных подонков, то неловкость оттого, что в силу служебного положения стал невольным свидетелем сокровенной тайны в общем-то порядочных людей.

Овчинников производил двойное впечатление. С одной стороны, это был рубаха-парень, узнать правду у которого не составляло большого труда, с другой — амурные похождения и постоянные выпивки Анатолия Николаевича, судя по всему, были так густо переплетены, что он, наверное, и сам не мог разобраться, где говорит правду, а где сочиняет. Чтобы уменьшить круг подозреваемых, Антон решил, не откладывая в долгий ящик, точно установить, когда Овчинников уехал в Раздутье. Если он действительно «отчалил на своем корвете от берегов Новосибирска» утром 21 августа, то у него появлялось алиби и причастность к происшествию с Холодовой могла быть лишь косвенной. Подтвердить время отъезда, по словам Анатолия Николаевича, могла неизвестная еще для Антона «Афродита». Поэтому, едва заявившись в свой кабинет, Бирюков отыскал в телефонном справочнике интересующий его магазин и тут же набрал номер. Ответил усталый женский голос.

— Скажите, Фрося Звонкова у вас работает? — спросил Антон.

— Боже мой, — вздохнула женщина. — Только что русским языком сказала: отдыхает Фрося сегодня, звоните домой.

Бирюков насторожился:

— Вы ничего мне не говорили. Я вам первый раз звоню.

Женщина чуть помолчала:

— Простите, видно, голос перепутала. Минуту назад какой-то мужчина Фросю спрашивал.

— У нее есть телефон на квартире?

— Да, — женщина назвала номер.

— Спасибо, — сказал Антон и, положив трубку, принялся торопливо листать телефонный справочник.

Звонкова Е. В. жила на улице Петухова. Запомнив адрес, Бирюков срочно заказал себе служебную машину. Он еще не мог толком объяснить, чем насторожил его опередивший всего на одну минуту телефонный звонок в магазин, но что-то в этом звонке показалось подозрительным. Надо было ковать железо, пока оно горячо.

Дом, в котором жила Звонкова, оказался в самом начале улицы. Отыскав нужный подъезд, Антон, поглядывая на пронумерованные двери, стал подниматься по лестнице. Между третьим и четвертым этажами навстречу попалась нарядно одетая, примерно двадцатипятилетняя женщина с удивительно правильными чертами лица.

— Вы Звонкова? — почти интуитивно спросил Антон.

Женщина остановилась. Сверху вниз посмотрев на Антона и поправив на плече ремень от импортной дамской сумочки, она ответила:

— Да. А что такое?

— Нужно с вами поговорить.

— Извините, спешу.

Антон показал удостоверение. Заглянув в него, Звонкова пожала плечами:

— Слушаю вас.

— Место не совсем подходящее для серьезного разговора, — сказал Антон.

Звонкова поколебалась и молча пошла вверх по лестнице. На четвертом этаже она открыла дверь и предложила Антону:

— Проходите.

Антон, чувствуя негостеприимное настроение хозяйки, сухо сказал:

— Мне нужно поговорить с вами об Анатолии Николаевиче Овчинникове. Знаете такого?

Звонкова покосилась на телефон, стоящий на тумбочке у большого трюмо, и тихо ответила:

— Знаю.

— Когда вы с ним последний раз виделись?

— Дня три назад.

— Точнее вспомните.

— Точнее... Двадцать первого августа, утром, когда Анатолий на своей моторке в Раздумье поехал.

— До этого он у вас ночевал?

Лицо Звонковой стыдливо покраснело:

— Две ночи.

— А в ночь с двадцатого на двадцать первое?

Звонкова пожала плечами:

— Не знаю. — И, вспыхнув кумачом, запоздало спохватилась: — Ой, вспомнила! Тоже у меня был Анатолий.

Будто ничего не заметив, Антон спокойно спросил:

— Можно воспользоваться вашим телефоном?

— Пожалуйста.

Набрав номер медвытрезвителя, Бирюков назвал себя и попросил дежурного проверить по журналу учета, ночевал ли у них с двадцатого на двадцать первое августа слесарь домоуправления Анатолий Николаевич Овчинников, задержанный в нетрезвом виде на Вокзальной магистрали. Когда, получив от дежурного утвердительный ответ, он посмотрел на Звонкову, та стыдливо отвела глаза.

— Так вот... Неправду вы мне сказали, — медленно проговорил Антон. — И научил вас солгать Овчинников, который звонил вам перед моим приходом. Только вы его неправильно поняли, так?..

Звонкова, отвернувшись, долго молчала. Лицо ее при этом полыхало нервными пятнами. В конце концов она словно набралась решимости, бросила сумку на кровать и тихо вздохнула:

— Так.

— О чем конкретно просил Овчинников?

— Чтобы, если спросит уголовный розыск, я подтвердила, будто Анатолий две ночи провел у меня, а двадцать первого августа, утром, я проводила его в Раздумье.

— Значит, он у вас не ночевал и в Раздумье вы его не провожали?

— Конечно, нет. — Звонкова вдруг засуетилась. — Ой, что ж мы на ногах!.. — И, придвигая к Антону стул, заискивающе улыбнулась. — Садитесь, пожалуйста...

— Чем Овчинников объяснил такую просьбу? — усаживаясь напротив Звонковой, спросил Антон.

— Сказал, что случилась какая-то неприятность с

одной женщиной и уголовный розыск подразумевает... ой это... подозревает в случившемся его, то есть Овчинникова.

— Почему он к вам обратился со своей просьбой? Звонкова дернула плечами:

— Просто мы давно знакомы. Анатолий когда-то ухаживал за моей старшей сестрой, еще когда Нина не замужем была, но у них ничего не получилось. А нынче вдруг ко мне свататься начал. На пятнадцать лет ведь старше, но липнет. Спасения от него нет...

— И в угоду такому человеку вы согласились согласить?

— Но ведь он же не преступник... Тем более на женщину Анатолий никогда руку не поднимет!

— Деменского Юрия Павловича знаете? — спросил Антон.

— Знаю, Юра — полная противоположность Анатолию. Умница, начитанный.

— А с его женой не приходилось встречаться?

— Разве он женат?

— Вероятно, — уклонился от прямого ответа Антон.

— Нет, Юра холостяк. Его, как Алика Зарванцева, наверное, никогда не женишь.

— Вы и Зарванцева знаете?

— Конечно. Алик — племянник мужа моей старшей сестры, за которой в молодости ухаживал Овчинников.

— Ваша сестра замужем за Ревазом Давидовичем Степнадзе?

— Да. На тридцать лет дурочка старше себя любовь нашла, будто моложе женихов не было. — Звонкова усмехнулась. — Впрочем, Нине не любовь нужна, а обстановка, машина, дача. У Реваза все такое имеется на высшем уровне.

— Богато живут?

— Как куркули. Наверное, миллион на сберкнижке.

— Так много?

— Реваз на Крайнем Севере долго работал, старуху свою там похоронил. Потом в Сибирь перебрался, тоже на приличный оклад устроился. Он с пятидесяти пяти лет на пенсию ушел и сто двадцать рубликов получает...

— Еще проводником подрабатывает, — как будто к слову добавил Антон.

— Делать ему нечего. «Понимаешь, дорогая, не могу без работы», — передразнила Звонкова. — И Нина

ему подпевает: «Ну что ты в самом деле, будешь дома из угла в угол слоняться? Поезди летом на юг, погрейся на солнце».

Антон улыбнулся:

— Не любите вы свою сестру.

— За что ее любить, за жадность? В прошлом году дала восьмидесятирублевый перстень поносить, а я, как на грех, потеряла его. Так Нина мне всю шею перепилила. Пришлось из отпускных с ней рассчитываться.

— И Реваз Давидович такой же?

— Нет. Если б не Нина, старик, наверное, сорил бы деньгами. Песок уж сыплется, а на женщин косит глаза.

— Племянник не в дядю удался?

— Алик размазня. Перед женщинами как мальчик краснеет.

— Говорят, с Овчинниковым дружбу водит?..

— Алик зарабатывает хорошо, вот Анатолий около него и пристроился.

Бирюков достал несколько фотографий:

— Среди друзей Овчинникова кого-либо из этих не встречали?

Звонкова, удивленно изогнув тонкие брови, с интересом стала рассматривать снимки. Дойдя до фото Сипенятина, вскрикнула:

— Ой!.. Это ж Вася Сипенятин!.. Мама его, Мария Анисимовна, вот здесь, через стенку от меня, жила. И Вася с ней жил, потом его посадили. Мария Анисимовна уже старенькая, на четвертый этаж ей тяжело подниматься, и она обменяла квартиру. Теперь у Бугринской рощи живет. Иногда забегаю к ней... — Звонкова оживилась. — Вы знаете, Сипенятины сюда из Каменки переселились. И вот, когда там их домик ломать стали, Вася нашел на чердаке полный сундук оставшихся от своей бабушки икон. Каких только там не было! Все распродал, а на последней попался. Он и книгами церковными спекулировал. Проще говоря, Вася такой жук, что не приведи господи!

— Когда последний раз его видели? — спросил Антон.

— Буквально на днях забегал ко мне в магазин: «Привет, зазноба!» Это Вася обычно меня так называет. «Привет, зайчик, — говорю. — Освободился?» — «По чистой. Слышь, дай займы червонец до завтра». —

«Держи карман шире, — говорю. — Знаю твои завтраки». Вот так поболтали, и все...

— Овчинников и Сипенятин знакомы?

— Не знаю. Никогда их вместе не видела.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Звонкова приподнялась, чтобы подойти к нему, но тут же, словно передумав, села.

— Вы чего-то испугались? — заметив это, спросил Антон.

— Наверное, Овчинников звонит, — смущенно опустив глаза, ответила Звонкова. — Мы ведь с ним договорились встретиться, но я вот с вами задержалась. Анатолий обещал рассказать о той женщине, с которой неприятность случилась.

У Антона мигом возникла рискованная, но очень многообещающая мысль.

— Фрося, — впервые назвав Звонкову по имени, сказал он, — пойдите сейчас на эту встречу, помогите уголовному розыску.

— Ой!.. — испугалась Звонкова. — Я не умею врать, я краснею. Анатолий сразу заметит.

— Вы не говорите ничего, только слушайте, — стал уговаривать Антон. — Главное, о нашем разговоре Овчинникову — ни слова.

— Анатолий не преступник. Уверяю вас!

— Вот давайте это и докажем.

Глава

IX

Хотя Антону Бирюкову за сравнительно короткий срок и удалось собрать довольно приличную информацию, но толку из нее было мало. Сложилась одна из неприятных для розысника ситуаций, когда ни у кого из причастных лиц не было твердого алиби, и, по существу, каждый из них мог совершить преступление. А подозревать всех равносильно тому, что не подозревать никого.

Повторная беседа с Деменским, проведенная сразу после того, как Бирюков вернулся в угрозыск от Звонковой, ровным счетом ничего не дала. Юрий Павлович меланхолично отрицал все и вся. Он производил впечатление психически подавленного человека и несколько

раз спрашивал одно и то же: «Скажите, Саня поправится? Будет жить?» Антон пригласил к себе в кабинет судмедэксперта, чтобы тот во время разговора понаблюдал за Юрием Павловичем. Когда Деменский ушел, эксперт заявил:

— Похоже, так называемая реактивная депрессия. Видимо, ему безразлична судьба Холодовой.

— Долго это может продолжаться? — спросил Антон.

— В зависимости от травмирующих психику обстоятельств. Стоит Деменскому узнать, что здоровье Холодовой улучшается, депрессия исчезнет.

— А если, допустим, Деменский опасается выздоровления Холодовой?

— Тогда он успокоится, как только узнает о ее смерти.

Позвонила Фрося Звонкова. Судя по ее сбивчивому пересказу, она не осмелилась задать Овчинникову ни одного вопроса, а тот при встрече рассказал ей даже меньше, чем уже было известно Бирюкову. Анатолий Николаевич, как понял Антон, главным образом убеждал Фросю, что он ни в чем не виноват, и просил помочь ему «выкрутиться из дурацкой истории».

Положив телефонную трубку, Антон сосредоточенно стал перечитывать производственную характеристику Овчинникова, отпечатанную пляшущими жирными буквами на старенькой машинке домоуправления. Текст ее пестрел фиолетовыми чернильными запятыми. Видимо, этот знак на машинке был поврежден и машинистка ставила запятые от руки. Что-то вдруг насторожило Бирюкова. Задумавшись, он вспомнил, что на такой же старой машинке отпечатана записка, которую неизвестный мужчина пытался через нянечку передать Холодовой. Бирюков быстро отыскал ее. Схожесть прописных литер не вызывала сомнения, но жирность печатной ленты была иной. Как будто, отшлепав записку, сменили ленту на машинке и после этого отпечатали овчинниковскую характеристику. Зато бумага внешне ничем не отличалась.

Передав характеристику и записку на экспертизу, Бирюков через полчаса был уже в конторе домоуправления. Первое, что ему бросилось в глаза, — это большой букет гладиолусов на подоконнике.

В пустующей приемной рыжая, как огонь, пожилая

женщина, сосредоточенно поджав губы, двумя пальцами стучала на старенькой портативной «Москве» банковское поручение. Равнодушно заглянув в служебное удостоверение Бирюкова, она объяснила, что работает бухгалтером, но, поскольку в штате нет машинистки, приходится самой выполнять и эту работу.

— Характеристику на Овчинникова вы печатали? — спросил Антон.

— Я печатала, — спокойно ответила женщина.

— И ленту перед этим на машинке сменили?

— Да, сменила — старая совсем никудышной стала.

— Получив отпускные, Овчинников появлялся в домоуправлении?

Женщина помолчала:

— Отпускные Анатолий Николаевич получил двадцатого... Потом, кажется, да, появлялся. Двадцать первого полдня здесь проторчал. дождался свежую почту, получил письмо, и с той поры больше его не видела.

— Какое письмо? — нахмурился Антон.

— В обычном конверте. Прочитал, обрадовался, сунул в карман и распрощался.

Бирюков, сделав вид, что заинтересовался букетом гладиолусов на подоконнике, спросил:

— Цветы он купил?

— Да, по случаю отпускных.

— Кто, кроме вас, пользуется машинкой?

— Все, кому не лень.

— И Овчинников?..

— Ни разу не видела. Что слесарю-то печатать?..

Бухгалтерша отвечала монотонным голосом с таким равнодушием, что за время разговора на ее лице не мелькнуло ни малейшего эмоционального оттенка. «Робот, а не женщина», — подумал Антон и, посмотрев на стопку бумаги возле «Москвы», спросил:

— Можно, я кое-что отпечатаю?

— Печатайте.

Бирюков взял листок, перегнул его вдвое и, заложив в каретку, одним пальцем простучал сначала весь прописной, затем строчной алфавит и знаки препинания. Место запятой оказалось пустым.

Из домоуправления Антон ушел хмурым. К его приходу в уголовный розыск эксперты установили, что записка и характеристика Овчинникова отпечатаны на одинаковой бумаге и на одной и той же машинке. Ис-

следование принесенного Антоном листка показало, что бумага, изъятая из домоуправления, по своему химическому составу схожа с бумагой, на которой отпечатана записка, а начертание прописных литер домоуправленческой машинки идентично шрифту записки. К сожалению, криминалисты не могли сказать самого главного: кто отпечатал записку?

Придя в свой кабинет, Бирюков в который уже раз принялся изучать печатную строчку: «Поправляйся и молчи. С приветом друзья». Сосредоточиться помешал телефонный звонок. Едва Антон назвал себя, в трубке тотчас послышался взволнованный голос хирурга Широкова:

— Товарищ Бирюков, мне срочно надо вас видеть.

— Что опять случилось, Алексей Алексеевич?

— Или шантаж, или провокация — не могу понять.

Антон машинально посмотрел на часы — рабочий день подходил к концу.

— Сейчас буду.

Когда Бирюков через несколько минут появился в клинике, Широков, засунув руки в карманы белоснежного халата, нервно расхаживал по приемному покою. Поздоровавшись, он молча провел Антона в пустующую ординаторскую, плотно закрыл за собою дверь, как будто опасался, чтобы их не подслушали, и попросил:

— Дайте посмотреть фотографию того парня с наивным взглядом, что прошлый раз при нянечке показывали.

Бирюков достал снимок Сипенятина. Широков, словно не веря своим глазам, уставился на фото, и Антон заметил, как выпуклый рубец шрама на подбородке хирурга из розового стал бордовым. Неожиданная догадка пришла Антону в голову:

— Шрам от него?

— Нет, — быстро ответил Широков. — Шрам оставила война, а этот тип сегодня встретил меня возле дома и довольно прозрачно намекнул, чтобы я не лечил Холодову. Дескать, ей незачем жить...

— Он назвал ее фамилию?

— Да.

— Что вы ответили?

— Послал к черту! — Широков возвратил фотографию Антону и, сунув руки в карманы халата, заходил

из угла в угол по ординаторской. — Парень начал мне угрожать: мол, если Холодова выживет, мы тебя прикончим. Тут я увидел сотрудника милиции и закричал: «Товарищ! Помогите задержать преступника!» Пока сотрудник подбежал, парень вильнул за угол дома и словно растворился.

— Как он теперь выглядит, этот парень? — спросил Антон.

— Как на фотокарточке, только волосы отросли. Пигментация необычайно светлая.

— Белые?

— Необычно, словно перекисью водорода обесцвечены. — Широков остановился. — На этом мои злоключения не кончились. Через час позвонил неизвестный гражданин и сказал, что он встретится со мною завтра в кинотеатре «Аврора» на восьмичасовом сеансе. Билет для меня на этот сеанс уже, дескать, лежит в моем почтовом ящике. Говорил, похоже, из автомата на железнодорожном вокзале — отрывок объявления по радио был слышен: то ли прибывал, то ли отправлялся какой-то поезд, не разобрал.

— Что вы на это ответили?

— Ни слова. Мужчина быстро повесил трубку. Я тут же созвонился с женой, и она принесла вот это... — Хирург достал из кармана билет в кинотеатр.

Антон задумался. Широков погладил шрам на подбородке:

— Что прикажете делать?

— Надо идти в «Аврору».

— Зачем? По-моему, самое простое — перекрыть все дороги из Новосибирска и задержать белоголового парня.

— Самое простое? Этого не стоит делать, Алексей Алексеевич. Во-первых, все дороги перекрыть очень нелегко. Во-вторых, парень может оказаться неосведомленным посредником, а нам нужен тот, кто идет на большой риск ради того, чтобы Холодова не дала показаний. Поправится ли она, Алексей Алексеевич?..

— Приближается кризис. Рассчитывайте на худшее, — отрывисто сказал хирург. — Поэтому я и опасюсь попасть у кинотеатра в нелепую историю.

— Там будут сотрудники уголовного розыска. Мы постараемся взять события в свои руки.

— Но объясните, что все это значит?

— К сожалению, мне пока известно не больше вашего, — откровенно признался Антон.

Из клиники Бирюков ушел с таким тяжелым чувством, как будто по его личному недосмотру скрылся особо опасный преступник, способный натворить в ближайшее время немало бед. Дело закручивалось в напряженную спираль. Если раньше отпечатки Сипенятина на двери квартиры Деменского можно было объяснить случайностью, то теперь Вася Сивый словно умышленно наводил на свой след. И в этом была загадка. Что заставило тертого рецидивиста лезть на рожон: выгодное посредничество или тревога за собственную шкуру?..

Раздумывая, Антон шел по Красному проспекту. День кончался. Киоскеры бойко торговали вечерней газетой, на остановках люди втискивались в автобусы. Неподалеку от старинного, с башенками, здания ресторана «Орбита» над раскрытым этюдником сутулился пожилой художник в толстом мохнатом свитере.

«Надо поговорить с этим маэстро насчет иконной живописи. Может быть, он и Зарванцева знает», — подумал Антон, подходя к художнику поближе. Художник быстро набросал на этюде последние мазки. Оценивая сделанное, откинул назад волосатую голову и, словно обращаясь к Антону, буркнул:

— Ну как?..

— По-моему, здорово, — воспользовавшись случаем завести разговор, сказал Антон.

— А по-моему, цветная фотография вышла, — недовольно проворчал художник.

— Разве это плохо? Прямо как в жизни, похоже.

— В искусстве, молодой человек, все должно быть как в жизни, и все не так.

— Простите, как вас зовут?

— Николай Демьяныч.

— Вы профессионал, Николай Демьянович?

— Я художник, а не канадский хоккеист.

Антон засмеялся:

— У меня есть один знакомый, который считает себя художником-профессионалом. Зарванцева Альберта Евгеньевича знаете?

— Художник Зарванцев скончался лет пять назад.

— Скончался?.. — удивленно спросил Антон.

— Как художник, разумеется.

— А как человек?

— Как человек Альберт Евгеньевич здоровствует и преуспевает в заработках. Легкими рублями соблазнился.

— Если не секрет, что это за рубли?

— Вам лучше знать, он ведь ваш знакомый.

— Мы недавно познакомились.

Николай Демьяныч, словно раскуривая невидимую трубку, засопел. Уложив этюдник, он покосился на погоны Бирюкова:

— Вы из ОБХСС?

— Я старший инспектор уголовного розыска.

— Раньше у Зарванцева в угрозыске знакомых не было.

— Свидетелем по одному делу проходит.

— Свидетелем?.. — Николай Демьяныч, вскинув на плечо ремень от этюдника, кивком головы показал на аллею сквера, начинающегося сразу от ресторана «Орбита».

Бирюков неторопливо пошел рядом. Художник оказался в общем-то разговорчивым человеком. Как выяснилось, он знал Зарванцева давно — с той поры, когда Алик, закончив училище живописи, появился в Новосибирске и стал работать в мастерских художественного фонда. Среди начинающих Алик выделялся обостренным восприятием цвета и феноменальной зрительной памятью. Около десяти лет Зарванцев увлеченно работал в мастерских. За это время сделал много творческих работ, несколько раз участвовал в зональных выставках, но потом вдруг как-то охладел к творчеству и занялся оформительской работой.

— Иконами Зарванцев, случайно, не занимался? — подводя разговор к интересующей теме, спросил Антон.

— Кому они нужны? — удивленно вскинул брови Николай Демьяныч. — В наше время церковью немного, чтобы на иконах зарабатывать.

— Я имею в виду те иконы, которые теперь в моде у коллекционеров, — уточнил Антон свой вопрос.

— Зарванцев не мошенник. Да и необходимости у него нет заниматься рискованными подделками. Алик на элементарной халтуре успешно зарабатывает.

— Разве оформительская работа по договорам — халтура?

— Откровенная. Все делается по трафарету.

— На творческой работе таких денег не заработать?

— Творчество — это постоянный поиск и бессонные ночи, это максимальная трата нервных клеток и клубок сомнений, широкие полосы неудач. В творчестве наскоком крепостей не берут и, думая только о деньгах, успеха не добиваются. Успех приходит с годами напряженного, кропотливого труда. Не у каждого на это хватает терпения.

— У Зарванцева не хватило?

— Надломился он как-то... Мельчить стал, в рюмочку заглядывать. А когда денежный человек начинает увлекаться этим делом, — Николай Демьяныч щелкнул себя по горлу, — вокруг него мигом собирается круг разных неудачников и прохиндеев.

— Мне, например, Зарванцев показался скромным и порядочным человеком, — сказал Антон.

— Да, этого пока у Алика не отнимешь, — согласился Николай Демьяныч.

— Почему «пока»?

— Потому, что неисповедимы пути, по которым может скатиться слабый человек.

Глава

Х

Оперативники появились у кинотеатра «Аврора» за час до начала сеанса. Повторно демонстрирующийся фильм «Есения» привлек много зрителей, и около входа оживленно сновали добытчики лишних билетов. Особенно суетилась пожилая, с крупными серьгами цыганка. Путаясь в длинной юбке, она со всех ног бросалась к каждому подходившему мужчине, выкрикивая одно и то же:

— Красавец, продай лишний билетик!

С такой же просьбой цыганка подскочила и к одетому в штатское Бирюкову. Получив отрицательный ответ, на одном дыхании выпалила:

— Тогда угости папиросой, ненаглядный, большая перемена в жизни тебя ожидает.

— Не курю, — сухо обронил на ходу Антон.

— Плохая перемена тебе будет, — бросила ему вслед цыганка и заторопилась к следующему:

— Красавец, продай билетик!..

Находящееся рядом с кинотеатром кафе «Минутка»

было самым удобным местом для наблюдения за входом. Купив два стакана кофе, Бирюков занял столик в углу. Потянулись длинные минуты напряженного ожидания.

События начали разворачиваться за полчаса до сеанса. Первой откуда-то из-за кинотеатра вынырнула худая длинноногая Пряжкина. Как и в тот раз, когда внезапно нагрянула к Зарванцеву, Люся была в белой кофточке и в джинсах с крупной желтой надписью «Толя». Суетливо повертевшись перед входом, она зашла за угол остекленного кафе и, как из-за укрытия, стала оттуда наблюдать за людьми, которые подходили к кинотеатру. В фойе протяжно залился первый звонок. Толпа перед входом, создавая толкучку, стала втягиваться в широко раскрытые двери. Как раз в этот момент Бирюков увидел приближающихся хмурую Фросю Звонкову и беззаботного Овчинникова в распахнутом черном костюме. Овчинников угостил подбежавшую к нему цыганку папиросой и весело похлопал ее по плечу.

Дальнейшее произошло стремительно. Прямо от Овчинникова цыганка, словно коршун, подлетела к появившемуся хирургу Широкову. Антон, поморщась от огорчения, увидел, как растерявшийся Алексей Алексеевич торопливо протянул ей билет. Расплатившись, цыганка, подметая широкой длинной юбкой асфальт, запыхала к всасывающейся в кинотеатр толпе. Овчинников весело взял под руку хмурую Звонкову и тоже направился туда. Наблюдавшая всю эту сцену Пряжкина быстро скрылась за кинотеатром. Почти выбежав из кафе, Бирюков бросился за ней.

Пробираясь смежными дворами, ни разу не оглянувшись, Люся вышла на улицу Блюхера к стоящей светло-серой «Волге». Едва только она села на заднее сиденье, «Волга» рванулась с места. Антон быстро огляделся. Увидев приближающуюся оперативную машину, бросился навстречу ей. Резко затормозив, шофер предупредительно распахнул дверцу.

«Волга», в которую села Пряжкина, вырвавшись на улицу Ватутина, сделала левый поворот, обогнула площадь у Башни и устремилась к магистрали Сибиряков-гвардейцев. Оперативная машина, превышая установленную скорость, заметно сокращала расстояние. Антон уже разглядел на «Волге» номерный знак 31-42 НСУ, но в это время впереди неожиданно вспыхнул красный

свет. Взвизгнули тормоза — на переход устремилась толпа пешеходов. «Волга», успевшая проскочить перекресток под зеленым огнем, лихо обогнав серенький «Москвич», скрылась в потоке машин, запрудивших магистраль Сибиряков-гвардейцев. Стоянка показалась Антону вечностью. Едва оперативная машина миновала наконец-то вспыхнувший зеленым светофор, с улицы Вертковского, угрожающе рыча, вырулил громадный панелевоз и, разворачиваясь, перегородил дорогу. Шофер крутнул влево, но там тревожно зазвонил встречный трамвай. За трамваем тяжело урчал на подъеме груженный самосвал. Вильнув между ними, будто лыжник на слаломной трассе, шофер все-таки обогнал нарушивший правила панелевоз и, наверстывая упущенное, рванулся к остановке «Мотодром».

Непредвиденное случилось мгновенно. Перед машиной, подняв руку, словно из-под земли выросла Люся Пряжкина. По инерции прижимаясь грудью к спинке переднего сиденья, Антон Бирюков услышал надсадный визг тормозов и перед самым радиатором увидел испуганное лицо запрокидывающейся навзничь Люси.

Шофер, уткнувшись в руль, обреченно выругался.

Машину мигом окружили подбежавшие от остановки люди. На желтом мотоцикле невеста откуда появился пухлощекий инспектор ГАИ в лейтенантских погонах. Антон показал свое удостоверение. Лейтенант козырнул:

— Извините, товарищ старший инспектор, но...

— Вызывайте опергруппу и «Скорую», мы никуда не денемся, — распахивая дверцу, резко прервал лейтенанта Антон.

Пряжкина с закрытыми глазами лежала навзничь, раскинув руки, в полуметре от передних колес машины. Лицо ее казалось бескровным. Бирюков, наклонясь, обхватил пальцами кисть Люсиной руки, чтобы нащупать пульс, и увидел уголок зажатой в кулаке десятирублевой купюры.

Время приближалось к полуночи, когда в кабинете начальника отдела уголовного розыска началось оперативное совещание по операции, связанной с кинотеатром «Аврора». Первым выступил следователь, прово-

дивший выяснение обстоятельств автодорожного происшествия.

«Телесных повреждений от наезда автомобилем у потерпевшей Пряжкиной нет. В затылочной части головы имеется рана, которая могла возникнуть от падения Пряжкиной на асфальт. Очевидцы происшествия подтверждают, что Пряжкина упала сама, наезда автомобиля на нее не было. Потерпевшая находилась в состоянии алкогольного опьянения» — так на сухом служебном языке выглядел его доклад.

Начальник отдела повернулся к Бирюкову:

— Как Пряжкина оказалась на остановке «Мотодром» и почему она бросилась именно к вашей машине?

Бирюков поднялся:

— Свидетели показывают, что у «Мотодрома» Люся высадилась из светло-серой «Волги», которую мы преследовали. «Волга» тотчас помчалась дальше, а Пряжкина стала ловить попутные машины. Ни одна из них не остановилась... — Антон помолчал. — Я склонен считать, что Пряжкиной надо было добраться домой. Живет она у Бугринской роши.

— Разве водитель «Волги» не мог ее подвезти поближе?

— Видимо, это было не в его интересах.

— Кому принадлежит «Волга»?

— Ревазу Давидовичу Степнадзе.

— Вот как! — нахмурился начальник отдела. — Побывали у него?

— Конечно. Гараж на замке, а в квартире никого нет. Во всяком случае, на продолжительные наши звонки дверь не открыли. Соседи говорят, что жена Степнадзе живет на даче в Шелковичихе, а сам он — в поездке. По моим предположениям, Реваз Давидович сейчас должен быть со своим поездом где-то в районе Ростова...

Начальник отдела взял со стола телеграмму.

— Пока вы занимались кинотеатром, пришло сообщение от Голубева. Послушайте... — И стал читать: — «Ростове-на-Дону Степнадзе с поезда сошел. Полдня ходил по вузам, интересовался работой приемных комиссий, затем исчез. Со слов поездного бригадира, в Омске тяжело заболел брат Степнадзе. Я догнал поезд в Миллерове. Голубев». — Начальник отдела помолчал. — Отправлена сия депеша в полдень. За это время при со-

временной технике Реваз Давидович не только в Новосибирск, но и во Владивосток мог прилететь...

— Надо, товарищ подполковник, срочно проверить в Омске брата Степнадзе, — быстро сказал Антон.

— Уже проверили. Нет там жителей с такой фамилией. Создается впечатление, что все это заранее организовано.

— Я поручил участковому инспектору дожидаться появления кого-либо из супругов Степнадзе и немедленно сообщить об этом нам.

Начальник отдела положил телеграмму на стол.

— Хорошо. Послушаем, что скажут другие...

Начались лаконичные сообщения. Бирюков старался не пропустить ни одного мало-мальски значимого факта. Однако фактов почти не было. Цыганка, перехватившая у Широкова билет, оказалась из табора, ожидающегося на речном вокзале утреннюю «Ракету», и пришла в кино от нечего делать. Место, предназначавшееся Широкову, оказалось рядом со Звонковой и Овчинниковым, однако севшая вместо хирурга цыганка не вызвала у них ни малейшего удивления. Лишь один раз за время сеанса Звонкова повернулась к соседке и довольно громко спросила: «Вы можете сидеть по-человечески?» Ничего особенного в таком вопросе не было, так как цыганка на самом деле выражала свои эмоции слишком бурно. После кино Овчинников, похоже, поссорился со Звонковой. Оставив ее на автобусной остановке, он сел в такси и уехал к центру города. Звонкова, сильно нервничая, на автобусе пятнадцатого маршрута доехала до своего дома, и вскоре в ее квартире погас свет.

Когда сообщения закончились, Антон Бирюков, обращаясь к инспекторам, спросил:

— Сипенятин, Деменский у кинотеатра так и не появились?

— Нет, — разом ответили двое из инспекторов.

Начальник отдела посмотрел на Бирюкова:

— Что думаете об этой истории с кинотеатром?

Антон, собираясь с мыслями, помолчал:

— По-моему, товарищ подполковник, эта история затеяна преступником-дилетантом. Отгадать же, что дилетанту стукнуло в голову, почти невозможно.

— Кого подозреваете?

— Судя по последним фактам, в деле замешаны

Степнадзе и Овчинников, но обе кандидатуры вызывают сомнение. Первый слишком откровенно пользуется своей машиной, второй без всякой маскировки идет в кинотеатр... Третьим попадает под подозрение Сипенятин, однако Вася Сивый не дилетант в уголовных делах. Его замыслы можно было бы разгадать, но в данном случае они пока не разгадываются.

— Деменский как?

— Юрий Павлович создает впечатление порядочного человека, запутавшегося в своих отношениях с Холодовой. По-моему, он опрометчиво что-то солгал на первом допросе и сейчас делает глупость за глупостью...

На селекторе возле стола начальника отдела тревожно вспыхнула лампочка. Подполковник нажал клавишу — из динамика раздался громкий голос дежурного по управлению:

— Звонит участковый с улицы Зорге. Супруга Степнадзе подъехала к дому на такси. С нею мужчина. Высокий, лысоватый, в черном костюме нараспашку. Сразу вошли в квартиру, в окнах не гаснет свет. Участковый спрашивает: может, зайти к ним, поинтересоваться?..

Бирюков порывисто подался вперед:

— Не надо, товарищ подполковник! Судя по приметам, с супругой Степнадзе находится Овчинников. Пусть участковый поконтролирует его, насколько это будет возможно.

— А что, если Овчинников — тот самый дилетант? — насупись, спросил начальник отдела.

— Попробуем поиграть с ним.

— Переигрывать не придется?

— Думаю, нет.

— Смотрите...

Подполковник передал дежурному распоряжение. Выключив селектор, быстро спросил Бирюкова:

— Что собой представляет Овчинников?

— Рубаха-парень... и рубаха довольно грязная.

Начальник отдела поднял глаза на Антона:

— Прошлым Степнадзе интересовались?

— Реваз Давидович долгое время работал на Крайнем Севере юрисконсультom...

— Он имеет юридическое образование?

— В анкетах пишет: «Незаконченное высшее», хотя основанием для этого служит всего лишь справка со школьной давности, подтверждающая, что студент

третьего курса Московского юридического института Степнадзе Р. Д. отпускается на летние каникулы... — Бирюков помолчал. — Выработав на Севере пенсионный стаж, Реваз Давидович обосновался в Новосибирске и заключил договор с одним из совхозов Алма-Атинской области на поставку древесины. Стал как бы уполномоченным представителем этого совхоза в Сибири. Здесь он имел связь с лесоперевалочными предприятиями и выколачивал древесину. Служебные характеристики за этот период работы Степнадзе положительные. Но один момент заслуживает внимания...

— Какой?..

— Весной шестьдесят третьего года в Томске состоялся крупный судебный процесс, на котором несколько работников лесной промышленности обвинялись во взяточничестве. Рядом с ними на скамье подсудимых находился и Степнадзе. Только он не брал взятки, а давал их. При судебном разбирательстве Реваз Давидович убедительно доказал, что взятки у него вымогали, что действовал он исключительно в интересах совхоза и ни копейки государственных денег себе в карман не положил. Приговор был мягким — два года условно...

На столе начальника отдела зазвонил телефон. Подполковник снял трубку, и Антон заметил, как быстро посуровело его лицо. Разговор продолжался недолго.

— Постарайтесь, Алексей Алексеевич, пока сохранить это в секрете. Возможно такое?.. Вот и ладно. Спасибо, что сразу сообщили. — Подполковник покосился на часы, медленно опустил телефонную трубку и, встретившись с вопросительным взглядом Бирюкова, сухо проговорил:

— Только что скончалась Холодова.

Глава

XI

Адлер встретил Славу Голубева безоблачным небом, синей гладью заштилевшего моря и температурой плюс сорок в тени.

По сведениям Новосибирского резерва проводников, Степнадзе должен был сопровождать восьмой вагон, и Голубев увидел Реваса Давидовича сразу, как только поезд остановился у адлерского перрона. Белоголовый

представительный проводник невольно привлекал к себе внимание. Вместе с напарницей — чернобровенькой девчушкой — он галантно помогал пассажирам выходить из вагона.

Когда вагон опустел, Степнадзе, улыбаясь, перебрался несколькими словами с напарницей и легко поднялся в тамбур. Минут через пять, сменив форменную одежду на легкую тенниску и светлые брюки, он так же легко вышел из вагона и, помахивая новеньким черным портфелем с золотистым замком, неторопливо направился через опустевший перрон к выходу в город. Идя на некотором расстоянии за ним, Слава подумал, что внешне Реваз Давидович выглядит значительно моложе своих лет и держится далеко не как пенсионер, подрабатывающий заурядным проводником в поездах дальнего следования. Убеленный благородной сединой, Степнадзе скорее походил на преуспевающего руководителя приличной хозяйственной организации. Увидев, как Реваз Давидович занял очередь на остановке такси, Голубев встревожился. Стоило сейчас Степнадзе сесть в машину — ищи ветра в поле.

«Придется привлекать частника», — решил Слава, окидывая торопливым взглядом заметно поредевшую с приходом поезда стоянку частных машин. Со стороны перрона, помахивая на указательном пальце цепочкой с ключом зажигания, к новеньким вишневым «Жигулям» подходил смуглый симпатичный парень. Голубев заторопился к нему, однако парень, заранее угадав намерение, не дал раскрыть рта:

— С государством не конкурирую.

Голубев показал служебное удостоверение. Заглянув в него, парень сразу открыл дверцу машины. Пристраиваясь на переднем сиденье, Слава показал на Степнадзе:

— Вот того, белоголового, надо не упустить.

— Кто такой? — вставляя ключ зажигания, спросил парень. — Солидный дядя, на доцента похож...

— Доцент и есть... — решил не откровенничать Голубев.

— Взятки берет?

— Почему так решил?

— Чем еще доцент может заинтересовать уголовный розыск? — Парень оказался разговорчивым. — Лишь тупаря какого-нибудь пристроить за вознаграж-

дение в институт и может. Знаешь, анекдот такой... С бородой, правда, но, как говорится, на злобу... Мужик садится в такси и за собой овцу тащит. Шофер ему: «Куда с бараном лезешь?!» — «С каким бараном? — удивился мужик. — Баран мой в институт поступил, а это — взятка».

Голубев засмеялся. Парень протянул руку:

— Давай знакомиться — Виктор Пашков. Инженером в стройуправлении работаю. — И лукаво подмигнул: — Между прочим, я тоже имею отношение к милиции, — открыв возле руля багажник, он показал Славе удостоверение дружинника. — Вот, смотри... Так что можешь рассчитывать на мою посильную помощь. Приемами самбо, правда, не владею, но подножку при необходимости твоему доценту подставить могу...

— Спасибо, — улыбнулся Слава.

— Не за что, — опять подмигнул Пашков.

В это время к остановке такси подъехала свободная машина с шашечками. Степнадзе быстро протиснулся сквозь толпу, о чем-то пошептался с шофером и один-единственный сел в машину.

Слава посмотрел на Пашкова:

— Город хорошо знаешь?

— Как свои пять пальцев.

Машины почти одновременно тронулись с места. Вырулив на магистраль, обе враз прибавили ходу. Обочины магистралей были запружены ярко-пестрым загорелым людом.

— Доцент твой приехал деньгами сорить? — спросил Пашков.

— Посмотрим, чем он будет заниматься, — задумчиво проговорил Голубев, стараясь не упустить из виду резво бегущее впереди такси.

— Любители легкой наживы сюда тоже слетаются. Тех, кто шикует деньгами, дурачить ведь легче... — Пашков равнодушно показал кукиш «проголосовавшему» верзиле в коротеньких шортах. — Вот думаю, откуда такие паразиты берутся? Не люди, а пауки. Присосутся и тянут соки, пухнут от сытости до тех пор, пока следственные органы не прижмут. Главное, ведь останутся сами не могут. Болезнь это у них, что ли? Как алкоголизм, скажем, а?..

Голубев не успел ответить. Справа неожиданно открылось бескрайнее синее-пресинее море, и вдоль по-

бережья, среди зелени, вытянулся длинный ряд многоэтажных корпусов. Бегущее впереди такси, подмигнув стоп-огнями, свернуло на обочину.

— К пансионатам направился доцент, — сказал Пашков и повернул руль вправо.

Дальше начались сплошные загадки. Выйдя из машины, Степнадзе обогнул роскошную цветочную клумбу и по затененной аллее зашагал к пансионату. Шел спокойно, помахивая в такт шагам новеньким черным портфелем. Оставленное Ревазом Давидовичем такси медленно покатило по асфальту, тянущемуся прямой лентой вдоль ажурных пансионатных оград.

— Подождешь?.. — повернувшись к Пашкову, спросил Слава.

— Пошли вместе, — неожиданно предложил тот.

В просматриваемом сквозь широкие высоченные окна пустующем вестибюле пансионата Реваз Давидович радостно встретился с дежурным вахтером — полным стариком с запорожскими усами. Они даже обнялись, похлопали друг друга по плечам, затем уселись рядышком в плетеные кресла возле вахтерского стола. Степнадзе открыл свой портфель и широким жестом вручил «усачу» книгу в светло-зеленом переплете. Тот расплылся в улыбке, погладил обложку, перелистнул несколько страниц и благодарно приложил ладонь к сердцу. После того, будто взамен, тоже вручил Ревазу Давидовичу книгу. Степнадзе, не глядя, сунул ее в портфель. Поговорив с вахтером не дольше десяти минут, он поднялся. Вахтер любезно проводил его до дверей, вернулся к своему столу и уткнулся в только что полученную книгу. Реваз Давидович размеренной походкой направился к пляжу.

Пашков взял Голубева за рукав:

— Я этого дедусю немного знаю. Может, поинтересоваться книгообменом, а?..

— Давай, — согласился Голубев. — Я тем временем пройду за «доцентом». Если разоидемся, встреча у машины.

— Лады.

Несмотря на конец августа, устеленный лежаками галечный пляж был густо забит отдыхающими. Заштилевшее море у берега кишело пловцами и разноголосогомонило. Реваз Давидович, словно кого-то отыскивая, медленно шагал вдоль взморья.

В самом конце пляжа, на отшибе от основной массы отдыхающих, под самодельным тентом из простыни на колышках, лежала ничком раздобревшая не в меру женщина. Рядом, уткнувшись в книгу, сидела девушка в очках со школьными бантиками в жиденьких косичках. Поравнявшись с ними, Степнадзе остановился. Неторопливо достав из портфеля газету, расстелил ее на гальке и стал раздеваться. Затем, повернувшись к девушке, о чем-то ее спросил. Та, словно обрадовавшись неожиданному собеседнику, мигом захлопнула книгу. В разговор тут же вмешалась женщина. Она повернулась на бок и стала мило улыбаться Ревазу Давидовичу. Поговорив, женщина и Степнадзе вдруг поднялись и, осторожно ступая по гальке, рядышком пошли к морю.

Не теряя времени, Голубев подсел к девушке. У ее ног лежал учебник русского языка. Показав на него глазами, будто начиная банальное знакомство, Слава спросил:

— Изучаете?

Девушка заинтересованно блеснула очками:

— Через два дня экзамен последний сдаю. В Сухумский пединститут поступаю.

— Из Сухуми в Адлер приехали учить?

— Мама здесь в пансионате отдыхает.

— И папа тоже?

— Какой папа? — удивилась девушка.

Голубев показал взглядом на взморье:

— Тот, что с вашей мамой ушел купаться.

— Это такой же мой папа, как вы. Отдыхающий.

— Знакомый?

— Первый раз вижу.

— Он что-то интересное вам рассказывал...

Девушка пожала плечами:

— Просто разговорились от скуки. Оказывается, у него родственник заведует кафедрой в Сухумском институте. Само собой, мама заинтересовалась. Она страшно боится, что я завалю последний экзамен.

— Вдруг правда завалите?

Девушка сердито блеснула очками:

— Типун вам на язык. В аттестате у меня по русскому твердая пятерка. Понимаете?

— Что ж тогда мама волнуется?

— Спросите ее. Вбила себе в голову, что без протекции мне в институт не поступить, и точка.

От пансионата показался Пашков. Голубев взглянул на Реваза Давидовича. Стоя у воды, тот беседовал с женщиной, похоже, вовсе не собираясь купаться. Слава, пожелав девушке «ни пуха ни пера» и получив в ответ традиционное «к черту», галантно откланялся и зашагал навстречу Пашкову.

— Докладываю о выполнении оперативного задания, — шутиливо заговорил Пашков. — «Доцент» привез вахтеру сборник «Богова делянка». Взамен взял «Зарубежный детектив».

— И все?

— На словах — все, а в душу черт заглянет.

— И знакомство с вахтером не помогло?

— Знакомство такое... Прошлой зимой мы капремонт пансионата делали, а этот дедуся как надсмотрщик за нами по пятам ходил. — Пашков огляделся. — Где доцент?..

Голубев взглядом показал на взморье. Степнадзе все-таки надумал искупаться. Недолго поплавав, он вышел на берег и вместе с женщиной вернулся к тенту. Обсохнув от капелек воды, неторопливо оделся. Прежде чем расстаться, Реваз Давидович, похоже, подарил женщине свою визитную карточку и, раскланявшись, зашагал дальше вдоль пляжа.

Пашков наморщил лоб:

— Вахтер говорит, что доцент здесь часто появляется. И каждый раз дефицитные книжки привозит.

— Куда он пошел? Пляж-то кончается...

— Здесь по берегу все пансионаты пройти можно.

— Перегоняй машину. Я за ним, — быстро сказал Слава.

Остаток дня Степнадзе провел в книжных магазинах. Он, кажется, знал в Адлере каждую дверь, над которой висела вывеска «Книги». Голубев и Пашков, попеременно заходя следом за Ревазом Давидовичем, заметили лишь то, что в каждом магазине Степнадзе имел знакомых продавцов, как правило, женщин.

До отправления поезда Адлер — Новосибирск оставалось ровно пятьдесят минут. Вокзальный перрон был запружен отъезжающими. Приближался сентябрь, и курортники, будто захваченные непогодой птицы, густо потянулись с южных пляжей к насиженным гнездовьям. Билет на обратную дорогу Голубев заказал через дежурного транспортной милиции заранее. Торопиться бы-

ло некуда, и Слава предложил Пашкову перекусить в вокзальном буфете. Пашков согласился и, помахивая на указательном пальце цепочкой с ключом зажигания, направился с Голубевым к вокзалу. Неожиданно навстречу им, чуть не волоча по асфальту громадную хозяйственную сумку, словно сорвался с места пухленький невысокий мужчина в широченных брюках.

— Тарас Тарасыч! — зажав цепочку в кулак, воскликнул Пашков.

— Здоров, Витек... — с облегчением бросив на асфальт сумку, выдохнул мужчина. — Слушай... Есть у тебя на вокзале знакомые? Два билета позарез до Новосибирска надо. Дуся моя в очереди, но там... как сельдей в бочке...

— Чего ты в Сибирь собрался? — удивленно спросил Пашков.

— Акселерат наш в институт по конкурсу не прошел. Сегодня телеграмму получили... В какой-то электротехнический институт, пишет, документы сдал, там, дескать, недобор, а посему и дураков принимают.

— Решил проверить, так ли это?

— Ты ж знаешь мою Дусю, расплакалась: «Поехали выручать сынулю». Пришлось срочно оформить отпуск... — Мужчина ладонью смахнул со лба пот. — Витек, у тебя весь город знакомый, помоги уехать...

Пашков вопросительно посмотрел на Голубева:

— Нельзя через твоих коллег купить билеты? Это Тарас Тарасович Ярко — лучший прораб нашего стройуправления. Он тебе может в дороге пригодиться...

— Как пить дать пригожусь! — живо подхватил Тарас Тарасович и носком ботинка ткнул в распухший бок хозяйственной сумки. — Дуся на дорогу такой вкуснятиной запаслась — пальчики оближешь!

Глава

ХII

С билетами оказалось не такое уж безнадежное дело. Свободные места в поезде имелись с избытком, и при посредничестве дежурного транспортной милиции Голубев через воинскую кассу, где почти не было очере-

ди, быстро раздобыл чете Ярکو места в одном купе с собою, в том самом восьмом вагоне, который сопровождал Степнадзе. Обрадованный до восторга, Тарас Тарасович познакомил Славу со своей Евдокией Ниловой — худенькой женщиной с воспаленными от слез глазами. Четвертым попутчиком по купе оказался высокий, как каланча, молодой парень Костя.

Устраиваясь на нижней полке, Тарас Тарасович, покраснев от натуги, недолго думая, вырвал из утробованной сумки завернутую в целлофановый пакет курицу и, не обращая внимания на посадочную суету в вагоне, принялся с хрустом разламывать ее на части.

— Подождал бы, пока люди усядутся, — с упреком сказала Евдокия Ниловна.

— Мы ж все уселись, — буркнул Тарас Тарасович.

— Посадка еще не кончилась.

— Ну и что? Пока она кончится — с голоду умрешь.

Евдокия Ниловна, расстроено вздохнув, вышла из купе. Тарас Тарасович, посмотрев ей вслед, сочувственно сказал:

— За сына переживает... — И сразу предложил: — Перекусим, ребятки, пока суд да дело.

Голубев с Костей согласились. Они принялись за курицу, а Тарас Тарасович сказал:

— Вот я своей Дусе толкую: чего мы в этот... электротехнический заявимся? Чего скажем? Коль так случилось, что у нашего акселерата знаний не хватает, то и делать ему нечего в институте. Пусть в ГПТУ поступает. Кормят там хорошо, одевают бесплатно. Пусть, если не на инженера, так на каменщика выучится. Я сам с подсобного рабочего начинал...

В дверях купе показалась Евдокия Ниловна. На удивление, лицо ее теперь было повеселевшим.

— Тарасик, выйдем на минуточку... — ласково обратилась она к мужу.

Тарас Тарасович недовольно засопел, кое-как выбрался из-за столика и вышел из купе. Вернулся он скоро. Втиснувшись на свое место, насупленно принялся обглаживать куриную ножку.

— Неприятность? — поинтересовался Голубев.

— Да ну ее! Совсем рехнулась... — буркнул в ответ Тарас Тарасович. И, помолчав, быстро заговорил: — Вот вы спросите в адлерском СМУ: «Кто такой Яр-

ко?» Первым делом скажут: «Любитель покушать». — «А как работает?» — спросите. «Лучшего прораба, — скажут, — на Черноморском побережье днем с огнем не сыщешь». Вот кто такой Тарас Тарасович Ярко! Поняли, ребятки? Лицо Земли изменяю, честным трудом деньги зарабатываю, а Дуся сейчас в тамбуре шепчет: «Давай пятьсот рублей отдадим белоголовому проводнику». У него, видите ли, проректор НЭТИ, куда наш акселерат документы сдал, закадычный друг. На рыбалку вместе ездят. Да я, ребятки, с самим замминистра, было дело, чуть не полную шаланду кефали наловил! Что ж мне дурных денег никто не подает?..

Голубев спросил:

— На взятку проводник намекает?

Тарас Тарасович нахмурился:

— Ни на что он не намекает. Дуся сама хочет деньги навязать. Ей, видишь ли, ради сынули полтысячи выкинуть ничего не стоит.

Весь вечер Голубеву не давали покоя родственник Реваза Давидовича в Сухумском пединституте и друг-проректор из НЭТИ. «Что это?.. — размышлял он. — Обыкновенное совпадение или поставленное на широкую ногу взяточничество?»

Рано утром поезд прибыл в Ростов-на-Дону. Стараясь не попадаться Ревазу Давидовичу на глаза, Голубев вышел из вагона на перрон. Только что начавшийся день был таким свежим и солнечным, что о вчерашних заботах не хотелось думать. Постояв недолго в очереди у газетного киоска, Слава купил пахнущий типографской краской номер областной газеты «Молот» и не торопясь зашагал к своему вагону. Отправление поезда задерживалось. Из переговоров проводниц, скучающих с развернутыми красными флажками, можно было понять, что у какого-то вагона лопнул какой-то приводной ремень и его сейчас меняют.

Встретясь на перроне со своим попутчиком по купе, Костей, Голубев остановился. Неподалеку Степнадзе разговаривал с бригадиром поезда. Через несколько минут к ним подошел дежурный по вокзалу в красной фуражке. Поздоровавшись с тем и другим за руку, он подал Ревазу Давидовичу листок бумаги, похожий на

телеграмму. Прочитав, Степнадзе нахмурился и сразу передал листок бригадиру. Оба оживленно заговорили. Бригадир утвердительно кивнул, и Реваз Давидович торопливо поднялся в свой вагон. Минут через пять он вышел оттуда одетым точно так, как в Адлере. В руке его был все тот же черный портфель. Пожав бригадиру и дежурному руки, Степнадзе заторопился к вокзалу.

На какой-то миг Голубев растерялся, однако на раздумье времени не оставалось. Сунув удивленному Косте только что купленную газету, Слава скороговоркой выпалил:

— Если отстану, скажи проводнице, чтобы место мое не занимала. Я догоню поезд.

Ровным счетом ничего не понявший Костя проводил его недоуменным взглядом.

Судя по всему, Степнадзе и мысли не допускал, что за ним наблюдают. Он ни разу не оглянулся, ни малейшим жестом или взглядом не выказал беспокойства. Так мог вести себя только человек с чистой совестью, и Голубев с досадой подумал, что понапрасну убивает драгоценное время.

Увлечшись невеселыми размышлениями, Слава чуть было не потерял Реваса Давидовича из виду. Спohватившись, заметил его возле старинного кирпичного здания с золотистой вывеской Ростовского университета. Степнадзе разговаривал с моложавой высокой женщиной. Он обворожительно при этом улыбался и так же, как в Адлере, походил теперь не на скромного проводника, а на преуспевающего руководителя приличной организации.

Неожиданно Степнадзе достал из портфеля роскошный сувенирный блокнот и под диктовку женщины стал что-то в нем записывать. Когда он кончил писать, женщина, достав из своей сумки записную книжечку, попросила у стоящего рядом с нею парня ручку. Однако Реваз Давидович тут же протянул ей похожий на визитную карточку крохотный листок бумаги. Женщина с благодарной улыбкой вложила листок в книжечку. Степнадзе, раскланявшись, вальяжно зашагал от университета в обратную сторону. На Ворошиловском проспекте он сел в троллейбус. Через несколько остановок вышел из него, дождался автобуса и доехал до железнодорожного института.

«Ориентируется в Ростове как рыба в воде», — подумал Голубев, входя следом за Ревазом Давидовичем в серое, заполненное абитуриентами здание. Но в институте, замешкавшись, он вдруг потерял Степнадзе из виду.

Обойдя все коридорные закутки, где табунились абитуриенты, Голубев вышел. Недалеко от входа, откинувшись к спинке скамейки, чубатый парень разглядывал толпу у автобусной остановки. Подойдя к нему, Слава спросил:

— Слушай, товарищ, не видел только что представительного седого мужчину с черным портфелем?

— Седого? С черным портфелем?.. Слушай, не видел.

— А если серьезно?

— Если серьезно... Только что укатил на такси, — парень показал рукой вправо вдоль улицы. — Вон в ту сторону...

Голубев устало опустил на скамейку.

Остаток дня он провел в разъездах по многолюдному Ростову. Побывал во всех институтах, филиалах и даже в техникумах, но нигде Степнадзе не увидел. Устав от бесплодных поисков, Слава задумался. Было два варианта: лететь в Новосибирск и через пять часов быть там или догнать адлерский поезд и маяться в нем почти трое суток.

Ростовский аэропорт, несмотря на регулярные рейсы воздушных лайнеров, был заполнен пассажирами. Узнав от дежурного милиции, что адлерский можно даже обогнать на «кукурузнике», отлетающем через час до Миллерова, Голубев выбрал этот вариант. Ожидая, пока дежурный оформит проездные документы, он вышел из вокзала и от нечего делать стал рассматривать гудящие до звона самолеты. Из радиодинамика послышался голос диктора: «Заканчивается посадка на рейс шестьдесят один двадцать девять Ростов — Челябинск — Новосибирск».

Вскоре, мигая вспышками сигнальных огней, на взлетную полосу вырулил красавец Ту-134. Недолго постояв, самолет взревел турбинами, стремительно разогнался и взмыл в темнеющее южное небо. Провожая взглядом удаляющуюся точку, Голубев даже не предполагал, что как раз на борту рейса 6129 вальяжно откинулся в кресле интересующий его седой человек с черным портфелем.

XIII

Утро выдалось под стать настроению Бирюкова: пасмурное, с мелким, по-осеннему нудным дождем. Однако к восьми часам, когда Антон появился в уголовном розыске, унылые облака проплыли над городом, и засияло августовское солнце.

Переговорив с участковым инспектором с улицы Зорге, которому было поручено дожидаться появления дома кого-либо из супругов Степнадзе, Антон несколько повеселел. У супруги Реваза Давидовича, как выяснилось, действительно «гостил» Овчинников. Ушел он от нее в три часа ночи сильно рассерженным, остановил запоздавшую попутную машину и уговорил шофера подвезти его до улицы Челюскинцев. Из дома до сих пор не выходил. Видимо, отсыпается. Не появлялась из своей квартиры и супруга Степнадзе.

Бирюков зашел к дежурному по управлению, где концентрировалась вся информация, и поинтересовался состоянием Люси Пряжкиной.

— Находится под контролем врачей. Травма неопасная, но допрашивать пока не разрешают. У нее наступила алкогольная депрессия, — сказал дежурный.

— Надо проследить, быть может, попытаются установить с ней контакт.

— Врачи предупреждены.

Бирюков взял сводку дорожных происшествий за прошедшие сутки. После лаконичного сообщения о Пряжкиной почти сразу на глаза попала фамилия Степнадзе и номер его машины: 31-42 НСУ. «Задержан ГАИ за превышение скорости при выезде с площади Сибиряков-гвардейцев в 20 ч. 25 м. местного времени», — прочитал Антон и почти механически отметил, что происшествие с Пряжкиной произошло почти одновременно с задержанием «Волги». Значит, высадив Люсю на остановке «Мотодром», «Волга» пыталась как можно скорее умчаться от своей недавней пассажирки. Немедленно связавшись с дежурным отделения ГАИ, Бирюков узнал довольно любопытное: оказывается, за рулем находился сам владелец машины.

— Это не ошибка? — нахмураясь, спросил Антон.

— Никак нет, — ответил дежурный. — Коля-маленький передал нам водительское удостоверение... «Степ-

надзе Реваз Давидович» — черным по белому в нем написано.

— Что за Коля?

— Инженер Полозов — один из активных наших общественников.

— Какое право имеет этот общественник забирать у водителей удостоверение?

— Так получилось... — дежурный замялся. — Собственно, я могу сейчас Полозова к вам направить для объяснения.

— Пусть удостоверение Степнадзе привезет, — сказал Бирюков. — А если «Волга» 31-42 НСУ появится на улицах города, немедленно сообщите мне. Ясно?

— Так точно.

Положив телефонную трубку, Антон попросил дежурного по управлению направить служебную машину за Деменским и, написав на листке адрес Юрия Павловича, пошел в свой кабинет.

Коля-маленький, как называл Полозова дежурный отделения ГАИ, оказался ростом чуть не под потолок. Отрекомендовавшись, он передал Антону водительское удостоверение Реваза Давидовича и густым басом стал рассказывать о том, как задержал «Волгу» с госномером 31-42 НСУ. Произошло это так, как и предполагал Бирюков. Полозов неторопливо ехал на своем «Москвиче». В начале улицы Сибиряков-гвардейцев, сразу после светофора, его на повышенной скорости обогнала светло-серая «Волга». Полозов решил предупредить водителя и прибавил скорость. Стрелка спидометра показала 90 километров, но «Волга» продолжала уходить. У остановки «Мотодром» она высадила худенькую женщину в джинсах и рванулась дальше еще стремительней. Тогда Полозов нажал «на всю железку» и в конце улицы Сибиряков-гвардейцев догнал все-таки «Волгу». Поначалу хотел ограничиться предупреждением, но, поскольку у Степнадзе в техталоне уже имелось два прокола за нарушения, пригласил его в местное отделение ГАИ, чтобы там провели с нарушителем соответствующую беседу. Степнадзе не возражал. Однако в ГАИ не поехал, и его водительское удостоверение осталось у Полозова.

Внимательно выслушав Полозова, Антон разложил на столе несколько фотографий и попросил указать, ко-

торый из сфотографированных Степнадзе. Полозов неуверенно показал на Реваза Давидовича.

— Кажется, вот этот.

— Почему «кажется»? — спросил Антон.

Полозов, смущенно помявшись, пробасил:

— Признаться, к лицу не приглядывался. Водитель был в железнодорожной форме, представительный немолодой дядя... Не мог же он нагло чужое удостоверение мне подсунуть.

Отпустив Полозова, Бирюков внимательно при рассмотрелся к фотографии Реваза Давидовича в водительском удостоверении. Фотография была не меньше как десятилетней давности, и Степнадзе выглядел на ней довольно молодо. Раздался телефонный звонок. Антон, сняв трубку, назвал себя и сразу услышал торопливый голос хирурга Широкова:

— Товарищ Бирюков, только что мне звонил мужчина, назвавшийся Деменским, и интересовался здоровьем Холодовой.

Антон поднялся со стула.

— Что ему ответили, Алексей Алексеевич?

— Как просил подполковник, пришлось сказать, что Холодова будет жить.

— Правильно сделали. Голос мужчины непохож на тот, который приглашал вас в кинотеатр «Аврора»?

— Нисколько.

Не успел Бирюков обдумать сообщение хирурга, как зазвонил аппарат внутреннего коммутатора.

— Товарищ капитан, на горизонте Сипенятин! — бодро доложил дежурный. — Только что по «ноль-два» один из наших доброжелателей сообщил, что Вася скрывается у своей мамы. Поискать, дескать, его только надо...

— Как фамилия этого доброжелателя?

— Фамилию назвать уклонился. «Ну вас, — говорит, — по судам после затаскаете» — и сразу повесил трубку.

— Машина с Деменским еще не появилась?

— Пока нет.

— Вызовите шофера на связь. Где он застрял?

— Один момент, — дежурный заскрипел диском УКВ. Послышались шипение, треск, невнятный разговор, затем отчетливый голос дежурного в трубку Антону:

— Машина стоит у городского агентства Аэрофлота. Деменский уже минут десять звонит по автомату.

Сдерживая внезапное раздражение, Бирюков сухо сказал:

— Передайте шоферу, чтобы срочно вез Деменского ко мне.

Не отключаясь от коммутатора, дежурный сразу заговорил по УКВ с шофером служебной машины:

— Яременко! Слышишь, Яременко?.. Хватит Деменскому названивать. Приглашай его в машину, приглашай! Мигом к капитану Бирюкову. Мигом!..

Положив коммутаторную трубку, Антон протянул руку к телефону городской сети и набрал номер начальника шестого отделения милиции.

— Капитан Ильиных, — после первого же звонка раздалось скороговоркой в трубке.

— Здравствуй, Юрий Васильевич. Бирюков говорит.

— Привет, Антон Игнатьич!

— Вот слушай: надо срочно побывать на улице Кожевникова у Марии Анисимовны Сипенятиной. Знаешь такую?

— Знаю. Что там случилось?

— Поступил сигнал, что Вася Сивый у нее скрывается.

— Уже надеваю фуражку.

— Спасибо за оперативность.

Минут через пять раздался стук в дверь кабинета. Вошел Деменский, осторожно сел на предложенный Антоном стул и напряженно замер, словно перед объективом фотоаппарата.

— Куда вы так долго звонили? — неожиданно спросил Антон.

— В десять часов мне надо быть на заводе. Сейчас уже девять. Хотел предупредить начальство, что задержусь.

— Предупредили?

— Не успел дозвониться — шофер меня поторопил.

— А хирургу Широкову?..

— Хирургу дозвонился. Широков меня обнадежил, что Саня будет жить. Это правда?

— Широков врач — ему виднее.

Мочки ушей Юрия Павловича порозовели:

— Прошлый раз я ошарашен был случившимся. Испугался, что вся ответственность за смерть Сани, ес-

ли она умрет, обрушится на меня. Поэтому путался, отрицал очевидное. Короче, вел себя трус трусом. На самом деле наши отношения с Саней совсем не такие, как я прошлый раз наговорил... Несмотря на развод, между нами не было вражды.

— Значит, в Челябинск вы летали к Холодовой?

— Да, но не застал ее там. Перед этим я звонил Сане по телефону. Предложил ей забыть прошлое и переехать ко мне. Саня обрадовалась. Сказала, что проводит Сережку и сразу прилетит в Новосибирск. Я предупредил, что если появится в Новосибирске раньше меня, то ключ от квартиры может взять у соседки Ксении Макаровны.

— Неувязка получается, Юрий Павлович, — сказал Деменскому Антон Бирюков. — Вы прилетели из Челябинска в Новосибирск двадцать первого августа утром. Холодова в это время находилась в вашей квартире — она ночевала там. Стоило вам нажать кнопку звонка и...

— Каюсь, когда узнал от Зарванцева, что Саня пришла в «Орбиту» с Овчинниковым, ослеп от ревности и вместо того, чтобы вернуться домой, сломя голову бросился искать Овчинникова.

— Что вы заказывали Ревазу Давидовичу Степнадзе в Адлере?

Юрий Павлович покраснел еще сильнее, однако ответил быстро, словно заранее подготовился к такому вопросу:

— Солгал прошлый раз, конечно, не фрукты заказывал. Саня при телефонном звонке попросила достать четыре мотка серо-голубого королевского мохера. Хотела Сережке свитер связать. Вот этот мохер я и заказал Ревазу Давидовичу. Специально телеграмму из Свердловска ему дал.

Антон попросил Деменского рассказать о Ревазе Давидовиче подробнее. Деменский заговорил как будто откровенно, но к предыдущим своим показаниям ровным счетом ничего не добавил. Так же скупо охарактеризовал он и Люсю Пряжкину. «Отличный мастер мужских причесок, иногда позирует Зарванцеву, любит выпить. Угощал ли ее коньячком? Да, угощал. Хотел, чтобы Люся выпытала у Зарванцева правду о встрече Овчинникова с Саней. Знакома ли Пряжкина с Ревазом Давидовичем? Кажется, нет».

Деменский виновато посмотрел на Антона:

— Поверьте, на этот раз я не лгу.

— Верю и хочу, чтобы вы так же откровенно рассказали о взаимоотношениях Холодовой со Степнадзе. Только ли книги их связывали?

Лицо Деменского передернулось:

— Мне известно лишь о книгах, но... Каждый раз, когда от Степнадзе приходило письмо, Саню будто в жар бросало.

— Что это были за письма?

— Очень лаконичные и корректные, обычно с просьбой прислать ту или иную книгу. И я не могу понять, почему Саня их так боялась.

— Она не скрывала от вас этих писем?

— Никогда.

— Почему бы вам не поинтересоваться, что пугает вашу жену?

— Интересовался. Саня по характеру очень общительная и открытая, но каждый раз, когда заходил разговор о Степнадзе или об отце Сережки, она болезненно замыкалась. Однажды, потеряв над собою контроль, я высказал предположение, будто Реваз Давидович является Сережкиным отцом. Саня побледнела и заявила, что если я такой фантазер, то нам лучше разойтись. Больше на эту тему мы не разговаривали.

— Об Овчинникове ничего не добавите? — после некоторого молчания спросил Антон. — Какие у него отношения с супругой Степнадзе?

— С Ниной? Никаких нет.

— Уверены?

— Стопроцентно. Нина, знаете, из той породы красивых женщин, которые прямо-таки инстинктом выбирают себе обеспеченных мужей. Она никогда не рискнет потерять доверие Реваза Давидовича. Это во-первых... — Деменский сделал паузу. — Во-вторых, если бы между Ниной и Анатолием что-то было, Анатолий давно бы похвастал.

— Он, кажется, увлечен младшей сестрой Нины? — осторожно спросил Антон.

На лице Юрия Павловича появилась усмешка:

— Фрося Звонкова — доверчивая простушка. Готова влюбиться в первого, кто пообещает на ней жениться. Но это у нее не от испорченности, а от возраста. Как-никак ей уже под тридцать.

Зазвонил внутренний телефон. Дежурный по управлению сообщил, что капитан Ильиных просит срочно приехать к Сипенятиной.

— Что у него? — спросил Бирюков.

— Говорит, дело серьезное.

Подписывая Деменскому повестку, Антон подумал: «Отчего успокоился Деменский? От сообщения хирурга Широкова, что Холодова поправится, или ему из каких-то источников стало известно, что Сани уже нет в живых?»

Глава

XIV

Представив Антону хозяйку квартиры, Ильиных попросил ее:

— Мария Анисимовна, расскажите все старшему инспектору уголовного розыска.

Женщина, сцепив в пальцах натруженные руки, взглянула на Антона с близоруким прищуром и невесело заговорила. Оказывается, вчерашним вечером сын действительно заходил к ней в девятом часу. Предложил денег, но Мария Анисимовна отказалась от «подачки». Сын очень торопился и быстренько ушел из дому. После него, часа через два, приехала бывшая соседка. Только разговорились с ней, заглянул неизвестный мужчина. Спросил каких-то Птечкиных или Чечкиных. Мария Анисимовна ответила, что не знает таких. Мужчина попросил воды. Выпив полстакана, поблагодарил и ушел. А бывшая соседка осталась ночевать.

— Как Василий поставил в нишу ту сумочку, не могу понять. Лишь сегодня утром ее увидела, — невесело закончила свой рассказ Сипенятина.

— Какую сумочку? — спросил Антон.

Ильиных живо поднялся.

— Пошли, покажу.

Выйдя из комнаты в узкий коридорчик, он включил свет и отдернул цветастую занавеску с глубокой ниши в стене. Там, у самого порожка, на полу, стояла черная дамская сумка. На ее лакированных боках даже при электрическом свете можно было разглядеть густые отпечатки пальцев и несколько продолговатых пятен, оставленных, похоже, смоченной в одеколоне или спирте ваткой. Открыв сумку, Антон присвистнул — она была

забита мотками серо-голубого мохера с яркими импортными упаковками. Пройдя в комнату, Антон осторожно вытряхнул содержимое сумки на стол. Кроме четырех мотков королевского мохера, в ней оказалась новенькая косметичка с косметикой, ключ на брелоке, пустой почтовый конверт, надписанный Холодову Федору Федоровичу, проживающему в городе Алексине Тульской области, и паспорт на имя Холодовой Александры Федоровны.

— Видимо, отцу писала, — сказал Ильиных, показывая на конверт.

— Вероятно, — согласился Антон и повернулся к Сипенятиной. — Значит, не видели, когда ваш сын поставил сумку в нишу?

Мария Анисимовна развела руками:

— Сама дверь открывала. Вроде как без сумки Василий входил. Или не заметила я — глаза никудышные стали.

— Из старых дружков сына в последние дни у вас никого не было?

— Ломаю вот голову. Так, никто вроде не заходил...

— А что за бывшая соседка у вас ночевала?

— На улице Петухова мы рядом жили. Фросей ее зовут, фамилия Звонкова. Очень милая девушка, заботливая. Так хорошо сдружились, как мать с дочерью.

— В какое время Фрося приехала?

Сипенятина, прищурясь, посмотрела на тикающие часы:

— Где-то близко к одиннадцати.

— Что ее так поздно привело к вам?

— Говорит, пришла из кино, стала ложиться спать, вдруг звонок. И как будто голос Василия сказал, что я сильно захворала, просила ее приехать. Фрося доверчивая и, не глядя на ночь, примчалась.

— Не она ли свою сумку в забывчивости оставила? — решил проверить Антон.

— Не было при ней сумки. Фрося, как увидела, что я здорова, прямо от двери мне на шею бросилась.

— Как тот мужчина выглядел, который вслед за Фросей заходил?

— Представительный, с портфелем... Очки темные, отблескивают. Я еще подумала: неужто он в них ночью видит? В таких очках только на солнце глядеть.

— Одет как?

— Серый железнодорожный пиджак, а фуражка будто летчицкая, с крылышками.

— Сейчас ведь и у железнодорожников на фуражке крылышки, — намекнул Антон.

— Не разбираюсь я в форменных одеждах.

— Фрося не говорила с ним?

— Она даже не видела его. — Мария Анисимовна тревожно покосилась на Ильиных и тут же опять перевела взгляд на Антона. — Неладное что-то с Фросей творится. Только мужчина стукнул в дверь, она лицом изменилась: «Миленькая, не открывайте! Это за мной». — «Чего ты, касатка?» — спрашиваю. «Ой, вы ничего не знаете!» Стук громче. Похоже, соседки так стучат. Открываю — мужчина в темных очках! Признаться, екнуло сердце. А он вежливо поговорил, выпил воды и откланялся. Возвращаюсь в комнату — Фрося из-за оконной портьеры выглядывает, блее белого лицом. Кое-как успокоила ее, утром сели чай пить, завела разговор о какой-то женщине, которую с третьего этажа сбросили. «Вот и мне, Анисимовна, наверняка скоро такое будет, — говорит. — Ой, что творится на белом свете, что творится!» С тем и на работу убежала. Ничегошеньки я не поняла.

— В комнату мужчина, значит, не входил?

— Нет. Всего с полминуты постоял в прихожей, пока я стакан воды из кухни вынесла.

— А вы старшую сестру Фроси Звонковой знаете?

— Когда рядом с Фросей жила, видела. Представительная женщина, строгая. У Фроси что на уме, то и на языке, а старшая — с секретом.

Через полчаса, проведя необходимые формальности, связанные с изъятием дамской сумки, Бирюков и капитан Ильиных вышли из квартиры Сипенятиной. Пригласив Ильиных в свою машину, Антон показал ему фотографию Пряжкиной:

— Эта девочка состояла на учете в вашей инспекции по делам несовершеннолетних?

Ильиных поправил фуражку и утвердительно кивнул:

— Помаялись мы с ней. Шестнадцать лет Люсе было, когда мы ее заметили. Бросила школу, нигде не работала. Вызываю как-то, предлагаю устроиться на завод ученицей или в профтехучилище. Люся смирила меня равнодушно-туманным взглядом и спрашивает:

«Зачем это?» — «Чтобы получить специальность и работать», — говорю. «А зачем работать?» — «Чтобы вкусно есть, прилично одеваться. Разве тебе не хочется этого?» Улыбнулась: «Еду и одежду мне принесут мужчины». Понял, что за девочка Люся Пряжкина была? Чего ты вдруг ею заинтересовался?

— Впуталась она, по всей вероятности, в неприятную историю.

— Люся сама кого хочешь может впутать.

Разговор прервал загудевший зуммер установленной в машине рации. Бирюков взял трубку. Сквозь эфирный треск из динамика послышался хриловатый голос дежурного по управлению:

— Капитан Бирюков?.. У меня на телефоне начальник Тогучинского поста транспортной милиции. По нашей ориентировке задержан Сипенятин. Приехал в Тогучин на утренней электричке из Новосибирска. При проверке документов пытался бежать, три тысячи денег имеет...

Антон почти прокричал в трубку:

— Срочно Сипенятин к нам! Поняли меня?..

— Вас понял, — подтвердил дежурный.

— По квартире Степнадзе какие новости?

— Никаких. Хозяин так и не появился. На улице Челюскинцев кое-что есть... Овчинников побывал в подъезде дома, где живет Зарванцев. Вышел оттуда с газетным свертком. Сейчас находится в своей квартире.

— На улицу Челюскинцев, — выключив рацию, быстро сказал шоферу Антон и повернулся к Ильиных. — Тебя по пути высадим.

Г л а в а

XV

Квартира Овчинникова находилась на втором этаже благоустроенного дома. Бирюков нажал кнопку звонка и долго ее не отпускал. За дверью послышался приближающийся баритон:

Червону руту не шукай вечорами,
Ты у мэнэ єдина, тильки ты...

Дверь, щелкнув замком, мгновенно распахнулась на всю ширину, и в проеме возникла монументальная фи-

гура Анатолия Николаевича в протертых на коленках спортивных брюках и в майке-безрукавке.

— Шеф?.. — Крупное лицо Овчинникова расплылось в широкой улыбке. — Заходи! Гостем будешь, поллитру «Экстры» принесешь — хозяином станешь!

В стандартной, скромно обставленной двухкомнатной квартире, кроме самого Овчинникова, никого не было. Посередине комнаты на полу лежала полупустая пачка «Беломора», на ней — коробок спичек, а под окном возле наполовину выкрашенной отопительной батареи стоял котелок с торчащей из него ручкой малярной кисти. Овчинников, не переставая улыбаться, спросил:

— Ты, шеф, наверное, пришел проверить: не сбежал ли я?.. Зря волнуешься. Отпускные мои все до копейки кончились, а без денег далеко не разбежишься...

— Деньги — дело наживное, — сказал Антон.

— Это точно! Я последнее время стараюсь их не наживать. Сам посуди: когда денег много, появляются такие идеи, что того и гляди в вытрезвителе заночуешь. А вот сегодня, например, у меня денюжат нет, сходил к Алику Зарванцеву, взял кисть и малярничая в доме.

Безмятежно улыбаясь, Анатолий Николаевич внутренне все-таки нервничал, многословил безостановочно, словно хотел увести беседу в сторону. Антон умышленно молчал, рассчитывая, что темпераментный, но далеко не изворотливый умом Овчинников сам заговорит о том, что в данный момент его тревожит. Так оно и вышло. Минут через пять Анатолий Николаевич, будто оправдываясь, сказал:

— Прошлый раз всю правду о Холодовой рассказал.

— Всю ли?..

— Не веришь, шеф?.. Думаешь, финты кручу? Или что-то новое появилось?

— Анатолий Николаевич, расскажите о вчерашнем вечере, начиная с того, как купили билеты в кинотеатр «Аврора», и кончая тем, как вернулись домой.

Овчинников ногой придвинул к себе лежащую на полу пачку «Беломора» со спичками и достал папиросу. Прикурив, нехотя стал рассказывать. Задавая уточняющие вопросы, Бирюков выяснил, что в середине прошедшего дня к Овчинникову заехал на своем «Запорожце» Алик Зарванцев и пригласил к себе домой попозировать

для какого-то срочного заказа. Часов в пять к Зарванцеву заявила Люся Пряжкина. Предложила на восемь часов билеты в «Аврору» на кинофильм «Есения». Алик, занятый срочным заказом, сам идти в кино отказался, но по просьбе Овчинникова купил у Люси два билета. Пряжкина, сказав, что ей надо продать еще один билет, быстро ушла. Около шести вечера ушел от Зарванцева и Овчинников. Забежав домой, переоделся — и к Звонковой.

Дальнейшее в основном Бирюкову было известно, однако он не стал перебивать или торопить Анатолия Николаевича. Тот довольно правдиво досказал до того момента, как, поссорившись после кино со Звонковой, которая просила проводить ее, сел в такси. И замолчал.

— Почему не проводили Звонкову? — спросил Антон.

— Что я, мальчик ей? Ближний свет — на Затулу мотаться!

— Значит, сели в такси... Дальше что?

— Ничего, шеф. — Овчинников принял сосредоточенно рассматривать спичечный коробок. — Сунул таксисту три рубля и с шиком укатил домой.

Это была ложь.

Антон, сделав вид, что поверил в рассказанное, начал издаലെка:

— Вы старшую сестру Звонковой знаете?

— Нину?.. Давно знаю. С той поры, когда футбол гонял, а она со стадиона не вылазила.

— Расскажите о ней подробнее.

— С женской логикой баба. Анекдот такой есть, про женскую логику...

Антон посмотрел на часы:

— Для анекдотов у меня времени нет.

Овчинников опустил глаза:

— А так мне нечего особенно о Нине рассказывать. Когда с ней познакомился, у меня похлестче девочки были. Правда, маленько подружили. Вижу, она принца ищет. А какой я принц?.. Познакомил ее с Аликом Зарванцевым. Тот влюбился в Нину по уши, но тоже в принцы не вышел. Отфутболила Нина Алика и за его дядю замуж выскочила, за Реваза Давидовича.

— Что это она такого старого мужа выбрала?

— У каждого свой вкус, — хохотнув, ответил Овчинников, но быстро посерьезнел. — Нина — баба практич-

ная. Работала официанткой в ресторане. Образования особого у нее нет, эрудиции тоже кот наплакал. Прикинула мозгой: разве настоящий принц на такую клюнет? А Реваз — старик богатый, десяток лет проскрипит и коньки отбросит. Наследников близких у Реваза нет, так что Нина в один миг становится полноправной владелицей и четырехкомнатной кооперативной квартиры, и роскошной двухэтажной дачи, и новенькой «Волги». Да денег еще на сберкнижке у старикана черт знает сколько! Вот такая, шеф, логика...

— Это ваши предположения?

— Конечно, мои, — с гордостью сказал Овчинников.

— А что по этому поводу говорит Зарванцев?

— Алик слюняй. Когда Нина такой финт выкинула, он запил с горя. Теперь, правда, успокоился — в упор Нину не видит.

— Они не встречаются?

— Нет.

— А вы где вчера Нину встретили?

Овчинников, будто схваченный врасплох воришка, тревожно забегал глазами:

— Честно, шеф, не могу понять, зачем меня Нина вчера к себе заманила. Дело было так... К Фросе Звонковой я за час до кино приехал. Там Нина сидит — сестренку проведать явилась. Узнала, что у меня пара билетов на «Есению», хвалится: «А я в оперный сегодня иду». И глазки строит. Прикинул: видать, скучно со стариком стало. Тут Фрося в кухню шмыгнула переодеваться. Я к Ниночке: дескать, могу у оперного на такси встретить. Она шепчет: «Сама хотела об этом попросить. Боюсь ночью одна до Затулы добираться». Кино, конечно, я с Фросей отсидел, ну а дальше... На такси — и к оперному. Приехал рановато. Думаю, забегу к Алику — его квартира-то рядом. Позвонил — Алика дома нет. Походил вдоль проспекта, покурил — время подошло. Остановил такси, подруливаю к театру — принцесса выплывает... Прикатили к ней домой. Ставит бутылку коньяка. Выпили по первой, закусили... — Овчинников усмехнулся. — И тут, шеф, началась сплошная комедия. Только я губы выпятил, чтоб Ниночку в щеку чмокнуть, а она, не поверишь, наотмашь меня по морде! Аж искры в глазах вспыхнули — баба здоровая. Вот, думаю, артистка! Последнюю пятерку ради

нее на такси прокатал, а она изображает... Вгорячах подряд три стопки коньяка принял...

— Покороче, Анатолий Николаевич, — поторопил Антон.

— Сейчас, шеф, конец будет... В общем, после четвертой стопки я опять сунулся к Нине, а она глаза на лоб и палец к губам: «Тише! Кто-то дверь пытается открыть». Вот, думаю, запоролся в ледоход! Прикидываю: я не Карлсон, чтобы с четвертого этажа упорхнуть, придется грудью дверь штурмовать... А Нина белее стены сделалась, шепчет: «Подожги, Толян. Дверь на защелке, не откроется. Попозже тебя выпущу». Я тоже шепотом: «Любовник, что ли, скребется?» — «Какой любовник? Реваз, кажется, раньше времени из поездки вернулся. Будет теперь мне на орехи — замучил старик проверками». Вот так, шеф, и просидел я почти до трех часов ночи.

— Дверь действительно пытались открыть?

— Черт ее знает. Может, Нине показалось.

— Сами не слышали?

— Что услышишь после бутылки коньяка? Приятный звон... — Овчинников от одной папиросы прикурил другую. — Понимаешь, шеф, Нина мне вчера такую штуку сообщила: Реваз вернулся из прошлой поездки заметно выпивши и психованным. Не он ли чего с Саней набедокурил, а?.. Алик мне сегодня кое-что рассказал...

— Что именно?

— Саня-то, оказывается, с балкона свалилась. Вот я тебе и подсказываю мысль. Реваз — шустрый старикан...

— С Ревазом Давидовичем мы разберемся, но прежде надо разобраться с вами, — глядя Овчинникову в глаза, сказал Антон. — Почему вы прошлый раз утверждали, что отчалили от Новосибирска на Обское море двадцать первого августа утром?

— Потому, что так и было.

— Не было так, Анатолий Николаевич. Двадцать первого вы почти до часу дня ждали в домоуправлении свежую почту и ушли оттуда лишь после того, как получили письмо.

Овчинников поморщился. Отведя взгляд в сторону, виновато заговорил:

— Каюсь, шеф, соврал, не думая о последствиях.

В домоуправлении перехватил письмо из вытрезвителя, чтобы оно к начальству не попало.

— Значит, когда из Новосибирска отчалили?

— Двадцать первого после обеда.

— Где предыдущие две ночи ночевали?

Овчинников неожиданно расхохотался:

— Сдаюсь, шеф! Припер ты меня к стенке. У Люси Пряжкиной две ночи провел. Конечно, мог бы честно об этом сразу сказать, но постыдился.

— А Звонковой не постыдились?

— Фрося порядочная, красивая... А Люся кто?.. Не совсем же у меня глаза обмороженные. Тоже стыдно бывает.

В коридоре завершал звонок. Овчинников прошел к двери и впустил шофера служебной машины, который молча протянул Антону записку.

«По рации передали, что вас срочно разыскивает Звонкова. Хочет что-то рассказать. Очень нервничает, звонит по телефону-автомату из своего магазина», — прочитал Антон и, щелкнув шариковой ручкой, быстро написал: «Привезите Звонкову в угрозыск. Я скоро там буду».

После этого вернул записку шоферу. Тот, не проронив ни слова, вышел из квартиры. Глядя ему вслед, Овчинников тревожно спросил:

— Что, шеф, случилось?

— Служебные дела, — уклончиво ответил Антон и, тут же продолжил прерванный разговор с Овчинниковым: — Значит, говорите, стыдно за свои поступки бывает?

Овчинников поморщился:

— Конечно. Трезвый проклиная себя, но как только выпью — тянет на подвиги, хоть плачь. К врачам обращался. Толкуют, болезнь такая есть... Забыл, как по медицине называется. Страсть к бродяжничеству, в общем.

— Вы в домоуправлении на машинке что-нибудь печатали? — внезапно спросил Антон.

Крупные навывкате глаза Овчинникова стали еще крупнее. Несколько секунд он смотрел на Антона, не мигая, словно не мог сообразить, о чем его спрашивают. Затем, спохватившись, заговорил:

— Лично я к домоуправленческой машинке никакого отношения не имею. Бухгалтерша на ней печатает,

иногда жильцы забегают, чтобы... — И неожиданно воскликнул: — Шеф! Реваз свои визитные карточки на нашей машинке печатал.

— Визитные карточки?..

— Точно! В поездках у Реваза много новых знакомых появляется, вот он, чтобы не писать каждому свой адрес, как дворянин, обзавелся визитками. С месяца назад это было. Мы с Аликом Зарванцевым выпивали после работы в домоуправлении, а Реваз весь вечер на машинке хлопал.

Глава

XVI

Фрося Звонкова вошла в кабинет к Бирюкову. Она очень робко присела на предложенный стул и, не глядя Антону в глаза, вздохнула:

— Они вчера так внезапно ко мне нагрянули, что не успела вам позвонить. Потом вообще началось ужасное, всю ночь сегодня не спала...

— Давайте по порядку, — спокойно сказал Антон. — Кто «они»?

— Как кто?.. — удивилась Звонкова. — Нина и Анатолий, разумеется. Сначала Нина на своей «Волге» прикатила. Ласковая, разговорчивая. Пока сестрицу слушала, Овчинников тут как тут! «Пошли, Фрося, на восемь часов «Есению» смотреть». Я и так напуганная была, а тут совсем скисла. Весь фильм сама не своя сидела, а справа еще какая-то ужасная цыганка локтем в бок толкала. Не помню, как конца дождалась. Первый раз в жизни попросила Анатолия проводить домой, но он хитрить начал, мол, у матери приступ инфаркта, надо срочно в аптеку заехать. Мне совсем тошно стало. Наверняка, думаю, догадался, что я рассказала уголовному розыску... Вообще, Анатолий изменился, какой-то неискренний стал, чего-то крутит... — Фрося помолчала. — А вечером, только спать собралась, звонок. Сердце оборвалось. Снимаю трубку — голос Васи Силенятина: «Привет, зазноба! С мамашей моей плохо, очень просит тебя приехать, посидеть с ней ночь».

— Уверена, что это он звонил?

— Кроме Васи, меня никто зазнобой не называет. Бирюков показал сумку Холодовой:

— Это не вы у Марии Анисимовны оставили?

— Ой, нет! Первый раз вижу. Ворованная, да?

— Почему так думаете?

— Если Вася домой забегал, то наверняка ему там нужно было что-то спрятать.

— Значит, Васина работа?

— Конечно!

На протяжении всего разговора лицо Звонковой было настолько непосредственным, что невольно хотелось верить в ее искренность, и все-таки на душе Антона скребли кошки.

Загадочная возня вокруг кинотеатра «Аврора» и странный звонок Сипенятина переплетались в такой клубок, распутать который, казалось, невозможно. Настроение несколько приподнялось, когда дежурный сообщил, что в угрозыск доставлен задержанный в Тогу-чине Сипенятин.

— Как же вы осмелились в одиннадцать часов ночи отправиться к Марии Анисимовне? — спросил Антон у Звонковой.

— Дома одной еще страшнее было. Потому и заночевала у нее.

Все объяснимо, все логично было в показаниях Фроси. Не заметив ни в голосе, ни в выражении ее лица оттенка фальши, Антон сказал:

— Сейчас я допрошу Сипенятина. Вы подождите, пожалуйста. Возможно, придется что-то уточнять.

— Если надо, конечно, подожду, — с готовностью ответила Звонкова.

Проводив ее в соседний кабинет, Антон вызвал на предварительный допрос Сипенятина. В сопровождении конвойного сержанта Вася вошел, по привычке заложив руки за спину и понуро опустив голову с белыми, словно льняными, волосами. На его приплюснутом широком носу и на круглом подбородке коричневыми полосами запеклись свежие ссадины.

— Что у вас с лицом? — спросил Антон.

Вася, поворачиваясь к окну, усмехнулся:

— На бровях учился ходить.

— Почему при проверке документов бежать пытались?

— Так, по-дурному сорвался, а лейтенант сразу подножку. Претензий не имею, в спорте дело ясное: кто — кого... — Сипенятин исподлобья уставился на

Антон. — Вообще-то, гражданин инспектор, заявляю протест в знак несправедливости. Я на законном основании возвращался к месту жительства и работы. За что взяли?

Бирюков встретился с Сипенятиным взглядом:

— Давайте разберемся. Чем занимались в Новосибирске?

Васин взгляд вильнул в сторону:

— Приезжал мамашу проведать. Случайно старые кореши подвернулись, загулял с ними по-черному.

— Фамилии и адреса их назовите.

Сипенятин набычился:

— Корешей закладывать не буду, гражданин инспектор.

— Дело ваше, — равнодушно сказал Бирюков и, стараясь выяснить причастность Сипенятина к делу Холодовой, стал задавать заранее намеченные вопросы.

Понаторевший в диалогах со следователями, Вася отвечал лаконично, но с такой апатией, словно ему до чертиков опостылело все на свете. Свою причастность к Холодовой он, конечно, отрицал полностью. Когда Антон перешел к конкретным уточнениям, апатия с Васиного лица стала исчезать, а в голубых, по-детски наивных глазах то и дело мелькало откровенное недоумение. С любопытством рассматривая предъявленные для опознания фотографии, Вася вдруг ткнул толстым пальцем в фотоснимок Деменского:

— Вот этого кореша знаю.

— Как с ним познакомились? — спросил Антон.

Сипенятин слово в слово повторил показания Юрия Павловича, относящиеся к покупке «Распятого Христа», затем, помолчав, добавил, что 21 августа вечером приходил к Деменскому домой, чтобы получить от него пятерку, но, несмотря на многократные звонки, дверь не открыли, хотя в квартире кто-то находился.

— Показалось, баба крикнула, а ей рот заткнули, — после некоторого молчания вдруг добавил Вася.

— Показалось или действительно слышали? — уточнил Антон.

— Вроде бы слышал.

— Долго у двери стояли?

— У меня часов нет, чтобы время определять.

— Ориентировочно скажите... Минуту, две?..

— Полторы, — съязвил Вася.

— Крик не повторился?

— Как умерли все в квартире.

— Где вы взяли «Распятие Христа»?

Сипенятин ответил с такой готовностью, словно только этого вопроса и дожидался:

— Бабка оставила в наследство полный сундук икон разных да книжек церковных. Мать рассказывала, богомольная старуха была.

— Куда книги дели?

— Продавал на толкучке, — Вася усмехнулся. — Чудики нарасхват брали.

— За какую цену?

— По червонцу за штуку.

— А за сколько Библию продали?

— Вкруговую все по червонцу толкал.

— Не помните, кто у вас купил Библию?

Вася снисходительно хмыкнул:

— Вот даешь, инспектор... У меня голова не Дом Советов, чтобы все помнить.

— На всех иконах и книгах вашей бабушки имелась надпись: «Собственность Дарьи Сипенятиной», — словно между прочим сказал Антон.

— Бабка как отче наш грамоту знала.

— А на «Распятии Христа» такой надписи нет...

Вася недоуменно наморщил лоб и запоздало спохватился:

— Христос — не бабкина икона. Это я сейчас объясню, гражданин инспектор... В Тогучинском районе, где мне прописали жить, имеется деревня Высокая Грива. Мы там скотный двор строили. Короче, одной богомольной старушенции машину дров подбросил. В знак благодарности она Христа подарила.

Бирюков укоризненно посмотрел в наивные Васины глаза:

— Полтора месяца назад вас еще не было в Тогучинском районе.

— Значит, чо-то я спутал, — Сипенятин отвернулся к окну. — Иногда знакомые кореши мне иконки подбрасывали, чтобы продать. Закладывать их не буду.

— Где вы взяли три тысячи, которые при задержании у вас обнаружены?

Вася заметно сник, однако тут же принялся сочинять байку. По его словам выходило, что деньги дал какой-то грузин для передачи одному врачу, чтобы тот

не лечил какую-то женщину, упавшую с третьего этажа. Байка походила на детский лепет. В ней не упоминалось ни одной фамилии, но все, что касалось встречи Сипенятина с врачом, совпадало с рассказом хирурга Широкова.

— Как фамилия того грузина? — спросил Антон.

— Я чо, паспорт у него спрашивал? — усмехнулся Вася. — В железнодорожном ресторане познакомились, коньячку выпили.

— И он вам три тысячи вручил?

— А чо?.. Видать, прижало пахана. Годов ему уже много, а за мокруху может не уложиться в рамки жизни.

Бирюков выставил из сейфа на стол сумку Холодовой:

— Вот это мы изъяли из квартиры вашей матери...

— Чо-о-о?.. — ошарашенно протянул Сипенятин и приподнялся со стула. — Дайте посмотреть!

Антон предупреждающе поднял руку:

— На сумке уже есть отпечатки ваших пальцев. Чтобы не тянуть время, скажу: женщина, которой принадлежала эта сумка, скончалась.

Вася скрежетнул зубами:

— Да он чо, с ума спятил, щипач колотый?! — И уставился Антону в глаза. — Гражданин инспектор, скажи, кто подбросил сумку? Я собственными руками ему пасть порву!

— Зачем вы в тот вечер Звонкову к своей матери вызвали? — вместо ответа спросил Антон.

Почти минуту, туго соображая, Сипенятин сидел остолбенело. Затем, сглотнув слюну, криво усмехнулся:

— На пушку берешь, инспектор?

— Могу провести очную ставку с Фросей, но прежде давайте выясним: как на сумке появились отпечатки ваших пальцев?

Губастое круглое лицо Васи расплылось в улыбке:

— По халатности... Не стану темнить — сумка эта мне знакома. Двадцать первого августа нужда прижала, что опохмелиться не на что. Вышел помышковать на железнодорожный вокзал. Адлерский поезд прибыл. Вижу, шикарная дамочка в розовом платье ротик разинула, кого-то ждет. Возле нее чемодан красный стоит, на нем — эта сумка. Прохожу рядом, роняю носовой платок, нагибаясь... Дамочка — пасть до ушей: «Держи

вора!» Ясное дело, пришлось когти рвать, а сумку оставить...

— Значит, с Холодовой познакомились на вокзале? — быстро спросил Антон.

Вася усмехнулся:

— На гоп-стоп не бери, инспектор. Никакой Холодовой я не знаю. Зови Фроську, увидишь, как она за поет.

Звонкова вошла в кабинет настолько растерянной, что Бирюков в душе невольно пожалел ее. Проведя необходимые при очной ставке формальности, Антон зачитал содержание телефонного разговора из показаний Звонковой и сразу спросил:

— Подтверждаете свои показания?

— Подтверждаю, — еле слышно ответила Звонкова.

Бирюков повернулся к Сипенятину:

— Что вы скажете по этому поводу?

— Никому я не звонил, инспектор! И никакой сумки у своей мамы не оставлял! Зачем мне ее там оставлять? Не круглый же я дурак! Поверь, инспектор...

Фрося, словно моля пощады, заискивающе заговорила:

— При мне к Марии Анисимовне заходил мужчина, может, это он оставил...

Сипенятин резанул Звонкову уничижительным взглядом и подался всем корпусом к Антону:

— Не верь Фроське, инспектор! Темнит она!

— Это правда, — заступился за Звонкову Антон. — Мужчина представительный, с портфелем, в темных очках.

На какой-то миг Сипенятин растерялся:

— Не знаю такого...

Позвонил эксперт-криминалист Дымокуров:

— Антон Игнатьевич, вам занести окончательный результат исследования дамской сумочки?

— Чуть попозже, Аркадий Иванович. Сейчас вкратце скажите, что там интересного?

— Отпечатки рубцеватых пальцев идентичны тем, что остались на балконной двери в квартире Деменского. Пятна — это остатки испарившегося разбавителя масляных красок. Можно предположить, им выборочно уничтожена часть отпечатков.

— Спасибо, Аркадий Иванович. — Антон положил

телефонную трубку и посмотрел на Сипенятина. Вася, стараясь уловить смысл разговора, даже приоткрыл рот. Запоздало спохватившись, он дернул головой в сторону Звонковой:

— Мужик, что приходил к мамаше, из Фроськиной компании...

— Вася! — вскрикнула Звонкова. — Зачем свою вину на других валишь? Тебя все равно посадят...

Сипенятин, побагровев, выставил кукиш:

— Вот это видала?! Пока меня посадят, всю вашу кодлу загоню за решетку! И футболиста твоего, и Нинкиного овцебыка заложу, как самый последний фраер! — Налившиеся кровью глаза Сипенятина угрожающе сощурились. — Передай им мои слова: станут еще топить, как слепых котят, заложу!

Бирюков вызвал конвоира. Сипенятин резко поднялся, завел руки за спину и зашагал к двери.

Г л а в а

XVII

Ровно в девять в кабинет к Антону вошел высокий пожилой мужчина с четырьмя полосками орденских колодочек на военном кителе без погон. Остановившись в дверях, он по военной привычке сказал тихим, усталым голосом:

— Федор Федорович Холодов, майор в отставке. Разрешите?

— Входите, Федор Федорович. — Антон поднялся из-за стола и, выйдя навстречу мужчине, протянул руку. — Старший инспектор Бирюков. Извините, что назначил встречу так рано. Понимаю, вам сейчас не до бесед, но обстоятельства складываются так...

Подождав, когда Холодов сядет на предложенный стул, Антон прошел к своему месту:

— Дежурный мне сказал, что вы остановились у Деменского...

— Да, сотрудники милиции помогли нам отыскать квартиру Юрия Павловича. — Холодов потер отечные мешки под воспаленными от бессонницы глазами. — Вчера поздно вечером из аэропорта мы с матерью сразу в УВД приехали, попросили, чтобы нам показали

Саню... С матерью стало плохо, ночью два раза вызывали «Скорую помощь». Юра ошеломлен. Говорит, накануне беседовал с хирургом, тот обещал выздоровление...

— Деменскому об этом не говорили сознательно, — сказал Антон и, чуть помолчав, добавил: — Не хотели прежде времени расстраивать его.

Холодов прикрыл глаза:

— Вероятно, нам придется задержаться здесь. Похороны назначены на завтра, на три часа дня. Не знаю, как мы с женой перенесем все это... — помолчав, взглянул на Антона. — Плохие мы с ней жильцы. Сережу придется оставить у Юрия Павловича, Юра усыновить его хочет.

— Вы верите Деменскому?

— Вполне. Юра — золотой человек. В его семейной неурядице виновата Саня, хотя она наша дочь.

— Расскажите о ней.

— Саня родилась под несчастливой звездой... — Холодов едва сдерживался от душивших его слез. — Сначала у нее погиб любимый жених, с которым она дружила три года. Уже подали заявление в загс, приготовились к свадьбе, а всего за сутки до регистрации брака парень попал в автомобильную катастрофу. Памятью о несостоявшейся свадьбе у Сани остался Сережа...

— Деменский об этом знает? — спросил Антон.

— Нет. Саня не любила вспоминать... Об отце Сережи я рассказал Юрию Павловичу сегодня утром. Юра был поражен. Оказывается, Саня придумывала всяческие нелепицы. Она не умела лгать, и подобные сочинения только унижали ее в Юриных глазах.

— Фамилию Степнадзе вы не слышали от дочери?

Холодов болезненно поморщился:

— Степнадзе — тоже печальная страница в жизни Сани. В семидесятом году — мы в Омске тогда жили — Саня приняла заведование книжным магазином. Не знаю, как могло так получиться, но в первую же ревизию произошла недостача в две с половиной тысячи рублей. Можно сказать, исчез полный контейнер книг — это не шуточное дело. И вот в это время каким-то образом на горизонте появился Степнадзе. Он предложил Сане деньги, чтобы погасить недостачу, и уговорил ревизора «замять» дело. Не берусь судить, чего было боль-

ше в этом жесте: великодушия или подлости. Скорее второго, потому что Степнадзе за свою, с позволения сказать, услугу поставил перед Саней альтернативу: либо выйти за него замуж, либо расплачиваться дефицитными книгами. Замужество Саня отклонила... Представляете, в какую многолетнюю кабалу она попала?

— Это было сделано, не советуясь с вами?

— Да. Нам с матерью Саня поведала эту печальную историю лишь в семьдесят пятом году, когда полностью рассчиталась со Степнадзе.

— О последнем периоде жизни Сани вам что-нибудь известно? — Антон чуть помолчал. — Дело в том, Федор Федорович, что перед самым происшествием Саня начала писать заявление прокурору и не дописала его...

Холодов, достав носовой платок, вытер вспотевший лоб:

— Последний год у нее, кажется, все наладилось. Сережа жил у нас, Саня часто писала письма, посылки со сладостями и одеждой присылала. На прошлой неделе получили от нее телеграмму, что выезжает к нам в отпуск, и вот... вчера пришла другая, срочная телеграмма — из уголовного розыска.

— Что могло так внезапно привести Саню в Новосибирск?

— Мы с Юрием Павловичем всю сегодняшнюю ночь ломали над этим голову. — Убирая платок в карман, медленно проговорил Холодов. — Вероятно, сказалась неуравновешенность Сани. Когда у нее разладилась жизнь с Юрой, она не находила себе места. Несколько раз вот так же внезапно прилетала из Челябинска к нам, то вдруг брала отпуск и зимой отправлялась на юг, то совсем почти собралась уехать по договору на обский север, в Надым. Словом, металась так, будто предчувствовала беду и хотела от нее убежать, но... так и не убежала...

— Деменский на Саню не жаловался? — спросил Антон.

— Никогда. И Саня на него тоже.

Разговор продлился около часа.

Когда Холодов, ссутулясь, вышел из кабинета, у Антона было такое состояние, словно этот сдержанный, убитый горем человек передал ему всю полноту своей неутешной боли.

В десять утра позвонил начальник отдела и попросил зайти к нему. Войдя в просторный кабинет, Бирюков по хмурому лицу подполковника понял, что тот чем-то озабочен. Подполковник сразу спросил:

— Что нового по делу Холодовой?

— Нового много, — открывая принесенную с собой папку, сказал Антон, — но, к сожалению, пока все вертится вокруг да около.

— Какие сведения по Степнадзе?

Антон достал из папки две телеграммы и передал их подполковнику:

— Из Ростова Степнадзе вылетел рейсом шестьдесят один двадцать девять до Омска с пересадкой в Челябинске. Челябинск подтверждает компостировку билета на Омск.

— Выходит, в Новосибирске Реваз Давидович не был, когда Пряжкина на его «Волге» каталась?

— Если верить аэропортовским документам — нет.

— Вы что, не верите им? — пристально изучая телеграммы, спросил подполковник.

— Верю, но хочу основательно перепроверить. Сегодня прибывает адлерский поезд. Посмотрим, приедет ли с ним Степнадзе.

— Допустим, не приедет...

— Объявим розыск.

— Да, — возвращая телеграммы, хмуро сказал начальник отдела. — Что показывает Пряжкина?

— Ровным счетом ничего. Говорит, доехала до остановки «Мотодром» со случайным частником, там приняла нашу машину за такси и хотела остановить.

— У кинотеатра «Аврора» что делала?

— Проверяла, с кем Овчинников «любовь крутит».

— Из больницы ее не выпустили?

— Врачи опасаются осложнений, хотят еще суток двое подержать под своим надзором.

— Какое у вас впечатление о Холодовой? Как ее поведение расцениваете?

Бирюков задумался:

— Многое зависит от характера. Судя по всему, Холодова отличалась неуравновешенностью.

— Только что мне звонил прокурор. Упрекает, что медленно ведем розыск.

— У нас в запасе еще трое законных суток.

Светло-серая «Волга» с номером 31-42 НСУ подкатила к Новосибирску-Главному за десять минут до того, как вокзальный диктор объявил о прибытии пассажирского поезда Адлер — Новосибирск, и Антон Бирюков впервые увидел Нину Степнадзе. Это была высокая, чуть располневшая дама, примерно лет тридцати пяти, с замысловато накрученной золотистой прической. Брючный костюм подчеркивал ее эффектную фигуру. Оглядев «Волгу» со всех сторон, она взяла с заднего сиденья книгу, взглянула на блеснувшие золотом наручные часы и, сев на водительское место, позевывая, занялась чтением.

Проехавшая мимо «Волги» машина ГАИ остановилась в тени под виадуком. За ее рулем Антон узнал пухлощекого лейтенанта, который первым появился на месте происшествия с Пряжкиной у остановки «Мотодром», а на заднем сиденье сутулился общественный автоинспектор Полозов.

Электровоз, замедляя ход, поравнялся с вокзалом. Наметив на глазок место, где остановится восьмой вагон, Бирюков, стараясь не толкать встречающих, загипнотизированно уставившихся в вагонные окна, торопливо стал пробираться сквозь толпу. Неожиданно он плечо в плечо столкнулся с Деменским, тоже пробирающимся к восьмому вагону. Юрий Павлович, узнав Бирюкова, оторопел.

— Реваза Давидовича встречаете? — быстро спросил Антон.

— Д-да, — заикнулся Деменский. — Хочу поговорить с ним... Вы знаете о том, что... Саня умерла?

— Я все знаю и встречаться сейчас со Степнадзе не советую.

Глаза Юрия Павловича внезапно начали краснеть.

— Мне Реваз Давидович расскажет откровеннее, чем уголовному розыску.

— Ничего он вам не расскажет, — сухо проговорил Антон. — Доверьте это дело нам.

— Пожалуйста, — с внезапной злостью ответил Деменский и скрылся в толпе встречающих.

Стараясь не выделяться из толпы, Бирюков еще издали увидел в раскрытом тамбуре восьмого вагона пред-

ставительную фигуру Степнадзе. Реваз Давидович был в сером форменном пиджаке и в фуражке с железнодорожной эмблемой-крылышками. Едва поезд остановился, Степнадзе, откинув тамбурную площадку, тщательно стал вытирать поручни.

Слава Голубев соскочил на перрон чуть ли не первым и сквозь плотный строй встречающих направился к Бирюкову. Поняв его намерение, Антон отошел в сторону, где можно было поговорить без свидетелей.

— Почему не вижу цветов и не слышу музыки? — пожав Антону руку, невесело пошутил Слава.

— Оркестр готовится хоронить Холодову, — хмуро ответил Антон.

— Умерла Саня?

— Позавчерашней ночью. Давай коротко: как потерял Степнадзе?

Высадка пассажиров продолжалась минут двадцать. За это время Голубев успел рассказать Бирюкову адлерские и ростовские похождения Реваса Давидовича, закончив тем, как упущенный им в Ростове Степнадзе восемь часов назад встретил поезд в Омске и вот прикатил с ним в Новосибирск.

— Где он пропадад двое с половиной суток? — спросил Антон.

— Говорит, в Омске у брата.

— Фамилию этого брата не узнал?

— Нет. Вообще старался Ревазу Давидовичу на глаза не попадаться. — Голубев огляделся. — В какой из новосибирских гостиниц можно найти два места? Я познакомился с Тарасом Тарасовичем Ярком — прорабом из Адлера и с его женой Евдокией Ниловой. Приехали устраивать в НЭТИ своего сына. Степнадзе пообещал им протекцию в институте, а я ляпнул, что посодействую с гостиницей. Сейчас ждут меня у остановки такси.

— Поезжай в гостиницу «Обь», там почти всегда места есть. Как устроишь своих попутчиков, съезди в НЭТИ. — Антон легонько подтолкнул Славу в плечо. — Беги. Эти попутчики могут оказать нам неоценимую услугу.

Закончив высадку пассажиров и, видимо, передав вагон на попечение своей напарницы, Степнадзе с портфелем вышел на перрон, подошел к цветочницам, купил роскошный букет гладиолусов и, задумчиво опустив го-

лову с выбивающимися из-под фуражки седыми волосами, направился к светло-серой «Волге».

Завидев приближающегося мужа, Нина радостно выскочила из машины. Реваз Давидович с улыбкой вручил ей цветы. Затем, поставив на заднее сиденье в машине портфель, грузно сел рядом с водительским местом. «Волга», вырлив со стоянки на проезжую часть асфальтированной дороги, уходящей от вокзала на подъем, легко пошла в гору.

В ту же минуту возле Бирюкова остановилась скрывавшаяся в тени виадука машина ГАИ. Антон мигом устроился рядом с сидящим за рулем пухлощеким лейтенантом и, обернувшись к Полозову, спросил:

— Узнали железнодорожника?

— Кажется, тот был худощавей и моложе, — басом ответил общественный автоинспектор.

Не успела машина ГАИ тронуться с места, как «Волга», находясь на середине подъема, внезапно остановилась.

— Подождем, — коротко сказал лейтенанту Антон.

Мигнув ярко-красными стоп-сигналами, «Волга» сдвинулась назад и дернулась на тормозах. Опять тревожно замигали стоп-сигналы, и опять торможение. Степнадзе, выйдя из машины, поднял капот и склонился над мотором. С другой стороны к нему присоединилась Нина. Прошло несколько минут.

— Подъедем. — Антон снова обернулся к Полозову. — Вы из машины не показывайтесь, чтобы супруги Степнадзе вас не видели.

Поравнявшись с «Волгой», лейтенант высунулся из машины:

— В чем дело, отец? Почему останавливаемся, где не положено? Правило плохо знаем?

— У меня поднят капот, — живо откликнулся Степнадзе. — Искра, понимаете, исчезла, что ли... — И показал лейтенанту снятую с двигателя свечу.

Лейтенант, а за ним и Антон подошли к «Волге». Увидев руки Степнадзе, Антон насторожился — кожа на пальцах Реваза Давидовича была сизоватая, со струпами. Именно такие пальцы могли оставить те изуродованные отпечатки, которые эксперт-криминалист обнаружил на недопитой бутылке коньяка и на балконной двери квартиры Деменского.

— Разрешите ваше водительское удостоверение.

Реваз Давидович спокойно достал из нагрудного кармана форменного пиджака новенькие корочки, заботливо обклеенные прозрачной целлофановой пленкой, и без тени тревоги протянул Бирюкову. Раскрыв удостоверение, Антон спросил:

— В прошлом году купили машину?

— Машина, дорогой, у меня пять лет.

— Почему только год назад получили права на вождение?

— Так вышло, — уклончиво ответил Степнадзе.

Ответ не удовлетворил Антона. Показалось, что застигнутый врасплох Реваз Давидович сказал первую пришедшую на ум фразу. Однако Антон не высказал ни малейшего неудовольствия. С видом человека, которому надоело заниматься служебными обязанностями, он вернул Ревазу Давидовичу удостоверение и равнодушно посоветовал лейтенанту:

— Посмотри, что у них с машиной.

Лейтенант, проверив свечу и карбюратор, склонился над топливным насосом. На его лице появилась ироническая улыбка. Достав из кармана носовой платок и вытирая им пальцы, он шутливо сказал:

— Автомобиль типа «Волга» без бензина не бегаёт. У вас пустой топливный бак.

— Не может быть! — искренне удивилась Нина. — Двое суток назад я заправляла машину под завязку.

— За двое суток можно много сжечь, — сказал Антон.

— Я всего один раз в Шелковичиху съездила.

Степнадзе посмотрел на жену.

— Кто же, мамочка, катался на нашей машине? Кому ты ее давала?

— За кого меня принимаешь?! — вдруг вспыхнула Нина.

Словно ничего не зная, Бирюков посмотрел на Степнадзе:

— Вы тоже не пользовались машиной?

— Я больше недели был далеко от Новосибирска! — резко ответил Реваз Давидович и, видимо, приняв Антона за старшего, темпераментно заговорил: — Одолжите, дорогой, бензинчику до дому доехать. И, пожалуйста, осмотрите вместе со мной гараж. Подростки, знаете, иногда хулиганят! — Он строго посмотрел на жену: — Мамочка, ты не оставляла гараж открытым?

— Естественно.

— Почему на спидометре почти двести километров лишних накручено?

— Я откуда знаю!..

Заправка заняла немного времени. Реваз Давидович сам сел за руль. Мотор сразу заработал на холостых оборотах. Бирюков, не дожидаясь приглашения, сказал:

— Прокачусь с вами...

— Пожалуйста, дорогой!

Степнадзе, перегнувшись через спинку сиденья, услужливо распахнул заднюю дверцу. Нина при этом недовольно поморщилась.

Вел Реваз Давидович машину свободно, даже с некоторой, свойственной лихачам, небрежностью. Задержавшись на несколько секунд лишь у первого светофора, «Волга» резво скользила под зелеными огнями, и Антон вдруг подумал, что точно так управлял ею водитель, увезший у него из-под носа Люсю Пряжкину. Машина ГАИ, словно привязанная, не отставала ни на метр.

Чтобы нарушить затянувшееся молчание, Антон хотел было заговорить о чем-нибудь постороннем, но Реваз Давидович вдруг повернулся к жене:

— Мамочка, Гиви совершенно здоров...

Нина капризно отвернулась. Антон, рассеянно глядя в боковое стекло, всем своим видом старался показать, что отношения между супругами Степнадзе совершенно его не интересуют.

От площади Сибиряков-гвардейцев «Волга» свернула к Затулинскому жилмассиву. В глаза ударило встречное солнце. Степнадзе откинулся к спинке сиденья и попросил жену:

— Подай из багажничка мои очки.

Нина открыла перед собой крышку:

— Здесь нет никаких очков.

— Куда они пропали?

— Мне откуда знать!

Реваз Давидович нахмурился:

— Почему мамочка сегодня не в духе?

— А-а... С бензином ничего не могу понять.

Дальнейший путь проехали молча, как будто супруги Степнадзе выполнили по сценарию свои роли — и точка.

Гараж у Реваза Давидовича был добротный: из си-

ликатного кирпича, с подведенным отоплением и электропроводкой. Возвышался он недалеко от дома в ряду других гаражей — большей частью приземистых металлических коробок. По соседству располагался просторный детский городок с теремками, песочными площадками и раскрашенными в разные цвета «грибками». Тут же стояла открытая беседка с шутовой крупной вывеской на фанерном листе: «Затулинский клуб козлятников». В беседке отчаянно стучали доминсшники.

Внутри гаража был идеальный порядок. Стены устроенной в полу ремонтной ямы сияли разноцветной облицовочной плиткой, на полках — какие-то запчасти вперемешку со слесарным инструментом, в углу две вместительные металлические канистры, а возле дверного косяка, сразу у входа, висели почти новые пиджак с петлицами железнодорожного проводника и форменная фуражка с эмблемой-крылышками. Наметанным глазом оглядев гараж, Реваз Давидович пошарил по карманам висящего у двери пиджака и сердито уставился на супругу:

— Мамоchка, где мои светозащитные очки?!

Нина строго нахмурилась:

— Чего психуешь? Можно подумать, свет клином на твоих очках сошелся...

Степнадзе неожиданно смутился:

— Ты заправляла машину?

— Естественно.

Никаких следов угона «Волги» из гаража, конечно, обнаружено не было. Собственно, Бирюков и не надеялся их найти. Его не на шутку заинтересовал «спектакль» с бензином. В том, что это именно «спектакль», поначалу Антон ни на йоту не сомневался, однако чем больше он присматривался к Ревазу Давидовичу и его «мамочке», тем больше начинал колебаться — настолько правдиво вели себя супруги Степнадзе. В конце концов Антон решил перейти от пассивного наблюдения к активным действиям. Посмотрев на сизоватые, со струпьями пальцы Реваса Давидовича, словно из любопытства спросил:

— Что у вас с руками?

— Понимаете, аккумуляторный электролит разводил, по оплошке пальцы в кислоту сунул, — ответил Степнадзе и торопливо добавил: — У меня пропали очки.

— Где они находились?

— В машине.

— Боже мой, — театрально вздохнула Нина. — Ко-
му нужны твои паршивые очки.

— Ты не вмешивайся, — одернул ее Реваз Давидович. — Нужны или не нужны, но очки пропали!

— Оформите это документально, — сказал лейтенанту Антон и показал на беседку, из которой доносился азартный стук доминошных костяшек. — Я тем временем переговорю с завсегдатаями того «клуба».

Под вывеской «Клуба козлятников» висела фанерка поменьше. На ней масляной краской было написано:

«Пьяных к «козлу» не подпускать! Основание: Устное распоряжение президента секции козлятников».

В беседке четверо оголенных по пояс парней нещадно лупцевали костяшками домино по столу. Пятый, словно накачанный воздухом мужичок с непропорционально большой головой и короткими, как у лилипута, руками сосредоточенно наблюдал за игрой. Антон поздоровался. Все пятеро проговорили вразнобой «здрасьте» и как ни в чем не бывало продолжили игру. Терпеливо дождавшись, когда один из парней с криком: «Хек тоже рыба!» — вскочил из-за стола, Антон завел разговор на интересующую его тему.

— Что стряслось у Реваса Давидовича? — любопытно спросил большеголовый мужичок.

— Бензин из машины кто-то выцедил, — ответил Антон.

— Что вы говорите?!. — Мужичок удивленно взмахнул ручонками и развернулся к доминошникам. — Слышали? Чего доброго, и наши мотоциклы с пустыми бачками стоят, а?..

— Из твоего допотопного «Ковровца» на одну зажигалку не нацедишь, — подначил парень, сделавший «рыбу».

— Ты у меня договоришься!.. — Мужичок многозначительно погрозил коротеньким пальцем. — Издам распоряжение, чтобы и трезвого к «козлу» не подпускали.

— Это нечестно, товарищ президент.

— А подначивать президента, по-твоему, честно? — Мужичок шутливо насупился и вдруг предложил Антону: — Пройдемте до моего гаража. У нас в самом деле кто-то отмычками замки крутит.

Доминошники, подтрунивая над своим президентом,

стали перемешивать костяшки домино, а тот, едва отойдя с Антоном от беседки, полушепотом заговорил:

— Семечкин моя фамилия. Андрей Андреич. Работаю лифтером в доме, где Степнадзе живет. Никто, конечно, у нас отмычками не крутит. Это придумал, чтобы без свидетелей поговорить. Хочу вам сказать, что по просьбе Реваза Давидыча я еще в прошлом году оборудовал его гараж секреткой. Ревун установил, так что скрытно туда никак не попадешь. Кто при такой сигнализации сумел бензин выцедить, а?..

Сказанное лифтером снова укрепило у Антона заколебавшуюся было уверенность в том, что затея четы Степнадзе с бензином является заранее подготовленным «спектаклем», а кажущаяся искренность игры достигается за счет того, что один из «актеров» не полностью посвящен в замысел автора сценария. К сожалению, лифтер не мог подсказать, кто из супругов играет отрепетированную роль, а кто талантливо импровизирует. Антон больше был склонен считать, что ведет «спектакль» Реваз Давидович, однако Семечкин после некоторого молчания продолжил:

— Полагаю так: супруга Реваза Давидыча прокатала бензин с любовником и теперь из воды сухой хочет выйти.

— У нее есть любовник?

— Полагаю, есть. На прошлой неделе у нас лифт барахлил, между этажами застревал. И вот в полночь слышу из динамика голос прямо как Реваза Давидыча: «Дорогой, почему, понимаешь, безобразие?» Понятно, я тут же принял меры. Когда лифт опустился, из него вышла супруга Степнадзе и какой-то железнодорожник. Сели в «Волгу» и укатили.

— Реваз Давидович тоже железнодорожник.

Семечкин хитро прищурился:

— Осанка не та.

— Внешность того железнодорожника не помните? — заинтересовался Антон.

— По походке — не старше сорока. Фигурой стройный, высокий. Железнодорожный пиджак мешковато на нем сидит.

— Лишь один раз его видели?

— Один раз, и то благодаря забарахлившему лифту.

Разговаривая, дошли до гаража Семечкина. Антон для порядка заглянул внутрь металлической коробки,

где стоял «Ковровец», задал еще несколько вопросов, касающихся четы Степнадзе, и, не получив в ответ на них ничего существенного, расстался с Семечкиным.

— Что там? — встретил Бирюкова вопросом лейтенант.

— Как говорят доминошники, пусто-пусто. Но есть предположение, что по гаражам кто-то лазает, — с умышленным равнодушием ответил Антон и спросил: — Написали?..

— Подписать осталось.

Пока лейтенант выводил свою подпись, Антон незаметно вытер в кармане носовым платком трехгранный шариковый карандаш, чтобы на нем не осталось старых отпечатков пальцев, и подал его Ревазу Давидовичу.

Г л а в а

XIX

— В аэропорт Толмачево, — тихо сказал Бирюков.

Лейтенант, повернув ключ зажигания, нажал на стартер. Некоторое время ехали молча. Антон сосредоточенно анализировал поведение Реваза Давидовича, начиная с того момента, как увидел его в тамбуре вагона, и кончая откровенно растерянным взглядом, которым Степнадзе проводил отъезжающую машину ГАИ.

На заднем сиденье кашлянул общественный автоинспектор Полозов, который так и не показался на глаза супругам Степнадзе. Антон обернулся к нему:

— Кто все-таки был за рулем «Волги», когда вы ее задержали?

Полозов сокрушенно вздохнул:

— Очень похож на этого, но окончательно утверждать не могу. Форменная одежда с толку сбила и лицо... смуглое, крупноносое... Он вам, кажется, водительское удостоверение показывал?

— Удостоверение у него новенькое. — Антон посмотрел на лейтенанта. — В мае прошлого года получено в вашем отделении. Свяжи-ка меня со своим дежурным.

Лейтенант включил рацию и дал вызов. Дежурный ГАИ откликнулся так быстро, словно дожидался этого сигнала. Назвав дату получения водительского удостоверения Степнадзе, Антон попросил отыскать протокол

заседания квалификационной комиссии. Через несколько минут дежурный сам вышел на связь:

— Степнадзе Реваз Давидович прошел переаттестацию с оценкой «отлично» в связи с утерей удостоверения.

— Спасибо, — поблагодарил Антон и, выключая рацию, посмотрел на лейтенанта. — Вот такое дело получается...

Среди внезапно расступившейся зелени впереди показалось сияющее стеклом здание аэровокзала. Антон Бирюков отыскал дежурного по вокзалу — молодого жизнерадостного парня в летной форме — и, показав служебное удостоверение, изложил суть своего визита. Дежурный потянул за козырек лихо сидящую на его курчавой голове фуражку:

— Долго искать придется. Может, ориентировочно подскажите, когда этот Степнадзе мог от нас улететь?

— Ориентировочно — двое суток назад, последним рейсом, — сказал Антон.

— Последним с посадкой в Омске от нас идет рейс пятьдесят четыре шестьдесят восемь до Казани. Вылет в двадцать три пятнадцать местного. Подходит?

— Вполне.

Дежурный вышел из своего кабинета и через несколько минут принес ведомость с подшитыми к ней контрольными талонами, оторванными от билетов. Не дочитав ведомость и до половины, Антон почувствовал, как ёкнуло сердце, — под сорок седьмым номером значился Степнадзе Р. Д. Однако эта строчка была аккуратно зачеркнута, и вместо нее написано: «Бражников А. Е.». Антон подозвал к себе дежурного:

— Что такое?

— Все в норме, — быстро ответил тот, — вместо Степнадзе улетел Бражников.

— Как это могло случиться?

— Элементарно. Вероятно, Степнадзе, зарегистрировав билет, на посадку в самолет не явился, и его место продали другому пассажиру.

— Часто такое бывает?

— Нечасто, но случается... — Дежурный вдруг задумался, опять потянул за козырек свою лихую фуражку. — Погодите! Это в мое дежурство было. Так... так... Вспомнил! Пассажир Бражников подошел к кассе с паспортом и билетом Степнадзе и попросил переделать би-

лет на его имя, так как Степнадзе, мол, передумал лететь этим рейсом. Разумеется, кассир попросила подойти к ней самого владельца билета. Подошел какой-то мужчина, внешность которого ничего общего с фотографией в паспорте не имела. Кассир пригласила меня. Когда я появился, чтобы разобраться, мужчины того и след простыл, а паспорт с билетом остались. — Дежурный, открыв стол, достал обтрепанный по уголкам паспорт и протянул его Антону. — Вот, смотрите...

Антон, раскрыв помятые корочки, увидел фотографию Реваза Давидовича примерно десятилетней давности. Подняв на дежурного глаза, спросил:

— Дальше что?

— Оформили билет Бражникову, а Степнадзе как в воду канул.

— Не поинтересовались, кто этот Бражников?

— Омский журналист, в командировке здесь был. — Дежурный опять заглянул в стол и подал Антону скромную визитную карточку. — Вот он мне на память оставил.

«Бражников Александр Егорович — старший редактор журнала «Земля сибирская, дальневосточная», член Союза журналистов СССР», — прочитал Антон. На обратной стороне визитной карточки был адрес редакции и номер телефона.

— От вас нельзя по междугородной Омск заказать? — спросил Антон.

— Без междугородной обойдемся, по автомату выйдем на любой город Союза. — Дежурный, заглянув в визитную карточку, принялся накручивать телефонный диск. Едва только сработала автоматика, протянул трубку Антону.

После двух продолжительных гудков в трубке щелкнуло, молодой женский голос ответил:

— Редакция журнала.

— Мне бы товарища Бражникова... — сказал Антон.

— Одну минуточку... — Трубку, похоже, положили на стол, как будто скрипнула дверь, и все тот же женский голос, но теперь приглушенно кого-то окликнул: — Борис Иванович! Саша Бражников у вас?..

Через несколько секунд в трубке раздался глуховатый мужской голос:

— Бражников слушает.

— Александр Егорович? — уточнил Антон.

— Он самый.

— Это новосибирские авиаторы вас беспокоят. Так к нам и не появился Степнадзе, вместо которого вы улетели.

— Не знаю, чем могу быть полезен, — после некоторого молчания ответил Бражников.

— Как вы с ним познакомились или встретились?

— Я приехал в аэропорт Толмачево, когда уже всю регистрацию билетов на последний рейс шла. Сунулся в кассу — ни единого места. Подошел к регистрационной секции. Иногда опаздывают пассажиры... Жду, вдруг повезет, окажется свободное местечко. Подходит подвыпивший мужчина, спрашивает: «Куда летишь?» — «Позарез, — говорю, — до Омска надо, но в кассе пусто с билетами». — «Купи у меня. Зарегистрировал, а лететь передумал». И подает билет. Я посмотрел — билет нормальный, а фамилия-то в нем не моя. Говорю: «При отчете за командировку у меня бухгалтерия такой билет не примет». Он показывает на кассу: «Пошли переделаем на твою фамилию». Когда кассир в чем-то засомневалась и, забрав билет с паспортом, пошла к дежурному, мужчина вышел покурить. Больше я его не видел...

— Как он выглядит?

— Здоровый, физиономия типично русская, давно не стриженные белые волосы.

«Вася Сипенятин!» — мелькнула у Антона неожиданная догадка, и он спросил Бражникова:

— Возраст какой?

— Около тридцати.

— Еще что-либо характерное не заметили?

— Нет, ничего.

— И за это спасибо, — поблагодарил Бирюков.

Едва он положил телефонную трубку, заговорил дежурный по вокзалу:

— Прежде чем продать Бражникову билет, мы несколько раз объявляли по радио, чтобы Степнадзе подошел к билетной кассе. Впустую старались.

Антон показал дежурному фотографию Сипенятина:

— Вот этот гражданин здесь не появлялся?

— Нет, — уверенно ответил дежурный.

Вернувшись из аэропорта в угрозыск, Бирюков прежде всего зашел в научно-технический отдел. Оставив там на исследование трехгранный шариковый карандаш,

которым у гаража расписывался Степнадзе, и изъятые в аэропорту паспорт с авиабилетом, попросил экспертов поторопиться с заключением.

— Устроил своих попутчиков? — спросил Антон.

— Порядок, — ответил Слава. — В «Оби» нашелся отдельный номер с телефоном и прочими удобствами.

— Что в НЭТИ?

— Почти ничего и в то же время кое-что... Пока родители Ярко тряслись в поезде и Евдокия Ниловна переживала за своего сынка, все кончилось благополучно: сын зачислен на первый курс. Оказывается, в НЭТИ он даже один лишний балл набрал.

— Когда его зачислили?

— Вчера приказ подписан.

— Значит, обошлось без протекции Реваза Давидовича?

— Похоже, так. И знаешь, Антон, насколько мне удалось выяснить, никто из сотрудников НЭТИ, имеющих отношение к приему абитуриентов, не знает Степнадзе.

Бирюков помолчал:

— В таком деле с наскоку не разберешься.

— Понимаю. Но что касается сына Ярко, то установлено стопроцентно: парень зачислен в институт без всяких протекций. Двадцать семь абитуриентов зачислены с меньшим, чем у него, количеством баллов.

— Родители Ярко об этом знают?

— Они знают, что сын поступил в институт, но, как это произошло, для них неизвестно. Тарас Тарасыч по секрету мне рассказал, что Евдокия Ниловна убеждена: дело не обошлось без Реваза Давидовича. Оказывается, Степнадзе после Омска авторитетно заявил ей: сын в институт поступит.

— Он что, сказал Евдокии Ниловне, что был в Новосибирске?

— О Новосибирске — ни звука, но о сыне сказал.

— Сколько запросил за свою «услугу»?

— Ни копейки. — Голубев вынул из кармана записную книжку и, порывшись в ней, протянул Антону маленький прямоугольник желтоватой бумаги. — Вот лишь свою визитную карточку подарил.

«Степнадзе Реваз Давидович. Новосибирск. Главпочтамт. До востребования». — Антон без труда узнал

шрифт домоуправленческой машинки и, взглянув на Голубева, спросил:

— Это зачем?

— Евдокия Ниловна тут же предлагала Ревазу Давидовичу за «услугу» пятьсот рублей. Он категорически отказался и, вручая «визитку», пошутил: «Когда сын закончит институт, пусть по этому адресу придет ящик армянского коньяка».

— Когда супруги Ярко уезжают из Новосибирска?

— Намерены с неделю здесь пожить.

— Не теряй с ними дружбу и договорись с Тарасом Тарасовичем, чтобы информировал тебя, если Евдокия Ниловна начнет общаться со Степнадзе.

— Уже договорился. — Голубев сунул в карман записную книжку. — Антон, неужели Реваз действительно из Ростова прилетал в Новосибирск? Допустим, хотел устроить сына Ярко, но тут без его помощи все обошлось. Может, поэтому он и отказался от взятки?..

— Нет, Слава. Только не сына Ярко устраивать он прилетал. Не могу ни под каким предлогом поверить, чтобы взяточник, проделавший самолетом такой круг, благородным жестом отказался от предлагаемых ему ни за что денег. Что-то тут, Слава, другое...

— Саня Холодова?..

— Скорее всего.

В кабинет вошел Аркадий Иванович Дымокуров и передал Антону два заключения только что проведенных экспертиз. Эксперты установили, что в паспорте Степнадзе и авиабилете, выписанном на его имя, никаких подделок нет, а отпечатки пальцев Реваса Давидовича на трехгранном шариковом карандаше оказались одинаковыми с отпечатками, оставленными на недопитой бутылке коньяка и на балконной двери в квартире Деменского. Появился ответ на один из узловых вопросов: Холодова пила коньяк с Ревазом Давидовичем.

Выписав повестку, приглашающую на завтрашнее утро Степнадзе в уголовный розыск, Антон вызвал на допрос Сипенятина.

Вася Сивый пришел мрачнее тучи. Покосясь на молчаливо сидящего у окна Голубева, он сел напротив Бирюкова и с откровенной враждебностью уставился Антону в глаза.

— Прошлый раз нам не удалось договорить до конца, — сказал Антон.

Сипенятин, скривив толстые губы, усмехнулся:

— Дураку понятно, Сивого засудить проще простого: на деле его пальчики остались, у мамыши сумку потерпевшей изъяли, при проверке документов бежать рванулся, в кармане — почти три тысячи денег, врача на пушку брал...

— Считаете, что перечисленных улик для задержания вас под стражу мало? — перебил Антон.

— Чо я, щипач колотый, чтобы так считать? — Сипенятин снова усмехнулся. — Задержали законно, только скажу, гражданин инспектор, что с моим задержанием пустой номер тянешь. Я — честный вор. Краду, как мои предки крали. А есть гады, которые воруют по современному. Они своих отпечатков на деле не оставляют и на дешевые дамские сумочки не зарятся. Как пылесосы, тянут к себе нетрудовые червонцы. Чем со мной пустышку тянуть, лучшее бы ими занялся. Вот там тебе навар был бы.

— Помогите ими заняться, — дав Сипенятину договорить, спокойно сказал Антон.

— Сивый не дешевка.

— В таком случае будем с вами разбираться. Зачем по чужому билету хотели в Омск лететь?

Лицо Сипенятина на какой-то миг растерянно окаменело, но тут же расплылось в улыбке, как будто Вася разгадал неудачный розыгрыш и тоже решил пошутить:

— На самолете хотел прокатиться.

— Где взяли паспорт и билет Степнадзе?

Улыбка с Васиного лица исчезла. Он отвел глаза в сторону.

— В автобусе какому-то мужику по привычке руку в карман сунул. Думал, в паспорте червонец заложен, а там билет оказался. Выпивши был, решил в Омск упорхнуть. Когда в толкучке зарегистрировал билет, испугался: в самолете милиция, как слепого щенка, накроет! Огляделся, нет ли уже «хвоста»? Вроде тихо, а возле регистрационного окошка чернявый парень крутится с таким видом, словно его туалетная нужда прижала. Разговорились — билет парню невтерпеж нужен до Омска. Хотел выручить, но кассирша липу усекла, к начальству потопала. Я вышел покурить — и в такси...

Раскрыв паспорт Степнадзе так, чтобы Вася видел фотокарточку Реваза Давидовича, Антон спросил:

- У него вытащили?
- Не разглядел в автобусной давке.
- Этот вам три тысячи денег дал?
- Чего?.. Тот пахан старше был.
- Паспорт десять лет назад выдан...

Вася пристально уставился в фотокарточку Степнадзе. Он мучительно наморщил лоб и вдруг воскликнул:

- Муж Фроськиной сестры! Вот наколол пахана!
- Знакомого обворовали?
- Этого пахана я видел у Фроськи, когда мамаша рядом с ней жила.

— Значит, этот своих отпечатков на «деле» не оставляет?

— Не лови, гражданин инспектор, на слове. — Сипенятин насупился. — Закладывать не буду.

— Что ж тогда возмущались?

— Нервы взыграли.

— Ну, идите успокойтесь.

Бирюков вызвал конвойного.

В завершение этого дня в дежурную часть поступила срочная телеграмма из Сухуми. На оперативный запрос Голубева начальник горотдела БХСС сообщал, что среди сотрудников Сухумского пединститута родственников Реваза Давидовича Степнадзе не установлено.

Г л а в а

XX

Реваз Давидович спокойно сел у самой кромки стола, покосился на никелированную головку микрофона и, пристроив на коленях железнодорожную фуражку, сосредоточенно замер. Смуглое крупноносое лицо его было усталым, как будто он не спал всю ночь.

— С бензином ничего нет нового? — заполняя анкетную часть протокола, между делом спросил Антон.

— Нет, понимаете...

— Не будете возражать против записи нашей беседы на магнитофон?

— Ради бога!

Бирюков нажал кнопку.

— Реваз Давидович, расскажите, что вам известно о Сане Холодовой.

На лице Степнадзе появилось недоумение:

— Саня очень красивая и порядочная женщина. Редкое сочетание, понимаете...

— Когда и при каких обстоятельствах вы с ней познакомились?

— В начале семидесятых годов, точно не помню.

— Постарайтесь вспомнить.

— Это имеет значение?

— Да, Реваз Давидович.

Степнадзе, словно пробуя голос, кашлянул и, покаясь на микрофон, обаятельно улыбнулся:

— Непривычно как-то, понимаете, говорить, чувствуя, что каждое слово записывает техника.

— Не обращайтесь на технику внимания. В конце беседы нам представят отпечатанный на машинке протокол, где ничего лишнего не будет.

— Да?.. — самым искренним образом удивился Реваз Давидович. — Смотрите, какое облегчение работники следствия получили! Раньше, помнится, такого не было.

— Имеете в виду шестьдесят третий год, когда ходились под следствием о взяточничестве томских лесников? — будто к слову спросил Антон.

— Я, дорогой, имею почти высшее юридическое образование, — с ноткой обиды проговорил Степнадзе и опять улыбнулся. — А томские лесники в самом деле чуть не посадили меня в тюрьму. Спасла, понимаете, моя предусмотрительность и строгое ведение документации. На судебном процессе я уложил рвачей на лопатки, и они получили по заслугам.

— При кассационном пересмотре многие из них, кажется, были реабилитированы?..

Реваз Давидович сокрушенно вздохнул:

— У нас гуманные законы, мы любим прощать.

Не заметив на лице Степнадзе ни малейшего оттенка тревоги, Бирюков повернул разговор к прерванной теме. После нескольких уточняющих вопросов Реваз Давидович вспомнил, что познакомился с Саней Холодовой в начале семидесятого года, когда она приняла заведение книжным магазином от его двоюродного брата Гиви Ражденевича Харебашвили. Гиви в том году ушел на пенсию и сейчас живет в Омске. Записав адрес Харебашвили, Антон спросил:

— Что за неприятность была у Холодовой в первый год ее заведования магазином?

Реваз Давидович неторопливо вынул из кармана носовой платок, старательно промокнул губы:

— Подробностей, дорогой, не знаю. Какая-то недостача случилась при ревизии, но Саня погасила ее.

— Кто ей помог в этом?

Степнадзе шумно высморкался, аккуратно сложил платок, сунул его в карман и только после этого заговорил:

— Вам, дорогой, может показаться странным, но это я вручил крупную сумму денег почти незнакомой женщине. Постараюсь объяснить. Недостача случилась после первой ревизии, как Саня приняла магазин у Гиви... Представляете психологический момент? Мой двоюродный брат попадал в какой-то степени под подозрение, и, передавая Сане деньги, я заботился не столько о ее репутации, сколько о добром имени своего брата.

— На каких условиях вы дали Холодовой деньги?

— Можно сказать, на льготных. Я, понимаете, люблю книги. Поэтому попросил, чтобы Саня постепенно возвращала мне долг книгами. Надо сказать, она давно уже расплатилась.

Степнадзе говорил так спокойно и убедительно, как может говорить только человек с незапятнанной совестью. Из всех эмоциональных оттенков в его голосе сквозила лишь нотка назидательности, свойственная очень уверенным в себе пожилым людям, разговаривающим с начинающими жизнь юнцами. Учитывая возрастную разницу Антона и Реваза Давидовича, ничего странного в такой назидательности не было.

Обстоятельно пересказав известную ему часть из запутанных отношений Холодовой и Деменского той поры, когда они жили в Омске и Челябинске, Степнадзе не утаил, что Юрий Павлович звонил из Свердловска и просил купить в Адлере четыре мотка хорошего мохера. При разговоре сказал, что встретит Реваза Давидовича в Новосибирске и расплатится за покупку. Однако вместо Деменского на вокзал пришла Холодова. При ней были черная дамская сумочка и увесистый красный чемодан. Как после узнал Степнадзе, Саня хотела попутно сдать в стирку скопившееся у Юрия Павловича белье, но прачечная оказалась закрытой, и, чтобы не опоздать к адлерскому поезду, Сане пришлось нести чемодан с бельем на вокзал.

— Вот так, понимаете, неожиданно я снова увидел Саню. — Реваз Давидович покосился на микрофон, словно тот по-прежнему смущал его, чуть передохнул. — Передал ей привезенный мохер, получил деньги и помог донести чемодан до квартиры Юры Деменского.

— Значит, вы с Холодовой пришли в квартиру... — начал Антон, но Степнадзе не дал договорить:

— Да, мы пришли в квартиру Юрия Павловича. Саня обрадовалась мохеру, как ребенок. Стала угощение собирать, но вина в доме не оказалось. Пришлось, понимаете, в знак старой дружбы достать из портфеля свою бутылку коньяка. Выпили по рюмочке, поговорили...

— И все?

В карих глазах Степнадзе засветилась лукавинка.

— Понимаю вас, дорогой... Саня красивая женщина, но, как видите, у меня не озорной возраст.

— Я хотел вас спросить: кто букет гладиолусов в квартиру Деменского принес?

— Цветы я подарил Сане в знак наших дружеских отношений, — без тени смущения ответил Реваз Давидович.

— Что вам известно о последних отношениях Холодовой с Деменским?

Степнадзе задумался.

— Не пойму я их, дорогой. Саня как будто помирилась с Юрой и в то же время жаловалась на него. Какое-то старое письмо нашла, сказала: «Если Деменский опять обманет, сама покончу с жизнью!»

— Разве Юрий Павлович раньше обманывал Холодову?

— Тонкий такой обман, понимаете. Мальчишка у Сани есть от Юры, но Юра не хочет признавать его сыном, алиментов боится.

— Холодова имела ребенка до знакомства с Деменским, — возразил Антон.

Глаза Степнадзе опять лукаво прищурились:

— Кто, кроме самих Юры и Сани, знает, когда они близко познакомились? Знакомство молодых людей — штука тонкая...

Антону показалось, что, заговорив о взаимоотношениях Холодовой с Деменским, Реваз Давидович начал сгущать краски. Во всяком случае, о себе он рассказывал совершенно в иной тональности. И причина появле-

ния с Холодовой в квартире Деменского, и оставленная на кухне недопитая бутылка коньяка были преподнесены так, что не давали никаких оснований обвинять Степнадзе в чем-то предосудительном. Необъяснимой осталась самая серьезная улика — отпечатки рубцеватых пальцев на балконной двери, и Антон внезапно спросил:

— Реваз Давидович, когда вы закрыли балконную дверь в квартире Деменского?

Степнадзе чуть помешкал:

— Я, дорогой, не закрывал дверь... Я открывал ее. Понимаете, выпив коньяка, Саня стала курить сигарету за сигаретой. Чтобы проветриться от табачного дыма, я открыл... Понимаете?..

Антон, не выказывая разочарования, утвердительно кивнул. Ускользнула очень важная нить: если Реваз Давидович оставил отпечатки своих пальцев, действительно открывая дверь, то тот, кто закрывал, мог не прикасаться к ней руками, а прижать, скажем, ногой.

— Отчего Холодова так много курила? — спросил Антон.

— Нервничала Саня. Говорила, безумно любит Юру, как преданная собака, по первому зову к нему бежит, а Юра — ревнивец, мучитель...

Когда Антон предъявил Степнадзе для опознания дамскую сумку и мотки мохера, он, нисколько не колеблясь, опознал их, однако на лице его появилась тревога.

— Саня обвинила меня в спекуляции? — И, не дав ответить, заторопился: — Я взял от Сани сто восемь рублей. Клянусь, ровно столько заплатил своих денег на рынке в Адлере!

— Вы держали сумку Холодовой в руках?

— Конечно! Помогал укладывать мохер. — В голосе Степнадзе опять зазвучала назидательность. — Вас, дорогой, ввели в заблуждение. Как бывший юрист, понимаю: что-то случилось серьезное, и вы подозреваете меня. Но, клянусь, я ни в чем не грешен. Я был в поездке, и сослуживцы подтвердят мое алиби.

— Почему вы так внезапно уехали во внеплановую поездку?

— Понимаете, сентябрь на носу. У меня богатый мичуринский сад — урожай надо собирать. Поехал два раза подряд, чтобы потом полмесяца заниматься урожаем.

— Двое суток назад вы прилетали в Новосибирск?

— Нет, дорогой.

— Покажите ваш паспорт.

Реваз Давидович вынул из внутреннего кармана пиджака пухлый бумажник. Развернув его, вытащил новенькую красную книжицу с изображением государственного герба и спокойно протянул Антону:

— Пожалуйста, дорогой.

Глянув на отчетливую крупную фотокарточку, Антон перелистнул несколько страничек и, возвратив документ, достал из стола обтрепанный по углам паспорт старого образца. Раскрыв его, показал Ревазу Давидовичу:

— Как это объяснить?

Степнадзе посмотрел на Антона таким укоризненным взглядом, каким старый добрый педагог смотрит на способного, но не в меру задиристого ученика:

— Это я утерял весной прошлого года.

— Вместе с водительским удостоверением? — почти машинально спросил Антон.

— Совершенно правильно, дорогой. По забывчивости оставил пиджак с документами в собственном саду, на даче в Шелковичихе. Утром хватился — ни пиджака, ни документов. Заявил участковому милиции — бесполезно. Пришлось платить штраф и получать новые документы.

Нависшая было над головой Степнадзе туча, казалось, неопровержимых улик с каждым его ответом превращалась в безобидно парящее облачко. Встретясь со спокойным взглядом лукаво прищуренных карих глаз, Антон решил повернуть разговор по-другому:

— Реваз Давидович, у вас есть недоброжелатели?

Степнадзе развел руками:

— Не могу сообразить, кому перешел дорогу. — Лицо Реваса Давидовича нахмурилось. Недолго поколебавшись, он вдруг вытащил из бумажника сложенный телеграфный бланк и протянул Антону. — Вот, дорогой, еще вам одна загадка...

Телеграмма срочной категории была отправлена из Новосибирска в Ростов-на-Дону и адресовалась дежурному железнодорожного вокзала «Для передачи проводнику вагона № 8 поезда № 112 Степнадзе». *«Звонил Гиви зпт очень тяжело болен тчк Просил тебя немедленно»*

но прилететь Омск тчк Целую твою Нина», — прочитал Антон и вопросительно посмотрел на Реваза Давидовича.

— Это авантюра, — хладнокровно ответил тот. — Когда я прилетел к брату, Гиви был совершенно здоров. Он не звонил моей жене, и Нина не давала этой телеграммы.

— Кто мог ее дать?

— Не представляю.

Антон разложил на столе несколько фотографий.

— Реваз Давидович, охарактеризуйте вот этих людей.

Степнадзе уставился на фотоснимки с такой сосредоточенностью, как будто, играя в карты, держал банк. После долгих раздумий отодвинул в сторону фотографию Деменского:

— О Юре, кроме того, что сказал, ничего не могу добавить.

Антон придвинул фото Овчинникова:

— А об этом?

— Анатолий Николаевич каждый год мне помогает найти мастеров по ремонту квартиры. Понимаете, побелка, покраска и все такое. Общительный, неунывающий человек, но, по-моему, выпивает лишнего. Учился в школе с моим племянником... — Степнадзе указал пальцем в фотоснимок Зарванцева и улыбнулся: — Ну о родном племяннике разве я могу сказать что-то плохое?

— Надеюсь на вашу объективность.

— Понимаю, дорогой. — Лицо Реваза Давидовича сделалось грустным. — Алик — жертва своего характера. Природа наделила его талантом живописца, но совершенно не дала уверенности в своих силах и смелости. После училища он хорошо начинал, но затоптали другие, более пробивные. В искусстве скромностью не удивишь, там отстаивать свои произведения надо. Алику настойчивости не хватает, поэтому он занялся такой работой, которая ему по силам. Пожалуй, все...

Антон придвинул снимок Сипенятина. Степнадзе недоуменно пожал плечами:

— Этого человека не знаю. — И сразу показал на Пряжкину. — А вот эта девушка работает в вокзальной парикмахерской. Я у нее много раз подстригался.

— Значит, Люсю Пряжкину знаете? — уточнил Антон.

— Бряжкину?.. Какую Бряжкину?.. — Реваз Дави-

дович, словно умышленно, дважды искажил фамилию. — Парикмахера?.. Говорю, подстригался у нее. Хорошо стрижет.

У Антона имелось еще не меньше десятка вопросов к Ревазу Давидовичу, но все они пока были преждевременными. Собрав со стола фотографии, Антон, будто из чистого любопытства, спросил:

— Как в Ростове погода, Реваз Давидович?

— Жара ужасная.

— Долго там были?

— Полный день в аэропорту просидел, — не моргнув глазом, ответил Степнадзе и, видимо, для убедительности добавил: — Кое-как, понимаете, билет купил. Пришлось лететь с пересадкой в Челябинске.

— Понятно, — сухо сказал Антон.

Глава

XXI

Подколов подписанный Ревазом Давидовичем протокол в скоросшиватель, Бирюков нажал кнопку микрофона и попросил включить запись допроса на прослушивание. Едва только ему доложили, что лента к прослушиванию готова, в кабинет порывисто вошел Слава Голубев и прямо от порога нетерпеливо спросил:

— Ну как Степнадзе?

— Садись, слушай, — мрачно ответил Антон.

Запись получилась превосходной, со всеми оттенками интонаций. Изредка переглядываясь, Антон и Слава сосредоточенно прослушали ее до конца. Услышав ответ Реваза Давидовича о Ростове, Голубев проговорил:

— Надо же так сорваться... Все отвечал убедительно, а под конец откровенная ложь. — Слава помолчал.

— Заходил я в ОБХСС. Рассказал ребятам о похождении Степнадзе в Адлере и Ростове. В один голос заявляют: «Дело откровенно пахнет спекуляцией книгами и взяточничеством».

— Возможно, ребята из ОБХСС правы, — сказал Антон, — но смерть Холодовой, по-моему, ни со спекуляцией, ни со взяточничеством не связана, и Степнадзе о ней не знает.

— Почему так думаешь?

— Совершив убийство, даже самый матерый пре-

ступник начинает страшно беспокоиться за свою собственную жизнь. А Степнадзе после происшествия с Холодовой вел себя на юге так, будто ничего не случилось.

— Может, это он и считает своим козырем!

— Нет, Слава, что-то тут не то... — Антон передал Голубеву телеграмму, полученную Ревазом Давидовичем в Ростове, и постановление об изъятии корреспонденции. — Вот тебе срочное поручение. Надо отыскать подлинник этой телеграммы. Начни с Главного телеграфа. Попутно интересуйся всем, что поступает на «до востребования» Степнадзе.

— Надо к прокурору за санкцией идти?

— Обязательно. Я уже с ним договорился.

Резко зазвонил телефон. Бирюков узнал голос пухлощекого лейтенанта из ГАИ:

— Товарищ капитан, у нас супруга Степнадзе, жалуются на своего мужа.

— Почему она в ГАИ жаловаться пришла?

— С «Волгой» не могут разобраться...

— Доставьте срочно ко мне.

Нина Степнадзе вошла в кабинет так независимо, как входят к своему начальству избалованные вниманием хорошенькие секретарши. Однако, увидев Антона, она потускнела и растерянно поздоровалась. Как и вчера, на ней был брючный костюм, но вместо замысловатой прически золотистые волосы скромно удерживались заколотыми по сторонам двумя простенькими гребенками.

Ответив на приветствие, Антон пригласил неожиданную посетительницу сесть и участливо спросил:

— Что случилось, Нина Владимировна?

Она растерянно хлопнула роскошно загнутыми кверху подклеенными ресницами.

— Собственно, ничего... Я в автоинспекцию пришла, а меня в уголовный розыск привезли. Зачем?

— Сотрудники ГАИ разбором подобных жалоб не занимаются.

— Да?..

— Да. Так что выкладывайте свою обиду мне.

— Муж обезумел от ревности. — Нина бесцеремонно сняла жакет и демонстративно показала обнаженные плечи. — Смотрите, каких синяков наставил...

На загорелом, упитанном теле действительно темнели крупные пятна кровоподтеков. Убедившись, что Антон разглядел их, Нина, похоже, хотела заплакать, но, ви-

димо, пожалев подклеенные ресницы, предусмотрительно передумала. Помолчав, сказала:

— Хочу на него в суд подать. Как считаете, стоит?.. — И, не дожидаясь ответа, заговорила с откровенным возмущением: — Невыносимым стал старик. Сначала допытывался, куда бензин из «Волги» делся, потом очки свои стал искать — будто я их продала... Мало того, телеграммой какой-то начал тыкать! Представляете, какая кошмарная ночь была?!

«А Реваз Давидович заявился утром ко мне совершенно спокойный», — подумал Антон и спросил:

— Кто же, по-вашему, послал телеграмму в Ростов?

— У Реваза полно на работе завистников. Могли зло пошутить. Он же передо мной трагедию разыгрывает. — Нина, как хорошая артистка, перешла на шепот: — Я понимаю политику Реваза. Задумал избавиться от меня и начал сочинять. Посудите сами: если нам развестись по-хорошему, то половина имущества достанется мне. Ревазу это невыгодно. Он все законы знает и наверняка придумал что-то такое, чтобы побольше себе урвать...

Внимательно слушая, Антон старался уловить в словах Нины скрытый смысл. Если бы на ее месте сидела невзрачная старуха, стремление Реваза Давидовича избавиться от такой жены можно было бы объяснить. Судебная практика знает немало случаев, когда ловеласы, избавляясь от престарелых жен, шли на самые различные подлости, вплоть до убийства. Однако пышущей здоровьем Нине до старости было еще очень далеко. Что заставило бы Степнадзе избавляться от такой женщины? Чем она ему насолила?..

У Антона появилось желание лишить Нину неубедительных доводов: сказать ей, что при разводе делится пополам все совместно нажитое имущество независимо от морального облика одной из сторон, однако Нина тем временем безостановочно продолжала:

— Пропавший из машины бензин — это дело рук Реваза. Посудите сами: ключ от гаража есть только у меня и у него. Кто, кроме нас, может открыть гараж? Последние двое суток я безвылазно сидела дома — все было нормально. Стоило всего на один вечер в оперный сходить — бензин пропал! Видно, пока я «Князя Игоря» слушала, Реваз куда-то на машине ездил...

— Он же в это время в поездке находился, — будто ничего не зная, сказал Антон.

— Да?.. — Лицо Нины покривилось в усмешке. — Ревазу из поездки прилететь в Новосибирск легче, чем мне в парикмахерскую сходить.

— Часто прилетает?

— Не часто, но бывало такое. По-моему, в этот раз старик вместо Омска домой завернул.

— Так думаете?

— Когда из оперного пришла, кто-то ключ вставлял в замочную скважину, хотел в квартиру попасть. Кроме Реваза, некому.

— В оперу одни ходили? — внезапно спросил Антон.

— Естественно. — Нина из жакетного кармашка достала корешок театрального билета. — Вот даже сохранила...

— Зачем?

— Чтобы Ревазу доказать, билет-то один...

— Наивное доказательство...

— За кого меня принимаете?

— В тринадцатом ряду на двадцатом месте сидели... — рассматривая на корешке цифры, проговорил Антон.

Нина насторожилась:

— Что в этом особенного?

— Ничего, — Антон положил корешок билета перед собой. — Нина Владимировна, а ведь вы виноваты перед мужем.

Загнутые кверху ресницы Нины тревожно дрогнули:

— Старик уже побывал у вас? Кому вы верите? Он же...

— Какие дела вы решали с Овчинниковым до трех часов ночи, вернувшись домой из оперного театра? — перебил Антон.

На красивом, чуть уставшем лице Нины не появилось ни малейшего намека на испуг или смущение. Недоуменно пожав плечами, она как ни в чем не бывало заговорила:

— Анатолий Овчинников напросился проводить меня после спектакля. Когда на такси подъехали к дому, ему, видите ли, до зарезу пить захотелось. По простоте душевной впустила в квартиру и до трех часов не могла выпроводить. Такой нахал — подумать страшно!

Антон решил «копнуть» глубже:

— Овчинников говорит иное...

— Естественно. Разве он сознается, что не на ту нарвался? Никогда! — Нина брезгливо улыбнулась. — Можно подумать, Толян Овчинников — мой любовник... Смешно...

— Зачем же в провожатые его выбрали?

— Боязно было одной в полночь домой возвращаться.

— Нина Владимировна, расскажите правду: почему Овчинников ушел от вас так поздно?

— Глупо, конечно, все получилось, но, честное слово даю, между мною и Анатолием ничего... такого не было...

— Меня «такое» и не интересует, — сказал Антон. — Мне другое важно знать. В тот вечер Степнадзе находился в Новосибирске или нет?

— Конечно, был в Новосибирске!

С каждым ответом Антон все больше и больше склонялся к тому, что Нина без зазрения совести компрометирует мужа, однако не мог понять: для чего это делается? Прикидывая различные версии, Бирюков поинтересовался мнением Нины о каждом из причастных к происшествию. О Сипенягине и Люсе Пряжкиной Нина «понятия не имела», Овчинникова назвала «трепачом, нахалом», Алика Зарванцева определила как «ни рыба ни мясо», а когда очередь дошла до Деменского, игриво улыбнулась:

— Юра — лопух. Не может с вертихвосткой разобратся.

— С кем?

— С Саней Холодовой. Есть такая фифочка в Челябинске, бывшая любовница Реваза.

— Бывшая?.. — насторожился Антон.

— Естественно. — Лицо Нины брезгливо передернулось. — Можно подумать, Реваз стал бы заниматься такими делами при мне.

— До вас, выходит, занимался?

— Не на общественных же началах Холодова ему посылки с книгами слала.

— Реваз Давидович — книголюб?

Нина усмехнулась:

— Старик ничего не читает.

— Зачем в таком случае ему книги?

— Знакомым отсылает, связи налаживает. Он же без связей жить не может.

Ушла Нина из кабинета так демонстративно, как обычно уходят от следователя чрезмерно гордые люди, оскорбленные незаслуженным подозрением.

Глава

XXII

Допрос Степнадзе и непредвиденная беседа с его супругой отняли у Бирюкова в общей сложности больше трех часов. Яркое августовское солнце на голубом небе поднималось уже к зениту. Среди тополей под окнами уголовного розыска, задиристо чирикаая, наслаждались жизнью воробьи-первогодки. Глядя на неугомонно порхающие серые комочки, Антон задумался. Сложное и противоречивое ощущение осталось у него от беседы с супругой Реваза Давидовича. Казалось, на протяжении всего разговора в Нине бушевали два чувства: кровная обида на мужа за нанесенные побои и тревожное опасение потерять его, а вместе с ним и обеспеченную жизнь. Размышляя, Антон неожиданно поймал себя на том, что мысли переключились к Алику Зарванцеву. Из всех причастных лиц сейчас, пожалуй, один Альберт Евгеньевич мог в какой-то мере высветить туманные отношения Нины с Ревазом Давидовичем и хотя бы попытаться объяснить Нинину противоречивость. Сняв телефонную трубку, Антон набрал квартирный номер Зарванцева — телефон оказался занятым. Бирюков, не откладывая в долгий ящик, тут же отправился по знакомому адресу.

После первого звонка за дверью послышалось тьяканье собачонки. Вскоре раздались шаги, и Зарванцев открыл дверь. На этот раз одет он был в поношенный длинный халат, перетянутый в талии широким поясом с замызганными кистями. Увидев Бирюкова, Альберт Евгеньевич нисколько не удивился, словно ждал этой встречи.

— Пра-а-ашу... — нараспев проговорил он, пропуская Антона в квартиру.

Все здесь было по-прежнему. На старых местах стояла скромная мебель, а на стенах все так же улыбались и плакали обнаженные красавицы, резвились в волнах грудастые русалки и отчаянно кололи заморских чудищ мускулистые гладиаторы. Как и в прошлый раз, уса-

див Антона в старое кресло, Зарванцев присел на диван, однако вместо белозубой обаятельной улыбки теперь на его смуглом крупноносом лице была озабоченность.

— Мне только что звонила жена дяди, — вдруг сказал он. — Жаловалась, что дядя избил ее, и она заявила об этом в уголовный розыск. Видимо, Нина у вас на приеме была?

Такого оборота дела Бирюков не предполагал, но ответил совершенно спокойно, не задумываясь:

— У меня.

— Что между ними произошло?

Антон улыбнулся:

— Как раз этот вопрос, Альберт Евгеньевич, и привел меня к вам. Действительно, что могло произойти между Ниной и Ревазом Давидовичем?

Зарванцев, потупясь, нахмурился. Потеребив кисти пояса, словно смущаясь, поднял глаза:

— Видимо, извелся от ревности дядя. Представьте себе, Нина на тридцать лет моложе его! Как тут быть спокойным?..

— Вероятно, у Реваза Давидовича есть основания для беспокойства?

— Отнюдь! — Зарванцев поморщился. — Нина вполне порядочная женщина.

— Уверены?

Альберт Евгеньевич будто продемонстрировал в улыбке свои ярко-белые, красивые зубы:

— Щепетильный вопрос задали, товарищ Бирюков. Женщины — натуры сложные, иной раз такой номер выбросят, что руками разведешь.

— Вы, кажется, давно с Ниной знакомы?

— Порядком.

— Говорят, хотели жениться на ней?..

На смуглом лице Альберта Евгеньевича с калейдоскопической быстротой промелькнула широкая гамма чувств, начиная с мимолетного испуга и кончая откровенным недоумением.

— Кто вам такое наговорил?

— Какое это имеет значение...

— Любопытно знать, кто из моих знакомых фантазирующий сплетник. — Зарванцев невесело усмехнулся. — Не скрою, какое-то время мы с Ниной общались, однако далеко наши отношения не зашли. Нина пози-

ровала мне как художнику. Натурщица она эффектная, но с нею, знаете, скучно. И я ничуть не удивился, когда Нина выбрала в мужья моего дядю. Обеспеченная жизнь — предел ее мечтаний.

— А какие отношения у Нины с Овчинниковым?

— С Овчинниковым?.. — переспросил Зарванцев и, как показалось Антону, облегченно вздохнул. — Иногда, по-моему, они встречаются, но Нина никогда не сменит своего обеспеченного мужа на нищего пустозвона.

— Чем же вызваны их встречи?

— Не знаю, товарищ Бирюков. — Альберт Евгеньевич затянул потуже пояс халата и, словно извиняясь за свою неосведомленность, виновато добавил: — Я всего лишь один раз видел, как Анатолий встретил Нину у оперного театра и уехал с ней на такси.

— Это было два вечера назад? — не выказывая повышенного интереса, спокойно спросил Антон.

— Правильно, товарищ Бирюков.

— Расскажите об этом подробнее.

Зарванцев, как будто собираясь с мыслями, какое-то время помешкал. Затем, теребя загоревшими длинными пальцами кисти пояса, стал рассказывать уже известное Антону от Овчинникова, как неожиданно заявилась к нему Люся Пряжкина с билетами на восьмичасовой сеанс в «Аврору», как Овчинников, взяв у нее два билета, еще недолго попозировал и отправился в кино, сказав, что захватит с собою Фросю Звонкову...

— С той поры Пряжкину не видели? — воспользовавшись паузой, спросил Антон.

— Нет, Люся как в воду канула.

— Вам она тоже предлагала билет?

— Предлагала. Но я отказался. «Есению» смотрел, и, кроме того, у меня на этот вечер были иные планы... Я собирался в оперный театр.

Антону стоило немалых трудов, чтобы сдержать удивление, однако и на этот раз у него хватило выдержки. Он, пожалуй, лишь чуточку ироничней, чем следовало, спросил:

— С Ниной Владимировной решили вечер провести?

То ли от этой ироничности, то ли еще от чего Альберт Евгеньевич усмехнулся:

— Не совсем так, товарищ Бирюков. Представьте себе, утром в тот день мне позвонила Нина и попросила достать ей билет на московскую оперу. У нас ведь вто-

рой месяц москвичи гастролируют. Такая просьба показалась странной — Нина раньше не интересовалась оперой, и я из чистого любопытства, покупая через знакомого администратора билет, тоже решил сходить на «Князя Игоря»...

— Билет у вас сохранился? — внезапно спросил Антон.

— Не помню...

Зарванцев открыл щелястый платяной шкаф, поискал в карманах белого пиджака и обрадованно воскликнул:

— Вот он!

На корешке с аккуратно оторванным «контролем» типографские цифры указывали ряд 30, место 21, а отштампованная на обороте дата совпадала с датой билета Нины. Увидев, что Антон положил билет к себе в карман, Зарванцев испугался:

— Простите, зачем это?..

— На случай, если придется доказывать ваше алиби.

На лице Зарванцева появилось умоляющее выражение.

— Товарищ Бирюков, прошу этот факт не рекламировать, хотя бы потому, что я откровенен с вами до конца.

— Не волнуйтесь. Уголовный розыск не рекламбуро, — успокоил Антон и сразу спросил: — В театре виделись с Ниной?

— Нет, я старался даже на глаза ей не попадать.

— Нина была одна?

— Одна, но после спектакля, как уже говорил, ее встретил Анатолий Овчинников.

— Больше о них ничего не знаете?

— Нет, товарищ Бирюков.

Разговаривая с Зарванцевым, Антон чувствовал, как от длительного напряжения у него назойливо начинает ломить в висках. Тупая боль создавала тягостное чувство неудовлетворенности, казалось, что в разговоре упущено что-то очень важное. С упорной настойчивостью Антон мысленно искал это «упущение», а Зарванцев между тем, словно умышленно отвлекая его, принялся рассуждать:

— Представьте себе, товарищ Бирюков, поначалу в случившемся с Саней Холодовой я подозревал Анатолия Овчинникова или Юру Деменского. Словом, кого-то

из них. Но, когда сегодня Нина рассказала по телефону о своих злоключениях с Ревазом, мне стало прямо-таки не по себе. Больше чем уверен: несчастье не обошлось без участия моего дяди...

— Что? — почти машинально спросил Антон.

Зарванцев угодливо закивал головой:

— Да, товарищ Бирюков, да. Реваз Давидович не удержим в своем стремлении поволочиться за хорошенькими молодыми женщинами и, если только он остался с Саней наедине в Юриной квартире... — Лицо Альберта Евгеньевича болезненно поморщилось. — Будет величайшим позором, если мой преподобный дядюшка попадет на скамью подсудимых за покушение на изнасилование.

— Даже так?..

— Разве к случаю с Холодовой подходит другая статья Уголовного кодекса?

— Может подойти сто седьмая — доведение до самоубийства.

На лице Зарванцева мелькнуло недоумение. Скорее даже Альберт Евгеньевич как будто расстроился оттого, что существует какая-то другая версия, кроме той, в которую верит он сам.

Глава

XXIII

Судмедэксперт Карпенко, зажав в кулак свою рыжую бородку, от нечего делать решал кроссворд. Мельком кинув взгляд на вошедшего Бирюкова, он без всякого вступления сказал:

— Японский остров из четырех букв.

— Кюсю, — ответил Антон.

— На самом деле есть такой?

— Должен быть. Дай что-нибудь от головной боли.

— Еще два слова. По горизонтали. Дорога, путь сообщения вдоль фронта... — Карпенко, загибая пальцы, посчитал. — Из шести букв...

— Рокада, — подумав, сказал Антон. — Давай лекарство, а то весь кроссворд за тебя разгадаю.

Запив водою сразу две таблетки, он направился в свой кабинет. Услышав из приоткрытой двери научно-технического отдела оживленный голос Славы Голубе-

ва, не раздумывая, зашел туда. Слава, жестикулируя рукой, оживленно рассказывал о чем-то сидящему за столом эксперту-криминалисту Дымокурову. Увидев Антона, он мгновенно осекся и скороговоркой выпалил:

— Люся Пряжкина убежала.

Антон, чувствуя, как в висках заломило еще сильнее, сел рядом с Дымокуровым:

— Подробнее рассказать можешь?

— Могу. Вернувшись с Главпочтамта, я только вошел в твой кабинет — звонок из дежурной части: «Где Бирюков? В клинике опять ЧП — Пряжкина исчезла». Само собой понятно, немедленно мчусь туда. Приезжаю, следователь прокуратуры Маковкина уже допрашивает нянечку Ренату Петровну... Вот, по словам этой Ренаты Петровны, дело так было. — Голубев чуть передохнул. — Люся, как положено, находилась в одноместной палате и была переодета в больничную одежду. Утром сегодня неожиданно потребовала свою кофточку и джинсы: мол, надо проверить, не украдены ли у нее деньги. Рената Петровна стала успокаивать, но Люся вдруг шум подняла, разбила стакан и чуть не перерезала осколком стекла себе вену. Пришлось нянечке принести одежду. Десятка была на месте, в кармане джинсов, Пряжкина успокоилась, однако в обед отказалась от пищи и заявила, что будет голодать до тех пор, пока ее не выпустят из клиники. Нянечка на свой риск уговорила Люсю сделать успокаивающий укол, после которого Люся притихла и вдруг стала жаловаться Ренате Петровне, что ее втянули в страшную авантюру, из которой ей, наверно, не выпутаться. Мол, знакомый проводник адлерского поезда, подпоив коньяком, дал три билета в кинотеатр «Аврора». Один из них попросил положить в почтовый ящик хирурга Широкова, а два отдать Овчинникову. После этого увез Люсю на свою дачу в Шелковичиху, опять угощал коньяком, а вечером привез к кинотеатру и попросил проследить, придет ли хирург в кино. Когда Люся рассказала проводнику, что Широков у кинотеатра отдал билет какой-то цыганке, проводник страшно испугался. Дал Люсе десять рублей, чтобы она никому ни слова не говорила, довез на своей «Волге» до остановки «Мотодром» и, сказав, что ему срочно надо ехать в аэропорт, высадил... — Голубев недолго помолчал. — Исповедовавшись таким образом перед нянечкой, Пряжкина вроде бы заснула. Рената Пет-

ровна отлучилась из палаты, а когда через полчаса заглянула туда, ни Люсиной одежды, ни самой Люси в палате уже не было.

— Все? — хмуро спросил Бирюков.

— Нет, не все. Рената Петровна говорит, будто Пряжкина так описала внешность проводника, что он как две капли воды похож на того мужчину, который пытался передать записку Холодовой.

— Любопытно. — Антон, задумавшись, потер ладонью ноющие виски и спросил Славу: — Подлинник телеграммы в Ростов отыскал?

— Разумеется. Знаешь, откуда отправлена? С почтового отделения на железнодорожном вокзале.

— Чей почерк?

В разговор вмешался Дымокуров:

— Почерк все тот же — на машинке домоуправления отпечатана.

Бирюков забарабанил пальцами по столу. Голубев живо достал из кармана листок бумаги:

— Вот потрясающие факты!

На листке было выписано около десятка дат. Против одной из них стояла цифра 300, против трех — 400, против остальных — по 500. Здесь же были помечены города. Дважды упоминались Ростов-на-Дону и Адлер, по разу — Азов, Таганрог, Батайск, Шахты и Сухуми.

Не дожидаясь вопросов, Голубев стал объяснять. Оказывается, в прошедшие сутки Ревазу Давидовичу Степнадзе поступило на Главпочтамт два телеграфных перевода по 500 рублей каждый. Один из Сухуми, другой из Ростова. Деньги по этим переводам еще не получены. Насколько позволило время, Слава проверил реестры выданных на «до востребования» переводов за предыдущие две недели и обнаружил, что в день отправления из Новосибирска в поездку Реваз Давидович враз получил на Главпочтамте по шести переводам ровно 2500 рублей.

— Вот перевод из Сухуми!.. — Голубев ткнул пальцем в листок. — Это наверняка от мамочки той отличницы, которой оставалось сдать русский в пединституте, где работает родственник Реваза Давидовича.

— Из Сухуми ведь нам сообщили, что в пединституте никаких родственников Степнадзе нет, — сказал Антон.

— Так родственник этот и сознается, если у него со-

весть нечиста! — Голубев встретился с Антоном взглядом. — Почему Реваз Давидович не торопится получать деньги? Переводы, по-моему, не случайно пришли телеграфом...

— Ему сейчас не до денег. — Антон, сняв телефонную трубку, набрал номер дежурного. — Где Степнадзе?

— Вместе с женой на даче в Шелковичихе.

— С женой?

— Так точно.

— Как они между собой?

— Похоже, мирно, но что говорят — мы ж не знаем.

Антон положил трубку и повернулся к Дымокурову:

— Аркадий Иванович, помните, на сумке Холодовой следы растворителя масляной краски... Не отпечатки ли пальцев им ликвидировали?

— Возможно, но для этого проще было применить одеколон, — ответил Дымокуров. — Почему возник такой вопрос?

— Кажется, в деле замешан Зарванцев.

— Логично ли? Пользуясь растворителем, художник, как говорится, с руками и ногами выдает себя.

— Зарванцев — дилетант в преступных делах.

— Продолжаете отстаивать свою версию?

— Продолжаю, Аркадий Иванович.

— Но... флакон с разбавителем мы видели и в квартире Деменского.

— Да, видели и в квартире Деменского... — задумчиво проговорил Антон и повернулся к Голубеву. — Слава, надо срочно найти Пряжкину. Если дома ее не окажется, побывай в вокзальной парикмахерской, у Зарванцева, по разным «Ветеркам» и кафе пройдишь, где спиртное в розлив продается. Возникнут вопросы, звони Маковкиной — я у нее буду.

В пустующих коридорах прокуратуры царил затишь, которое обычно наступает в учреждениях к концу рабочего дня. Маковкина, когда Бирюков вошел в ее кабинет, сосредоточенно что-то читала. Оторвавшись от бумаг, она обрадовалась и сразу подала Антону протокол допроса Ренаты Петровны — две странички, исписанные по-ученически разборчивым почерком. Ничего нового из этого протокола Антон не почерпнул. Глядя на Маковкину, он, словно рассуждая сам с собою, заговорил:

— Складывается очень интересная ситуация. Неведомо из каких соображений все причастные к делу Холодовой самым беспардонным образом наводят на свои следы. Степнадзе втягивает Пряжку в умопомрачительную авантюру; машинописные тексты отпечатаны в домоуправлении, где работает Овчинников; разбавитель масляных красок, следы которого обнаружены на сумке Холодовой, по всей вероятности, принадлежит художнику Зарванцеву, а Сипенятин... Вася совсем рассудок потерял: без всякой на то необходимости принес к своей мамаше сумку с места происхождения...

— Лишь Деменский вне подозрений? — спросила Маковкина.

— Тоже нет. Вспомните, как была обнаружена сумка Холодовой. По ноль два позвонил мужчина и сказал, что Вася скрывается у мамы. Ильиных приехал к Марии Анисимовне и вместо Васи обнаружил сумку.

— А Деменский при чем?..

— Когда в дежурной части раздался звонок в отношении Сипенятина, Юрий Павлович находился в кабине телефона-автомата и перед этим только что разговаривал с хирургом Широковым. К тому же у него на квартире, в коробке с масляными красками, я собственными глазами видел ополовиненный флакон с разбавителем.

Маковкина задумалась.

— Не могу понять, зачем Широкова приглашали в кинотеатр?

— Это какой-то дилетантский трюк...

Наступило молчание. Поправив загнутые уголки протокола, Маковкина невесело сказала:

— Завтра в три часа похороны Холодовой.

— Надо нам обязательно побывать на кладбище, — сказал Бирюков. — Посмотрим, кто из причастных придет хоронить Саню. Кстати, Наталья Михайловна, завтра суббота. С утра по этим дням обычно собирается книжный рынок. Не хотите за компанию со мной побывать там? Может, знакомых встретим.

— Хорошо.

Антон посмотрел на часы:

— А сейчас по случаю конца работы предлагаю вместе поужинать в каком-нибудь приличном кафе. Сегодня так заработался, что пообедать не успел.

Маковкина чуть смутилась, но ответила довольно бойко:

— Предложение принимается.

Из ближайших кафе, не сговариваясь, выбрали «Снежинку». Заняв столик у декоративного камина под широколистной пальмой, вытянувшейся к потолку из пузатой кадучки, передали сурово-торжественной официантке заказ и, неожиданно враз взглянув друг на друга, улыгнулись. Маковкина спросила:

— Давно в уголовном розыске работаете?

— В областном — третий год, до этого работал в районе.

— Сами сюда попросились?

— Нет. Я стараюсь служить по заповеди Андрея Петровича Гринева из «Капитанской дочки». Помните, как он сыну наказывал: «Слушайся начальников, за их лаской не гоняйся, на службу не напрашивайся, от службы не отговаривайся...»

— «И помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду», — быстро добавила Маковкина.

— Точно. Мудрая пословица. Согласны?

— Согласна. Жаль, что не все ее помнят. — Маковкина задумчиво повертела меню. — Мне во многом непонятно поведение Холодовой. Она, расплатившись со Степнадзе за недостачу в магазине, снова встречается с ним. Что это — злой рок или пресловутая трудность разрыва с прошлым?

Антон задумался:

— Оступиться, Наталья Михайловна, легко — вылечить подвернутую ногу трудно. Надо не оступаться в жизни... Истина, конечно, прописная, может быть, поэтому ее часто забывают.

— Не могу я понять и Пряжкину. На что она рассчитывает, убежав из клиники?

— С Пряжкиной дело проще. Люся жива, и мы с ней побеседуем, как только Голубев ее отыщет.

Однако Слава Голубев в этот вечер Пряжкину не отыскал. Люся после клиники не появлялась ни дома, ни на работе в парикмахерской, ни у Алика Зарванцева. Впустую обойдя больше десятка «Ветерков», «Парусов», «Лакомов» и прочих общепитовских точек с лирическими названиями, где можно было пропустить стаканчик вина, Голубев еще раз наведалься к Зарванцеву, но теперь и самого Алика дома не оказалось. От соседей

Слава узнал, что Альберт Евгеньевич по случаю предстоящей субботы укатил на своем «Запорожце» на рыбалку.

Глава

XXIV

Бирюков и Маковкина встретились в семь утра у Дома культуры железнодорожников, возле которого в сквере обычно по субботним дням бойко функционировал книжный рынок.

Вскоре появился первый книголюб. Смахивающий на пожилого одесского докера, мужчина в надвинутом на лоб берете, зажав под мышкой два книжных тома в ярко-красном переплете, неторопливо прошел по аллейке вдоль сквера и, оглядевшись, сел на крайнюю скамейку. Минут через десять к нему примостился интеллигентного вида очкарик с распухшим брезентовым баулом. Затем вразвалку подошли два гривастых парня, перетянутых широкими ковбойскими поясами. У каждого из них было по раздутому портфелю. Судя по тому, как парни сразу поставили портфели на землю, можно было понять, что им тяжело держать ношу в руках. Начался общий перекур, сопровождающийся ленивым разговором завсегдатаев.

С видом заинтересованных покупателей Бирюков и Маковкина подошли к скамейке.

Похожий на докера книголюб, глядя выпуклыми глазами на одного из гривастых парней, басил:

— Ты за кирзовые сапоги Шукшина мне не говори. Василий Макарович в этих самых отечественных сапогах сделал такое, что целая тысяча шелкоперов в зарубежных штиблетах сообща не сделает...

Парень, бросив в кусты желтенький фильтр докуреной сигареты, снисходительно усмехнулся:

— Литература, отец, прежде всего изящная словесность.

— Шо ты, сынок, в словесности понимаешь?

— Я филолог.

Глаза «докера» сердито сверкнули:

— Барыга ты! У филолога язык не повернется четыре десятки за двухтомник просить.

Парень, наклонясь, взял свой портфель, кивнул гри-

вастому другу — пошли, дескать, и оба молча направились к другой скамейке. Глядя им вслед, «докер» насмешливо прибавил:

— Филологи... — И вскинул глаза на Антона. — Не знаешь, у кого на двухтомник Шукшина можно «Слово и дело» Пикуля выменять?

— Не знаю, — ответил Антон.

«Докер» опять покосился на парней:

— У филологов есть — не меняют. Подавай барыгам сорок рублей наличными.

— Не дороговато ли?

— Спрос рождает предложение и цену. — «Докер» достал пачку «Прибоя», закурил и хлопнул своей широкой ладонью по худенькому плечу нахохлившегося рядом с ним очкастого интеллигента. — Сей гениальный мужик, к примеру сказать, придумал новую форму обслуживания читателей. Детективы любишь?

— Люблю, — решил ответить Антон.

— О! Не завидую тебе.

— Почему?

— Потому шо таких любителей, как ты, миллионы, а Сименон один и тот на французском пишет. Читаешь по-французски?

— Нет.

— О!.. — «Докер» опять хлопнул «интеллигента» по плечу. — Только сей гений может тебя выручить. Все сименоновские детективы перевел на русский язык и отпечатал на машинке.

— Не все, а лишь некоторые из тех, которые у нас не издавались, — смущенно возразил «интеллигент».

— И сколько стоит один детектив? — заинтересовался Антон.

— Я не продаю...

— Он напрокат дает. Платишь четвертак залога и можешь неделю зачитываться. Возвращаешь—из залога удерживается пятерка за амортизацию произведения. Гениально, а?.. — затягиваясь папиросой, пробасил «докер».

«Интеллигент» с готовностью открыл брезентовый баул:

— К сожалению, Сименон сейчас весь на руках. Может, из журнальных публикаций что заинтересует? Есть «Потерянный профиль» Франсуазы Саган, «Дом на набережной» Трифонова, детективы отечественные...

— Залог такой же?

— Дешевле. Всего десять рублей, за прочтение три рубля.

Бирюков полистал толстый, солидно переплетенный том. Это был своеобразный сборник детективов, опубликованных в разное время в отечественных журналах. Судя по основательно затертым страницам, сборник успел пройти не через один десяток читательских рук, и неизвестно, сколько еще предстояло ему пройти в будущем.

— Сименона сами переводите? — возвращая том, будто между прочим поинтересовался Бирюков у «интеллигента».

— Сам.

— Хорошо знаете французский?

— В совершенстве. Переводчиком работал.

«Докер» гулко щелкнул себя по горлу:

— За это дело выгнали.

«Интеллигент», смущенно зарозовев, хотел было что-то возразить, но возле скамейки словно споткнулся проходивший мимо бородач. Загипнотизированно уставясь на ярко-красный двухтомник Шукшина, лежащий рядом с «докером», он чуть заикнулся:

— П-продаете?

— Не п-продаю, — передразнил «докер».

Бородача словно подхлестнули. Взволнованно заикаясь, он принялся рассказывать, что пишет по творчеству Шукшина кандидатскую, что ему до зарезу нужен этот двухтомник, за которым охотится второй месяц, и готов сейчас заплатить за него любые деньги.

— Сорок дашь? — в упор выпалил «докер».

— Р-рублей?.. — растерялся бородач, вытаскивая из кармана кошелек.

— Шо, долларами располагаешь? — усмехнулся «докер» и широкой ладонью накрыл двухтомник. — Не продаю. Я книжник — не барыга.

Бородач почти силой начал толкать ему деньги. «Докер» грозно сверкнул выпуклыми глазами, но вдруг смягчился и, словно полководец, указывающий путь войскам, протянул руку в сторону перепоясанных ковбойскими поясами гривастых парней, разложивших свой товар на соседней скамейке:

— Купи у тех барыг «Слово и дело» Пикуля, в обмен получишь Шукшина.

Бородач обернулся со скоростью бумеранга, и Антон впервые увидел радость настоящего книголюбца, раздобывшего заветное издание. В глазах «докера» тоже мелькнул довольный огонек. Погладив полученный в обмен переплет двухтомника, он посмотрел на Бирюкова:

— Мелочь, а приятно. Дочка у меня историк, лучшего подарка ко дню рождения ей не придумаешь. — И, поднимаясь со скамейки, подмигнул нахохлившемуся «интеллигенту». — Куй деньги, изобретатель новых форм обслуживания. Может, дворец, как Сименон, себе отгрохаешь...

Судя по всему, «докер» знал не только «порядки» книжного рынка, но и его завсегдатаев. Поэтому Бирюков завел разговор о седом грузине, который якобы обещал новый сборник зарубежного детектива. Предположение подтвердилось. «Докер» сразу догадался, о ком идет речь:

— Шо-то, парень, не то говоришь. Не сезон теперь у Реваза сюда появляться.

— Как не сезон?

— Так, шо летом Реваз проводником на железной дороге работает. Закончит поездки, тогда можешь с ним встретиться. Только сомневаюсь, щоб ты у него здесь книгу купил.

— Цены высокие назначает, как те друзья?.. — Антон кивнул в сторону гривастых парней, которых, словно долгожданных корабейников, со всех сторон обступили суесящиеся книголюбцы.

— Реваз — загадка...

«Докер» неожиданно погрозил пальцем небритому, сморщенному мужичку с перебинтованным горлом, только что продавшему за три рубля толстый том в новенькой суперобложке из серии «Библиотеки всемирной литературы», и сердито пробасил:

— Гоша! Еще раз увижу — в милицию сдам!

Мужичок испуганно юркнул в толпу.

— О разбойник с большой дороги! На похмелку у сына книги ворует, — расстроено проговорил «докер» и вдруг подозрительно покосился на Бирюкова. — Ты, парень, никак из ОБХСС, а?..

— Почему? — улыбнулся Антон.

— Потому шо Реваз здесь никому книг не продает и ни у кого не покупает. Он только ценами интересуется, вроде как акционер, следит на бирже за курсом акций.

— Зачем ему это?

— В том и загадка.

Бирюков решил показать служебное удостоверение. Без особого интереса заглянув в него, «докер» отошел подальше от «интеллигента», начавшего бойко собирать задатки, и покосился на молчаливо слушающую Маковкину:

— Жёнка?

Антон утвердительно наклонил голову.

— При ней говорить можно?

— Вполне.

— Подозреваю, Реваз — «наложник»... — «Докер» интригующе помолчал. — Знаешь, шо это такое?

— Наложным платежом, что ли, книги рассылает?

— Угадал. Трехрублевую книгу можно оценить, допустим, рублей в пятнадцать, а? Такие, мол, цены на нашем рынке. Беспроигрышная и, так сказать, благородная спекуляция: и заказчика выручил, и барыш имеется.

— Откуда ж заказчики берутся? — спросил Антон.

— «Наложники» на переписку денег не жалеют, у них в каждом городе тьма знакомых книжников.

— Книги, конечно, не здесь покупают?

— Места знать надо. У барыг покупать невыгодно...

Расставшись с «докером», Бирюков и Маковкина протолклись на рынке полдня. Публика была любопытной. Знатоки, группируясь, спорили о литературных новинках; вихрастый подросток, зажав в кулаке измятый рубль, горящими глазенками приглядывался к книгам по фантастике; нарядной молодой чете непременно нужен был двухтомник Андерсена, выпущенный издательством «Художественная литература», и последнее издание «Книги о вкусной и здоровой пище»; похожий на артиста парень настойчиво искал переписку Всеволода Мейерхольда. Рынок функционировал всюду: кто-то менялся книгами, кто-то просто глазел из любопытства, но большей частью люди продавали и покупали.

Г л а в а

XXV

После полудня небо над Новосибирском нахмурилось, а когда Бирюков и Маковкина сели в рейсовый автобус, чтобы доехать до городского кладбища, забара-

банили крупные дождевые капли. Исхлестав на асфальте пыль, дождь быстро перестал. Опять показалось солнце. Лишь в стороне Кузбасса, у самого горизонта, клубились сизые грозовые облака, и где-то далеко вздыхали раскаты грома, похожие на траурный артиллерийский салют.

Катафалк с гробом Холодовой подъехал к кладбищу ровно в три часа. Возле него остановилась грузовая машина с пирамидой памятника и оградкой, а чуть поодаль — автобус с людьми, двери которого сразу распахнулись, и Антон прежде всего увидел загоревшую лысину Овчинникова, помогающего оркестрантам выгружать инструмент. За оркестрантами чуть не минуту из автобуса тянулись незнакомые Антону парни и старушки. Среди них Антон узнал лишь Ксению Макаровну и еще одну соседку Деменского, с которой пришлось беседовать при выезде на происшествие. Сам Юрий Павлович, бледный как полотно, вышел из катафалка. Осторожно приняв на руки мальчика лет семи, он поставил его рядом с собою и помог спуститься на землю заплаканной пожилой женщине. За женщиной вышел ссутулившийся от горя Федор Федорович Холодов. Как догадался Бирюков, мальчик был сын Сани, Сережка, а заплаканная женщина — ее мать.

Парни обступили катафалк. Овчинников энергично принялся руководить выносом гроба. Звонко ахнули медные тарелки, и духовой оркестр заиграл рвущую душу похоронную мелодию. Деменский вытер лицо носовым платком, завсхлипывали старушки, совсем сгорбился Федор Федорович Холодов, обняв за плечи еле державшуюся на ногах жену. И только один Сережка, словно не понимая происходящего, любопытно уставился голубыми глазенками на оркестрантов.

Процессия двинулась вдоль кладбища к могиле. Антон и Маковкина пошли вместе со всеми.

Оркестранты оборвали мелодию так же внезапно, как начали. Наступила гнетущая тишина. Антон увидел, что гроб опустили на землю. Деменский, прижав к себе насторожившегося Сережку, словно окаменел. Из немигающих глаз Федора Федоровича по бледным щекам катились слезы. Ксения Макаровна, что-то нашептывая вконец обессиленной матери Сани, беспрестанно подносила к ее носу флакончик, вероятно, с нашатырным спиртом.

Антон среди цветов, заполнявших гроб, увидел лицо Сани — спокойное, красивое лицо с белым пятном лейко-

пластыря, прикрывающего рассеченный висок. Бесцветные губы застыли в виновато-растерянной улыбке.

Молчаливая пауза стала затягиваться, будто никто не знал, что делать дальше. Неожиданно Деменский, словно вспомнив что-то очень важное, отстранил прижавшегося к нему Сережку и торопливо стал снимать со своего пальца широкое золотое кольцо. Оно никак не поддавалось. Юрий Павлович мучительно поморщился и силой сорвал его. Невидящим взглядом он обвел хмурые лица, затем медленно опустился перед гробом на одно колено, приподнял правую руку Холодовой и надел кольцо на безымянный палец.

Зашевелившиеся впереди старушки скрыли от Антона склонившегося Юрия Павловича. Пришлось искать другое место. Пока Антон переходил, гроб уже накрыли крышкой. Овчинников, нагнувшись, стал забивать первый гвоздь, и вдруг звонко рванулся мальчишеский голос:

— Дядя!.. Не надо, дяденька!!

У гроба произошло замешательство. Антон приподнялся повыше и увидел, как Сережка изо всех силенок пытается вырвать у растерявшегося Овчинникова молоток.

Окружающая могилу толпа встревоженно загудела, зашевелилась. Кто-то надсадно закашлялся, несколько старушек враз всхлипнули. Выбравшись из толпы, Антон искал глазами Маковкину. Та стояла у памятника, приготовленного для могилы Холодовой. Антон тоже подошел к серебристой пирамидке с овальным портретом и сияющей медной пластиной. На пластине была выгравирована раскрытая книга с четверостишием на правой странице:

Ты не вернешься, не оглянешься,
Не станешь мудрой и седой.
Ты в нашей памяти останешься
Всегда живой и молодой.

Бирюков перевел взгляд на фотографию и в напряженно застывших перед объективом глазах Сани будто прочитал упрек.

— Нелепость — гибнуть в таком возрасте, — проговорила Маковкина. — Мальчика жалко...

Антон промолчал.

На голубом небе как ни в чем не бывало светило

яркое солнце. Затихло грозное ворчание. Улицы Новосибирска заполняли беспечные по случаю выходного дня горожане. В скверах на скамейках коротали время бабушки, наблюдающие за резвящимися внучатами. Невесты куда торопились громкоголосые молодежные компании с гитарами, транзисторами и магнитофонами. Только Бирюков и Маковкина шли насупленно и молча, словно им некуда было спешить и нечем было заняться.

Внезапно Антон остановился у телефона-автомата. Войдя в кабину, набрал номер дежурного по управлению и поинтересовался новостями. Все было по-прежнему. Зарванцев дома еще не появлялся, а Пряжкина словно в воду канула. Никаких сообщений не поступило и из Шелковичихи, с дачи Степнадзе, за исключением того, что там совсем недавно прекратился грозовой ливень, бушевавший с самого утра. Бирюков хотел было закончить разговор, но дежурный вдруг сказал:

— Голубев что-то хочет вам передать.

— Антон, я жду тебя.

— Что случилось?

— Понимаешь, разыскивая Пряжкину, я опять наведлся к Зарванцеву. обстоятельно побеседовал с его соседями и узнал интересное. Говорят, Альберту Евгеньевичу каждый день приходят переводы наложенного платежа. Знаешь, такие бланки с желтой полосой по диагонали? Встретился с почтальонкой. Она подтвердила это. Любопытно, что в извещениях указывается адрес Зарванцева, а получатель — Реваз Давидович Степнадзе...

— Ты молодец, Слава, — похвалил Антон. — Сейчас надо вот что сделать... Прежде всего узнай номер машины Зарванцева и передай через дежурного постам ГАИ, чтобы немедленно начали его поиск. При обнаружении пусть пригласят Альберта Евгеньевича в уголовный розыск. Сам же, не тратя времени, займись в почтовом отделении проверкой, как часто переводы наложенного платежа поступают на имя Степнадзе. На Главпочтамте нового ничего нет?

— Изъял там корешки полученных Степнадзе переводов. Почерковеды над ними работают. Есть предположение, что не сам Реваз Давидович деньги получал.

— Разберемся в этом. Сейчас давай действуй, не теряй ни минуты. У тебя какие были планы?

— Хотел повидаться с супругами Ярко.

— Это позже сделаешь. Хотя знаешь что... — Антон

чуть помолчал. — Попробуй договориться с Тарасом Тарасовичем, чтобы он с женой съездил к Степнадзе на дачу в Шелковичиху. Пусть поблагодарят Реваза Давидовича якобы за протекцию сыну. Интересно, какая будет реакция?..

Пересказав Маковкиной содержание разговора с Голубевым, Антон хотел проводить ее домой, но та категорически отказалась:

— Лучше я с вами до уголовного розыска дойду. — И сразу спросила: — Видели, как Деменский надел свое кольцо Сане на палец, словно жене?

— Это кольцо Юрий Павлович покупал для загса, — ответил Антон.

— Для загса?.. А мне показалось нарочитым...

В коридорах уголовного розыска было пусто. Только в вестибюле сидел на своем месте скучающий постовой. Антон и Маковкина прошли в дежурную часть. Здесь чувствовалась жизнь. На обширном пульте то и дело вспыхивали лампочки, звонили телефоны, звучали радиоголоса патрульных и оперативных машин — стекалась информация со всех уголков города. Сообщения были незначительные, не имеющие никакого отношения к делу, которое в данное время больше всего интересовало Бирюкова.

Выслушав в течение получаса около десятка самых различных докладов, Антон сказал дежурному:

— Новое что появится, я в кабинете Дымокурова буду.

Дежурный утвердительно кивнул.

Склонившийся над микроскопом Дымокуров, краем глаза увидев вошедших Бирюкова и Маковкину, оторвался от своего занятия и вроде как виновато проговорил:

— Подбрасывает Реваз Давидович нам фокусы.

Антон взял один из лежащих на столе почтовых переводов и сосредоточенно стал рассматривать ровный, чуть угловатый почерк, которым были вписаны в типографские графы паспортные данные Степнадзе.

— Аркадий Иванович, — вдруг обратился он к Дымокурову, — это же почерк Реваза Давидовича, и перевод получен по старому его паспорту...

— В том и фокус заключается, что почерк действительно Степнадзе, но перевод заполнен не его рукой.

— А подпись?

— Тоже подделана. — Дымокуров взял отложенный

отдельно от других переводной талон и подал его Антону. — Вот единственные пятьсот рублей, которые лично получил на Главпочтамте Степнадзе. Обратите внимание: в переводе при получении проставлены реквизиты уже нового паспорта Реваза Давидовича.

Маковкина, тоже рассматривая один из переводов, спросила:

— Неужели кто-то воспользовался утерянным паспортом Степнадзе? Но для этого надо иметь схожую внешность...

Бирюков взглянул на Дымокурова:

— Почерк Зарванцева не исследовали?

— У нас нет его образца.

— Завтра я постараюсь обеспечить...

Зазвонил телефон. Эксперт-криминалист ответил и сразу передал трубку Бирюкову:

— Из дежурной части, Антон Игнатьевич.

— Бирюков? — послышалось в трубке. — Получен сигнал от Звонковой: Овчинников уже полчаса сидит с нею в ресторане «Орбита» и держит два места за своим столом свободными. Звонкова предполагает, что он кого-то ждет.

— Откуда Фрося звонила? — быстро спросил Антон.

— Говорит, по необходимости вышла из зала и из автомата в вестибюле набрала ноль два.

— Через пятнадцать минут буду в «Орбите». — Антон положил трубку и резко повернулся к Маковкиной. — Наталья Михайловна, придется вам выступить в роли моей невесты, что ли...

— Идти в ресторан?.. — словно испугалась Маковкина.

— Не бойтесь, водку пить не будем, — невесело пошутил Антон.

Г л а в а

XXVI

На втором этаже «Орбиты», где располагался ресторанный зал, вовсю гремела оркестровая музыка.

Подождав, пока Маковкина поправила перед зеркалом прическу, Бирюков взял ее под руку и направился в зал. Видимо, по случаю субботнего вечера посетителей в ресторане оказалось, что называется, битком. Не выпу-

ская руку Маковкиной, Антон остановился в дверях, стараясь приметить загоревшую лысину Овчинникова. Внезапно справа послышалось короткое, как выстрел:

— Шеф!..

Бирюков чуть скосил глаза — за угловым столиком, у самых окон, откинувшись к спинке кресла, сидел крепко зарозовевший Овчинников, а напротив него — Фрося Звонкова в сильно декольтированном зеленом платье. Посчитав, что его не услышали, Овчинников поднялся и закричал:

— Шеф!.. Гребни сюда, причал свободный имею!..

Пропустив впереди себя Маковкину, Антон направился по узкому проходу вдоль стены к Овчинникову, который уже отставлял придвинутые вплотную к столу кресла.

— Садись, шеф, — широким жестом показав на свободные места, расплылся в улыбке Овчинников. — Думал, из знакомых футболистов или речников кто подплывет, а тут — еще лучше — ты с дамой выплыл. «Экстру» принимать будешь?..

— Дайте оглядеться, — с улыбкой ответил Антон. — Мы поужинать зашли.

— Приему пищи «Экстра» не помеха. Саню Холодову заодно со мной помянешь. — Овчинников провел ладонью по вспотевшей лысине и словно приказал Звонковой: — Возьми еще полкилограмма.

Напряженная до неестественности Фрося, боязливо покаясь на Антона, сухо обронила:

— Хватит, и так уже напоминался.

— Не жмись, лапонька. Расплачусь, как на работу выйду. — Овчинников развернулся к проходившей мимо официантке. — Галина Борисовна!.. Задержишься на минутку, рыбонька...

Едва официантка приняла заказ, смолкнувший было оркестр грянул лихую танцевальную мелодию. Тотчас к эстраде потянулись оживленные парочки, а между столами в поисках партнерш засновали оказавшиеся в одиночестве парни. Один из них, с черной полоской наметившихся усиков, робко подошел к Маковкиной. Та, не зная, как поступить, взглянула на Антона. Овчинников, перехватив ее взгляд, начал было приподниматься, чтобы взять парня за воротник, словно нашкодившего котенка, но Антон опередил его:

— Потанцуй, Наташа, пока ужин принесут.

Маковкина нехотя поднялась. Проводив ее недоуменным взглядом, Овчинников повернулся к Антону:

— Жена, шеф?

— Невеста, — ответил Антон.

— Чего ж отпускаешь с кем попало?

Буквально через несколько секунд, видимо вдохновленный успехом приятеля, другой молоденький танцор подошел к Звонковой. Окончательно сбитый с толку Овчинников пораженно уставился на него:

— Привет, сынок! Вас там еще много, безлошадных?

— Пусть танцуют, — великодушно сказал Антон.

— Чего?.. — словно недослышав, переспросил Овчинников, однако, встретившись взглядом с Антоном, видимо, сообразил, что тот хочет остаться с ним наедине, и недовольно сказал Звонковой:

— Иди, лапонька.

Звонкова торопливо поднялась. Едва она и окрыленный успехом начинающий танцор удалились от стола, Антон спросил:

— Анатолий Николаевич, где Зарванцев?

Овчинников недоуменно поднял брови:

— Сам со вчерашнего дня его потерял. Договорились на «Запорожце» к Обскому морю съездить в шесть вечера. К этому времени пришел к нему домой, но Алика и след уже простыл.

— Где он может рыбачить?

— Из Алика рыбак как из меня балерина.

— Куда, если не на рыбалку, Зарванцев мог уехать?

— Убей — не знаю. Из-за него сегодня как дурак на Санины похороны приперся. Думаю, чем дома сиднем сидеть, схожу к Юрику Деменскому, морально поддержу его. А Юрик на меня как на парализованную тещу смотрит. После похорон даже на поминки не пригласил. Пришлось Фросю вот сюда уговорить. Стыдно сказать, шеф, за Фросин счет выпиваю. Честно признаться, после прошлого разговора с тобой клятву себе дал: кончить с выпивкой! А сегодня... — Овчинников повертел в толстых пальцах пустую рюмку, — сегодня стал на кладбище гроб заколачивать, а Санин мальчишка — в истерику. Уцепился за молоток... Думаю, отдать — пацан в беспамятстве меня же и огреет, не отдать — будто мне больше всех надо, чтоб Саню поскорее зарыть...

Воспользовавшись паузой, Антон сказал:

— Вместе с Зарванцевым из Новосибирска исчезла Пряжкина.

— С Люсей, шеф, Алик связываться не станет.

— Кроме вас, у Зарванцева есть друзья?

Овчинников с сожалением посмотрел на пустой графинчик и тяжело вздохнул:

— Не хотел говорить, но придется... Со мной Алик недавно задружил. Прописку, видишь ли, стал хлопотать одному уголовному типу, недавно из колонии освободившемуся. Признаться, я пообещал провернуть через свое домоуправление, но палец о палец не ударил. Грехов у меня, конечно, хватает, но я человек неконченный.

— Давно это было?

— Перед отъездом Юрика Деменского в Свердловск.

«Вася Сипенятин в то время был в Новосибирске», — отметил про себя Антон и опять задал вопрос:

— Больше ни о чем Зарванцев вас не просил?

Овчинников наморщил лоб:

— Как-то ключ ему делал. От своего гаража Алик потерял. Хорошо, что слепок остался, а то пришлось бы замок менять.

— С чего это Зарванцев стал свои ключи на слепках оттискивать?

— Говорит, как-то забавлялся с воском, потом в стол его бросил. Вот он и пригодился.

«Забава» не на шутку заинтересовала Бирюкова:

— Вы, когда сделали ключ, пробовали открывать им гараж Зарванцева?

— Зачем? Моя «фирма» работает по слепку вне конкуренции — Алик сказал, что ключ подошел лучше заводского... — Овчинников вдруг, словно осененный внезапной догадкой, уставился на Антона. — Шеф! Пряжкина раньше Алика из Новосибирска исчезла... Понимаешь, последнее время она повадилась мне на квартиру звонить. Жена снимет трубку — там трагические вздохи. Сколько я ни грозил Люське — не мог отучить. А с того вечера, как после «Авроры» я у Ниночки облизнулся, звонки прекратились...

— После «Авроры» до вчерашнего дня она в клинике лежала.

— От запоя?

— Нет, причина другая, — уклонился Антон и, не давая Овчинникову проявлять излишнее любопытство, спро-

сил: — Среди друзей Зарванцева есть железнодорожники?

— Не видел. Вокруг Алика большей частью непризнанные гении табунытся: художники разные, артисты, даже писатель один есть. Знаешь, шеф, закончим панихидный разговор. Зря ты Алика и Пряжкину подозреваешь. Это Реваз Давидович с Саней Холодовой намутил. Вчера случайно встретил Степнадзе, когда он из угрозыска вышел. Скажу тебе, видок у старика был...

Оркестр оборвал мелодию. Танцевавшие стали рассаживаться по местам. К столу подошла зарозовевшая Маковкина, а следом за ней — Звонкова.

— Ты, лапа, сегодня выступаешь как Анна Каренина, — глядя на нее, недовольно сказал Овчинников.

— И конец такой же будет? — усаживаясь в кресло, хмуро спросила Фрося.

— Я до конца не читал.

Антон с Маковкиной, переглянувшись, улыбнулись. Звонкова сосредоточенно стала чертить пальцем на скатерти вензеля — в отличие от Овчинникова она была совершенно трезвой. Подошла с полным подносом официантка. Поставила перед Овчинниковым графинчик водки, а перед Антоном и Маковкиной заказанный ими ужин. Овчинников мигом наполнил рюмку и широким жестом протянул ее Антону:

— Прими, шеф, штрафную!

— Через час на дежурство, — sluкавил Антон.

— Подумаешь, беда. При твоей комплекции такая рюмашка что дробина в холку слона.

— А запах?

Овчинников на секунду задумался, но тут же сунул руку в карман и достал что-то похожее на дольку чеснока:

— Держи! Мускатный орех, зажуешь.

Антон засмеялся:

— Жевание не поможет. У нас с этим делом строго.

— Строже, чем у летчиков?

— Почти.

— Не завидую твоей службе. — Овчинников прищурился. — Ну будь здоров, шеф. — И одним глотком опорожнил рюмку.

— Домой мне надо, Анатолий, — сказала Звонкова. — Завтра на работу.

— Я провожу.

— На такси без тебя доеду.

Овчинников встревоженно постучал пальцем по графинчику:

— Не забудь за это заплатить.

— У тебя одна забота.

— Забот много — денег нет. — Овчинников вторично наполнил рюмку и подмигнул Фросе. — За твой отъезд!

После ухода Звонковой Бирюков и Маковкина, заканчивая ужин, просидели в компании с Овчинниковым еще около получаса. Анатолий Николаевич, безостановочно каламбуя, с сожалением поглядывал на пустеющий графинчик.

Выйдя из ресторана, Бирюков отправил Маковкину домой на такси, а сам, размышляя, пошел вдоль Красного проспекта. Ночной город сиял разноцветьем реклам и устало подмигивал окнами засыпающих многоэтажек. Дойдя до первого телефона-автомата, Антон набрал номер Зарванцева. Выслушав около десятка продолжительных гудков, нажал на телефонный рычаг и, словно со злостью, резко накрутил диском цифры дежурного угрозыска:

— Это Бирюков. Какие новости?

Дежурный секунду помедлил:

— Плохие. В Шелковичихе, недалеко от дачи Степнадзе, обнаружен труп Пряжкиной.

Г л а в а

XXVII

Заключение судебно-медицинской экспертизы Антону удалось узнать лишь утром следующего дня на оперативном совещании у начальника отдела.

На мертвую Люсю случайно наткнулись отдыхающие горожане. В одних плавках и лифчике Пряжкина лежала, уткнувшись лицом в воду, на пологом берегу Ини рядом с проселочной дорогой, за которой в густом лесу возвышалась двухэтажная дача Степнадзе. Неподалеку от трупа валялись джинсы с надписью «Толя», разорванная на груди белая кофточка, бутылка из-под «Экстры» и консервная жестянка с остатками килек в томатном соусе. По положению трупа создавалось впечатление, что

Люся хотела искупаться в реке, но неожиданно упала в воду лицом и, находясь в сильном алкогольном опьянении, захлебнулась. Заключение медицинской экспертизы подтверждало такую версию. Однако имелось и другое предположение: пьяную Пряжкину утопили, попросту говоря, окунув головой в воду. На такую мысль наводили два кровоподтека на затылочной части шеи, которую будто бы длительное время сдавливали пальцами.

После судебно-медицинского эксперта Карпенко докладывал криминалист Дымокуров. На этот раз его сообщение было коротким, и Аркадий Иванович, похоже, чувствовал какую-то неловкость оттого, что не может дать оперативникам веских фактов.

Служебная собака след не взяла, а прибитая грозовым ливнем трава не позволила что-либо определить визуально. В радиусе ста метров от трупa по берегу имелось три пепелища старых костров, возле которых сохранились признаки палаточных стоянок. В траве много окурков, газетной бумаги, конфетных оберток, папиросных и сигаретных пачек. Обнаружено шесть ржавых консервных банок, игрушечный пистолет, шариковая авторучка и даже газовая зажигалка, пролежавшая на берегу не меньше года. Словом, находки были типичными для пригородного места и ни малейшего света на загадочную смерть Пряжкиной не проливали. Все следы на песчаном откосе берега были размыты стекающими в реку ливневыми потоками. Гипсовый слепок удалось изготовить лишь с единственного отпечатка спортивного кеда сорок второго размера, сохранившегося под трупом. Однако этот след мог остаться от совершенно постороннего человека.

Когда Дымокуров замолчал, начальник отдела обратился к сосредоточенно слушавшему Антону:

— У вас, кажется, вопросы есть?

— Да, товарищ подполковник. — Антон посмотрел на судебно-медицинского эксперта. — Виталий, когда наступила смерть Пряжкиной?

— В пятницу, около одиннадцати вечера. Отклонение — не больше часа.

— Значит, после клиники прожила всего семь часов...

— Самое большое — восемь, — уточнил Карпенко.

Антон повернулся к Дымокурову:

— Аркадий Иванович, в вещах у потерпевшей деньги обнаружены?

Раскрыв папку, Дымокуров показал измятую, подмоченную десятирублевку:

— Вот это было в кармане джинсов.

— Так, — сказал Антон, — я не исключал, конечно, что Пряжкина сама купила бутылку водки и приехала в Шелковичиху на электричке. Но, поскольку десятка целая, выходит, водкой Пряжкину угостили и в Шелковичиху привезли. Аркадий Иванович, поблизости от трупавтомобильных стоянок не обнаружено?

— Нет. Но на проселочной дороге следы легковых автомобилей имеются. К сожалению, ливень размыл их характерные особенности, однако мы взяли образцы грунта и растительности, чтобы при необходимости провести идентификацию спектрального анализа, — ответил криминалист.

— Кого подозреваете? — спросил начальник отдела.

— Если версия с Зарванцевым не подтвердится, будем искать того железнодорожника, который под видом Степнадзе мог увезти Пряжкину на «Волге» от кинотеатра «Аврора». Крутится у меня мысль, что в «спектакле» с кинотеатром супруга Степнадзе сыграла не последнюю скрипку.

— На чем основано такое предположение?

— На показном алиби Нины Владимировны. Когда Пряжкина каталась в «Волге», Нина слушала оперу, а после, рискуя собственной репутацией, до трех часов ночи не выпускала из квартиры Овчинникова. Ей нужен был свидетель, который бы подтвердил, что муж пытался открыть дверь.

Начальник отдела какое-то время молчал. Это молчание было понятно Антону. Умышленное убийство — одно из тяжких преступлений. Оно, как правило, причиняет много забот.

— Степнадзе исключаете?.. — спросил начальник отдела.

— Да, товарищ подполковник, — прежним тоном ответил Бирюков. — Из Омска пришло подтверждение, что он действительно был у своего брата.

— Овчинников как?..

— Исключается, товарищ подполковник. Овчинников для меня ясен.

— Кто же из причастных для вас загадка?

— Двое: жена и племянник Степнадзе. Убежден, что

они были соучастниками в темных делах и вдруг взбунтовались...

— Почему?

Антон нахмурился:

— На этот вопрос пока могу лишь высказать предположение: Степнадзе и вся его группа давно балансировали на грани преступления. Не хватало какого-то импульса. С появлением в Новосибирске Холодовой и Сипенятина импульс возник, и преступная «фирма» стала рушиться, словно карточный домик.

— Так кто же «импульс» — Холодова или Сипенятин?

— Кто-то из них.

Начальник отдела побарабанил пальцами по столу:

— У меня создается впечатление, что компаньоны Степнадзе упорно наводят на его след. Вам не кажется это подозрительным? На что они рассчитывают? Что Степнадзе не выдаст их?..

— По-моему, они заплели такую сложную паутину, что сами в ней запутались, — сказал Антон.

С оперативного совещания Бирюков ушел настолько уставшим, словно держал необычайно ответственный и строгий экзамен. Он не пытался гадать, понравились или нет его ответы начальнику отдела, но в глубине души был благодарен подполковнику за доброжелательный, сдержанный тон, хотя со смертью Пряжкиной обстановка накалилась.

В своем кабинете Антон какое-то время рассеянно перебирал на столе бумаги, как будто хотел в них что-то найти. Пришла Маковкина, и тут же задребезжал телефонный звонок.

— Мне Славу Голубева надо, — сказал незнакомый мужской голос.

— Кто его спрашивает?

— Ярко из Адлера.

— Здравствуйте, Тарас Тарасович, — мигом оживился Антон. — Голубева сейчас нет. Что ему передать?

Ярко вроде замялся:

— Покушать хотел пригласить Славу...

Догадавшись, что передовой прораб из Адлера осторожничаает, Антон сказал:

— Мы вместе с Голубевым работаем. Как вы вчера с Евдокией Ниловой съездили в Шелковичиху?

Ярко какое-то время поколебался и вздохнул:

— Выгнал нас железнодорожный блатмейстер. Встретил хорошо, но, как только Дуся стала благодарить, забегал, закричал, дескать, он никакого участия в судьбе нашего сынули не принимал. — Ярko опять вздохнул. — Так передайте Голубеву, когда появится: пусть заглянет к нам в гостиницу, покушаем здесь.

— Передам, Тарас Тарасович. — Антон, положив трубку, посмотрел на Маковкину. — Слышали?

— Странно... Неужели мы ошибаемся в Степнадзе?

— Ничего странного нет. Реваз Давидович — умный человек. Его на мякине не проведешь, когда «фирма» начинает валиться.

Легко на помине, в кабинет ворвался возбужденный Голубев. Размашистым жестом положив на стол перед Антоном протокол выемки и толстую пачку оплаченных переводов наложенного платежа, он на одном дыхании выпалил:

— Вот за последние два месяца двадцать три перевода, по двадцать рублей каждый, получил лично гражданин Степнадзе!

— И все поступали на адрес Зарванцева? — рассматривая корешки переводов, спросил Антон.

— Все!

— Самому Зарванцеву за это время были переводы?

— Ни одного.

— А на Главпочтамте?

— Тоже нет.

Разговор прервал звонок внутреннего коммутатора. Дежурный громко доложил:

— «Запорожец» 18-18 НСЩ, принадлежащий Зарванцеву, обнаружен в районе Ташары!

— Вот как!.. — сказал Антон. — В противоположной от Шелковичихи стороне. Чем хозяин машины занимается?

— В палатке отдыхает. Задерживать?..

— Немедленно. И сразу его ко мне, а пробы грунта с «Запорожца» — на спектральный анализ.

— Понятно.

Опуская трубку на аппарат, Бирюков встретился взглядом с Маковкиной:

— Предстоит любопытный разговор с любопытным человеком. — И повернулся к Голубеву: — А ты, Слава, на служебной машине — быстро в Шелковичиху. Доставь нам к вечеру Реваса Давидовича Степнадзе.

Вытянутая кверху узким клином черепичная крыша двухэтажной дачи Реваза Давидовича приметно возвышалась над другими соседними строениями. Весь участок был огорожен добротной металлической оградой, за которой буйно зеленели густые заросли малинника и стелющиеся сибирские яблони с крупными подуряженными плодами. От калитки к высокому крыльцу дачной веранды тянулась посыпанная мелким речным песком дорожка. Рядом с калиткой белела табличка со стрелкой и лаконичной надписью: «Звонок».

Слава Голубев несколько раз надавил пальцем на розовую кнопку. В ответ ни звука. Переглянувшись с шофером служебной машины, Слава вновь придавил кнопку и на этот раз не отпускал ее чуть не полминуты. На веранде показалась женщина и, увидев стоящую возле дачи милицейскую машину, торопливо скрылась. Несколько минут спустя, когда Слава настойчиво позвонил еще раз, из дачи вышел Степнадзе. Застегивая на груди неподатливую «молнию» трикотажной спортивной рубахи, он неторопливо прошествовал от крыльца по песчаной дорожке, щелкнул в замке ключом и, открыв калитку, молчаливо уставился на Голубева прищуренными карими глазами. Слава, поздоровавшись, протянул подписанную Бирюковым повестку. На лице Реваза Давидовича появилась усмешка:

— А санкционированное постановление о моем аресте вы, дорогой, не привезли?

— В этом пока нет необходимости, — спокойно ответил Слава.

Степнадзе внезапно захохотал:

— Говорите, «пока»... В дальнейшем такая необходимость может возникнуть?..

Голубев пожал плечами.

— Помнится, дорогой, — усмехнулся Реваз Давидович, — мы с вами на днях встречались. Но тогда на вас была штатская одежда...

— Вы тоже не постоянно носите свою железнодорожную форму, — окинув взглядом спортивный костюм Реваза Давидовича, сказал Слава.

Степнадзе нахмурился:

— Ваша поездка в моем вагоне — совпадение или?..

— Я возвращался с юга, — уклончиво ответил Голубев.

— Можно подумать, что поезд Адлер — Новосибирск отправляется с Крайнего Севера. — Степнадзе вновь повеселел. — Надеюсь, дорогой, позвольте мне переехать?..

— Дело ваше.

— Благодарю.

Реваз Давидович повернулся и без малейших признаков волнения направился к даче. Опасаясь, как бы он не выкинул какой-нибудь трюк, Слава без приглашения пошел следом. На полпути Степнадзе оглянулся, с усмешкой спросил:

— Хотите посмотреть, как живу?

— Если позвольте.

— Скрывать от милиции мне нечего. Почему не позволить?.. — Степнадзе приветливо улыбнулся и, внезапно обняв Голубева за плечи, широким жестом свободной руки показал на распахнутую дверь веранды. — Входите в мою хижину, дорогой!

Нижний этаж дачи поразил Славу антикварной обстановкой. Большая светлая комната походила на зал, в котором демонстрируется роскошный гарнитур мебели середины XIX века. Особенно выделялись старинные часы в украшенном затейливой резьбой футляре. Гостеприимно усадив Голубева к сияющему черной полировкой столу на изящных резных ножках и заметив, как Слава заинтересовался лениво раскачивающимся, почти метровым, маятником, Реваз Давидович снисходительно улыбнулся:

— Любопытный хронометр, да?

— Это сколько же лет он уже тикает? — спросил Слава.

— По семейному преданию, часы принадлежали еще моему прадеду.

— И до сих пор идут!

— Мастера той поры делали вещи на вечность, — Степнадзе распахнул дверцу вместительного буфета, плотно заставленного всевозможными бутылками с импортными этикетками. — Хотите выпить, пока буду переодеваться?

— Спасибо, — отказался Слава. — Я, знаете, лишь чай пью, и то, если не очень крепкий.

— Есть хорошие импортные вина.

— В Сибири вырос, к заморским напиткам не привык. Реваз Давидович недоуменно повел бровями и положил перед Голубевым на стол нарядную металлическую коробку сигарет:

— В таком случае, закуривайте.

— Спасибо, не курю.

Слава улыбнулся и кивком головы показал на ритмично качающийся маятник:

— Время поджигает, Реваз Давидович...

— Время, время... неумолимое время... — театрально вздохнул Степнадзе, открывая ключом одну из створок занимающего всю стену платяного шкафа. Несколько секунд он задумчиво рассматривал развешанные на плечиках, как в магазине, костюмы, затем вдруг повернулся к узкой лестнице, ведущей на второй этаж, и громко окликнул: — Мамочка!..

Придерживая полы ярко-синего кимоно, по лестнице спустилась молодая женщина с пышными золотистыми волосами, прикрывающими плечи. Слава догадался, что это Нина — жена Реваза Давидовича.

— Опять приглашают в уголовный розыск, — глядя на нее, расстроено проговорил Степнадзе. — По-твоему, что лучше надеть?

— Надень что-нибудь легкое, на улице жарко, — не задумываясь, ответила Нина и сразу обратилась к Голубеву: — Разве нельзя здесь переговорить? Зачем по такой жаре тащиться в уголовный розыск?

Реваз Давидович опередил Славу:

— Угрозыск, мамочка, не парикмахерская...

— Можно подумать, ты виноват!

— Думай не думай — сто рублей не деньги, — хмуро буркнул Степнадзе.

Сняв с плечиков светло-желтый костюм, он закрыл дверцу шкафа и тяжело поднялся по лестнице на второй этаж. Нина подошла к столу, взяла было коробку сигарет, словно хотела закурить, но тут же бросила ее и, доверчиво глядя Славе Голубеву в глаза, тихо заговорила:

— Муж ни в чем не виноват. В угрозыске я сгоряча наговорила на него глупостей. Хотела, чтобы милиция припугнула ревнивца. Бабья дурость, понимаете?..

— Значит, Реваз Давидович не прилетел из Ростова в Новосибирск? — спросил Слава.

— Естественно.

— Кто же пытался открыть дверь вашей квартиры, когда вы с Овчинниковым вернулись из театра?

— Какой-то провокатор. У Реваза на работе очень много завистников. Скажу по секрету, один из его сослуживцев замучил меня предложениями.

— Кто именно?

— Он по телефону звонит, когда Реваз в поездке. Фамилию ни разу не назвал, но говорил, что вместе с Ревазом работает. Наверняка этот провокатор угонял нашу машину.

— Как он открыл гараж?

Нина долго сжимала холеные наманикюренные пальцы. Лицо ее то бледнело, то вдруг покрывалось нервными розовыми пятнами. Бросив тревожный взгляд на лестницу, словно опасаясь, как бы не подслушал муж, она наконец зашептала:

— Ради бога, не рассказывайте только Ревазу... В тот день я забыла закрыть гараж, торопилась перед театром в парикмахерскую... Клянусь всеми святыми, Реваз не преступник. Если уголовному розыску кажется подозрительным наше богатство, то ведь оно досталось мужу от родителей. Его отец еще до революции был знаменитым профессором математики...

На лестнице послышались тяжелые шаги. Нина, повернувшись к мужу, мигом оживилась:

— Рассказываю вот о твоих родителях...

Реваз Давидович грустно посмотрел на Голубева:

— К сожалению, дорогой, не могу похвастать рабоче-крестьянским происхождением. Но что делать?.. Родителей, как известно, не выбирают. — И резко повернулся к жене. — Прощай, мамочка!

Г л а в а

XXIX

Зарванцев после того, как Маковкина назвала ему свою должность и фамилию, настолько перепугался, что долго не мог ничего сказать. Первой членораздельной его фразой было:

— За что меня арестовали?

— Вас не арестовали, — стараясь успокоить, сказала Маковкина. — Просто надо кое-что выяснить...

— Нет, меня арестовали! — звонким тенорком выкрикнул Зарванцев. — Мою машину осматривали как преступную. Мне не разрешили из Ташары ехать за рулем. Почему?

— Чтобы предупредить случайность.

— Я не преступник!

— Вы очень взволнованы. Как в таком состоянии вы управляли бы машиной?

— В Ташаре я не был взволнован. Я не преступник! Официально заявляю вам жалобу на незаконные действия милиции. Меня не имеют права подозревать в том, чего я не делал!

— Не имеют права обвинять, если на то нет убедительных доказательств, — уточнила Маковкина.

Зарванцев мигом повернулся к Бирюкову:

— У вас есть убедительные доказательства?

— Нет, — спокойно ответил Антон.

— Вот видите!..

— Если вы в чем-то виновны, доказательства появятся.

— А если нет?..

— Тогда вам нечего пугаться. Ну что вы, в самом деле, так сильно взвинчены?

— Я не взвинчен... — Зарванцев с трудом начал брать себя в руки. — Я никогда не имел дела с милицией. Даже в вытрезвителе, как Овчинников, ни разу не был. Почему вы его не арестовали?..

— За что? — быстро спросил Антон.

— Разве Саню Холодову не Анатолий столкнул с балкона?

— Нет, не Анатолий.

Растерянность на лице Зарванцева сменилась выражением угодливости.

— Значит, мой преподобный дядюшка это сделал? Представьте себе, товарищ Бирюков, в пятницу после вашего ухода мне вдруг позвонила Люся Пряжкина и такое рассказала о Ревазе, что я, придя в ужас, немедленно уехал в Ташару.

— Что же такое страшное Пряжкина вам рассказала? — стараясь взять инициативу допроса в свои руки, спросила Маковкина.

Заискивающе глядя ей в глаза, Зарванцев почти слово

в слово повторил «исповедь» Пряжкиной перед нянечкой Ренатой Петровной, затем, чуть поколебавшись, добавил:

— Еще Люся видела, как после несчастья с Холодовой Реваз выбежал перепуганный из Юриного подъезда. Уверяю, дядя наверняка покушался на изнасилование!

— Пряжкина следила за Ревазом Давидовичем?

— Нет, она говорит, что шла к Деменскому и буквально на ее глазах случилось несчастье.

— Что ей нужно было у Деменского?

— Не знаю. Видимо, Люся там с Овчинниковым встречалась, пока Юры дома не было.

— Она специально позвонила вам, чтобы рассказать о Ревазе Давидовиче?

— Нет, Люся искала Овчинникова, чтобы ехать с ним в Шелковичиху, на дачу Реваза.

— Зачем? — продолжала спрашивать Маковкина.

— Этого не могу сказать, не знаю.

— Что ж не поинтересовались?

Альберт Евгеньевич приложил руку к сердцу:

— Представьте себе, испугался. Думаю, за такие разговорчики, меня соучастником посчитают.

— Кто увез Пряжкину от кинотеатра «Аврора» на машине Реваза Давидовича?

Словно почувствовав подвох, Зарванцев насторожился, однако ответил, ничуть не сомневаясь:

— Сам Реваз и увез.

— Степнадзе не было в тот день в Новосибирске. Он в Омске был, у двоюродного брата, — спокойно сказала Маковкина.

— У Гиви?!. — довольно искренне удивился Альберт Евгеньевич. — Гиви может соврать, если его Реваз предупредил.

— Соседи подтверждают.

— Гиви, спасая братца, может всех соседей купить.

— А не могла, скажем, Нина дать «Волгу» одному железнодорожнику... — с намеком начала Маковкина.

— Нет у нее никаких железнодорожников! — почти выкрикнул Зарванцев, но тут же стыдливо опустил глаза. — Впрочем, за Нину ручаться не могу. Знаю лишь одно: в тот вечер Нина была в опере, где, к слову сказать, и я собственной персоной присутствовал.

— Понравилась опера? — внезапно вставил вопрос Бiryков.

Зарванцев угодливо повернулся к нему:

— Ничего. Как-никак москвичи...

— Кто партию Игоря исполнял?

— Этот... Ох, как его... Представьте себе, я не любитель оперной музыки, артистов совершенно не запоминаю.

Бирюков переглянулся с Маковкиной. Та спокойно достала из папки оплаченные переводы наложенного платежа, изъятые Голубевым на почте, и, показывая их Альберту Евгеньевичу, спросила:

— Не объясните нам, что это значит?

Зарванцев натянуто скривил губы:

— Это дядя с книголюбями обменивается.

— Деньгами?

— Зачем... Он им шлет книги наложенным платежом, они ему таким же образом присылают.

— Почему на ваш адрес переводы шлют?

Зарванцев нервно подергал на груди замок старенькой кожаной куртки.

— Нина ругает Реваза за то, что он тратит деньги по пустякам. Вот Реваз и придумал...

— Прежде, помнится, вы говорили, что не поддерживаете с Ревазом Давидовичем отношений, — вставил Бирюков.

— Книгообмен — единственная связь между нами. Не мог же я в таком пустяке отказать дяде.

Маковкина достала бланки переводов, изъятые на Главпочтамте, и, показав их Зарванцеву, спросила:

— А это что?

Вспыхнувшее было на лице Зарванцева удивление мгновенно сменилось откровенной растерянностью:

— Не знаю.

— Чьим почерком заполнены переводные талоны?

Альберт Евгеньевич повертел бланки и, возвращая их Маковкиной, твердо сказал:

— Реваза почерк.

— От кого он такие крупные суммы получал?

— Представьте себе, не знаю.

Положив на край стола чистый лист бумаги и шариковую авторучку, Маковкина попросила:

— Напишите по этому поводу объяснительную.

Зарванцев тыльной стороной ладони вытер внезапно вспотевший нос, неуверенно взял ручку и словно испугался:

— Я не знаю, что писать!

— Пишите под мою диктовку. «Следователю прокуратуры Маковкиной. Объяснительная. По существу предъявленных мне почтовых переводов, полученных Ревазом Давидовичем Степнадзе по паспорту...» — Маковкина помолчала. — Перепишите из талонов серию и номер паспорта, кем и когда он выдан... Переписали? Теперь заканчивайте: «Ничего объяснить не могу». И распишитесь.

Когда Альберт Евгеньевич аккуратно вывел красивую подпись, Маковкина посмотрела на его старенькие кеды примерно сорок второго размера и обратилась к Бирюкову:

— Сейчас сличим обувь, Антон Игнатьевич. После этого, думаю, не стоит больше отнимать у Альберта Евгеньевича время.

— Вы меня отпустите? — с удивлением спросил Зарванцев.

— Конечно. Только прежде зайдём с вами ненадолго в научно-технический отдел.

Маковкина заполнила стандартный бланк постановления о назначении экспертизы и, поднявшись из-за стола, предложила Зарванцеву:

— Пройдемте со мной.

— Куда? — испугался тот.

— К эксперту. Там я все вам объясню.

— Я ничего не знаю!

— Никаких знаний от вас не требуется.

— Но зачем это?! Для чего?!

— Я все вам объясню, — спокойно повторила Маковкина и направилась к двери.

Зарванцев, тревожно посмотрев на Антона, с неохотой пошел следом. Едва закрылась дверь кабинета, Антон разложил на столе фотографии Степнадзе и Зарванцева и сосредоточенно стал их изучать. Отвлёкся он лишь тогда, когда вернулась Маковкина.

— Какой-то необычайный трус, — сказала она. — Кроме внешности, у него нет ничего мужского.

— А внешность оригинальная, правда? — спросил Антон.

— Не сказала бы...

Антон показал старый паспорт Степнадзе:

— Вглядитесь в фотографию. Есть что-нибудь общее с Зарванцевым?

Маковкина посмотрела в паспорт.

— Ничего нет.

Антон протянул фотоснимок Альберта Евгеньевича:

— Сравните нос и глаза...

— Очень отдаленное сходство, — сказала Маковкина. — Лбы совершенно непохожи: у Степнадзе — широкий, у Зарванцева — будто редька хвостом вверх.

— А если лоб Зарванцева закрыть форменной железнодорожной фуражкой?..

Маковкина помолчала:

— Тогда, возможно, что-то общее будет.

Бирюков, сняв трубку телефона, пригласил эксперта-криминалиста. Как только Дымокуров вошел в кабинет, сразу спросил:

— Аркадий Иванович, что показывают пробы грунта с «Запорожца» Зарванцева?

— Делаем спектральный анализ, будем сравнивать с пробами из Шелковичихи.

Антон передал фотографию Альберта Евгеньевича:

— Очень срочная просьба. Надо с помощью фоторобота одеть вот этого гражданина в железнодорожный пиджак и фуражку.

— Оденем, — сказал Дымокуров.

— А вот, Аркадий Иванович, образец почерка. — Маковкина протянула эксперту «объяснительную» Зарванцева. — С почерком Степнадзе ничего общего здесь нет, но для почерковеда это, как говорят, карты в руки. Экспертиза по обуви движется?

— Полным ходом, но конкретного пока ничего сказать не могу.

Дымокуров вышел из кабинета. Бирюков, посмотрев на Маковкину, вдруг проговорил:

— А в опере Зарванцев, оказывается, не был.

Маковкина оживилась:

— Признаться, мне тоже показалось странным, что он, в общем-то образованный человек, художник, не запомнил фамилию московского артиста, исполняющего ведущую партию. И еще: почему Зарванцев так упорно подводит своего дядю под статью о покушении на изнасилование?

Бирюков задумался.

— Эта статья не предусматривает конфискации имущества подсудимого...

— Значит, не заботясь о репутации дяди, Зарванцев

заботится о сохранении его имущества? — ухватилась за мысль Маковкина.

— Не будем пока гадать, Наталья Михайловна, — Антон вздохнул. — Послушаем, что скажет Вася Сипенятин, узнав о смерти Пряжкиной. Разрешите, я сам побеседую с ним. Замысел один есть.

— Беседуйте!

Г л а в а

XXX

Сипенятин долго усаживался на стуле, словно сознательно оттягивал начало допроса. Затем с любопытством посмотрел на Маковкину, улыбнулся ей и, кивнув на микрофон, с наигранной бодростью сказал Антону:

— Поехали, гражданин инспектор.

Антон показал снимок полуобнаженной Пряжкиной, ничком лежащей на берегу реки:

— Еще один труп, гражданин Сипенятин...

— Ну и что?.. — На Васином лице появилось недоумение. — По мне, теперь пусть хоть пол-Новосибирска угробят. Я ж который день как пойманный орелик сижу за решеткой.

Антон взял другой снимок, где Пряжкина была снята лицом кверху. Показав его Сипенятину, спросил:

— Узнаете?

Сипенятин сосредоточенно замер. Помолчав, нахмурился и с наигранным возмущением заговорил:

— Вот гад в Новосибирске завелся! Одним почерком работает! Раздевает баб и...

— А кого он еще раздел? — быстро перебил Антон.

— Как кого? Ту, чью сумку мамаше моей подбросили.

— Откуда знаете? Я ведь ее снимок вот так, как этот, вам не показывал...

Сипенятин растерялся и, стараясь исправить свой промах, торопливо спросил:

— Чо, инспектор, зазноба продолжает меня топить?

Антон положил фотоснимки на стол:

— Дело значительно хуже, Василий... Не Звонкова вас уличает, а соучастники, с которыми вы связались.

— Сивый никогда в групповых делах не участвовал, — нахмурился, проговорил Сипенятин. — Я один на один работаю.

Случай был самый подходящий, чтобы проверить предположение Степана Степановича Стукова относительно подделанной иконы, и Антон спросил:

— За что последнее наказание отбывали?

— За бабкину икону.

— Сами ее подделали?

Сипенятин словно приготовился к прыжку.

— От бабки такая досталась. А чо?..

— Неправду говорите, вот что. — Бирюков разложил около десятка фотографий, среди которых были и снимки лиц, причастных к делу Холодовой. — Может быть, скажете, кто из этих людей мастер по подделке икон?

— Чего старое ворошить? — насупясь, буркнул Сипенятин. — За икону я три года от звонка до звонка в зоне оттрубил.

— Напрасно строите «джентльмена», когда вас снова без зазрения совести толкают на скамью подсудимых.

Вася не проронил ни слова, но по насупленному лицу можно было понять, что он мучительно борется с собой. Чтобы вызвать его на откровенность, сейчас следовало очень быстро найти какой-то, пусть незначительный, довод. Антон, не теряя времени, достал из сейфа сумку Холодовой и, поставив ее на стол, строго проговорил:

— Теперь, как понимаете, не тремя годами пахнет. Кстати, в этой сумке были деньги. Где они?

— Там всего двести рублей было, — ухмыльнулся Сипенятин.

— Откуда у вас три тысячи взялось?

— Я ж говорил уже: пахан дал.

— Какой? За какую услугу?

Словно решив, что терять нечего, Вася поморщился и ткнул пальцем в фотографию Степнадзе.

— Вот этот пахан. Расплатился за то, что я не заложил его перед последней отсидкой.

— Рассказывайте все по порядку.

Сипенятин повернулся к Маковкиной:

— Корреспондентка?..

— Следователь прокуратуры, — сухо ответила та.

— А-а-а... — На Васином лице появилось разочарование. Опять повернувшись к Антону, он усмехнулся. — Однажды такая же симпатичная про меня писала в газетке. «Из зала суда» статья называлась. Кореша с воли присылали в зону. Хотел сберечь на память, а один щипач искирил...

— Говорите по существу, — оборвал Антон.

— По существу так дело было... — Сипенятин шумно вздохнул. — С паханом тем познакомился, когда мамаша рядом с Фросей Звонковой жила. Пару икон ему по червонцу продал. Через неделю двинул я на толкучку помышковать. Смотрю, один гусь мои иконки по сотняге толкает, а пахан, как вроде бы посторонний, цену набивает. И продали каким-то чудикам! Только деньги в лопатники сложили, подхожу к ним: «Здрасьте, папаша. Прошу пожертвовать бедному наследнику пятьдесят процентов из вашей выручки, а то Уголовный кодекс по вас скучает». Заюлил, выкладывает сотнягу. Говорю: «Есть икона шикарней. Толкнем совместными усилиями?» Закрутился: «Сам толкай». — «Папаша, кто ж у меня за приличную сумму купит? Только увидят мой портрет, сразу кошельки щупать начнут — не испарились ли червонцы?..» Короче, клюнул пахан. Отдал я ему икону. Через месяц приносит назад — золотом горит и камушки играют. Толкует: «Проси две тысячи. Я помогу». — «Сколько на мой пай отвалишь?» — «Пятьсот». Хлопнули по рукам. Нашел я на толкучке чудика. Закрутил тот икону со всех сторон. И поиметь ее хочется, и колетса, и мама не велит. Солидно подходит пахан. Проверил «золото», «камушки» поглядел, подсказывает чудику: «Не меньше трех тысяч, понимаешь, стоит». Чудику как скипидару плеснули — испугался, что я заломлю все три... — Сипенятин, помолчав, усмехнулся. — А когда угрозыск взял меня за хвост, звоню пахану, мол, в зоне двое нар пустует. Пахан хлеще того чудика взбрыкнул. Дескать, бери дело полностью на себя. Вернешься — три тысячи наличными получишь и, кроме того, при необходимости в любой день червонец без отдачи на выпивку иметь будешь. Кумекаю, такого козырного пахана беречь надо. Если с умом доить, то красиво жить можно. А в зону я его всегда успею пристроить, если наколет. Вот так, инспектор, по существу...

— Кто подделывал икону? — спросил Антон.

— Не знаю! — торопливо выпалил Вася.

— Зачем время тянете? В этой компании художник ведь один...

Сипенятин нахмуренно замкнулся, словно еще не мог решить, стоит ли откровенничать до конца. Чтобы поторопить его, Антон спокойно сказал:

— На этот раз скрыть компаньона не удастся, а на-

казание за соучастие в убийстве будет значительно строже, чем за подделку старой иконы. Надеюсь, сами понимаете это...

— Не знакомился я с тем художником и ни в каких мокрухах не участвовал, — хмуро проговорил Сипенятин.

— И прописку в Новосибирске вам никто не обещал?

— Чего?..

Зазвонил телефон. Обычно спокойный Дымокуров возбужденно сообщил Бирюкову, что в срочном порядке закончены экспертизы.

— Что сличение обуви показало? — спросил Антон.

— След, обнаруженный под трупом Пряжкиной, оставлен кедом с правой ноги Зарванцева.

— А почерковеды что установили?

— Вместо Степнадзе деньги по переводам получал Зарванцев. Завершен и спектральный анализ. Пробы грунта, взятые с «Запорожца», и семена пырея, обнаруженные в зазорах подфарников, одинаковы с пробами грунта и растительности, которые мы привезли из Шелковичихи. Вывод: Зарванцев был на своей машине в том районе, где обнаружен труп Пряжкиной.

— Что фоторобот сработал? — спросил Антон.

— Могу принести вам снимок.

— Принесите, Аркадий Иванович.

Эксперт-криминалист вошел в кабинет и положил перед Антоном фотографию Зарванцева, одетого в железнодорожную форму:

— Вот смотрите...

Едва взглянув на снимок, Антон показал его Маковкиной:

— Чем не Реваз Давидович, а?..

— Очень заметное сходство, — удивленно проговорила Маковкина.

Антон поблагодарил Дымокурова и, подождав, пока Аркадий Иванович вышел из кабинета, передал фотоснимок Сипенятину:

— Узнаете художника?

Тот, оценивающе прищурясь, натянуто усмехнулся:

— Как волков флажками обложили.

— Вы что, думали, в бирюльки с вами играть будут?

— Кончаю, инспектор, игру — масть не та пошла. — Сипенятин разочарованно, словно битую карту, бросил фотоснимок на стол. — Он икону подкрашивал. И мокруху с дамочкой, что с балкона свалилась, тоже он сделал.

— Рассказывайте по порядку.

— Не было, гражданин инспектор, порядка. Сплошной беспорядок был... — Вася, нахмурясь, поморщился. — В общем, этот художник, как и пахан, тоже у меня на крючке сидел. Алик его зовут. Когда я вышел на волю — сразу к нему. Здравсьте, мол, пора платить по счету. Алик перетрусил, как самый последний фрайер. Жалобиться начал, дескать, заработков не стало. Кое-как полста рублишек мне наскреб и какую-то хиленькую иконку с распятым Христом сунул. Кому продал того Христа, я уже говорил, а рублишки в первый вечер с корешами истратил. Опять к Алику иду: «Где пахан?» — «В поездке». — «Когда приедет?» — «Через неделю». Надо дожидаться, а милиция за хвост взяла. Предписание: двадцать четыре часа — и чтоб духу моего в Новосибирске не было. Уехал в Тогучин, шоферить устроился. Заработок хороший, но я ж не привык за баранкой сидеть. К старым корешам потянуло. Решил проветриться. Приезжаю в Новосибирск, звоню пахану — никто не отвечает. Иду доить Алика — дверь на замке. У меня отмычка в кармане. Вхожу без задней мысли, чую, в комнате кто-то есть. Заглядываю краем глаза и... Алик с Фроськиной сеструхой в постельке нежатся. У меня аж сердце кольнуло — их же теперь за такое дело всю жизнь доить можно! «Здравсьте, голуби, — вежливо говорю. — Пахану рога ставите?» Нинка, конечно, тут же по-быстрому улизнула, а куда Алику деваться? Осушили с ним пару бутылок коньяка. Алик рукава жевать начал, на пахана попер — мол, жизнь старик ему переломал. Чую: хочет отдать мне свой «Запорожец», если я пришью пахана...

— Зарванцев предложил убить Степнадзе? — уточнил Антон.

— Ясное дело. «Дожился, — думаю, — мужик». И тут же кумекаю: как без мокрухи «Запорожца» поиметь?..

— Что племянник с дядей не поделили?

— Это у них спроси. Мне такое некогда было выяснять — «Запорожец» мне приглянулся. В общем, заночевал я у Алика. Утром похмелку сообразили. Спрашиваю: «Может, без мокрухи с паханом обойдемся? Пришить — легкое наказание, пырнул — душа в рай. Давай тоскливую жизнь пахану сделаем, устроим на пятерку лет за решетку». Алик головой закутил: «Если Реваза поса-

дить, имущество конфискуют. Нина без копейки останется». Кумекаю: «Вот щипач! Человека пришить — пустяк для него, а бабу без денег оставить жалко». Сивый не фрайер, соображаю: «Вот чего Алику надо: бабу и червонцы пахана!» Тут мне мысль стукнула... Когда последний срок отбывал, с торгашом одним в зоне познакомился. Башковитый мужик и, видать, с риском. Заворовался капитально, но решил из дела сухим выйти. Развелся помирному с женой, имущество ей оставил, а сам за покушение на изнасилование пять лет схлопотал. Пока срок отматывал, прежним корешам его по две пятилетки припаяли с конфискацией. Рассказал я этот случай Алику. Задумался он. Спрашиваю: «Как пахан по части женщин?» — «Раньше как муха на мед был. Теперь остепенился». — «Тогда в чем дело? Пусть вспомнит молодость! Найдем дешевочку, которая такую комедию разыгрывает, что сам папа-прокурор не разберется. Корешей в свидетели подберу таких, какие за поллитру маму родную в гроб вгонят. У тебя знакомая есть или мне подыскать?» Алику мысль приглянулась. Звонит в вокзальную парикмахерскую и зовет в гости вот эту... — Сипенятин показал на снимок Пряжкиной. — Люсей звать. Прибегает она, выпила с нами и на что хочешь готова. Дотолковались повернуть дело, как пахан из поездки вернется. Двадцать первого вечером приезжаю на Новосибирск-Главный. Алик с Люсей уже пасут старика, а тот с такой дамочкой базарит, аж во рту сладко... Спрашиваю Алика. «Кто такая?» — «Саней, — говорит, — зовут. Тоже зуб на Реваза имеет. Он из нее пять лет соки тянул». — «Тогда в чем дело? Потолкуй с ней, пусть отомстит пахану». Чую, глаза у Алика, как у голодного волка, засветились. Делом загорелся. По себе такое знаю. Отправили Люсю стрижкой-брижкой заниматься, а сами пахану с дамочкой на хвост сели. Довели их до хаты мужика, который мне пятерку за Христа должен. Земля, оказывается, тесная, гражданин инспектор... — Сипенятин вздохнул. — Дальше карусель началась. Пахан вскоре вышел из подъезда, Алик сразу — туда. Чо он толковал с дамочкой, не знаю. Чувствую, затягивает время, торопить надо. Поднимаюсь к знакомой двери, слышу, крупный разговор идет. Давлю звонок — замолчали. Толкаю дверь — открыта. Вхожу — сразу крик. Суюсь в комнату — дамочка рвется от Алика к открытой балконной двери и орет во всю мочь: «Будьте

вы прокляты!» Кидаюсь Алику на помощь, чтобы рот ей заткнуть, а она со всего маха — в балконную дверь! Я лишь за халат успел поймать, тот у меня в руках и остался. Мигом придавил ногой балконную дверь, чтобы с улицы в глаза не бросалось, откуда баба выпала. Кричу Алику: «Чо рот разинул?! Смываться надо, щипач колотый!» Сунул халат за холодильник, запнулся за портфель, который Алик для важности с собой таскал. Вижу, на столе раскрытая дамская сумка стоит, а в ней червонцы видны и голубая пряжа. Жалко оставлять. Сунул сумку к Алику в портфель и — дай бог ноги. Вот так, гражданин инспектор, было...

— Продолжайте, — сухо сказал Антон.

Сипенятин потупился, долго молчал.

— Чего продолжать... Дальше я кашу заварил. Алик в статьях кодекса как баран в Библии. Решил на пушку его взять, припугнуть: «Если баба разбилась насмерть, мы с тобой не в сорочках, а в костюмах родились, потому как свидетелей нет. Если же она даст показания да после этого коньки отбросит, то и «вышку» схлопотать можем». У Алика челюсть отвисла. «Звони, — говорю, — по больницам, узнавай: дышит баба или нет?» Алик мигом за телефон схватился, отыскал клинику, куда «Скорая» привезла потерпевшую. Оказывается, не насмерть она разбилась. Кумекаю: можно и на самом деле влипнуть! Тут ведь как следовательно дело повернет. Надо на всякий случай бабенку запугать, чтоб молчала, а доктора припугнуть, чтоб особо не лечил ее». Первое поручил Алику, второе на себя взял. Доктор оказался с виду хилым, а в душе не трус. Решил я из Новосибирска смываться, пока не поздно. Приехал к пахану за должком. Тот без звука отсчитал три тысячи и еще сотнягу по моей просьбе набавил за вредность отсидки. Червонцев у старика куры не клюют! И опять мысль стукнула: «Если пахановы деньги перейдут к Алику, они все мои будут, без риска — мои!» Встретился с Аликом, толкую: «Крышка нам. Надо пахана топить любыми путями. Хорошо, чтоб жена его помогла в таком деле». Алик в ответ: «Нина поможет, давно от старика избавиться хочет». — «Ну, Вася, — думаю про себя, — такую блатную компанию тебе сам бог подкинул! Бараном надо стать, чтоб подобных фрайеров не выдоить». Пока мы с Аликом программу разрабатывали, пахан по-быстрому опять в поездку укатил...

Бирюкову надоело слушать «цветную» Васину речь.
— Зачем хирурга к «Авроре» приглашали? — спросил он.

Сипенятин усмехнулся:

— Это Алик приглашал. Затемнил я ему, что доктор взятку просит. Хотел к пахановым деньгам еще тысячу выдоить, но Алик-куркуль зажался. Пришлось сказать, что из своих отдам, после, мол, расплатишься. Сам, конечно, к «Авроре» не пошел, скумекал: доктор туда без угрозыска не сунется.

— Овчинников со Звонковой и Пряжкина почему у кинотеатра оказались?

— Фросю с футболистом для заварухи пустили, а Люсю Алик по собственной дурости подсунул. Хотел, видишь ли, проверить: встречусь или нет я с доктором у «Авроры»?

— Кто управлял «Волгой», которая увезла Пряжкину от кинотеатра?

— Алик.

— Зарванцев в то время оперу слушал.

— Липа. Опера для алиби придумана. План наполеоновский был.

— Хотели на Реваза Давидовича все свалить?

— Ну.

Бирюков посмотрел Сипенятину в глаза.

— Допустим, вам удалось бы подтасовать факты против Степнадзе, но неужели вы верили в то, что Реваз Давидович не опровергнет их?

Вася хмуро потупился.

— Пахану не пришлось бы опровергать. В Омске я должен был отправить его на тот свет.

— Вот как! А о том подумали, что Степнадзе мог не прилететь по вашей телеграмме в Омск?

— Алик звонил туда. Узнал, что старик прилетел. Только я вовремя скумекал: если угроблю пахана, буду на крючке у Алика хлеще, чем он у меня.

— Как вы сумели зарегистрировать в аэропорту билет по чужому паспорту?

— Зарегистрировал Алик. Он, как наденет железнодорожную форму да виски белой краской подкрасит, — вылитый пахан.

— Где Зарванцев брал эту форму?

— У него пиджак и фуражка есть. И паспорт Реваза Алик где-то раздобыл.

— Как сумка потерпевшей оказалась у вашей матери?

— Не знаю. Наверно, одурел Алик от страха. — Сипенятин скрежетнул зубами и открыто посмотрел на Антона. — Когда после регистрации билета он на своем «Запорожце» укатил из аэропорта, мне чутье подсказывало, что этот фрайер наломает дров. Фроське наверняка он под моей маркой позвонил. Как-то я с его квартиры с зазубой говорил по телефону. Видать, усек мою привычку. По подделке голосов Алик — артист.

— Смерть Пряжкиной была «запланирована»?

— Нет. Люська должна была пахана топить.

Антон невесело усмехнулся:

— Дотопилась, что сама утонула.

— Алика работа. — Сипенятин посмотрел Антону в глаза и, видимо, решив, что ему не верят, взволнованно заговорил: — Гражданин инспектор, мне нет смысла теперь врать. От суда все равно не отвертеться, но я сяду только за свое, а за Пряжкину пусть Алик отсиживает, если ему «вышку» не припаяют. Не думай, что хочу чистым из дела выйти. Нет, кашу заварили вместе с Аликом, но кому сколько хлебать, пусть суд распределит.

— У кого вы жили в Новосибирске?

— Сначала у Алика. Помнишь, как ты первый раз к нему пришел? Алик в тот момент Люську ждал, потому, не задумываясь, тебе дверь открыл. Я в кухне тогда сидел. Когда вы с Аликом в комнате разговорились, шито-крыто ускользнул.

— После где обитали?

— У старых корешей. Их закладывать не буду. С этим делом никто из ребят не связан.

Многое надо было еще уточнять и уточнять в показаниях Сипенятина, но главное было достигнуто: он говорил правду. Об этом свидетельствовали не только приведенные Сипенятиным факты, но и весь его вид: усталый, граничащий с обреченностью.

В кабинет порывисто вошел Слава Голубев. Прямо от порога доложил:

— Реваз Давидович доставлен.

— Приглашай его сюда, — сказал Антон и сразу посмотрел на Сипенятина. — А вас прошу вести себя без фокусов.

На этот раз Степнадзе был одет не в железнодорожную форму с регалиями пассажирского проводника, а в новенький, словно с иголочки, чесучовый костюм желтоватого цвета. Вошел Реваз Давидович с таким сурово-решительным видом, что будто собирался строго отчитать Бирюкова за причиненное ему беспокойство, однако, увидев в кабинете мрачно насупившегося Сипенятина, так поспешно развернулся к двери, словно по ошибке попал в дамский туалет.

— Куда вы, Реваз Давидович? — остановил его Антон.

Степнадзе мгновенно замер и растерянно обернулся:

— Простите, дорогой, вы заняты...

— Мы вас ждем. — Антон показал на стул поодаль от Сипенятина. — Садитесь, пожалуйста.

Совладав с внезапной растерянностью, Степнадзе приосанился и сел на предложенное место. Вася Сипенятин уставился на него таким откровенно любопытным взглядом, с каким был запечатлен судебно-оперативным фотографом.

— Вам знаком этот гражданин? — показав на Сипенятина, спросил Бирюков.

Реваз Давидович впился взглядом в Васиные глаза. Почти полминуты они будто соревновались, кто кого переглядит.

— Здорово, пахан, — не вытерпел Вася.

Степнадзе тотчас повернулся к Бирюкову:

— Этот гражданин живет... или жил в соседстве с семьей моей жены.

— Вы с ним знакомы?

— Относительно.

— Он только что дал показания, что три года назад вы помогли ему продать за две тысячи поддельную икону, — спокойно проговорил Антон.

Реваз Давидович возмущенно побагровел:

— И вы поверили уголовнику?!

Сипенятин вскипел:

— Полегче насчет уголовного, пахан! А за что ты мне неделю назад три тысячи отвалил?.. За мои голубые глаза?!

На лице Реваза Давидовича не дрогнул ни один мус-

кул. Возмущение его стало проходить, и он, с улыбочкой глядя на Антона, размеренно сказал:

— Я ни копейки этому авантюристу не давал.

— Откуда же у меня три тысячи взялись?! — выкрикнул Вася.

Степнадзе очень спокойно повернулся к нему:

— Уголовный розыск разберется, кого ты ограбил.

— Ну, паха-а-а-ан... — ошарашенно протянул Вася и угрожающе рывкнул: — В одну зону попадем — пятки чесать мне будешь!

Бирюков вызвал конвойного. Сипенятин, без слов поняв, что в его услугах больше не нуждаются, поднялся. Проходя мимо Реваза Давидовича, с ядовитой ухмылкой посоветовал:

— Не плети тут сказки — больше срок себе намотаешь.

Степнадзе сунул правую руку под пиджак, словно у него внезапно схватило сердце, исподтишка взглянул на молчаливо слушающую Маковкину и, уставясь Антону в глаза, взволнованно заговорил:

— Не могу, дорогой, понять, что в последнее время вокруг меня происходит. Ничего не могу понять!

— Рано или поздно, Реваз Давидович, это должно было произойти, — сказал Антон.

— Клянусь, понимаете, никаких икон я не помогал продавать!

— Икона — увертюра, опера — в другом. — Бирюков показал бланк наложенного платежа. — Кто и за что прислал вам эти деньги?

На лице Степнадзе не появилось ни малейшего намека на растерянность или недоумение. Однако прежде, чем ответить, он внимательно посмотрел бланк и лишь после того, когда убедился, что там действительно его фамилия, ответил:

— Это, дорогой, я книги отправлял. Мне оплатили их стоимость.

— Отчего перевод поступил на адрес Зарванцева?

— Алик живет в моей старой квартире. Я привык к этому адресу.

Бирюков чуть подумал:

— Зарванцев говорит иное...

— Что именно? — подавшись вперед, спросил Степнадзе.

— Что вы занимаетесь книгами втайне от жены.

— Правильно! — словно обрадовался Реваз Давидович. — Постеснялся, понимаете, признаться в этом.

— На языке юристов такое «стеснение» называется ложным показанием, — строго проговорил Антон.

Степнадзе виновато улыбнулся:

— Прошу прощения, дорогой. В дальнейшем обещаю говорить правду и только правду, как этого обычно требует от свидетелей судья.

— Весь книгообмен вы проводите через Зарванцева?

— По его адресу, — уточнил Степнадзе.

Бирюков встретился с настороженным взглядом Реваза Давидовича:

— С санкции прокурора мы проверили в почтовом отделении поступающую на ваше имя корреспонденцию и установили, что по адресу Зарванцева вам идут одни лишь переводы наложенного платежа. За последние два месяца, например, вы получили двадцать три таких перевода. Вам не кажется, что это односторонний книгообмен?

— Не пойму, дорогой.

— Что ж тут не понять? Вы получаете приличный наложенный платеж, но сами ни одной книги не выкупили. Проще говоря, вам их не шлют.

— Было время, слали, когда заказывал.

— У вас сохранились квитанции?

Степнадзе непринужденно расхохотался:

— Дорогой, я никогда не предполагал, что буду объясняться по этому поводу в уголовном розыске. Книгообмен не преступление, а если вы хотите обвинить меня в спекуляции, то это еще надо доказать! — Лицо Степнадзе внезапно побагровело. — Я возмущен вашей фантазией!

— Возмущаться, Реваз Давидович, не стоит, — спокойно сказал Антон. — Я не предъявляю вам обвинения, а лишь выясняю возникшее подозрение. Как бывший юрист вы, вероятно, знаете, что ничего противозаконного в этом нет.

Степнадзе недоуменно дернул плечами:

— На чем основано ваше подозрение?

— На подлинных фактах. И не только проводимый вами книгообмен нас заинтересовал. Кто из родственников у вас работает в Сухумском пединституте?

— Нет у меня там родственников.

Антон передал Степнадзе телеграфные переводы из

Сухуми и Ростова. Наблюдая, как Реваз Давидович нахмуренно рассматривает их, заговорил:

— Перевод из Сухуми, очевидно, от женщины, с которой вы беседовали на пляже в Адлере и обещали через своего родственника протекцию ее дочери, поступающей в педагогический институт.

Степнадзе очень спокойно вернул переводы, посмотрел Антону в глаза и огорченно вздохнул:

— Вы очень большой фантазер. Это от молодости, с годами пройдет.

— Пока молод — попробую пофантазировать еще. — Бирюков протянул Степнадзе корешки переводов, полученных на Главпочтамте Зарванцевым. — Это что?..

Пересчитав их, Реваз Давидович с удивлением порассматривал почерк. Возвращая, твердо сказал:

— Не получал я этих переводов.

— Подделав почерк и подпись, их получил ваш племянник Альберт Евгеньевич Зарванцев по старому вашему паспорту.

— Этого не может быть.

Антон показал заключение почерковеда:

— Вот, ознакомьтесь.

Степнадзе, взяв дрогнувшей рукой бланк экспертизы, принялся его читать с таким видом, словно не верил своим глазам. Перечитав несколько раз, возвратил заключение Антону и тихо проговорил:

— Алик, Алик... Какой подлец Алик!..

Бирюков сразу же показал перевод, деньги по которому были получены Ревазом Давидовичем:

— А вот эти пятьсот рублей получили вы.

Реваз Давидович отрицательно покачал седой головой:

— Я ничего, дорогой, не получал.

— Есть тоже заключение почерковедческой экспертизы. Против нее возражать трудно, — сказал Антон, показывая другой бланк, официально заверенный экспертом-почерковедом.

Лицо Реваза Давидовича стало сразу сосредоточенным. Ознакомившись с заключением, он, словно считая, долго перебирал почтовые корешки, рассматривал их, недоуменно пожимал плечами. Наконец, возвратив все Антону, взволнованно заговорил:

— Ничего не могу понять! Как мой старый паспорт

оказался у Алика, если я потерял его год назад?! Как Алик мог по моему паспорту получить деньги, если он на тридцать лет младше меня?!

— Посмотрите на него, одетого в железнодорожную форму... — показывая фотографию Зарванцева, выполненную фотороботом, сказал Бирюков.

Впившись взглядом в снимок, Степнадзе нараспев протянул:

— Ка-а-ако-о-ой подле-е-ец...

— Хотите послушать, что Зарванцев говорит в своих показаниях?

— Хочу, дорогой, очень хочу!

Антон, нажав в столе кнопку, попросил дать воспроизведение магнитофонной записи допроса Зарванцева, затем — Сипенятина. Реваз Давидович слушал затаив дыхание. Казалось, кроме этой записи, сейчас его не интересует ничто на свете. Правда, иногда на его лице появлялась ухмылочка, иной раз он улыбался, но все это, как заметил Антон, было не настоящим, показным.

Вслед за записью Альберта Евгеньевича почти без перерыва пошла запись Сипенятина, рассказывающего о сговоре против Степнадзе. Реваз Давидович, сосредоточенно ловя каждое слово, будто окаменел. Теперь на его лице нельзя было заметить ни малейшего оттенка каких-либо чувств. Лишь один раз, когда Сипенятин сказал, что намеревался в Омске «отправить пахана на тот свет», Степнадзе коротко взглянул на Антона и сокрушенно покачал головой.

Поблагодарив через микрофон техников, транслировавших запись, Бирюков, обращаясь к Степнадзе, спросил:

— Как бывший юрист, вероятно, вы разгадали замысел своего племянника?

Реваз Давидович сунул руку под пиджак и, морщась, стал тереть ладонью левую половину груди — видимо, сердце у него пошаливало не на шутку. Пауза затягивалась, однако Бирюков не торопил. Наконец Степнадзе будто с облегчением вздохнул и заговорил:

— Признаться, дорогой, давно замечал связь Алика с Ниной, но не мог предполагать, что они не остановятся даже перед убийством. Какие подлые люди... Ох, какие подлые!..

— С ними мы разберемся, но сейчас давайте выясним ваше дело, — сказал Бирюков.

— Простите, дорогой, не понял...

— Что ж тут не понять?.. — Антон показал переводы, полученные на «до востребования». — Таких денег, как говорит Сипенятин, за красивые глаза не присылают. Это взятки за протекции поступающим в вузы. Мы только начали проверку и уже столько обнаружили. А если поищем месяц, два?..

Степнадзе как воды в рот набрал, и Бирюков вынужден был продолжить:

— Я вовсе не случайно раскрыл перед вами тайну следственного портфеля. Ваша юридическая практика должна вам подсказать, что улики против вас очень веские и дальнейшее раскрытие преступления зависит только от времени. Сумма полученных взяток, по всей вероятности, будет очень крупной, и вы без моей подсказки должны представлять величину ответственности...

— Это не взятки. Я никому никаких протекций не оказывал, — вдруг перебил Степнадзе. — Деньги слали сумасшедшие люди. Дураки, понимаете, слали!

— Что-то многовато сумасшедших получается, — недоверчиво сказал Бирюков.

— Их сотни! Тысячи!

— И все шлют вам деньги?

Реваз Давидович колебался всего несколько секунд.

— Всех дураков охватить невозможно, — с усмешкой сказал он. — Понимаете, я не оказывал протекций, я только обещал их.

— За что же вам платили?

— За обещания... — Увидев на лице Бирюкова недоверчивую улыбку, Степнадзе наигранно расхохотался, но тут же заговорил. — Трудно в это поверить, но, чтобы вы не тратили сил впустую, скажу: я не взяточник. Мои действия можно квалифицировать как мошенничество. Да, да! Статья сто сорок седьмая Уголовного кодекса РСФСР. В поездках, на пляжах, в институтах и университетах я знакомился с родителями абитуриентов, оставлял им свой адрес и обещал протекцию, но не делал ничего! У меня нет влиятельных ни родственников, ни знакомых, но я помню фамилии, имена и отчества ректоров почти всех вузов, знаю множество фамилий деканов и председателей приемных комиссий. Никто из них ни разу не видел меня в глаза, тем не менее они были моими «знакомыми»... Из ста абитуриентов, будет вам известно, шестьдесят-семьдесят, как правило, успешно сдают

приемные экзамены. Им не надо протекций, но сердобольные мамы и папы, переговорив со мной, считали, что зачисление в вуз не обошлось без моего участия, и на радостях слали деньги...

— Почему большинство переводов получал ваш племянник? — спросил Антон.

Степнадзе возмущенно побагровел:

— Алик подлец! Украв мой паспорт, он получал деньги, которые должен был получать я. Мне давно казалось подозрительным: почему «поумнели» родители? И только теперь стало видно, что Алик опережал меня на Главпочтамте.

— Откуда Зарванцев об этих деньгах знал?

— Он и Нина помогали мне искать доверчивых родителей. Алик за это получал свою долю — двадцать пять процентов.

— С таким же успехом Зарванцев мог оказывать «протекции» от своего имени.

— У него не хватает смелости назвать свое имя. Алик — трус. Понимаете? Он только исподтишка может греть руки. И я не позволю, чтобы такое ничтожество воспользовалось моим имуществом! Я оставлю Нину без копеечки!.. Вы прямо сейчас меня арестуете?

— Чтобы не помешали дальнейшему расследованию, к сожалению, придется заключить вас под стражу именно сейчас.

— Так я и предполагал, когда за мной в Шелковичиху приехала милицейская машина. — Степнадзе порывисто выхватил из кармана бумажник, дрожащей рукой вынул из него сберегательную книжку и решительно протянул ее Антону. — Вот, дорогой, прошу оформить, как полагается по закону. Семь тысяч, хранящиеся на этом счету, мною заработаны честно на Крайнем Севере. Когда отбуду наказание, мне их хватит, чтобы дожить старость. Все остальное подлежит конфискации. Кооперативная квартира, дача, «Волга» — все!.. Это нетрудовыми доходами нажито. Понимаете? Нетрудовыми!.. — И, зажмурясь, покачал головой. — Ох, Нино, Нино, Нино, Нино! Ох, Алик, Алик!.. Ох, какие подлецы!..

— Реваз Давидович, — прерывая эмоции Степнадзе, сказал Бирюков, — у меня к вам еще два вопроса...

— Пожалуйста, дорогой.

— Почему при разговоре с вами в квартире Деменского Холодова так много курила?

— Я прошлый раз говорил, Саня нервничала.

— Отчего?

На лице Реваза Давидовича появилась болезненная гримаса.

— Мне не хотелось, чтобы Холодова бросала заведение книжным магазином в Челябинске, и я солгал ей, будто у Юры есть другая женщина. Только прошу учесть, я не угрожал Сане, не запугивал прошлым. Мы мирно расстались. Саня на пляж хотела ехать... — И, опять зажмурясь, закачал головой. — Ох, Алик, Алик!.. Что же ты наделал, подлец Алик!..

— Вопрос второй... — Бирюков, формулируя мысль, чуть задумался. — Реваз Давидович, скажите откровенно, что побудило вас стать на нечестный путь?

Степнадзе, уставясь в окно невидящим взглядом, долго молчал. На его скулах время от времени вздувались крупные желваки. Наконец он повернулся к Антону и с натянутой усмешечкой заговорил:

— Привык, понимаете, не отказывать себе в земных радостях. На Крайнем Севере я имел по тысяче рублей в месяц. Когда уехал оттуда, заработок снизился до трехсот рублей, а с уходом на пенсию стало и того меньше. Пришлось искать дополнительные источники, играть по-крупному, так как от мелких ставок ждать крупного выигрыша — прожектерство.

— А вам не кажется, что, делая ставку на спекуляцию книгами и мошенничество, вы заведомо ставили на проигрыш?

Реваз Давидович вяло усмехнулся:

— Что поделаешь, дорогой...

Бирюков вызвал конвоира и стал заполнять протокол о задержании Степнадзе. Спокойно ознакомившись с содержанием протокола, Реваз Давидович без подсказки расписался в нужном месте и, поклонившись Антону, в сопровождении конвоира молча вышел из кабинета. Бирюков посмотрел на Маковкину:

— Вот так, Наталья Михайловна, получается. Теперь надо нам опровергнуть алиби Зарванцева в отношении его «культпохода» в оперный театр.

— Как это сделать?

— Попробуем обратиться за помощью к общественности, — поднимаясь из-за стола, сказал Антон.

Некоторые новосибирцы, смотревшие в один из воскресных вечеров телевизионную передачу, вероятно, по-

мнят, как в антракте перед программой «Время» на экране внезапно появился спокойный молодой парень в форме капитана милиции и без всякой шпаргалки обратился к телезрителям:

— Дорогие товарищи. Управление внутренних дел убедительно просит тех из вас, кто в прошедший вторник был на вечернем представлении в оперном театре и сидел поблизости от двадцать первого места в тридцатом ряду, срочно позвонить по телефону ноль два.

Капитан сделал паузу, еще раз повторил просьбу и, поблагодарив за внимание, исчез с экрана.

Необычное выступление сотрудника милиции вызвало у телезрителей оживление. Начались предположения и догадки. Никто из «гадавших», конечно, не знал, что уже через двадцать минут дежурная часть УВД зафиксировала шестьдесят четыре телефонных звонка. Пятеро из звонивших, назвав свои адреса, на вопрос дежурного уверенно заявили, что двадцать первое место в тридцатом ряду с начала и до конца представления в прошедший вторник пустовало.

Альберт Евгеньевич Зарванцев был арестован ровно через час после того, как Антон Бирюков уехал из телестудии.

Глава

XXXII

Процессуальный закон обязывает допросить подозреваемого немедленно, а если это невозможно, то не позднее двадцати четырех часов с момента задержания. В присутствии Бирюкова Маковкина допрашивала Зарванцева утром следующего дня, так как, узнав об аресте, Альберт Евгеньевич впал в такую депрессию, что разговаривать с ним было бесполезно. К утру он пришел в себя, но ударился в другую крайность: настолько стал болтливым, что Маковкиной пришлось проявить большое терпение, чтобы из пустого многословия выявить существенное.

Допрос продолжался почти пять часов. Трусливый, слабовольный Зарванцев, стараясь чистосердечным рассказом облегчить свою участь, не щадил ни себя, ни других. Поначалу он долго, с ненужными подробностями рассказывал биографию, затем стал жаловаться, как дурно влиял на него живущий не по средствам дядя и

как в конце концов он сам соблазнился «шальными заработками».

— Что больше давало дохода — спекуляция книгами или «протекции»? — спросила Маковкина.

— «Протекции» — дело сезонное, а на книгах Реваз зарабатывал круглый год, — угодливо ответил Зарванцев.

— Где Степнадзе брал книги?

— Больше четырех лет его снабжала дефицитными изданиями Холодова. По моим подсчетам, на книгах, присланных Саней, Реваз получил прибыли не меньше двадцати тысяч. Но это капля в море. У дяди много знакомых продавцов в Адлере, Ростове, Омске, в Ташкенте, в Алма-Ате... Да и здесь, в Новосибирске, во многих книжных магазинах ему оставляют дефицитные книги.

— Сами вы занимались книжной спекуляцией?

Зарванцев опустил глаза:

— Лишь старую Библию продал Деменскому за сто пятьдесят рублей, купив ее у Сипенятина за десятку.

Маковкина показала бланки наложенного платежа и корешки денежных переводов на «до востребования».

— Почему вы не получили деньги ни по одному наложенному платежу, а предпочитали получать вместо Степнадзе переводы на Главпочтамте, идущие за «протекции»? Там суммы были крупнее?..

— Нет. Наложенный платеж шел по моему адресу, и получать его надо было в почтовом отделении, где меня знают в лицо. Кроме того, каждую отправленную книгу Реваз держал на контроле, и, если бы я получил перевод, он заметил бы это. С деньгами за «протекции» было проще. Дядя ведь не знал, кто его отблагодарит, да и девушки, выдающие переводы на Главпочтамте, постоянно меняются, не запоминают клиентов.

— Многие из тех, кому обещали «протекцию», присылали деньги?

— Больше половины. В прошлом году, например, Реваз получил пятьдесят девять переводов.

— Все по пятьсот рублей?

— Кажется, два было по четыреста и пять или шесть по триста. Южане, как правило, слали по пятьсот.

— Сколько получили вместо Реваза Давидовича?

— Я только нынче начал получать.

Маковкина показала старый паспорт и водительское удостоверение Степнадзе:

— Но вот эти документы были у вас с весны прошлого года...

Зарванцев угодливо кивнул:

— Да, я унес их с дачи Реваза вместе с форменным пиджаком. Однако в прошлом году смелости не хватило.

Маковкина перевела разговор к происшествию с Холодовой. Альберт Евгеньевич, поминутно сбиваясь, подтвердил показания Сипенятина. Когда он замолчал, оставалось сделать лишь некоторые уточнения.

— Что Холодова хотела написать в своем заявлении прокурору? — перехватив ускользающий взгляд Зарванцева, спросила Маковкина.

Зарванцев низко наклонил голову:

— Я рассказал Сане, что знаю о ее прошлой сделке с Ревазом, и предложил отомстить старику. Саня поблуднела, нашла лист бумаги, села за кухонный стол и начала что-то писать. Потом вдруг сказала: «Сейчас напишу прокурору всю правду о себе и добавлю, какую гадость вы предлагаете». Я выхватил у нее бумагу. Она переломила ручку и выскочила в комнату. Я — за ней. Тут ворвался Сипенятин...

— Зачем сумку Холодовой ему подбросили?

— В аэропорту Вася странно себя вел. Показалось, что он хочет выдать меня уголовному розыску. Я от страха решил опередить его.

— Что стирали разбавителем с сумки?

— Краску. В моем портфеле лежали тюбики с масляной краской. Когда Сипенятин в квартире Деменского сунул в портфель сумку, она измазалась об них.

Маковкина помолчала:

— Профессионально сработали, ни одного своего отпечатка на сумке не оставили.

— Через носовой платок ее брал.

— Фросю Звонкову зачем к Марии Анисимовне приглашали?

— Сипенятин учил, что в таких делах надо больше путать, вот я и запутался.

— Куда бензин из «Волги» Степнадзе исчез?

— Нина позабыла заправить машину и с перепугу стала говорить что попало. — Зарванцев уткнулся лицом в ладони. — Вообще это кошмар какой-то...

— Пряжку специально привезли в Шелковичиху, чтобы поставить под подозрение Реваза Давидовича?

— Да. Люся, выпив чуть не всю бутылку водки, как всегда, закатила истерику. Кое-как успокоив ее, я предложил на спор — на коньяк переплыть туда и обратно Иню. Люся разделась, подошла к реке и упала лицом в воду. Я за шею ее... Она почти не сопротивлялась...

— Спор завели в расчете, что Пряжкина сама утонет?

— Да. Люся многое знала, и я боялся, что она расскажет.

Молчавший на протяжении всего допроса Бирюков внезапно спросил:

— Что она могла рассказать?

— Как я хотел свою вину на Реваза свалить. Сипенятин говорил, что на основании сто седьмой статьи Уголовного кодекса меня за случай с Холодовой могут приговорить к высшей мере наказания.

Бирюков осуждающе посмотрел на Зарванцева.

— Нашли юридического консультанта. Вася и не такие страсти мог наговорить. В ваших действиях по отношению к Холодовой не было состава преступления, предусмотренного сто седьмой статьей УК РСФСР. Иными словами, вы утопили Пряжкину, пытаясь скрыть несуществующее преступление.

— Как... Как же так?.. Вы сами в разговоре со мною упоминали эту статью...

— Тогда я еще не знал всех обстоятельств происшедшего.

Зарванцев уставился на Антона остекленевшими глазами. Несколько раз он судорожно сглотнул слюну и вдруг, уткнувшись лицом в ладони, истерично разрыдался.

Маковкина, закончив оформление протокола, вызвала конвойного. Перед уходом Альберт Евгеньевич заискивающе обратился к Бирюкову:

— Что мне будет?

— Суд решит, чего вы заслуживаете, — ответил Антон.

Вскоре в кабинет вошел Слава Голубев. Положив на край стола корешки почтовых переводов, он скороговоркой выпалил:

— Вот еще на Главпочтамте отыскал, а вот эти... — Слава достал из кармана три переводных извещения. — Свеженькие, сегодня утром поступили.

Бирюков, медленно перебирая корешки, проговорил:

— Фирма «Степнадзе и компания» делает последние вздохи.

Зазвонил коммутаторный телефон. Голубев, быстро протянув руку к аппарату, ответил. Дважды повторив по-уставному «Есть!», положил трубку и сказал Антону:

— Тебя — срочно к генералу. С переводами Степнадзе.

Бирюков, обмениваясь с Маковкиной впечатлением от только что закончившегося допроса, неторопливо собрал переводные корешки.

Вернулся он через полчаса, когда Маковкина уже ушла и в кабинете находился один Голубев.

— Ну что?.. — нетерпеливо спросил Слава.

— Приказано дело Степнадзе выделить в отдельное производство. ОБХСС будет им заниматься.

— Хватились, когда преступление раскрыто!

— По этому преступлению, Слава, еще очень много работы... — Антон помолчал. — Кстати, твою поездку в Adler генерал оценил на «отлично».

— Дружинник Пашков мне там крепко помог, — быстро проговорил Голубев и словно вспомнил: — Да, Антон, пока ты был у генерала, отец Холодовой звонил. Сильно переживает смерть дочери. Говорит, подробностей не надо, скажите лишь: «Саня виновна?..» На свой риск я сказал, что нет.

— Правильно сказал.

Бирюков подошел к окну. Несмотря на веселый, солнечный день, настроение было тягостное. Перед глазами как наяву стояло бледное, заискивающее лицо Зарванцева, а в ушах, будто на заевшей пластинке, навязчиво крутился один и тот же вопрос: «Что мне будет?» На какой-то миг в зрительной памяти мелькнул губастый Вася Сипенятин с засохшей ссадиной на подбородке, но его тут же отеснил представительный седовласый Реваз Давидович Степнадзе, подписывающий протокол о своем задержании.

Антон распахнул форточку. Ворвавшийся в кабинет ветер взъерошил листки настольного календаря и, словно устыдившись своей шаловливости, мигом утих.

СОДЕРЖАНИЕ

КУХТЕРИНСКИЕ БРИЛЛИАНТЫ

5

СТАВКА НА ПРОИГРЫШ

141

Черненко М. Я.
Ч-49 Ставка на проигрыш. — М.: Мол. гвардия,
1980. — 335 с., ил. — (Стрела).

1 р. 30 к. 100 000 экз.

В книгу вошли две остросюжетные повести — «Кухтеринские бриллианты» и «Ставка на проигрыш», объединенные одним главным героем — старшим инспектором уголовного розыска Антоном Бирюковым. В них рассказывается о трудной работе уголовного розыска и прокуратуры, ведущих непримиримую борьбу с правонарушителями.

**ББК 84Р7
Р2**

Ч 70302—163
078(02)—80 Без объявл. 4702010200

ИБ № 2392

Михаил Яковлевич Черненко

СТАВКА НА ПРОИГРЫШ

Редактор Н. Пригулина
Художник Г. Новожилов
Художественный редактор Б. Федотов
Технические редакторы Р. Сиголаева, Г. Прохорова
Корректоры Т. Пескова, В. Авдеева

Сдано в набор 29.01.80. Подписано в печать 17.06.80. А01605.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 17,64. Учетно-
изд. л. 18,4. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 30 к. Заказ 2405.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 30 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ